

love_sf
network_literature

Ольга
Вадимовна
Гусейнова

Счастье на снежных крыльях!

Не люби по дружбе! Иначе может так случиться, что в самый важный момент выбор окажется не в твою пользу! И вот ты уже в другом мире, где опасность за каждым камнем, да и ты сама пусть и белая и пушистая, но руками посторонним лучше не трогать! Остается лишь надеяться, что среди белоснежных вершин и холода, твое горячее сердце оценит прекрасный принц. Даже если принцев в этом мире не бывает, главное верить в сказку, а чудеса иногда случаются!

ru

Гусейнова
Ольга

calibre 2.77.0, FictionBook Editor Release 2.6.7
15.8.2019
6ffb2604-faa7-4489-91d2-a-99-9-9-9-810cd1
1.0

2019

Гусейнова Ольга

Счастье на снежных крыльях!

Посвящение

Просто не знаю, кто я сейчас такая. Нет, я, конечно, примерно знаю, кто такая я была утром, когда встала, но с тех пор я все время то такая, то сякая — словом, какая-то не такая.

Л.Кэррол, «Алиса в Стране чудес»

Дорогие мои читатели, надеюсь, книга вам понравится! Хочу выразить огромную благодарность сразу несколькими моим помощникам, без которых этот роман, скорее всего, не вышел бы именно таким полным и, надеюсь, интересным. Я благодарю Бога за то, что у меня есть моя сестренка Юлия, которая с удовольствием читает мои сказки и тем самым, подкидывает дровишек моему вдохновению, заставляя гореть творческий костер еще ярче. Я не могу не выразить признания самой замечательной и преданной помощнице Вере Борисковой. Она делает мои сказки еще лучше.

Я благодарна админам в ВК: Ирине Перхиной, Ирине Стратулат, Оле Сахаровой и Светлане Гарагуле, благодаря которым читатели узнают о моем творчестве и присоединяются ко мне в путешествиях по другим мирам.

Подругам и прекрасным авторам Алене Медведевой и Наталье Косухиной — за поддержку и советы.

И просто невообразимо огромную благодарность я испытываю к своим читателям! Спасибо вам, что читаете, покупаете и столько лет поддерживаете мое творчество и меня лично! Вы — мое главное вдохновение!

С уважением и любовью, ваша Гусейнова Ольга

Глава 1

Кольцо-купол-запаска-осмотрелись-уселись

Впереди показалось здание старого аэроклуба, в который несколько лет назад инвесторы вдохнули новую жизнь: отремонтировали, утеплили, перекрыли крышу. Ведь людям хочется летать и они согласны за это платить. Чуть дальше высятся ангары, за которыми раскинулся аэродром. Помимо планеров, двух тренировочных Ан-2, вылета дожидается чешский Турболет. На сегодня мы забронировали этот борт, а я бессовестно опаздываю. Мерседес плавно замер на парковке, и личный охранник Володя поспешил открыть мне дверь. Забрал у водителя мой рюкзак с вещами, ранец с парашютом и проводил в клуб. Поторапливаясь в раздевалку, я с улыбкой приветствовала всех знакомых, пока не увидела в небольшом кафе пару. Крепкого молодого bruneta и яркую блондинку, которых знаю слишком хорошо, чтобы не отметить очевидное: они слишком заинтересованно смотрят друг на друга. И интерес этот, как бы мне не хотелось, — не деловой и даже не дружеский. Мужчина с четким благородным профилем еще не заметил меня. Но я и так знакома с каждой черточкой его лица: высокими скулами, глубокими черными глазами, прямым римским носом. Тщательно причесанные, коротко стриженные волосы — работа отличного мастера. Сейчас его вниманием полностью завладела другая, а еще совсем недавно этот brunet с полными глазами смотрел на меня с теплой, добродушной улыбкой, освещавшей его мужественное лицо. Обожаемое лицо Игоря Лесина — моего друга юности, сокурсника и единственного мужчины, которого я захотела и пустила в свою душу, сердце и постель. Как оказалось — зря!

Одно дело — чувствовать и догадываться, что наши с Игорем отношения дали трещину, другое — собственными глазами видеть, как подруга Маша вешается на него. Мой мужчина, оказывается, теперь ей дарит ласковые улыбки, держа ее руки в своих ладонях. Больно, грустно и как-то пусто стало на душе от осознания предательства двух близких друзей. А ведь я не дура и могла бы их понять, если бы мне просто сказали, признались. Простила бы со временем, может быть.

Игорь почувствовал взгляд и обернулся. Я растянула губы в улыбке, приветственно махнув ему рукой. Вываливать свои чувства на публику не привыкла, поэтому легкой походкой

пошла дальше, в раздевалку. Володю — охранника, несущего мой ранец с парашютом, — попросила уточнить у Игоря и Маши, готовы ли их ранцы. А сама раздумывала: может дать им шанс — самим рассказать о романе за моей спиной? Поступить порядочно. И в тоже время опасалась, что Игорь не решится поставить сейчас финальную точку в наших отношениях — его карьера стремительно идет в гору, благодаря моему отцу.

В раздевалке не оказалась никого из парашютистов и инструкторов. Все, наверное, уже были готовы, осталась только я, опоздавшая. Впрочем, сегодня мы втроем летим — хорошо иметь приличный счет в банке и ни в чем себе не отказывать. Я вытащила костюм любимого ярко-оранжевого цвета с белыми вставками, очки в тон и мягкий текстильный шлем, затем надела удобные оранжевые кроссовки. Вместо того, чтобы, как обычно, взять берцы, утром словно черт дернул «прифасониться», как бабушка шутила. Ранец с парашютом, который я оставила у Володи, тоже апельсинового цвета. В общем, я сегодня очень яркая и заметная.

Именно из-за Игоря — экстремала, любителя пощекотать себе нервы — к двадцати пяти годам я попробовала многое: ездила верхом, ходила в горы, прыгала с тарзанки, носилась на байке, а последнюю пару лет «увлекалась» парашютным спортом. Хотя тайно ненавижу летать, мотоциклы, от тарзанки меня вообще тошнит, лошади порой пугают до икоты, но любовь зла, заставит обрести крылья, даже если не хочешь. И вот теперь мы с Лесиным активно занимаемся групповой акробатикой или фристайлом.

О том, что Игорь заинтересовался белокурой «принцессой» Марией, я поняла, когда он пригласил ее на гонки на байках. А потом и к другим нашим совместным развлечениям начал приобщать. Сегодня Игорь решил, что Маша перейдет на новую ступень: мы будем пробовать составить в небе фигуру и удерживать ее как можно дольше. Проще говоря, на первый раз схватимся руками и продержимся хотя бы несколько секунд. Сам Игорь прыгнет в качестве оператора.

Рассеянно глядя на опустевшую сумку, я неожиданно решила: сегодня прыгну послед... крайний раз. Попрощаюсь с небом и чужими увлечениями. Пора искать свои, по душе и нервам! Потом замерла у зеркала, придирчиво разглядывая себя — высокую, стройную девушку с округлыми бедрами, длинными ногами и полной грудью, в ярком облегающем костюме для парашютной акробатики. Узкое пыльное зеркало отразило мои редкого фиалкового цвета глаза; чистую золотистую кожу; от природы пухлые чувственные губы.

Небольшой подбородок выдает мягкий характер. Шлем скрыл высокий лоб и тщательно зачесанные в низкий хвост натурального, пепельного, цвета волосы. У меня шикарная внешность, но при этом ни тени эмоций на лице, будто из мрамора вырезанном, — холодная северная красота уроженок норвежских фьордов, откуда моя мать родом. Сколько помню, отец любит окружать себя красивыми вещами, жаль, что и к женщинам он относится как к вещам, и, по-моему, плохо разбирается в них. Мою маму — неотразимую Солвейг Хелле — отец встретил на одной из международных выставок, работала она там промо моделью. Солли, как он, в зависимости от обстоятельств, называет ее либо с презрительной насмешкой, либо грустной улыбкой, поразила его с первого взгляда именно своей ледяной красотой. А еще, видимо, европейским гражданством прельстила и фамилией, поскольку первым делом свою родовую мой будущий папа, Михаил Шмырь, заменил на показавшуюся ему более благозвучной и подходящей — Хелле.

Тем не менее, спустя пару лет бывший Шмырь понял, что модель мирового уровня не согласится бросить карьеру ради русского бизнесмена, на тот момент не слишком богатого и малоизвестного, чем ранее хвалился. После моего рождения Солли продержалась в роли домохозяйки и мамочки почти год, который ей потребовался для возвращения прежней формы. С тех пор я видела маму вживую от случая к случаю. За короткие визиты та успевала приобщить меня лишь к трендам нового модного сезона, в чем разбиралась гораздо больше, чем в родительских обязанностях. На материнскую любовь и ласку времени уже не оставалось.

А отец создавал свою строительную империю. Красивая фамилия Хелле значилась на многомиллионных контрактах, упоминалась в СМИ, мелькала на рекламных баннерах. Папу я видела по выходным. Это, конечно, случалось гораздо чаще, чем встречи с блистательной мамой, но тоже маловато, чтобы прочувствовать родительское тепло и любовь в полной мере. Самой близкой и родной для меня стала бабушка Лена, папина

мама, вот она-то за всю семью одалжила меня заботой, лаской и любовью, поделилась мудростью прожитых лет. Потомок русской интеллигенции в энном колене, Елена Петровна, в отличие от сына, гордилась фамилией Шмырь, которую получила от мужа — хорошего, сильного, благородного офицера, к прискорбию, давно погибшего. Со временем у нас в доме появилась прислуга, охрана, бывали адвокаты, нотариусы, прочие доверенные лица. Менялись отцовские жены, одна краше другой. Теперь я точно знаю, в какую сумму обходится развод, если брачный контракт составлен криворуким юристом. Моя мама и вторая папина супруга, по словам бабули, чуть не оставили его без штанов. Папа же вынес очередной жизненный урок: известные актрисы и модели — слишком дорогое удовольствие, которое можно себе позволить исключительно при участии хорошего юриста и ловкого адвоката.

Как ни удивительно, папа себе не изменял — с редким постоянством брал в жены симпатичных длинноногих блондинок, весьма и весьма заботившихся о своей внешности. И поскольку они тщательно берегли фигуру, других наследников корпорации Хелле до сих пор не появилось. Было время, я даже пыталась убедить очередную мачеху, что дети — цветы и гарантия безбедной жизни, а не обуза и угроза красоте. Но, увы, когда «мамочки» доходили до этой мудрости собственным умом, бракоразводный процесс подходил к завершению. И бывшие мачехи, образно выражаясь, оставались на бобах — уходили с тем, с чем приходили к нам в дом.

А я оставалась наедине с навязчивой идеей отца, твердо намеренного сделать из меня преемника. Ну или, на худой конец, вдолбить мне основы бизнеса и финансов, чтобы я нажитое его непосильным трудом не потеряла. А я, как и бабушка, любила театр и оперу. Кроме того, трое из восьми бывших официальных папиных жен оказались хорошими актрисами и разделяли мою любовь к прекрасному и высокому...

— Привет, снежинка! — Я вздрогнула от неожиданно раздавшегося громкого приветствия. Обернулась к одному из тренеров клуба, ярко-рыжей и очень доброй Зое, с которой решилась прыгнуть в первый раз, и от души улыбнулась:

— Привет, солнышко! Рада видеть тебя!

— Смотрю, Игорь решил приобщить к спорту нашу Мэрилин Монро? — с понимающей грустной улыбкой спросила она, автоматически осматривая мое снаряжение.

— Да, Мария у нас девушка видная, — хихикнула я, оценив юмор.

Хорошенькая подруга действительно похожа на знаменитую актрису и, кто бы сомневался, всячески демонстрирует сходство с гремевшей когда-то мировой суперзвездой. Вместо того, чтобы сгонять лишние килограммы, Маша подчеркивает фигуру «песочные часы». Даже не помню, когда видела ее без стрелок на веках и ярко-красной помады, плюс светлые крашенные волосы а ля секс-символ пятидесятих годов прошлого века, но с поправкой на двухтысячные.

— Если честно, я удивилась, когда Игорь привел ее сюда, — призналась Зоя. — Да еще на акробатику... с такой-то фигурой.

— Машка гибкая, не переживай, справится. Она все схватывает на лету, — не смогла я пропустить шпильку в адрес подруги... бывшей. И настроилась на деловой тон: — Уверена, у нас сегодня все получится.

— Ну смотрите сами, — покачала головой Зоя. — Вылет уже запросили, все готово. Там твоя охрана уже их в кучу собрала, караулит ранцы. Игорь правда в туалет отошел...

— Спасибо, — поблагодарила я и поспешила из раздевалки.

Чем раньше прыгнем, тем лучше. А то потом другие группы полетят, придется ловить «окно».

Маша — подруга детства, дочь профессора и юной хорошенькой студентки, ставшей его второй женой. Сначала мы ходили в один частный детский сад, потом в школу, но, когда Машин отец, с которым, к несчастью, случился инсульт, из-за немогности больше не смог работать, мало того, нуждался в дорогостоящем уходе и лечении, ее жизнь круто изменилась. Из маленькой папиной принцессы, которой много дозволялось, она превратилась в золушку. Золушку, абсолютно не готовую чистить чужие каминьы, а желающую срочно найти принца, чтобы с его помощью решать насущные проблемы. Идея далеко не новая, но хорошо известно, что свободных принцев мало и на всех их не хватает.

Мы долгое время не виделись, но год назад Маша меня сама нашла и началась у нас активная «дружба». Потом она узнала, что мой отец твердо намерен сделать Игоря Лесина, моего жениха и по-настоящему умного и дельного мужчину, своим преемником. Более того, двигает его в совет директоров. Как говорится, если любимая и единственная доченька рогами упирается, избегая подобной участи, значит нужно запустить план «Б». Ведь Игорь — будущий родственник. Возможно.

Справедливости ради, Машка не подлый человек. Просто она считает: все в жизни происходит, устроено, делается для нее любимой. Друзья- подруги, подарки и прочие блага обязаны появляться в ее жизни, ведь она этого заслуживает. Я уверена, что она считает Игоря законной добычей, а мои чувства и мысли... Зачем, если у меня и так все есть? А ей нужнее.

Свою группу я обнаружила на улице. Маша сидела на моем ранце, блистая в белоснежном костюме, который отлично смотрелся с ее белыми, скорее всего безжизненными волосами, и выглядела настоящей принцессой. Глядя на эту эффектную голубоглазую блондинку, я подумала, что мой отец и Игорь похожи как отец и сын. Отличные предприниматели, предпочитающие определенный тип женщин.

Зря Маша считает, что ее семейная жизнь с Игорем будет долгой и обеспеченной. Отец женат в девятый раз и, уверена, не последний... А мой бывший жених умеет учиться на чужих ошибках и имеет отличного адвоката, так что будущая-бывшая жена вряд ли отхватит большие отступные. Но проводить разъяснительную беседу с Машкой не хочу, всепрощением не страдаю. Да и вряд ли она поверит. Скорее, решит, что я посягаю на ее «заслуженное» счастье из ревности и обиды.

— Привет, прости, немного задержалась на работе, — обратилась я с натянутой улыбкой к Маше.

— Ничего страшного, Кайя, мы хорошо посидели с Игорешей, пока ждали тебя, — прощбетала она безмятежно, поерзав на моем рюкзаке, словно ей мешало что-то под наглым толстым задом.

— А где твой ранец? — не смогла я скрыть недовольства посиделками на моем парашюте. И почему мой охранник выпустил из рук доверенный ему рюкзак? В этот момент подошел Володя и протянул ей ярко-голубой ранец:

— Вот, Мария Павловна, мы заменили на новый. Все в порядке, ребята в клубе проверили.

— Что случилось с прежним? — удивилась я, посмотрев на напряженного охранника.

— Представляешь, там в одном месте крепление лямки отошло. Как это случилось — не могу понять! — развела руками Маша. — Спасибо твоему охраннику: заметил и быстро вопрос решил.

Свой парашют я всегда собирала и проверяла сама. Только сегодня, расстроившись, доверила нести его Володе, а он, бегая с чужим ранцем, оставил сторожить мой Машке. Потом наедине выскажу ему за это, а то руки чесались проверить укладку. Но тут пришел Игорь и сообщил, что борт готов и нам дали добро на взлет. Времени в обрез. Думать и заострять внимание на том, что он первым делом помог надеть ранец Маше, а потом мне, с едва заметной виноватой улыбкой пожав плечо, не стала. Все, переживу и эту потерю. Сколько их было в моей жизни? Привыкла. Затем взлет. Я сидела напротив них и ждала выхода, привычно нервничая. Правда еще почему-то зудела спина, заставляя ерзать и дергать лопатками. Вот точно, сегодня в последний, ой, крайний раз. Прощаюсь с небом. Небеса — не моя стихия. Я сухопутная крыса!

Поправила шлем, очки, передернула в очередной раз плечами, ощущая тяжесть ранца. Все как всегда — и вот-вот бездна разверзнется под ногами, вызывая ужас и восторг. Игорь проверил крепление камеры — хочет снять наши «пируэты». Подмигнул мне задорно. Я невольно улыбнулась ему, как прежде. Несмотря ни на что, мы по-настоящему дружим слишком давно. Жаль, «баба» влезла между нами. Может быть, нам удастся сохранить дружеские отношения, ведь я хорошо его знаю и отлично понимаю, что отец с Игорем — два сапога пара.

Сигнал готовности сегодня почему-то словно бритвой полоснул по нервам. Потом открылся люк — и мне распахнуло объятия небо. Внизу плыли пушистые белые облака, а ветер встретил бешеной лаской, унося прочь грустные мысли. Эмоции зашкаливали,

внутри все привычно сжалось, перед тем как сделать первый шаг. Я, самая легкая, вышла первой, затем — Маша, за ней — Игорь.

Сначала, как и планировали, мы с Машей подлетели друг к другу и, схватившись за руки, запищали от восторга. Нам удалось продержаться несколько секунд, во время которых мы столкнулись взглядами. Неожиданно Маша скусилась, в ее глазах за очками блеснули слезы и вина, а губы шепнули: «Прости!» За что ее простить? За то что Игоря увела? Нашла время извиняться. А дальше наша фигура распалась и, отлетев на должное расстояние, я дернула кольцо.

Сначала возникло ощущение, что меня за шиворот дернули и замотали. Я нервно считала — парашют должен полностью раскрыться. В первый момент не испугалась, все еще бурлил восторг свободного падения. Но как же так, почему ничего не изменилось? Вдруг упала часть строп, концы болтались, словно их мышцы погрызли, или... разбела кислота. Замирая от страха, я задрала голову, а там — ветер словно играл с рваными парусами старой яхты. Трепал ярко-рыжее полотнище с дырами, которому уже никогда не стать красивым правильным куполом. Облака, обещавшие пуховую мягкость, и виднеющаяся сквозь них земля, недавно восхищавшая множеством квадратов зеленой травы и пашни, нитями речушек вызвала удушливую панику, приближаясь с каждой секундой. Меня полностью затопил ужас! Судорожно дернула кольцо страховочного парашюта. Но ситуация не изменилась: разбитой гоночной яхтой с обвисшими парусами я стремительно летела на рифы. Точнее, к земле.

Я заорала, разыскивая взглядом Игоря. Он пытался подлететь ко мне. Возможно, нам удастся образовать тандем. Но в этот момент завизжала и Машка — подлая дрянь, которая полила кислотой мой парашют. Вселенная, похоже, очень любит равновесие: новый парашют интриганки оказался бракованным. Она истошно звала Игоря, но сразу двух женщин наш общий герой, увы, спасти не сможет.

Мы вновь обменялись с Игорем взглядами. В его глазах отразилась невыразимая боль и вина — а затем он неожиданно рванул к Машке. Я слышала вой ветра, трепавшего над головой рваное полотнище, бесполезное, словно сломанные крылья, и не могла оторвать взгляд от удаляющейся фигуры бывшего друга. Вот они схлестнулись, Машка вцепилась в него, как обезьяна, затем над ними раскрылся яркий, красно-синий купол, унося пару в небеса, прочь от меня.

Время будто бы остановилось, падение замедлилось, я обреченно смотрела на чужой купол. Жестоко. Близкие мне люди сделали свой выбор: кому жить, а кому умереть. Ветер словно по носу щелкнул, я закрутилась, падая все быстрее, и неожиданно увидела под собой радугу! Неужели где-то идет дождь? Странно... Какие глупые мысли приходят в неподходящий момент. Вдруг взявшаяся откуда-то радуга приобрела более четкие очертания и расплылась, разлилась пятном, будто собралась в большую лужу. В следующий момент я ухнула в эту переливающуюся разноцветную «лужу». По телу пробежала дрожь, будто от электрического разряда.

Сначала меня оглушило, а дальше я пыталась понять, на чем же таком я лежу плашмя, не на радуге же, в конце концов. Секундное облегчение, притупившее панику, вновь сменилось страхом. Подо мной оказалось нечто странное, будто разноцветная пленка, откуда-то взявшаяся в небесах. Она дрожала, вибрировала, прогибалась, словно держала меня из последних сил. И я, каким-то седьмым чувством сообразив, что надо избавиться от бесполезного, рваного, но прилично весившего парашюта, извивалась ящерицей. Затем, проведив его падение взглядом, я заметила побежавшую подо мной трещину на радужной пленке. К моему ужасу, образовавшаяся щель стремительно увеличивалась, грозя отправить меня к земле вслед за оранжевыми клочьями бывшего парашюта.

— Нет-нет-нет, только не это!!! — просила я небеса в отчаянии, судорожно оглядываясь, куда бы передвинуться.

А рвавшаяся, расходившаяся пополам пленка дрожала сильнее, почему-то сияя все ярче. Под ней — лишь облака! Равнодушные, белые, холодные.

— Помогите-е! — истошно заорала я, словно меня кто-то мог услышать.

Скоро я болталась в небе, как над бездонной пропастью, цепляясь руками за разноцветный край. Неужели это происходит со мной?! Разве подобное можно представить? Как можно висеть в небе, держась за бывшую радугу? Бред! Но реальность умеет удивлять. Я то

кричала, то молилась, надеясь удержаться. А когда переливающийся сполохами радужный край истончился и наконец растаял под пальцами, в моей голове отчетливо прозвучала мысль: «Почему у меня нет крыльев?! Ведь они мне так нужны сейчас!»

Словно согласились со мной, ярко вспыхнув, исчезли остатки радужного пятна — и я с криком полетела к земле, растопырив руки, пытаясь замедлить падение. Как учили. Вдруг рядом с моими руками небо с шумом разрезали белоснежные крылья. Откуда они, чьи? Поверить, что крылья мои, хоть и резко замедлилась, я была не способна и планировала инстинктивно, раз мне снова удача оскалилась.

Сюрпризы на сегодня не закончились: подо мной, между облаками, опять откуда-то взявшимися, — я же точно помню, что уже пролетела их, — совершенно неожиданно показались горные вершины, покрытые снегом. Какие, ко всем чертям, горы? Откуда здесь горы и снег? В голове у меня творилось невообразимое: ужас, паника, недоумение, шок... Но надо было отстраниться от всего, мешавшего сосредоточиться, и приземлиться. Не убившись при этом.

Управлять чужими, непонятно откуда взявшимися крыльями, не получалось, но каким-то чудом я спланировала на склон горы. Дальше с визгом скользила вниз по обледеневшему снегу, пока не рухнула с небольшого обрыва в сугроб. Зад, локти, бедра нещадно горели от ожогов — ткань комбинезона не выдержала испытания льдом. Побарахтавшись в снегу, я с трудом выбралась на твердую поверхность, кое-как скрючилась на корточках, боясь пошевелиться и побеспокоить раны; положила голову на колени и тупо смотрела на раскинувшиеся вокруг меня израненные крылья. Ободренные и окровавленные, жутко выглядевшие на белом-белом снегу. Смотрела сквозь застилающие глаза слезы, боль, страх... пока не потеряла сознание.

Глава 2

Отчего люди не летают как птицы

Жарко! И мокро! Я попыталась открыть глаза, но веки будто слиплись, как бывает под утро, когда сон не отпускает. Сделав еще одно усилие, коротко моргнула — на ресницах повисли переливающиеся на свету прозрачные капельки. Зажмурилась посильнее и страхнула их. Побежавшие по скулам влажные дорожки сразу разбудили меня, словно умылась. Я пошевелилась — и тут же зашлась от боли: задрожала, заныла каждая клеточка моего тела. Никогда в жизни не испытывала подобного: холеная, изнеженная авантюристка поневоле. Но главное — я жива!

Опершись на ладони, стиснув зубы, я с величайшим трудом приподнялась. Осмотрелась и замерла в изумлении: каким образом меня занесло в каменную яму, на мокрые грязные камни? Я же точно помню, что рухнула в сугроб и там отключилась... вроде. Яма метра два глубиной и такой же шириной очень напоминала колодец, обледеневший и страшный, из которого нужно срочно выбираться. Сразу вспомнила о крыльях, испуганно обернулась и застонала: огромные белые, они никуда ни делись — росли из моей спины и занимали все пространство в каменной ловушке! Мало того, бедным крыльям, как и мне, досталось, когда я кувыркалась с горы: выглядели они еще более плачевно, чем тогда, на снегу, и болели... сильно болели. Как собственные руки и ноги!

Только хотела осмотреть крыло — а оно неожиданно дернулось ко мне, раскрывшись шире. Я испуганно вскрикнула, отшатнулась, потом неуверенно, с опаской, нервно посмеиваясь над своими глупками, протянула к крылу руки. Осторожно сняла рваные перчатки, чтобы ощутить в полной мере, насколько же реальна новая часть моего тела. И наконец коснулась...

Немыслимо! Мягкие, упругие перья плотно прилегали друг к другу, но кое-где перья были вырваны с корнем, проплешины пестрели бурыми пятнами спекшейся крови. Жалко... Я нервно передернула плечами и заодно ощутила, откуда у меня теперь растет лишняя пара

конечностей, сразу же давшая о себе знать. Между лопатками! И спину наверняка ломит от несвойственной мне работы — никогда махать крыльями не приходилось. «Кажется, ты слишком сильно ударилась головой!» — ошеломленно проскрипела я, подсознательно опасаясь верить собственным глазам. Болезненно поморщилась и положила руку на осипшее и саднящее от крика горло. Сколько бы ни пыталась отрицать, крылья — это не глюк, а реальность, суровая и жестокая правда! Я потеряла лицо, пытаюсь привести мысли в порядок, — и зашипела от новой волны боли.

Оказалось, не только мои ладони — сплошной ледяной ожог, лицо местами тоже. Осторожно потрогала кончиками пальцев левую щеку: горит. Посмотреть бы, во что превратилось мое лицо, но в кармане, где лежал надежный мобильник, гуляет ветер. Непроизвольно сглотнула и осторожно вытерла слезы, катившиеся по щекам и щипавшие кожу. Впрочем, спуск с горы отзывался болью во всем теле и особенно крыльях, еще и костюм порвался в самых «контактных» местах. Задом, локтями и бедрами я отчетливо ощущала сырое колкое дно ямы и свежий ветерок.

Но я жива! Жива!

Постанывая от боли и жалости к себе, я встала. Крылья повисли тяжелым лишним грузом. Как с ними обращаться? Как парашютом управлять? Или все-таки по-птичьи. Еще бы знать, как они это делают. Только подумала, что бы с крыльями придумать, чтобы разгрузить спину, — и едва не приложилась лицом о стену. Они с невероятной силой раскрылись в слишком тесном пространстве, а у меня в глазах потемнело от боли. Надо думать, ширина обретенных «конечностей» не два метра, как размер ловушки, а гораздо больше. Это тебе не бабочку в детсаду изображать. Выругавшись сквозь зубы, я отлепилась от стены и обеими руками попыталась сложить непослушные конечности. Получилось не очень. Видимо, сила мысли избирательно действует.

«Как мне дальше жить с вами? — пробормотала я, испугавшись последствий, вновь упиравшись руками о стену проклятой ледяной ловушки. — Ведь если меня такую вот крылатую «птицу» найдут спасатели...»

Лавина образов всевозможных последствий выстудила душу. Еще сильнее напугала тонкая, узорная изморозь, побежавшая от кончиков пальцев под рукава. В первый момент я с изумлением восхищенно смотрела на серебристое кружево, словно из тысяч снежинок сплетенное в единое искрящееся великолепие, покрывшее мои руки. А во второй — запаниковала: оттолкнувшись от стены, попыталась стряхнуть непрошенные «перчатки». Не хватало только руки отморозить. Сунула руки под мышки и, сжавшись, замерла, зажмурилась, обмирая от страха и прислушиваясь к ощущениям на кончиках пальцев. Переждав пару минут, пока пальцы перестало покалывать, медленно вытащила руки из тепла и с колотящимся сердцем осмотрела. Невероятно! Я чуть не расплакалась от счастья: снежной пленки как не бывало, а руки оказались целыми и... невредимыми! «А где?...» — потрясенно спросила я неизвестно у кого, пытаюсь обнаружить следы ожогов и ссадин. Ничего не нашла! Исчезли вместе с таинственной изморозью. Даже с горьким смешком пожалела, что с такой же легкостью горящий зад не «отморозила».

Я подозрительно покосилась на стену, о которую опиралась, когда руки волшебной изморозью покрылись. Может это природное воздействие? Что-нибудь наподобие полезного Теплого ключа на Алтае, святого источника, Стены Плача. Да мало ли в мире мест силы или целительных источников?! Бабушка, например, регулярно ездила на курорты и по святым местам: то суставы лечила, то нервы после очередной невестки. Поэтому я решила повторно приложиться к стене. Бедром. На штанах зияла заляпанная кровью дыра, а под ней... В общем, на красную ободранную кожу было страшно смотреть. Я осторожно прислонилась раной к ледяной стене, постояла, подождала — но чуда больше не произошло. Увы.

Тяжело вздохнув, я пожалела, что чудес хватило только на крылья и руки, а все, что ниже спины, как обычно, с редким постоянством собирает неприятности. Задрала голову и над ледяным краем ямы увидела лишь часть пологой горной гряды, по которой, собственно, и скатилась сюда. Эта громада скрыла меня от солнца, оставив в тени. Но может там кто-то есть? Надеюсь, меня уже давно ищут. Мой отчаянный вопль «Помогите!» походил на карканье измученной вороны. Даже вместо эха — пугающая, буквально звенящая тишина.

«Спасение утопающих — дело рук самих утопающих!» — упрямо пробурчала себе под нос. Страшно было до обморока, до головокружения, ведь я никогда в жизни не оставалась одна. Всегда либо родные, либо няни были рядом, прислуга, потом охрана и Игорь заботились. Сейчас же, разговаривая сама с собой, я разбавляла страшную тишину, давившую на нервы, странно оглушавшую. А вокруг лишь ледяные стены. Лед гладкий, подтаявший, на таком бы на коньках кататься. Скользить будешь как по маслу... Не о том думаю. Надо выбирать. Во мне метр семьдесят два и вроде два метра глубины — пустяк. Всего-то подпрыгнуть и подтянуться, но, когда за спиной — тяжелые сломанные крылья, сама — сплошная рана, а препятствие — скользкие стены, задача усложняется. Пришлось острым камнем долбить ступени, чтобы выбраться наружу. А попутно, окончательно срывая горло, звать на помощь.

Думать, как в разгар лета вместо зеленого Подмоскovie я очутилась в заснеженных горах и с крыльями, запрещала себе. Проблемы правильнее решать в порядке очередности, как мне бабуля твердила. Иначе можно утонуть в их пучине. А так, возможно, что-нибудь само по себе рассосется. Немилосердно хотелось пить, есть, спать, но в горах промедление и смирение — смерть. О чем я знаю не понаслышке. Двое друзей Игоря вопреки метеопрогнозу ушли покорять не сложную, но оказавшуюся своенравной вершину. Их останки нашли случайно, спустя несколько лет, когда сошла лавина, открыв небольшую пещеру, где те несчастные пережидали бурю. А вот Лесин тогда с ними не пошел. Хоть и экстремал, но осторожный и дальновидный. Как мой папа.

Мысли о подстерегающих в горах опасностях подстегивали меня быстрее долбить лед. Каждый удар отдавался болью в теле, но я терпела, сжав зубы, и старалась. Сделав несколько ступенек, я полезла вверх. Срывалась пару раз и когда, наконец, перевалилась через край и подтянула за собой крылья, с облегчением уткнулась в снег. Несколько минут я лежала, пытаюсь отдышаться и привыкнуть к режущему глаза ослепительному свету, а потом с трудом поднялась. Сначала на колени, затем во весь рост.

Передо мной простирались горы, до самого горизонта, на все четыре стороны лишь снежные пики. Я словно видела себя со стороны: одинокая жалкая песчинка среди девственно чистого снежного безмолвия в драном рыжем костюме, стильных кроссовках последней коллекции, шлеме... и с истрепанными крыльями за спиной. Словно сделала селфи и удивленно разглядывала собственное на редкость незавидное фото. Жаль, мобильник потерялся...

А вокруг... не Россия!

Я отчаянно заорала, вернее захрипела, сжимая кулаки и задрав лицо к небу, и захлебнулась: куда меня занесло! На необыкновенно чистом светло-сиреновом небе целый парад планет выстроился. Большой полудиск с сиреневым оттенком висел настолько близко, что темные жерла кратеров просматривались еще лучше, чем лунные. Дальше расположился полудиск поменьше и побледнее, но «украшенный» кольцами. За ним третий, крохотный, словно дитя выглядывал из-за пышной материнской юбки. А напротив них, с другой точки небосклона, весь этот невероятный и неожиданный пейзаж освещало... Солнце, наверное. Хотя, уже очевидно, другая, неведомая звезда.

Это не Земля!

Чужие небеса настолько потрясли, выбили дух и полоснули по сердцу, что я невольно сжалась в комочек, страдая и жалея себя. И крылья вновь послушались, словно выполнили мой безмолвный приказ: обняли меня, укрыли, спрятали от незнакомого мира и бесконечного отчаяния. Ноги предательски дрожали, нет, каждая клеточка дрожала от страха, одиночества, бессилия и полного отсутствия мыслей как можно спастись, даже надежды, что кто-то спасет.

Не спасет! Не придет и не заберет! Неужели никогда?!

Я вдруг вспомнила, как сюда попала: упала на странную радугу, а потом вывалилась в образовавшуюся в ней дыру. У меня дыхание перехватило — может это был тот самый, всем известный портал в другой мир, о котором часто пишут не только в сказках, фантазии и фантастике!? Ведь, вполне возможно, если существует параллельная реальность, — а я в нее почти поверила! — то должен быть «тоннель», соединяющий Землю и этот мир. Задрав голову, я до боли в глазах, до ломоты в шее всматривалась в небо, пытаюсь отыскать в вышине радужное пятно. А вдруг?! У меня же крылья...

Небо, безмятежное, прекрасное и высокое, было по-прежнему чистым, ни пятнышка, ни облачка, такое совершенное прозрачное, лилово-голубое, неземное совершенство. Да, да, радуга тогда исчезла, растаяла под моими руками — схлопнулась, наверное, пропустив меня в другой мир. Но сейчас я в отчаянии пыталась найти хотя бы кончик ниточки от клубка надежды, цепляясь за любую возможность вернуться домой.

А в небе ничего! И я разрыдалась, обиженно причитая, что хочу к папе, в наш уютный, теплый дом, в горячую ванну с ароматной пеной. Хочу, чтобы бабуля накормила меня пышным омлетом, какой умеет готовить только она, и чтобы апельсиновый фреш... Но не будет этого: ворота обратно закрылись, а ждать, когда откроются и именно здесь, и откроются ли вообще, — не в моем положении. Горькая правда, угнетающая настолько, что больно шевелиться. Можно упасть прямо сейчас, закрыть глаза и ждать, когда холод и голод возьмут свое. Просто и легко. Слышала, это не больно. Заснешь — и все.

Я выбрала: мучительно и тяжело. Видимо, мироздание рассудило, что мне слишком все легко давалось на родине, и решило взыскать долги разом в иномирье. Припомнились злые, виноватые слезы в Машкиных глазах и ее «прости». Я глухо, истерично рассмеялась: если бы она знала, за что просит прощения. Руки сами потянулись к спине, зудевшей между лопатками. Я нащупала не только плотные основания выросших между лопаток крыльев, прорвавших широкую полосу на костюме, но и множество мелких дыр.

Хлам, в который превратился мой парашют, — действие кислоты, попавшей в подлые руки. Я читала о подобном устранении конкурентов на соревнованиях золотой безбашенной молодежи. Но чтобы мой парашют залили кислотой — такое в страшном сне не приснилось бы! К тому же, если бы не это — я в очередной раз подняла глаза к небесам с тремя спутниками — мое тело нашли бы в любом случае. Папа перерыл бы полмира. И уничтоженный неординарным способом мой парашют тоже бы отыскивали. Сто процентов. Интересно, на что надеялась Машка? Ведь ее вычислят однозначно!

«Дура! Какая же ты дура, Машка!» — зло прошипела я.

Видимо, в отношениях с Игорем не все шло, как хотелось этой принцессе, если она решилась на подобный шаг. Убийство! А сам Игорь? Вряд ли он в курсе намерений новой подружки: сначала хотел рискнуть ради меня, образовать тандем. Эх, если бы у Машки не случился «бракованный парашют». В момент, когда на раздумья нет времени, выбирать приходится сердцем. Игорь предпочел Машу, а не меня. Ее! Не меня! Больно. Но Бог тебе судья, я же простила. Нельзя обижаться на выбор сердца, ведь оно не думает о выгоде.

Шмыгнув носом, я уверенно двинулась к горизонту: какая, к черту, разница, куда идти. В моем случае, движение — жизнь. Дальше я терзалась тяжелыми раздумьями, с трудом пробираясь по снегу, проваливаясь порой по колено. Что случилось с Машкиным парашютом? Почему другой не раскрылся? Принес его... Володя, мой охранник и приближенный папочки. Михаил Хелле кровно заинтересован в союзе единственной дочери с Игорем Лесным. Наверняка следил за нами и занервничал, заметив нешуточный интерес будущего родственника и партнера к моей подруге. Неужели настолько обеспокоился? Неужели по его приказу Машке повредили старый рюкзак и подменили на бракованный новый? С каких это пор мой дорогой папочка превратился в хладнокровного убийцу? Хотя, я, в сущности, мало знаю о нем, а строительный бизнес — это не игры.

Слышала, что папа прослыл жестким и коварным дельцом, но чтобы настолько... Если бы не «помощь» отца с возвращением блудного жениха Игоря Лесина в лоно семьи, не второй испорченный парашют, я бы осталась жива. Хотел как лучше, а получилось как всегда. Самые близкие люди постарались сжить меня со свету — во истину благими намерениями вымощена дорога в ад. Теперь папа и официальное расследование провести не сможет — вскрыется, что именно Володя принес Машке новый ранец.

Голос полностью отказал мне и, открывая для себя очередные жуткие подробности последних событий, я нервно, как полоумная, хихикала. На Лесине камера была. Если он не забудет уничтожить ее перед приземлением, все увидят, что произошло. Как отказался от меня в пользу Машки. Кто знает, простит ли Михаил Хелле такого партнера, хоть они с Игорем на одной волне? А вот Машку грохнут, однозначно, когда (или все-таки если?) увидят на видео состояние моего парашюта. Кому еще выгодно меня известить? В бизнес отца я с бараньей упертостью не влезала. С большинством мачех ладила, с парочкой даже после развода в приятельских отношениях оставалась. А угроз от конкурентов отцу не

поступало. В противном случае меня бы на время, как обычно, посадили под домашний арест и все.

Эх, Машка, Машка...

Если Игорь не догадается про камеру, им обоим конец: без суда и следствия в бетон — и дело с концом. А я тут по милости родных и близких тащу свои крылья черт знает куда, заедая слезы снегом и периодически падая в него на колени.

Усталость, раны, голод и страх путали мысли, забирали остатки сил, замедляли мой и так не быстрый шаг. К вечеру я перевалила один хребет и добралась до второго. Глянув на дорожкой, престижный хронометр, вяло удивилась: кажется, время здесь течет по земному. Только привычная темнота не наступила. Планеты или луны-спутники разбрелись по небосклону и теперь на первый план вышла «дама в юбке», бледным, почти лунным светом заливая край белоснежного безмолвия, доводящего до безумия. Третий спутник, мелкий заморыш, совсем побледнел и спрятался за «мамку» окончательно.

Все, рухнув в снег совершенно без сил, я подумала об уюте и защите, как делала уже не раз в течение перехода, — и сразу оказалась в надежном коконе крыльев. Кроме того, меня настойчиво терзал вопрос: как я до сих пор не обледенела на лютom морозе в кроссовках и легком рваном костюмчике? И тем не менее, я не мерзла! Наоборот, словно легким океаническим бризом веяло. И не мерзла, не потому что двигалась, — я не ощущала холода вообще. Странно, но мне ли жаловаться?

Еще я озадачилась полным отсутствием местных обитателей. На Земле даже в заснеженных горах не бывает пусто, жизнь всегда найдет себе пропитание или способ существования. Так почему же здесь за целый день я не встретила ни одной живой души, даже птицы не летали. Словно этот мир пустой и я абсолютно одна здесь. Жутко. Раньше лишь мечтала побыть в одиночестве, а сейчас оно страшнее плотоядного хищника гложет изнутри. О такой опасности как зверье я не задумывалась — куда хуже просто не сделать следующий шаг и навсегда остаться здесь...

Утро я встретила, свернувшись калачиком на мокрых камнях. За беспробудную восьмичасовую ночь тело затекло настолько, что больно было распрямляться и вставать. Со стоном потянулась, во рту пересохло, пить хотелось невероятно, есть — еще больше, не то собственный желудок сожрет. Как же мне чудовищно плохо! Первым делом взглянула на небо. Увы, чуда не случилось! Только теперь ярко светился спутник «сынok», оттеняя бока поблекших «родителей». Такой круглый, маленький, сияющий розовый проказник. Тяжело вздохнув, я выбралась, на этот раз из небольшой ямы, на искрящийся хрустящий снег и замерла: неужели моего тепла хватило расплавить его за несколько часов? Что происходит? Но времени нет, пищи тоже, зато апатия и безысходность наступали, раскрывали смертельные объятия. Нет, я все еще боролась за свою жизнь и медленно переставляла ноги в направлении следующего перевала. Спустя несколько минут подхватила горсть снега, приложила к лицу и сунула в рот, пытаясь утолить жажду. Бесполезно, конечно, но хоть что-то.

Не предназначенные для горного туризма очки почти не спасали глаза от сияющей снежной белизны и уже к полудню глаза болели и слезились. Порой я шла, зажмурившись, не глядя, просто передвигая ноги. Один раз попала в яму, упала и больно ударилась бедром. Потом корчилась и рыдала, лежа на боку и прижимая ладонь к кровоточившей ране поверх ожогов. И вновь, как вчера, от кончиков пальцев к локтю побежала «снежная» перчатка, покрывая кожу серебристым кружевом. Она немного охладила горячие ладони, а потом я ощутила, что боль стихла.

В этот раз любопытство пересилило: не стала засовывать руки под мышки, а осторожно приподняла ладонь и с облегчением и восторгом увидела под ней чистую, здоровую кожу. «Перчатка» осталась на руке, и я спешно приложила ладонь к щеке, потом успела задницу вылечить, но, как только таинственное кружево исчезло, время чудес тоже завершилось. Зато есть захотелось с такой силой, что вспомнила про птиц, специально клюющих камешки и песок. Я бы, пожалуй, тоже проглотила камней: почти не сомневалась — переварятся.

Благодаря чудесам я невольно подумала о невероятном — существовании какой-то магии. Красивой и полезной. Назовем это явление хотя бы так, пока не разберусь, что со мной

творится. А то крылья, теперь вот снежные перчатки и никого, чтобы объяснить откуда и зачем.

К концу третьего дня моего похода в неизвестность сил больше не осталось. Упав в снег, я жадно ела его, пока не отключилась. А вот четвертая встреча с «сынком» оказалось поворотной в моей дальнейшей судьбе: наконец-то встретила местных жителей! Сначала я почувствовала боль в руках и ногах, потом ощутила мерное, ритмичное покачивание. С трудом приоткрыв глаза, к вящему удивлению, увидела, что меня, подобно крупной добыче на охоте, привязали к толстому суку и несут. Точнее, везут двое аборигенов, ловко и синхронно скользя по снегу. Сквозь дымку, застилавшую глаза, я разглядела смуглые до черноты, сморщенные лица незнакомцев в меховой одежде, показавшихся мне гуманоидами. С этой мыслью я снова провалилась в темноту.

Глава 3

Плен

Ощувив влажную ткань под щекой, я жадно прижалась к ней губами и попыталась высосать воду. Жажда мучила настолько сильно, что все мысли были только о том, как бы напиться. Увы, удалось лишь смочить губы и опухший язык. Зато я вырвалась из мутного, обморочного забытья и, разлепив глаза, увидела мокрые камни, на которых растянувшись, положив голову на руку. Другой рукой пошлепала по маленькой грязной лужице и только потянувшись к желанной воде, охнула от боли — в спину больно ткнулось что-то острое. Затем снова и снова, дальше досталось заду и ногам. С мучительным стоном я приподнялась и огляделась, обмирая от страха и радости.

Меня поместили в большую квадратную клетку со странными прутьями. Кажется, из костей какого-то гигантского животного, связанных между собой кожаными веревками. Даже страшно представить размер зверюги с такими-то костями. Сразу вспомнились скелеты динозавров из берлинского музея естествознания. Дверь в противоположном углу тоже завязана веревками. Обернулась и увидела рядом неглубокую большую миску с прозрачной водой. Моей радости не было предела, вот только поднять эту тяжелую каменную посудину не смогла. Да плевать на подобные сложности! Склонившись над миской в три погибели, я, как собака, пила воду — чистую, холодную и такую прекрасную! Вдоволь напившись, я вновь осмотрелась. Другая серая посудина, больше похожая на тарелку, была почти до краев наполнена какой-то бежево-серой массой. Нос сразу уловил запах еды, живот призывно заурчал. Попробовала пальцем — вязкое теплое варево. Понюхала, лизнула. Еда! В следующую секунду я хватала ее руками и быстро отправляла в рот; жадно глотала, не чувствуя вкуса, — лишь бы насытиться! Не до вкусовых ощущений. И только когда начала выскребать остатки варева, поняла, что оно напоминает овсянку. Неплохо и, надеюсь, питательно. Сытно уж точно.

Утолив главные потребности, совершенно не дававшие думать ни о чем другом, я оценила свой вид: мокрая, грязная, волосы спутанной массой свисают вдоль лица, уже не белые, а грязно-серые крылья беспомощно лежат на камнях. Шлем и очки исчезли, как и кроссовки с носками. Часы тоже где-то посеяла. Мои босые ступни в серых разводах подсохшей глины и ярким розовым лаком на ногтях довели до слез: картина полной обездоленности и горести. До чего я докатилась?!

Крыло обожгло острой болью, я обернулась, смахнула слезы и, наконец, увидела, куда меня занесло: в настоящую первобытную деревню на небольшом заснеженном плато. Моя костяная клетка, притулившаяся к скале, находится в центре; вокруг высятся белые горные пики. От костров у приземистых юрт, а может чумов, короче, примитивных жилищ, сделанных из шкур, поднимается дым. На небосклоне бледно-лиловый полумесяц «отца» — значит сейчас день в разгаре. Сколько же я провалялась в беспомыслительстве?

Тем не менее, поселение-стойбище дикарей, вода и еда, и даже эта костяная клетка-тюрьма, ужаснувшая вначале, принесли непередаваемое облегчение. Я не одна среди безмолвия бесконечных гор, не одна в этом мире — вот главное! С радостно колотящимся сердцем я присмотрелась к детям, собравшимся вокруг клетки и откровенно глазевшим на меня. Одетые в меховые шкуры маленькие жители снежного мира выглядели весьма примечательно: такие же темные до черноты, сморщенные лица, как и у тех взрослых, что тащили меня сюда связанную, словно дичь, но ниже ростом. И тут в голове взорвалась ужасная мысль: а вдруг они питаются человечиной?

Я вздрогнула, холодная, липкая волна страха прошла меня от макушки до грязных голых пяток. Да еще дети, вооруженные длинными острыми палками, с голодным любопытством смотрели на меня, слабую, беспомощную пленницу. Тут один из них подскочил к клетке ближе и снова ткнул мне в бок палкой, заставив зашипеть от боли и отшатнуться к скале. Следом в меня полетели камни, причем крупные такие булыжники. Я пыталась спрятаться, увернуться, укрываясь крыльями, прятала голову, а маленькие дикари продолжали свое гнусное дело. Это они от нечего делать развлекаются так, причиняя боль живому разумному существу? Зоопарк устроили!? Неожиданно во мне вскипела дикая ярость. За что так со мной? Что я сделала этим мелким злобным паршивцам?

Произошедшее дальше я вспоминала с содроганием. Взмахнула крыльями и, заревев от бешенства, ринулась на прутья, чтобы дотянуться хотя бы до одного поганца и надрать ему уши. Горькое «увы», видимо, в этом суровом, чужом мире будет постоянным разочарованием. Коснувшись костяных прутьев руками и крыльями, я захрипела от невыносимой боли. Отшатнулась, но задела крылом кости с другой стороны. Так бы и металась в клетке, отчаянно воя, рискуя заживо сгореть от опалявшей меня боли, но единственная в тот момент мысль, куда бы спрятать огромные неуклюжие крылья, неожиданно исполнилась. Несколько дней назад бывшие белоснежными, а теперь сплошь в черных подпалинах и крови, крылья покрылись дымкой, туманом, и — растаяли, словно втянулись в спину. Кажется, я кожей почувствовала это движение.

Опешив, я закутилась волчком: крылья действительно исчезли, а сама ощутила знакомую легкость движений, когда сзади ничего не тянет, не мешает. Только вот голод начал терзать меня с новой силой. Отступив к скале, я со слезами смотрела на красные обожженные ладони, потом глянула на мелких жестоких гаденышей, с еще большим азартом примеривавшихся ко мне, теперь они обменивались между собой короткими лающими фразами. Задумали новую «шалость»? Еще я увидела кромку-ауру — едва заметное, видимо, появившееся после моего прикосновения сияние вокруг прутьев-костей. Это какая-то энергетическая защита? Или... все-таки магия? А то представить здесь генератор на фоне чумов и костров было просто невозможно. Значит, магия...

В магию верилось больше, хоть и смешно от самой мысли о ней.

Хотелось потереть лицо, чтобы проснуться, наконец, от этого кошмара. Остановила обгоревшая кожа на ладонях. Так мы и стояли, глядя друг на друга: я — босиком на мокрых камнях, хотя вокруг клетки утрамбованный множеством ног снег, а на свободе — издевавшиеся надо мной дети. Родители — более крупные и высокие аборигены, мелькавшие то тут то там, в жестокие детские игры не вмешивались. Кто из них женщины, а кто мужчины я могла предположить лишь по размерам. Объемные меховые одежды скрадывали другие различия.

В этот момент я увидела немного сгорбленного, похоже, от старости, мужчину в красивых белых шкурах. Он не спеша шел к клетке и выделялся из толпы аборигенов одеждой и почтением, что оказывали ему другие. Незнакомец в белой шубе явно непросто и обладает здесь властью. Но не почет и подбострастие остальных дикарей были причиной моего внимания к этой личности. «Личность» гордо ступал по снегу в моих оранжевых «найках», нацепив на голову очки и шлем. Приоделся, мародер проклятый! Даже страх пропал, сменившись презрением.

Наконец, престарелый модник остановился у клетки, внимательно рассматривая меня, сцепляясь со мной взглядом. А я отмечала непривычные черты его лица, мелкие, резковатые. За стеклами очков блестели черные узкие глаза, смотревшие на меня с неодобрением и почему-то опаской. Чего ему меня опасаться? Темная, словно дубленая, почти черная кожа напоминает шкуру шарпея — все лицо в шелушащихся морщинах-

складках. Наверное, это отличительный признак снежных жителей, ведь даже у детей кожа морщинистая. Короткий, слишком приплюснутый нос, узкие губы, но при этом выдающийся, несколько загнутый кверху, словно нос лады, подбородок.

В общем, встретила я довольно примечательную расу — чернокожих жителей снежного мира, гуманоидов на нижней ступени цивилизации. Любопытно: они в этом мире одни живут, или еще кто-то есть? Сейчас, внимательнее рассмотрев иномирян, я мысленно взмолилась, чтобы это был не мономир. Иначе...

Мое обращение к высшим прекратил Белый Старик, как я мысленно назвала присвоившего мое снаряжение иномирца, — приказал соплеменникам что-то. Скоро прибежал один из подростков, затем двое других таких же юных стражей, просунули в клетку длинные копья и угрожающе нацелились на меня. Мое сердце колотилось в горле от страха: убьют!.. Но тут парнишка открыл дверь в клетку, юркнул внутрь и что-то кинул мне на тарелку из-под каши. Кажется, вяленое мясо, причем разного цвета. Еще поставил сосуд с водой, или что там плеснуло в кривобоком «кувшинчике», и кожаное ведро, наверное, для отходов жизнедеятельности. Паренек мгновенно вылетел из клетки, дверь закрыл, завязал веревкой, пики охранники убрали. А у меня вырвался вздох облегчения: не убили! Пронесло!.. Развязать веревки и сбежать — не выход, даже не потому, что у меня горят обожженные руки, еще и потому что — некуда. Не бродить же опять в одиночку по снежной пустыне. А здесь мне вновь дали еды, воды и покинули клетку. Раз кормят, есть надежда, что не съедят. Сразу!

Белый Старик приглашающе указал рукой на подношение и, величаво развернувшись, ушел. Я проследила, как он шел, поскользываясь на снегу в моих кроссовках, совсем не предназначенных для зимних прогулок. Но это неудобство его не смутило. Другие, взрослые «дяди и тети» тоже разошлись, а злобные мелкие мучители остались зорко следить за каждым моим движением.

А, плевать! Я подошла к тарелке и сначала понюхала, а потом осторожно попробовала пищу (когда первый голод утолен, прежняя брезгливость и опасения вернулись). Оказалось, это действительно вяленое и слегка подкопченное мясо. Кого именно — неизвестно и неважно, раз хорошо пахнет и на вкус вполне устраивает. Кусочки другого цвета напоминали сыр сулугуни. Я быстро съела все, до последней крошки. А проверив кувшинчик и обнаружив там еще и теплое молоко, напилась до отвала. Облокотившись на стену, ощущая набитый до отказа живот, я впервые за последние дни почувствовала себя живой и почти счастливой.

Неожиданно напомнила о себе знакомая морозная пленка, которая лечила мои руки и лицо, — она поползла от рук по всему телу. Ласковая теплая «изморозь» снова согрела и уняла боль, свела ожоги и синяки. Фантастика! Это мое обретенное волшебство в который раз не только приятно поразило, но и немало порадовало: да, значит, на сытый желудок дела идут гораздо лучше — энергия для восстановления появилась.

«Все страньше и страньше! Все чудесатее и чудесатее! Все любопытственнее и любопытственнее! Все страннее и страннее! Все чудесится и чудесится!» — пробормотала я себе под нос знакомую фразочку из любимой бабулиной «Алисы в стране чудес».

Бабушка всегда так ворчала, иронизируя, когда папа представлял нам очередную будущую жену. Сейчас фраза известной попаданки Алисы отлично подошла для описания всего творящегося со мной и вокруг меня.

Боль ушла, холода я совершенно не чувствовала, хоть это и удивительно: сижу полуголая и босая на морозе, на сырых камнях — и ничего, инеем не покрываюсь. Местные, в отличие от меня, в мехах с головы до ног. Радовалась недолго — организм напомнил о других существенных потребностях. Ведерко нет-нет, да притягивало взгляд. Но вокруг столько навязчивых зрителей, а на актрису я совсем не тяну. Ладно, подожду, когда им наскучит, и они оставят меня в одиночестве.

Но приятная расслабленность и сытость принесли с собой и другие заботы — горькие раздумья о будущем. Выбраться из этого мира и вернуться домой я вряд ли смогу — это уже почти очевидно. Найти место своей «высадки» и «проникновения» сюда невозможно. Если только есть подобные радужные дыры-порталы в другом месте? Сомнительно, что и они ведут именно на Землю...

Нет, надеяться я буду до последнего — папа, мама и финансовый факультет учили реально смотреть на вещи. И быть крайне прагматичной. Так, что мы имеем в активе? Крылья? Сомнительный бонус, пользоваться ими я пока не умею. Надо заняться этим в ближайшее время. Второй бонус — загадочная и красивая снежная магия, к тому же исцеляющая меня? С этим более понятно, но опять же, пока слишком неоднозначно. Подо мной все время мокро, что может иметь и неприятные последствия.

И аборигены... с лицами, похожими на чернослив, такие же темные и сморщенные. Если меня примут здесь, то какое будущее возможно среди этих «сухофруктов»? Не представляю. Вечно ходить в мехах, жить в примитивном чуме, без благ цивилизации, без театра и оперы, без всего, даже без апельсинового фреша на завтрак? Без бабушки и папы. Без отца я бы, пожалуй, справилась. Не привыкла к его присутствию за двадцать пять лет. А как без бабушки, моей самой близкой и родной, моей лучшей подруги, наконец? И содрогнулась, неожиданно представив, что с ней будет, когда я не вернусь домой вечером. Вернее, уже не вернулась... Пожилой женщине под восемьдесят пережить такой удар будет практически нереально. Я беззвучно плакала, жалея себя и бабулю.

А в голове засела злая мысль: папочка, наверняка, заставит как можно скорее очередную жену родить ему нового наследника. Дикое одиночество накрывало с головой: одна в чужом мире среди непонятных, непривычных, примитивных гуманоидов. Они похожи на людей, но такие... чужие, дикие. Между ними и избалованной, изнеженной, практически ничего не умеющей псевдоаристократкой, как дразнила меня бабушка, наблюдая за нашим приобщением к «высшему обществу». Элите! Эх, и чего стоят теперь все мои дипломы, манеры, замашки! Английский, французский...

Подтянула колени к груди, обняла их руками и положила подбородок сверху. Так я просидела долго, тоскливо разглядывая первобытную деревню, затерянную в горах. Аборигенов, которые живут своей жизнью. Детей, неотвязно следящих за мной, пока взрослые занимаются делами. Вот пятеро мужчин поволокли здоровенную тушу животного — смесь огромной кошки и быка. Несколько женщин подоили «коз» в загоне на краю деревни и шли обратно с «кувшинами», подобными тому, из которого я пила молоко. Кто-то скоблил шкуры, расстеленные на снегу у чума. Все при деле.

Очередная волна мыслей о будущем захлестнула удушливым липким страхом: неужели в этом мире есть только эта раса? Только эта унылая черно-белая деревня. А других, похожих и привычных мне, — нет? Неужели проведу свою жизнь в ужасной клетке в качестве игрушки для забавы? Мишенью для кольев и камней у злобных деточек? Горестно вздохнула и нашла глазами ведро. Первым делом решила разогнать зрителей — с воплями ринулась к ним. Напугала и вдобавок еще и камнями забросала. Площадка вокруг клетки быстро опустела, а я кинулась к ведру облегчаться.

Пока я приводила себя в порядок, клеветники и жалобщики, видимо, донесли о моей выходке: из большого чума вышел Белый Старик и, довольно оглядев собирающихся около места моего заточения сородичей, направился ко мне. Вновь встал у клетки, возглавив толпу, и, заложив руки за спину и выпятив грудь, высокомерно уставился на меня. Правда, в его черных узких глазах под набрякшими веками сверкнул огонек страха. Чего он все-таки опасается? Неужели меня?

Неожиданно Белый Старик резким, нетерпящим возражений тоном обратился ко мне. Даже не сразу поняла, что именно ко мне, — думала, что будут делать глазевшие на меня аборигены. И похоже, их вождь это заметил, бросил несколько коротких фраз, причем, кажется, использовал разные вариации или наречия, даже потряс кулаком. Я выразительно пожала плечами, показывая полное непонимание. Старик замолчал, смерил меня злобным, затем удивленным взглядом, а потом с досадой плюнул себе под ноги. Обратился к толпе, нашел взглядом детвору и, если я не ошиблась, строго запретил меня трогать. Фу-ух, надеюсь, никому не придет в голову послушаться.

Вскоре я осталась в одиночестве наблюдать за суровой жизнью аборигенов. «Полумесяц-отец» начал светлеть, а юбки «матери» проявлялись все четче и ярче — близился вечер. Неожиданно, к моему полному удивлению, между прутьями-костями в клетку скользнул небольшой зверек, напоминающий хорька. С длинным пушистым тельцем, кошачьим хвостиком, узкой вытянутой мордочкой с носом-пяточком. Видимо, клетка охраняет и

действует исключительно на меня, а другие вон и копыа суют и между прутьев лазят туда-сюда.

Пушистый зверек выглядел настолько милым и неопасным, ну прямо как домашний котик, что я решила с ним подружиться и протянула руку. И вновь пресловутое «увы», а ведь вроде только-только выдалась передышка, — «снежный котик» оказался злобным. Вместо того, чтобы позволить себя погладить или хотя бы просто понюхать мою руку и гордо уйти, подняв хвост, он, яростно зашипев, тяпнул меня за палец. Я вскрикнула, а в следующий момент буквально задохнулась от шока.

Неожиданное нападение спровоцировало реакцию моего тела: сначала вырвались крылья и укутали меня защитным коконом, а прокушенные пальцы словно кипятком опалило, затем из них вырвалась знакомая лечебная изморозь. Только вот пушистый зверек мигом свалился набок ледяной фигуркой. В ступоре, в полном недоумении подняла руку, не веря своим глазам: неужели это я только что заморозила, убила живое существо? Да я даже мух дома никогда не трогала, паучка, сплетшего паутинку в моей спальне, оберегала — просила горничную не трогать. А тут...

Мир сморщенных снежных неандертальцев с их кусачими домашними животными напомнил о себе шорохом. Подняв потрясенный взгляд, я заметила Белого Старика. Он сверлил меня внимательными черными глазами, что-то явно выясняя для себя. Скривился в хитрой морщинистой ухмылке — и молча ушел. Неужели это он подстроил? Зачем натравил на меня звереныша? А я? Я умею убивать лишь прикосновением пальцев? Как же жить дальше? Если я не смогу ни до кого дотронуться, чтобы не убить?

Трупик я вытолкнула из клетки, а сама до полного воцарения «матери» на небе таращилась в пустоту, пытаюсь осмыслить, понять, что произошло и как с этим жить дальше. Снежная магия, оказывается, имеет не только бонусы, но и страшные последствия.

А вот крылья... Пока еще неуклюжие, тяжеленные, словно чемодан без ручки, который нести тяжело, а бросить жалко, вернее, в моем случае, не выйдет. Оказывается, крылья — моя защита. А ведь я совсем недавно, в самолете перед катастрофой, решила для себя, что небо — не для меня. И быть мне сухопутной крысой. Выходит, судьба не согласна с моим решением.

Я закуталась в крылья, снова ставшие белоснежными и здоровыми, неким образом полностью регенерировавшие в моей спине, и почувствовала себя в тепле и безопасности. Словно кто-то родной и близкий обнял меня и будет защищать от невзгод, и поделится ласковым теплом. Привалившись к стене, я, наконец, провалилась в сон... темный, подсознательно пугающий...

Глава 4

Ритуал

Розовый проказник «сынок» настойчиво лез в глаза, заставляя проснуться. Широко зевнув, прикрывшись краешком крыла, я с наслаждением потянулась на шкуре. Эту почти деревянную от старости и мороза подстилку мне принесли две недели назад, на второй день моего появления в деревне. Но разве жалкой пленнице дикарей, ничего не знающей о новом мире, роптать на более чем скромное «постельное белье»? Зато теперь подо мной сухо. Камни, мокрые по началу, давно высохли. Более того, снежный покров постепенно растаял на несколько метров вокруг клетки, образовав темную зону отчуждения.

Толстая шкура спасает от мелких острых камешков, поэтому лежать и сидеть стало вполне терпимо. Холод меня не беспокоит: ледяной ветер по-прежнему ощущается теплым бризом с неповторимыми свежими и радостными оттенками наступающей весны, наполняет силой. Но я помню, насколько опасной, смертельно опасной, и оттого совершенно мною не используемой. По незнанию применять ее просто невозможно. Нет ни наставника, ни литературы соответствующей.

Протерев глаза, я села, сонно огляделась. Деревня так же неохотно просыпается, в небо устремляется дым из чумов, а тишину гор все чаще нарушают нетерпеливые крики домашних животных, требующих корма и ухода. Собственно, здесь вообще жизнь идет спокойно, размеренно, никто никуда не несется, не торопится.

Спустя дня три после появления здесь мне удалось выгородить в своем скромном жилище закрытый уголок для личных нужд. Повезло: сильным ветром с чума сорвало потрепанную мешковину, которой накрывали тюки с вещами, подвешенными веревками за жерди.

Принесло ее на мою клетку, а что с возу упало... Чуть позже мне даже помыться и простирнуть одежду удалось — принесли целое ведро теплой воды, наверное чтобы в мелкой посуде несколько раз не носить, вызвав у меня море радости. И видимо, я настолько бурно радовалась, что теперь ведро воды мне носят регулярно, даже гребень простенький дали чесать длинную, густую, платинового цвета гриву. На этом подарки прекратились. После утреннего туалета у меня обязательная тренировка. Йогай я занималась с детства — бабушка увлекла в свое время. К знакомым до автоматизма движениям я добавила силовые упражнения для спины от тренера по фитнесу. И пустое ведро для «душа» для этого очень пригодилось. Я заполняла его камнями и тягала вместо гирь. Махать в «огненной» ловушке крыльями больше не рисковала, а вот готовить спину к полетам необходимо заранее. Зато после двухнедельных тренировок моя новая пара конечностей не ощущались пудовым грузом, так и тянущим хозяйку назад.

Ощувив приятную усталость от хорошо проделанной работы, я присела на шкуру в ожидании кормильцев. Еду и воду мне таскала пара подростков. Довольно быстро аборигены поняли, что опасности я для них не представляю, и посылали мальчишек кормить меня. Один на всякий случай угрожал копьем, второй сноровисто заносил пищу, уносил ведро с отходами. Мы даже приноровились не мешать друг другу: завидев стражей, я отступала в свой уголок и садилась на шкуру, чтобы они могли спокойно меня обслуживать.

Вот и сегодня уже совершенно без опаски ребята принесли мне свежей воды, кувшинчик парного молока, миску с кашей и вяленое мясо. Боженька, как же хочется апельсинового фреша. Да я согласна даже на морковку, вялую и старую, ну хоть на кусочек овоща какого-нибудь — привыкла к совершенно другому, почти травоядному рациону, а от однообразной пищи организм протестовал.

Но, как известно, жизнь всему научит. Например, не обращать внимания на свой внешний вид. Чистая и расчесанная — уже хорошо. Подумаешь, ноги грязные, костюмчик оранжевый весь драный. Ну не все же сразу человеку дается, многое приходится зарабатывать трудом, терпением, хитростью. Глядишь, и я прорвусь сквозь тернии к звездам. Когда-нибудь. Или, к примеру, одетые в меховые одежды аборигены имеют весьма специфический, неприятный запах животного жира и дыма; и к нему я тоже привыкла, как и к их сморщенным лицам, словно стае шарпеев. Присмотревшись, научилась отличать одних от других, подмечать особенности и даже характер наиболее часто мелькавших и важных жителей деревни. Совсем незнакомцами они быть перестали. Еще я успокоилась: человеческими жертвоприношениями и каннибализмом эти дикари, к счастью, не занимались. По крайней мере, пока!

Я неторопливо завтракала, наблюдая за однообразной и трудной, на мой взгляд, жизнью аборигенов. За почти три недели в клетке многое успела заметить. Они поклоняются трем спутникам, олицетворяя их с некими богами. Утром, когда восходит «сын», женщины кидают в костер какой-то белый порошок, всего от одной щепотки огонь яростно вспыхивает, словно пробуждается.

Небесному «отцу» подношение делает Белый Старик. Каждый день к полудню он рисует на камне загадочные закорючки и засовывает в самый жар костровища. Любопытно, что иногда пламя после этого меняет цвет: то голубой, то рыжий, то кроваво-красный. Вчера оно было темно-бордовым и с того момента Белый Старик не появляется из своего чума, а остальные селяне выглядят подавленными, озабоченными, даже вездесущие дети заметно притихли. Да и сама второй день подряд ощущаю напряжение — в груди будто натянулась, дрожит, вибрирует от напряжения струна.

А вот «матери» подарки делают мужчины. Опять-таки в костер ежедневно, в сумерках, с шипением выливают кружку крови от живности, которую приносят с охоты или используют домашнюю скотину. На мой взгляд, расточительно и жутко. Скоро я поняла, что Белый Старик — здешний духовный лидер, напоминающий земного шамана. А вот главой поселения является сурового вида, высокий и плотный мужик с самым громким голосом, которым отдает короткие, беспрекословно выполняющиеся команды, за что мысленно называю его то вождем, то старостой. То Червонным Королем, особенно когда смотрит на меня с затаенной злостью, будто в ожидании крупной подлянки. Словно я у него мешок сухарей в голодный год ukrала или прокляла всю семью до седьмого колена. В связи с чем радуется то обстоятельство, что нахожусь в ведении именно шамана.

Как бы там ни было, надо срочно решать вопрос с побегом. Долго так продолжаться не может: «Тот, кто становится пресмыкающимся червем, может ли затем жаловаться, что его раздавили?»

[1]

Не хочу быть червем! Только как мне выйти из магической клетки? Еще не лишним было бы раздобыть обувь. Ноги точно не отморожу, но об острые камни и лед легко рано и далеко босиком не уйду — по кровавым следам вычислят в два счета. А крылья... крылья — пока уютное одеяло и ласковые «руки» в трудную минуту. Не лишними будут вода и еда с собой, но с ними потом можно разобраться, по ходу дела. А вот с обувью и клеткой...

Мои размышления прервал странный нарастающий гул. Вечно спокойные и неторопливые деревенские забегали, запаниковали. Наверняка им все ясно и понятно, в отличие от меня. Женщины и дети вопили, часть мужчин понеслись к чуму шамана, другие карабкались в гору. Посмотреть, что за ней происходит? Или скрыться от опасности?

Белый Старик резко отодвинул полог своего чума, растолкал соплеменников и ринулся к ближайшему костру. В огонь полетел белый порошок для «сынка», камни с рунами — для «отца» и кровь самого шамана, полоснувшего по ладони ножом, — для «матери». Меня даже передернуло от этого действия.

Тем временем страшный гул нарастал, земля мелко содрогалась, как и я сама, глядя на происходящее с колотящимся сердцем и клацающая зубами. Боже, это же землетрясение! От этой догадки стало жутко, ведь в горах это грозное явление природы еще страшнее. А мне даже деваться некуда: из клетки не выпустили. Я бессильно сжимала кулаки, нервно переминаясь с ноги на ногу. Отчаянно глядя на жителей в надежде, что может хоть кто-то сжалится и выпустит меня из смертельной ловушки. Что же делать?

Неожиданно который день натянутая у меня внутри струна словно лопнула. В груди разлилось тепло. Я замерла, прислушиваясь к себе. Крылья заботливо укрыли меня. А дальше я увидела возвращающихся, нет, несущихся с горы мужчин. Они скользили вниз по склону или катились кубарем, явно пытаюсь успеть предупредить об опасности, заполошно орали и махали руками. Паника и хаос вокруг меня усилились. Народ разбежался, некоторые кинулись вниз по тропинке; большинство шаман с вождем гнали под защиту скалы с большим каменным козырьком. И если охваченные страхом мужчины сопротивлялись, метались в раздумьях, то более покладистые женщины с маленькими детьми послушно торопились в укрытие. Их мужья и отцы тащили еще и животных. До меня, наконец, дошло, что происходит, когда снежная пыль слишком густо посыпалась с неба. Лавина! Им все равно далеко не убежать. Я за долю секунды успела буквально нырнуть с головой в кошмар, ярко представив, что будет дальше. Тонны снега вот-вот накроют это жалкое плато, а козырек не спасет — только отсрочит мучительную смерть. Мы задохнемся и замерзнем под толщей снега и камней. Я помню, знаю, как это бывало не раз с друзьями Игоря, их лица, знакомые и известные по фото, встали перед глазами словно наяву. Да и альпинисты на базах любят делиться страшилками, а у меня память слишком хорошая и воображение живое. Значит — мы все умрем! Тем более, моя клетка стоит прямо под скалой, никакого укрытия, козырька или еще чего-нибудь.

Запрокинув голову, я в полнейшем ступоре смотрела, как с вершины горы на нас несется снежный вал, легко преодолевая более низкий утес, закрывающий от меня общую картину местности. Такое я только в кино видела: огромная клубящаяся масса снега летит с бешеной скоростью и оглушающим ревом. Человек на ее пути от ужаса даже пошевелиться не в силах.

Краем глаза я заметила суматошную беготню деревенских, тех, кто еще зачем-то пытался спасти свой скарб, или тех, кто натужно тащил домашнюю скотину к скале, пересиливая животный ужас. И жавшихся к камням мужчин и женщин, закрывающих собой детей, готовясь принять первый удар.

Мир сошел с ума, на нас не в кино, а в жестоком реале летел снежный вал — сама смерть. Видимо, мои страхи и желания подтолкнули тело к действию, упреждая разум, а может рефлекторно, — я выставила руки, будто отталкивая, защищаясь. Ужас был настолько силен, что заполонил разум, буквально отключил его, отдав тело инстинктам. В следующий миг, когда хотела уже зажмуриться при столкновении с волной снега, из моих рук наперез белой смерти прыснула знакомая изморозь.

Удивляться, почему в лицо ударила вода, а не снег, облила от макушки до голых пяток и сбила с ног, времени не было. Клетка тоже не выдержала напора и прутья понесло к обрыву. Меня тащил поток, прикладывая о камни, трещала и рвалась одежда. Я судорожно цеплялась за любые выступы, не думая о порезах и травмах, главное — удержаться, не сорваться с обрыва со сломанными крыльями. Но несмотря на ужас и боль, я упрямо, зачарованно таранилась вверх, не в силах поверить в то, что сотворила. Офигеть!.. Вместо снега нас накрыли тонны воды, которые теперь срываются с выступа, не попадая на укрывшихся под скалой «людей», перелетают площадку и несутся дальше с горы. Эх, вот только место моего заточения оказалось не под выступом, а прямо по ходу водяного потока.

Заживо мы не полегли, но промокли качественно. Большинству жителей деревни повезло спастись, особенно тем, кто не рванул вниз по тропе, а остался с племенем под горой. Но чумы, много скотины и скарба унесло беспощадным потоком. Пока я отфыркивалась и приходила в себя, лечила синяки и ушибы и, главное, крылья, шаман приказал взять меня в кольцо. Чтобы не сбежала в суматохе, надо думать. Гад! Я их спасла, а они в меня копытами тычут. Тьфу!

Остальные, по приказу вождя, кинулись искать и собирать свое добро и выживших. Пока вода и мороз не превратили все в лед, из которого придется выдалбливать имущество и скотину. Хотя... погибших животных вполне можно пустить на мясо. Это я поняла, когда несколько мужчин сноровисто разделявали пару котовыков, которых принесло лавиной. Хозяйственные. Некоторые собирали валежник на дрова...

Уже к вечеру дружно работавшие аборигены установили чумы заново, сушили на установленных там очагах имущество и обогревали детей и раненых. Сбили загоны для выживших домашних животных и мою клетку тоже — шаман постарался, заодно и восстановил магическую защиту, заботливый ты мой.

А вот мертвых соплеменников уносили куда-то вниз, обрядив в серые холстины. Что с ними потом делали, я не знаю, но и спустя пару дней собирали погибших. Надрывный прощальный вой разносился далеко и долго. Может скинули с обрыва, или где-то закопали?! Меня подобные подробности не волновали — нет, не из черствости и равнодушия, просто сама никак не могла отойти от случившегося. Любой громкий звук — и мне казалось, что на нас снова идет лавина. Так и просидела двое суток, прислушиваясь и приглядываясь, как параноик. Зато под прощальные завывания женщин меня почему-то отпустило, даже сморило.

После похорон и возвращения жизни в деревне к обычному распорядку дня и укладу кормить меня стали обильнее. То ли чтобы добро не пропадало и так потонувшее, то ли оценили мои усилия по спасению. Хотелось бы верить во второе, тем более, утром, на следующий день после трагедии и ночевки на мокрых камнях и в сырых лохмотьях, ко мне пришли две селянки и боязливо сунули через прутья серую плотную рубаху и кожаные штаны. Спасибо им: мягкий внутренний ворс приятно прилегает к телу. Вдобавок мне заменили уплывшую старую шкуру новой. Сам шаман принес обувь — меховые мокасины, как я их назвала, покрутив в руках. Ничего особенного: три грубо сшитые между собой

меховые полоски, две — с дырочками, в которые продеты кожаные шнурки-завязки, чтобы меховой носок не спадал с ноги.

Кроссовки Белый Старик не вернул, но ощущать себя не жалким босиком, а одетой и обутой — гораздо приятнее. К тому же, чувству гордости и собственного достоинства лохмотья и голый зад не способствовали. Я благодарно кивнула и широко улыбнулась, приняв благодарность. Шаман тоже ухмыльнулся, только хитрый, странный огонек в его черных прищуренных глазах мне не понравился. Он явно что-то задумал, увидев силу неведомой мне, но наверняка известной ему магии. Ведь не зря подослал ко мне зверька, заставив напасть, не зря найденную чужачку в магическую клетку запер. А что это значит? Значит, о таких как я, возможно даже с крыльями, слышал, а может и видел.

Нужно бежать, срочно!

Детвора, которую еще месяц назад я считала злобными монстриками, с гиканьем и радостным визгом каталась с горы, обледеневшей после катастрофы. Наблюдая за юными аборигенами, мне тоже очень-очень хотелось окунуться в это безмятежное веселье и беззаботность. Взять шкуру, кинуть на лед и с ветерком прокатиться по длинному пологому склону в узкую долину. Деревенские даже во льду ступени прорубили, выложив их камнями для безопасного спуска и подъема.

Но, увы, мне оставалось лишь сидеть по-турецки и изо дня в день покорно наблюдать за чужой жизнью. А попутно усиленно обдумывать побег. Я уже месяц пленница. На мясе, сыре и молоке, постоянных тренировках окрепла и даже немного подкачала спину и руки. По крайней мере, выпуская крылья, не заваливаюсь назад — «ношу» их с гордостью и почти с легкостью. Привыкаю! Жаль, полностью расправить нельзя, а то меня все чаще одолевает неведомое ранее томление, желание летать, ощутить силу движения крыльев. Со стороны мое трепыхание, наверное, походит на куриное — смешное и нелепое.

Эх, мне бы только за клетку вырваться, а там можно с обрыва прыгнуть и спланировать подальше. Планировать я умею, с горем пополам, конечно, но пробовала, летала. Мясо и сыр я начала запасать сразу после катастрофы. В кусок ткани от куртки своей заматывала и под камнями прятала. Воду растопить, я думаю, теперь смогу при случае. Только вот магическую защиту не преодолеть.

А вокруг пейзаж и настроение народа вновь неуловимо поменялись. Пока дети веселились, взрослые к чему-то готовились. Мне было тревожно и в этот эмоциональный костер, разгоравшийся в моей душе, постоянно летели толстые сухие «поленья» — всякие легенды и поверья из прошлой, земной жизни. Внутреннему разладу способствовала не только обстановка в деревне — на небе происходило нечто мистическое и потому тревожно-жутковатое.

Семейство спутников немного растянулось вдоль горизонта, и за «сыном» с каждым днем все ярче и ярче проявлялась еще одна троица. Сначала, еще пару дней назад, вспыхнули маленькие звездочки, а сегодня они стали гораздо крупнее. Горят фиолетовым светом и даже пульсируют, заливая сиянием всю округу. Потрясающе красивое зрелище, но очень необычное и оттого страшновато мне. К полудню, когда три новые звезды застыли над «отцом», «матерью» и «сыном», образовав над семейством своеобразную корону, я нервничала во всю. Снежная гладь в горах словно оделась в розово-лилово-фиолетовое искрящееся кружево.

Пока я смотрела в небо и любовалась горами, неторопливо доедая свой обед чемпиона, пропустила момент, когда закончилось всеобщее веселье. На маленькой площади зажгли три костра — каждый состоял из трех жердин, устремленных в небо и выстреливающих яркие искры.

Из чума торжественно явил себя соплеменникам Белый Старик. Сегодня он без моих кроссовок и шлема с очками — исключительно в своих белых мехах, чем напряг еще больше. Ко всему прочему, ступал важно и торжественно. А уж когда неторопливо подошел к клетке, глядя на меня со знакомой торжествующей хитрецей, не в силах спрятать ее под тяжелыми веками и кустистыми седыми бровями, и в то же время вроде бы мягко, дружелюбно улыбаясь, насторожил до чертиков.

Я дочь своего отца — прожженного дельца и интригана и супермодели. Расточать ничего не значащие улыбки на светских и деловых приемах научена с детства. В конце концов,

единственная наследница, преемница и опора. Ну что мне стоит в ответ нацепить «дружелюбную» улыбку? А сама косила взглядом по сторонам, соображая, куда бежать, если появится возможность. Судя по тому, что шаман и его сопровождение заметно расслабились, я улыбаться умею гораздо лучше и профессиональнее, чем менее продвинутые аборигены.

И вот долгожданная свобода: под прицелом пик вышла из клетки, шаман «собственноручно» повел меня к кострам — шла почти рядом. Если бы не сразу два копыа у лопаток, можно помечтать, что на прогулке; скажем, на встрече с официальными дружественными лицами. Только расправить крылья я не рискнула — вдруг пырнут с перепугу в спину.

Между кострами было жарко, устроили толстый настил из нескольких циновок, застланных шкурами, поставили поднос с кувшином и парой чашек-пиал. Похоже, меня решили либо соблазнить, либо принести в жертву. Ну не чествовать же? Парад планет и звезд и незамысловатый сельский праздник прямо кричат об этом.

Пока я с намертво приклеенной, самой радостной улыбкой усаживалась на шкурах, хотела с криком рвануть прочь отсюда. Но я улыбалась! Отец редко чему-то прикладному учил, но частенько говорил: улыбка — это проявление доброты, вежливости и хорошего нрава, а еще оскал смерти для врага, отражение скрытой силы в предвкушении скорой демонстрации спрятанного от противника козыря. Даже если козыря нет, блефовать с улыбкой легче и надежнее.

Мы сидели напротив друг друга и вглядывались в глаза. Я буквально кожей чувствовала его острый черный взгляд, впившийся в напряженный фиалковый мой. Такого же оттенка, как и чужие небеса над головой. Мне кажется, шаман подумал о том же, бросил короткий задумчивый взгляд на спутники этой планеты, потом на вершины гор и затем опять на меня.

Рядом, но за пределом меховой подстилки, присел на колени вождь. Он негромко уточнил что-то у моего пока торжественно помалкивающего собеседника. Видно, задумчивость шамана отметила не только я, но сомнение в голосе Червонного Короля вызвало у Белого Старика раздражение и гнев. Всего на мгновение шаман вышел из себя, а потом, будто по мановению волшебной палочки, вернул себе благодушный вид духовного отца племени. Сел удобнее, расправив полы белой меховой шубы, подогнул ноги в обуви, похожей на унты, и стянул варежки из «овчины».

Затем шаман разлил по пиалам напиток, белесый, на основе молока, но с запахом алкогольной кислинки. И жестом предложил мне. Сам выпил чашу целиком, позволив предположить, что не отравит, и, вероятно, для подтверждения дружественных намерений. Но я только пригубила, кончиком языка распробовав, что, кажется, в чашке айран. Эх, мне бы фрэша сейчас апельсинового, пусть даже разбавленного этим айраном. Всего месяц без любимого напитка — и даже не думала, каково будет без ароматного солнечного сока с тоненькими фруктовыми волокнами. И без родной, обожаемой бабушки.

Собравшаяся вокруг ярко пылающих костров толпа иномирцев с не менее жарким любопытством следит за каждым нашим движением, словно происходит что-то невероятное, из ряда вон. А может и правда происходит, только я, бывшая сухопутная, а ныне крылатая «крыса», пока не в курсе. Поэтому нервно, непроизвольно поправила свою рубаху и огладила ноги в широких плотных штанах, обтянувших мои бедра. Странно все-таки мы выглядим: окружающие, закутанные в меха, и я — раздетая крылатая девица, с пиалой в руке. Сижу, беседую... почти...

Неожиданно шаман поднял руки и почти коснулся моих волос, заставив испуганно отшатнуться, потерять улыбку и пролить немного напитка. Чем только добавила ему уверенности и апломба, а вождь расслабился и виновато поморщился за свои сомнения. Шаман что-то заворковал, глядя мне в глаза, руками словно перебирая в воздухе невидимые струны. Широко улыбнулся, поднял чашу и настойчиво предложил выпить. Злить хозяина деревни было чревато, я сделала еще глоток. Но, похоже, и этим порадовала «собеседника». Белый Старик снова медленно поднял руки, говорил и говорил, мягко улыбаясь и поглаживая меня по волосам. Словно восхищался густотой и цветом моей светлой шевелюры. Более того, явно не боялся околеть от моей магии. Сама я, того не заметив, впала в транс: все видела, понимала, но пошевелиться не могла. Передо мной стояли

черные, разгорающиеся загадочным светом глаза шамана, в ушах — его напевный голос, скрипучий от старости, глухой и странно притягательный. Кажется, такой родной, уговаривающий верить, чтить, впустить и отдать... что именно — не знаю, но все, что попросит.

Незаметно для себя я потерялась в черном пламени всезнающих, мудрых глаз, а совсем скоро будто грань перешагнула: позади — корыстная, жадная чернота, а впереди — фиолетовая пустыня бескрайнего космоса, в которой сияют три звезды. Только я теперь знаю, не ведаю откуда, но знаю, что зовут их Яз, Аяз и Яза — два брата и сестра, великие когда-то высшие, что давно ушли из этого мира, но раз в сто лет приходят ровно на три дня. Их возвращение влечет большие перемены. Иногда эти перемены очевидны лишь избранным, а иногда потрясают целый мир.

И вновь неведомо как, но я поняла, что шаман по имени Зорь ждал третьего дня, когда звездную «корону» возглавит Яза, старшая сестра, — та, что дарит, забирает и распределяет. В том сонном, заторможенном состоянии, в котором я находилась, было сложно досконально разобраться в хитросплетениях способностей высших «звезд». Перед глазами все ярче разгоралась Яза, фиолетовый свет вокруг становился более насыщенным, темным, пугающим, и в сияющей звезде неожиданно проявились черные глаза шамана. Между нами протянулась незримая темная нить, связала, затем пришли мои воспоминания. Сначала они текли медленно, напомнив о кошмаре месячной давности: о путешествии сквозь белые поля между горных вершин, о том, как я очнулась в яме, с крыльями и в крови. Как летела по небу, расправив крылья. Как висела на краю радуги. Даже сейчас, вспомнив тот момент, я не могла поверить, понять, как можно держаться за то, что нельзя осязать? За край радужного энергетического пятна?

Мои воспоминания поглощались нитью, связавшей нас с шаманом, утолщали ее и исчезали из памяти, подгоняя новые и новые. Совсем скоро они непрерывным потоком лились к старику, а я рыдала, вспоминая родных и близких, самое сокровенное и почти тут же забывала о них. До одного момента...

Пять лет назад я заболела — взрослая двадцатилетняя девушка лежала в кровати и надсадно кашляла. Любимая бабушка поила меня малиновым чаем, потом ласково растирала спину медом и тихонечко пела колыбельную, как в детстве. Моя самая лучшая в мире бабуля.

Привыкшая к ее заботе, в другое время я бы и не вспомнила об этом случае, но теперь, когда догадалась, что, возможно, ее уже нет, это воспоминание и бабулин голос так зацепили, вызвали такую сильную боль, что была не в силах отдать эту дорогую сердцу частичку прежней жизни кому-то другому, не позволила лишиться себя последнего, что еще осталось от прежней жизни. Полностью погрузить свое сознание и душу в одиночество?

Нет!

Крик души стал призывом встряхнуться, очнуться от навязанного гипноза и торопливо и жадно загребать уже не ручеек, а полноводную реку призрачными руками обратно. Отдай! Мое, мои воспоминания, моя любовь к родным, их тепло и ласка, без них меня не было и не будет!

Я так истово забирала самое себя и свою суть обратно, так испугалась остаться ни с чем, что с легкостью перехватила управление в нашем с шаманом гипнотическом тандеме. И совсем скоро, вернув себе все до последней капельки, начала тянуть знания шамана. Зорь, оказывается, знал много. Даже слишком много, нажив огромный опыт аж за сто с лишним лет: несколько языков; примитивную географию этого мира; магию, мне совершенно бесполезную, зато способную вычистить память и личность до чистого листа, чтобы создать послушную марионетку и в нужный момент пользоваться для защиты от непогоды, лавин и других племен, конфликтующих за ресурсы и женщин.

Кайя Хелле — иномирянка с крыльями — не жалкая, ненужная пленница, а оружие, защитница и непременно послушная марионетка. Должна была стать такой для беспринципного старика, но не зря Язу называют Справедливой. Она не просто распределяет — дарует правым выиграть, а вора — лишиться всего, проиграв. Хотя порой она слепа. Ее сила связывает судьбы, магию и миры. Легенды гласят: именно сила Язы создает дыры, сквозь которые в этот мир приходят невиданные твари или заносит предметы, которые меняют будущее всех или некоторых. Но шаман надеялся с помощью

магии Язы связать воедино свое и мое сознание, благодаря древнему заклинанию забрать у меня память и душу.

Вопреки шамановым ожиданиям, что-то пошло не так — я обездолила его. Правда, когда перед моими глазами начали появляться воспоминания о его юности, о том, как наставник Белого Старика, ныне покойный прежний шаман, показывал ему, ученику, как спасти племя от голода, приманить зверя и прочие премудрости для выживания сородичей, я сдалась. Просто не смогла, по сути, убить старого человека, оставив от него лишь оболочку со способностями к магии. Даже вернула часть воспоминаний — племя не виновато в хитромудрых намерениях шамана, а нового у них пока нет. Старик не хотел терять власть и все никак не брал ученика.

Правда мои благие намерения выбили из меня всего одним мощным, сокрушительным ударом кулака по лицу. Следом за болью меня укурила темнота...

Глава 5

Чем торгуют на базаре

Узкая четырехколесная телега длиной метра два, на которую переставили клетку с саней в очередной дружественной деревне, стала моим средством передвижения по долине, где снег почти сошел. От постоянного покачивания на ухабах и выбоинах примитивного транспорта меня частенько мучила морская болезнь. И думается, я не первая пленница, которую перевозят таким вот мерзким образом. Сурово и жестоко обошелся со мной вождь — посадил в «автозак» и куда-то отправил. Не в «сибирскую» ссылку точно, потому что с каждым днем становилось теплее и тревожнее.

Только одно послабление — прутья, к слову, не металлические, а из чрезвычайно прочной древесины, не были защищены магией, поэтому теперь с меня не спускали глаз вооруженные колюще-режущим конвойные небольшого обоза. Кроме того, клетку полотном накрыли — то ли «живой груз» скрыли от чужих глаз, то ли мне много показывать не хотели. Поразмыслив на досуге, решила, что, скорее всего, меня прячут. Ветер принес запах испражнений шайгала, который спокойно, покорно тащит за собой мою повозку. Этот огромный, мохнатый зверь внешне напоминает земного бурого медведя, но здешний «косопалый» исправно служит тягловой силой, вьючной и верховой. Полошадиному фыркает и объедает любую зеленую поросль вдоль дороги и на полянках во время привала.

Увидев шайгала впервые и услышав его рев, я испугалась до потери пульса. С трудом разлепив глаза после ритуала, закончившегося моим нокаутом, я увидела, что лежу в другой клетке, только уже на санях. Рядом стоял недовольный шайгал — вот так мы с ним и познакомились. Похоже, этих больших ездовых животных племя держало где-то внизу, под горой. Как и собственно свой «автопарк». Эх, многое, оказывается, было скрыто от моих глаз, очень многое.

В момент встречи с новой реальностью, оглашенной рыком шайгала, я привстала, опираясь на ладони в тесной клетке, с гудящей головой и горечью во рту. Вокруг народ возился с тюками и веревками — мужчины собирали обоз в путь. Вскоре ко мне подошел вождь. Видимо, ему сообщили о пробуждении. Неожиданно я вспомнила, что его зовут Даяр и, когда поймала мертвенный взгляд черных глаз, содрогнулась от страха. Даяр не просто ненавидел меня — таким взглядом расчленять можно.

Я невольно отшатнулась от осатаневшего Червонного Короля. Еще пришибет. Первой мыслью было: «За что? Вроде все нормально было. Почему изменилось?» А потом моя память, наконец, робко напомнила обо всем, что произошло во время ритуала. Как отбирала у коварного Белого Старика не только собственное «я», приобретенное личным жизненным опытом, но и трофеи в запале захватила — его знания и воспоминания. Едва вспомнила о

Зоре, появился он сам, правда совершенно другой, непохожий на себя. И я догадалась о причине лютой ненависти вождя ко мне.

Шаман шел непривычно легкой, какой-то бесшабашной походкой, в моих кроссовках и шлеме. Но если прежде он ступал неторопливо и степенно и потому держался на ногах, то теперь постоянно скользил и падал. Но нисколько не смущался и не расстраивался, наоборот, был весел и общителен. У одного из чумов этот престарелый «предприниматель», собиравшийся сделать из меня марионетку, глупо хихикая, зажал подвернувшуюся под руку молодку и под аккомпанемент ее визга облапил. Игриво шлепнул ее под зад и двинулся к нам. Скоро стало понятно, что после ритуала он хоть и остался физически стариком, а вот в памяти ему — лет двадцать. Да и в душе тоже: жизненный опыт добавляет душе возраста.

И вот, пока изменившийся Зорь таращился на меня, как подросток, улыбаясь щербатым ртом, осторожно выясняя у Даяра, что будет с пленницей, тот еще больше вызверился на меня. Еще бы, такая потеря: духовного лидера лишились, которого знала большая часть горных жителей и уважала за силу магии и коварство, получив взамен его жалкое подобие. Это прямо читалось в глазах вождя, когда он, нет-нет, да с тоской и сожалением смотрел на Зоря.

А ведь совсем недавно, как я поняла, всего сутки назад, вождь беспрекословно выполнял указания Белого Старика, с почтением и подобострастием уточнял у него о дальнейших планах. Теперь все изменилось. Несмотря на свой резко возросший у соплеменников вес, Даяр ярился, хотя я чувствовала, видела в его глазах, что побаивается свалившейся на него ответственности. Разделять ее с кем-то, просить совета у более мудрого и опытного всегда легче. А сейчас...

Кайя Хелле — главный враг и виновник грядущих проблем Даяра, и плевать на причины и следствия!

Следующие два дня, пока неспешно и основательно собирали торговый обоз, меня не кормили и не давали воды. Наказали! Ох и тяжело же мне было без воды и пищи, да еще испытывала иррациональную вину за содеянное. Чуть не оставила племя без шамана. И даже логичные доводы, что племя знало о его намерении превратить меня в бездушную, управляемую куклу, не спасло от мук совести. Каждый за свои грехи расплачивается сам. Они вот частично лишились знаний и опыта Зоря. Придется прилагать больше усилий, особенно для защиты от других племен. А мне — терзаться совестью и сомнениями: правильно ли поступила, могла ли повернуть все иначе в тот момент?

Потом мы двинулись в путь, и по злобному, мстительному взгляду Даяра, который провожал нас до границ своих территорий, я поняла: сюда вряд ли вернусь. Наверняка мне приготовили что-то очень нехорошее. Зато во время спуска с гор, во сне и наяву, я усваивала, принимала знания, доставшиеся с чужой памятью. Даже те, что оставлять себе очень не хотелось: любовные похождения Зоря в молодости, его нелестные мысли о соплеменниках или знакомых, впечатления о давно прошедших событиях. Злобный, хитрый и властный старикашка вышел из когда-то молодого, открытого миру Зоря, жадного до приключений, знаний и женщин.

Этот мир жители так и называли — Мир. Не было других названий, да и зачем? Мир — так понятно и звучит по-доброму! Юный Зорь объехал не весь мир, но многие земли обошел пешком или на своем шайгале. Успел пожить в разных местах, в той или иной степени изучил несколько распространенных языков. Узнал о живущих в этом мире расах и народах с разных сторон. Встречался и с нечестью, и с разбойниками. На себе испытал чужое коварство и предательство. К сожалению, под влиянием обстоятельств слишком сильно ожесточился и изменился сам. А я, блуждая по лабиринтам его воспоминаний, по ночам проживая их как свои, порой просыпалась в слезах или с колотящимся от ужаса сердцем. Вот и расплата за мой грех — забрала чужое.

Но столь бесценный опыт и знания, полученные даже таким фантастическим способом, не измерить. Поэтому, приходя в себя по утрам, я возносила молитвы своему богу и местным высшим. Вдруг да услышат и вновь уберегут. Но уже после первого воспоминания Зоря о встрече с местной нечистью, мое представление о новой реальности изменилось. Чего я там боялась недавно? Лавину? Есть явления и сущности гораздо, гораздо страшнее. К примеру,

заснуть под деревом лапуг, а проснуться в коконе паутины его обитателя — огромного паука. А потом мучительно долго гнить заживо, служа пищей для него и личинок. То воспоминание Зоря вырвало меня из сна с криком и рвотой, переполошив конвоиров, сразу ошестинившихся оружием. А я ошалело озиралась по сторонам, пытаюсь осознать, что не меня хотели сожрать — это далекое чужое прошлое. Зорю повезло тогда: друг вырвался из плена и освободил его. Правда, выбираясь потом из топей, Зорь бросил своего зараженного гнилью и личинками спасителя, даже не попытавшись помочь. Да, удивительно, но преданный своими Зорь скоро предал и сам. Именно с того момента его нутро начало меняться, пытаюсь заглушить совесть. Страх смерти меняет личность, мне ли не знать.

Вцепившись в толстые прутья, балансируя на корточках, я с жадным интересом рассматривала в прореху в пологе окружающий пейзаж. Мы пару дней назад покинули предгорье и двигались по утоптанной дороге, проезжая скромные поселения, встречая или провожая настороженными взглядами другие обозы.

Удивительно и от души радует, что квошики — горняки, которые меня подобрали, — не совсем уж дикари на первой ступени развития, как я полагала, наблюдая за ними из клетки. Нет, просто они выбрали такой образ жизни и следуют укладу и традициям предков уже тысячи лет. Ну как какие-нибудь индейцы или русские староверы. Приблизительно, конечно, но я не могу не сравнивать. Их вотчина — снежные горные просторы, которые весь мир называет Квошем, здесь они хозяева и мало кто рискует соваться на территории этих довольно воинственных племен, схлестывавшихся даже между собой за ресурсы и женщин. А вот внизу, в долинах, все совершенно по-другому. Нет, это уже не средневековые, но, увы, не далеко от него ушли разумные этого мира в своем развитии. Остается надеяться, что есть более близкие мне по уровню развития народы. Все-таки Зорь давным-давно не выбирался «в свет» и обошел его не полностью.

В первые дни нашего путешествия, когда мы спускались с гор, ветер отчаянно трепал полог клетки, я мало интересного и примечательного видела. Лишь на привалах, когда меня скудно кормили и меняли ведро, я могла разглядеть окружающее пространство более детально. Почти неделю мы шли узкими заснеженными тропами, останавливались в других становищах, где меня показывали — крылатую диковинку, хвастались. Цирк-шапито, чтоб им...

Обозники, или мой конвой, периодически проверяли клетку — вдруг я там подкоп устроила или прутья погрызла, или, следуя здешним нравам, руны проклятийные начертила. От нечего делать в дороге я пыталась освоить языки, подаренные чужой памятью. И постоянно бубнила себе под нос сложно произносимые слова, чтобы хотя бы приспособиться и нормально выговаривать непривычные звуки. А конвойные периодически отдергивали полог, заглядывая ко мне, выискивая признаки зловредной магической деятельности... или помешательства. Второе, мне кажется, их больше устроило бы.

Не дождусь! Из принципа была любезной и сообщала, что все в порядке.

В долине я впервые увидела не чернокожих сморщенных квошиков, а других жителей мира — оливково-смуглых, узкоглазых дашамов, с вполне гладкой кожей лица, одетых в уже знакомую, грубо пошитую меховую одежду. Живут они не в чумах-шалашах, а в глинобитных круглых домиках, похожих на юрты. Такое жилище не свернешь и не увезешь — это уже не «стойбища» квошиков. Дашамы живут в своих селениях годами, и лишь природная катастрофа или голод могут вынудить их убраться с насиженного места.

Благодаря памяти Зоря, я понимаю чужую речь, в курсе традиций и уклада жизни всех, кого встретила в пути. Поэтому, несмотря на мое незавидное положение пленницы, жить стало если не веселее, то точно спокойнее: когда знаешь о мире и его жителях столько, сколько я теперь, строить планы на будущее проще. И чувствуешь себя увереннее.

Сквозь собственноручно увеличенную прореху в пологе, я увидела очень примечательных всадников из очередного обоза. Когда ездовые приблизились, я тщательно рассмотрела удивительных верховых животных — дохов, более крупных, чем наши лошади, высоких мохнатых, с мощными кошачьими лапами, вместо копыт. И наездников — гошаров в кожаных дубленках мехом внутрь, а гладкой промасленной стороной наружу. Такая одежда отлично греет и защищает от дождей и ветра (в долине ранняя весна) и придает гошарам грозный, лихой вид.

Прильнув к прутьям, я рассматривала этих невиданных существ, раздраженно порывая, когда ветер шевелил полог, закрывая обзор. Ведь посмотреть было на что. До этого встречались в основном дашамы, бойко шнырявшие туда-сюда так часто, что уже приелись. Периодически и квошки мелькали — везли ценные шкуры и драгоценные камни, добытые в горах, на продажу.

Гошары немного походят на орков из «Властелина колец»: огромные, с крупными головами и широкоскулыми лицами, носом-картошкой, сверкающими белыми клыками. Эх, жаль, я на Земле мало увлекалась фэнтези, только несколько известных фильмов и посмотрела. И вот как жизнь сложилась: стала неподготовленной попаданкой, Алисой в Стране чудес!

Гошары подозрительно и настороженно проводили мою клетку мелкими, глубоко посаженными, темными глазами-бусинами. На их совершенно несимпатичных лицах прямым текстом читалось, что они знают: в накрытой тряпкой клетке сидит пленник. Только, наверное, гадают, кто бы это мог быть.

Обратившись к памяти шамана, выяснила, к какому виду проживающих здесь разумных сама отношусь. Оказалось, к самому закрытому и таинственному народу — леарам. Леары, в отличие от остальных рас, веривших в избранность святой небесной троицы, поклонялись своим богам, которых называли ларами. Ну надо же, на Земле так называли богов древние римляне. Леары верили, что произошли от своих богов — ларов. Соответственно в это верили и приземленные горняки квошки и другие народы Мира.

Вообще, смерти я избежала именно потому, что квошки сочли меня леарой. Крылатых детей ларов боялись все. По моему мнению, слишком сильно и суеверно. В чем кроется причина страха Зоря и остальных перед «моей» расой мне пока не известно. Ну хоть не дали умереть в горах и подобрали из-за поверья: смерть леара, особенно белого, влечет жуткие природные явления. Какие именно — Зорь не знал, но был свято уверен в этом и боялся очень. Мало того, увидят крылатые сородичи след гибели белого леара — накажут все племя. Мысли шамана про «особенно белых» уже который день не давали покоя. А какие еще есть? И в чем разница? Жаль, что сам Зорь видел леаров издали, да и мне они показались какими-то серыми птицами, парившими в небесах...

Когда шаман понял, что я на этом свете ноль без палочки, сама всех боюсь до ужаса и ничего не знаю о своей магии, вполне закономерно сделал вывод, что я подкидыш Язы, свалившийся сюда в прореху мироздания по ее воле.

Печально получить очередное подтверждение, что домой я вряд ли вернусь. Радужные дыры, или порталы в другие миры, образуются раз в сто лет, когда три звезды Аяз, Яз и Яза приближаются к Миру. Конечно, Зорь никогда не слышал, чтобы кто-то из «попаданцев» возвращался обратно. Как работают порталы — тоже никто не знает, зато остерегаются подкидышей Язы, хорошо известных и наверняка обрастающих мифами. Это отнюдь не крылатые «прекрасные девы», а всякая гадость, типа нечисти и «темных властелинов», норовящая устроить локальный «конец света».

И вот Зорь, уверившись, что я бесхозная белая леара, за которой никто не стоит и не призовет к ответу, решил прибрать меня к рукам. В прямом смысле. Превратить в ручную зверюшку, которая «лает и кусает» по его велению. Мало того, что племя защитит, так еще старый прохиндей размечтался подмять под себя все племена окрест... а может и дальше. Тем более, сами высшие благоволили, раз Яза меня подкинула и в зените стояла. Почему бы не проверить сложнейший и древнейший ритуал?

А затея, к слову, сомнительная, не удалась! И вновь белые крылья защитили меня от смерти. Вождь племени о грандиозных планах шамана не ведал. Подозревал кое-что, про подкидыша тоже мог догадываться, но не был уверен. Поэтому меня оставили живой, но месть Даяра будет жестокой. В чем я уже не сомневаюсь.

Проводив взглядом обоз гошаров, я улеглась на полу. Сидела на корточках у прутьев долго, пока руки устали и ноги затекли. Самое время полежать, подумать о будущем. Итак, что я знаю о мире и о себе? Что мне пригодится в будущем? Несколько языков — огромный плюс. Самый главный подарок богов. Ведь без общения ты словно младенец, всегда в опасности и зависишь от чужой воли. Благодаря даже небольшому словарному запасу можно уже не на пальцах объяснить с кем-то. Или подслушать, понять, что замышляют против тебя.

Магия? Увы, знания Зоря в этой области для меня почти бесполезны. Совершенно разные наши виды и методы использования силы. Зорь применял кровь и ритуалы. В моем случае — это чистая энергия внутренних резервов, о чем тоже от него известно. Плохо, что нет у меня наставника, чтобы научил использовать магию не методом тыка, а целенаправленно. Пока я лишь исцеляться могу и воду из снега получать. А по другим направлениям у меня фантазии не хватило придумать, куда бы еще «изморозь» приложить.

Помимо разной магии, новый мир населяют различные расы, здесь богатый растительный и животный мир, чему периодически способствовали высшие. К примеру, паука, коварного обитателя дерева лапуг, сюда тоже занесло сквозь дыру в пространстве много столетий назад стараниями той же Язы. Согласно легенде, это был как раз тот случай, когда она не одну парашютистку-неудачницу подкинула, а огромное болото. Этот грандиозный подарочек кардинально изменил животный мир. В чужих топях оказалось множество кошмарных и не очень тварей, которые за столетия расселились по разным территориям в поиске приемлемых условий.

Вообще, Яза с братьями не дают обитателям Мира расслабиться, держат в тонусе.

«Подарочки» звездно-фиолетовой троицы периодически меняют мир, способствуют естественному отбору, населяя Мир новым жителями, иногда при этом уничтожая старых. Поэтому здесь великое разнообразие разумных рас — Зорь даже половины не видел воочию, только слышал.

Был и повод для радости — здешняя природа и климат похожи на земные, даже чувство полного одиночества и собственной чуждости отступали. А еще старый квошик Зорь верил и слышал от других, что есть всего один континент — Твердь без грани. Нет, здесь есть моря, как есть озера и реки. Если покопаться в памяти шамана, то «всплывали» некоторые водоемы. Здесь горы перемежаются бескрайними степями. Иногда границы природных зон являются границами отдельных государств. Каких только форм правления не видел Зорь, но милее всего его сердцу, а главное, истинно правильным он считал управление в племенах квошиков. Где вождь и шаман делят суетное и духовное пополам, а совет старейшин судит, если главные не нашли точки соприкосновения.

К сожалению, отныне Даяру придется взять на себя гораздо больше забот, но, надеюсь, со временем он поймет, что самое важное для племени я оставила Зорю, и вождю будет легче, когда над ним не будет довлеть злобная, властная суть старого шамана. А вот «юный», добрый и не испорченный грузом пережитых невзгод Зорь, закончивший обучение у хорошего и мудрого наставника, поддержит и поможет Даяру. Я очень надеялась на это. И еще — молилась всю дорогу своим и чужим богам. Вечером, глядя в небо, я верила, что небесная троица — отец Мок, мать Моика и сынок Комок — добрая и, возможно, наблюдая за жителями Мира, иногда помогает им. Странное чувство и мысли, но хотелось верить хоть во что-то хорошее. Иначе надежда на светлое будущее сгинет в беспросветности бытия. Пусть леары поклоняются другим богам, но я буду чтить и этих, ведь именно они встретили меня в этом мире и наверняка помогли. Раз я жива до сих пор, вопреки всему! Чем не доказательство?!

Шум нарастает, видимо, мы приближаемся к большому селению, которые встречаются все чаще и чаще, а может даже городу. Не думаю, что квошики, жители холодного высокогорья, захотят и в силах удалиться слишком далеко от дома, от привычной среды. Последние дни им и так нелегко приходится: тяжело дышат, словно при гипервентиляции, заметно нервничают, им явно некомфортно в тяжелых меховых шубах. Чем дальше от гор, тем теплее становится. Для меня даже жарковато.

Судя по звукам и речи, мы прибыли на огромный базар. Я тревожно приникла к дыре в пологе, вцепившись в прутья. Предчувствия меня не обманули — базар сродни старому восточному, как я его себе представляла. Вокруг разномастный торговый люд, потрясающий воображение, повозки, тягловые животные — словно огромный зоопарк, только вот в клетке я, а они спокойненько снуют туда-сюда, вызывая у меня огромные опасения.

Когда мимо повозки прошла высоченная двуногая рептилия зеленого цвета, но одетая в привычную человеческому глазу одежду, я от неожиданности отшатнулась и громко ударила о противоположную стенку. «Зеленый рептилоид» тут же остановился, бросил короткий опасливый взгляд по сторонам и решил проверить, кого везут в клетке. Морду

этой «неведомой зверюшки» лицом было сложно назвать: скуластая, сужающаяся к носовым щелям гребнем, узкий длинный рот-прорезь, выпуклые, как у хамелеона, глаза — и все это смотрит на меня из-под широкополой шляпы из валяной шерсти и ежится в овчинном тулупе. Жесть!

И вот, пока этот выпуклый глазище омерзительного «василиска» приближался к прорехе и разглядывал меня в тени полога, я с трудом сдерживалась, чтобы не ткнуть в него пальцем. А нечего паялиться, вдруг повышенное внимание кому-нибудь не понравится. Мне так точно не по душе откровенный интерес зеленого двуногого «товарища», смахивающего на не в меру любопытного местного жулика. Наконец, визуализировав меня, глаз, наверное, вывалился бы из орбиты от потрясения, если бы не громкий, гневный окрик одного из моих конвоиров. Любопытствующий хозяин глаза вздрогнул, отшатнулся и кинулся прочь, правда несколько раз ошарашенно оглянувшись. Кажется, эта Ящерица Билль сам не верил собственному глазу. Забавно.

А я «вспомнила», кто любопытствовал — вашан. Если проводить аналогии, то это нечто напоминающее василиска, но не настолько опасное — от взгляда не окаменеешь, от укуса не умрешь. Зато отличается беспримечной наглостью, беспринципностью, отсутствием общепринятых норм морали и склонностью к воровству, если исходить из личного мнения Зоря. Хотя он и сам не отличался хорошими манерами и нравом. Трудно представить тогда всю степень ужасности этих вашанов.

Пока знакомилась с очередным «сказочным персонажем», мою телегу куда-то «припарковали», спустя еще томительный час полог резко содрали. От неожиданности я привычно выпустила крылья и встала, укрывшись ими как белоснежным плащом. Потом осмотрела большую площадку, окруженную высоким забором-частоколом, частично закрытую навесом и длинное, высокое, лишенное архитектурных изысков строение напротив ворот. Внутри все похолодело. Но напугали меня не «люди», собравшиеся вокруг повозки. Теперь я всех, кто ходит на меня, приравняла к людям, даже гошаров, ну кроме всяких зеленых вашанов-василисков — слишком уж страшные. В любом случае, раз мы социальные существа и разумные, тем более взаимодействуем, значит мы «человечество». До животного ужаса меня довели клетки с животными и «людьми», которые выстроились вдоль забора едва не в три ряда, подняли мощный внутренний протест.

Невольничий рынок — вот куда меня привезли! От того же Зоря мне известно, что подобных этому мест, где можно легко и просто купить хоть разумного, хоть редкого зверя не так уж и много, особенно в этой части света. Но есть, черт бы их побрал. Рабами несчастные люди не считаются, нет, лишь невольниками, а велика ли разница?

Невольниками разумные становятся за долги, которые не в силах отдать, либо пленные, в общем, в силу разных, очень неудачных обстоятельств. Или преступники, осужденные на конкретные сроки. И все носят ошейник подчинения, который при продаже передают новому хозяину. Как только невольник отдаст или отработает долг, ошейник перестанет действовать и тот обретет свободу. Да только долги бывают разными и не всегда их можно вернуть.

Помня о недоразумениях во время встреч с представителями Мира и об отсутствии у меня долгов перед квошиками, соответственно — ошейника, я выпрямилась и обвела торговый народ хмурым взглядом. «Я не червяк, вы меня не раздавите», — твердила себе как мантру. Вокруг телеги собралось пятнадцать заинтересованных лиц, включая пятерых квошиков из моих конвоиров и, уже без сомнений, продавцов «живого товара». Среди покупателей, точнее, если судить по клеткам вдоль забора, посредников, выделялся приблизившийся ко мне более других рослый (как я отметила, высокий рост здесь скорее норма, чем исключение), бледный, с яркими красными губами и глазами мужчина, а вот это уже отличительные черты. Почти обычный человек, если бы не кроваво-красные губы и поразительно красные радужки глаз. Глаз, которые оценивающе скользят по мне. Я бы назвала его вампиром — высокий, худощавый, бледный, но с красными глазами и губами, — если бы память услужливо не подсказала, что кровососущие в этом мире — насекомые и некоторая нечисть. Еще в брачных обрядах некоторых рас присутствует обмен кровью, но не более.

Вспомнила: красноглазый деятель относится к предприимчивым и не менее хватким, чем вашаны, аяшам — прирожденным торговцам, азартным без меры, прекрасным певцам и

вечным путешественникам, кочевникам. Именно от них пошло невольничество. Представители аяшей частенько удостоверяют долговые клятвы, договоры и прочие жизненно важные акты гражданского состояния. Этакie нотариусы, правильнее будет сказать, мировые стряпчие. К тому же, аяши — ростовщики и менялы. Магией, как и квошики, владеют далеко не все, но торгаш сидит в каждом из них с пеленок. За красноглазым предводителем местных деловых кругов дугой выстроились вашаны и еще парочка аяшей. Все недоверчиво и напряженно пялились на меня.

Наконец, главарь презрительно произнес, глядя на квошиков:

— Пять литов, не больше. Если бы предупредили заранее о крылатой, время на вас не тратил. Сплошные убытки несую, будто Яз забрал удачу!

— Это редкий гость в наших краях! Когда еще, уважаемый Тейш, тебе выпадет случай выставить на торги леару? — возразил один из моих конвойных.

Ого, квошики, оказывается, не только короткими фразами общаются, как делали всю дорогу, даже между собой.

Аяш иронично дернул уголком рта:

— Ожидать от горняка большого ума не приходится, но ты должен знать, что использовать крылатых могут избранные. А без договора и подавно!

Квошик пропустил оскорбление мимо ушей и продолжал «нахваливать» товар:

— Она — подкидыш Язы, убогая, слабая, незащитная, без магии и... —

Торговец резко вскинул узкую холеную ладонь, останавливая:

— Я — шакрэ, лишние слухи мне ни к чему. Мое дело — принять товар и продать, а с проблемами пусть разбираются будущие хозяева. Или бывшие...

— Они не имеют права меня продавать, — перебила я посредника, мрачно взглянув на описывавшего мою ущербность дикаря, и добавила с нажимом: — И ты тоже, уважаемый Тейш!

И только потом осознала свою ошибку: аяши азартны, а я бросила ему вызов. Эх, говорил же папа, что опытный состоятельный продавец говорит тогда, когда его спрашивают, и отвечает на конкретный вопрос. И только голодный и безденежный говорит без умолку, навязывая свой товар. С другой стороны, кажется у меня получилось, наконец-то, общаться с жителями Мира!

— Пять литов! — красные губы аяша раздвинулись в неприятной ухмылке. Затем он обернулся к одному из аяшей и приказал: — Тшень, заплати им. А ее пусть отправят в аид и приготовят. Завтра торги; видимо, великий Яз еще недалеко удалился и позволил вернуть потерянное.

Ну да, если Яза тащит в мир подкидышей и все-таки славится справедливостью, то ее средний брат зовется Язом Куражом и покровительствует торговцам, наемникам и артистам. А вот старший, Аяз, называется неоднозначно — Расчет. Олицетворяя не столько финансы, сколько месть — кару небесную за дела, грехи и поступки. Я не удивлюсь, если оказалась на невольничьем рынке не без участия Аяза — произвел расчет, так сказать. Видимо, посчитал, что слишком легко мне много знаний достались, вот и отправил отработать. Я тоже решила воспользоваться лишними словами покупателя:

— Они не имеют права меня продавать, а ты — покупать. Думаю, Аяз тебе скоро об этом напомнит.

Покупатели, продавцы и наблюдатели замерли, деляга аяш, сузив вампирские глаза, посмотрел на меня, дернул губой и с кривой насмешкой выдал:

— Слишком много о себе мнишь, леара, чтобы за твоей судьбой следил сам Аяз. Он уже в пути домой и обратно вернется через сто кругов. — Даже красные глаза к небу выразительно поднял, вампирюга. — И если тебе еще удастся его дождаться и попросить расчета, то мой бранный путь закончится гораздо раньше.

— Лучше обратись к великой Моике, раз ваши лары отвернулись от ущербной крылатой, отобрав у нее магию и разум! — злобно поддакнул ему Тшень.

Я мотала на ус новую информацию. Значит, квошики схитрили: мол, я не опасна, раз без магии, да еще и головой повредилась. Молчание — золото, не зря мне бабушка советовала, выслушивая очередную говорливую жену «непутевого» сына. И я решила промолчать, но намекнуть, ведь кое-что мне удастся. Раскрыла крылья, насколько было возможно в клетке,

затем встряхнула руками и изморозь сразу побежала от пальцев к локтям. И грозно посмотрела на болтливого Тшень, многозначительно приподняв бровь.

— Забирайте ее и мотайте отсюда! — нервно выпалил этот молодой аяш моим погрузившим продавцам-квошикам.

— С каких это пор сын моей сестры решает за меня дела? — зашипел главный аяш, заставив квошиков благоразумно отойти на два шага от начавших делить между собой власть родственников.

— Прости, уважаемый Тейш, я погорячился, — покаянно склонился Тшень, затем шагнул к дяде и сбивчиво зашептал: — К чему такой риск с леарой? Мы только-только десяток шордов потеряли, а эта может накликает еще больше неприятностей!

Я мысленно с ним соглашалась на все сто: да-да, много-много неприятностей. Дайте только освободиться — непременно что-нибудь придумаю. Еще поймала себя на том, что словно заразилась азартом аяшей, заинтересованно прислушивалась к их речи, наблюдала мимику, жесты. Не то что в горной деревне.

Дядя тихо пенял племяннику:

— Ты слишком молод, Тшень, у тебя пока мало опыта, поэтому прощаю, но в первый и последний раз. Даже подарю тебе немного своего драгоценного времени, чтобы пояснить очевидное. На нас повис долг, Тшень, огромный долг, а завтра начинаются торги. С чем мы выйдем на них?

— У нас еще много товара...

— Тшень, заставь работать свою голову, иначе мне придется подумать о другом преемнике, — повысил голос старший родственник. — Большая часть товара — красные, за этих преступников мы жирный кусок отдаем в казну и судейским. Несколько зеленых. Ты сам видел, какие нынче пошли обычные должники — тощие заморыши. Много ли такие принесут дохода?

— У нас почти два десятка синих есть, а военные — крепкие ...

— Да что ты знаешь про вояк, сопляк? — снова оборвал его дядя и продолжил поучать. — Синие руны — это всего пять лет обязательных работ, наказание заслушание — не более десяти плетей, крупных и крепких кормить надо, как трех обычных должников. Вояки приучены убивать, в поле пахать такие будут хуже, чем шайгал без кнута. За пленных вояк нам в лучшем случае по паре лит сверху накинута.

— Но леара? Да еще неизвестно откуда и какая... — упрямо гнул свое Тшень.

— Редкий товар, который еще и привлечет внимание к остальным нашим невольникам. А откуда она и что собой представляет — не наша забота. Нам ее продали, мы тоже продали. Подробности сделки только усложняют жизнь! Если Яз позволит, на нее найдется свой покупатель; так часто бывает: самое редкое кому-то позарез нужным оказывается. Кроме того, за редкости платят, как правило, щедро!

С трудом выудив некоторые знания Зоря из своей памяти, я пригрозила:

— Даже на этом богами забытом рынке надзирают за продажей невольников и следят за исполнением законов. На моей шее нет ошейника, а значит — нет договора и оснований для продажи или покупки. За нарушение закона вы сами можете попасть на мое место. Тшень напрягся, а вот его наставник и ухом не повел:

— Вот видишь, юнец, как хорошо, когда ты не знаешь лишнего про товар. И еще важно иметь крепкую семью, особенно когда близкий родственник надзирает за торговлей и как раз на неделе будет здесь. Насколько помню, у нашего уважаемого Жимуша бывают провалы в памяти и порой плохо с глазами. Так что риск, связанный с продажей леары, ничтожен против вполне вероятного дохода, который поможет нам исправить плачевное положение.

Вау, и здесь коррупция и клановость! Я зло дернула крыльями и от бессилия вцепилась в прутья, замораживая их и дергая на себя в попытке сломать. Торговцы отшатнулись, а квошики, наоборот, придвинулись.

— Это все, на что она способна, уважаемый Тейш, — быстро сориентировался в критической ситуации голова обоза горняков. — Если вы еще сомневаетесь, берите ее бесплатно.

Я зло посмотрела на него и попыталась достучаться, заставить забрать меня отсюда:

— Аяз еще недалеко удалился и, уверена, рассчитается с теми, кто продал леару, спасшую вас во время лавины. Или великий Мок, который сейчас смотрит на нас, — я, по примеру уважаемого Тейша, выразительно возвела глаза к небу, — тоже не останется равнодушным наблюдателем вашего беззакония. Вспомните, Зорь приносил ему дары перед лавиной, просил о помощи — вам послали меня. И вот чем вы платите Моку за бесценный дар — предательством и местью. Запомните, неблагодарные, вырыл яму другому — сам в нее попадешь!

— Проклятая посланница Язы, ты взываешь к справедливости? — зашипел квошик, подавшись к клетке. — Знаешь, сколько теперь поляжет наших мужчин, если соседи разузнают про Зоря?

— Нет, не знаю, а вот вы знали, что он хотел сделать со мной: забрать память и душу! А Яза справедливо сочла его недостойным своей силы. И наказала. Она, а не я! Квошики сникли, в душе они согласились со мной, злились, конечно, но ничего не могли поделать.

— Даяр приказал — мы выполнили. Зорь не послушал его. Вот к чему приводит, когда не слушают избранника духов племени, — упрямылся обозничий квошиков и, обернувшись к аяшам, добавил: — Забирайте ее даром, уважаемый Тейш, даже если потом выставите за ворота — это будет ваше решение.

Мои дарители быстро сняли клетку и поспешно ушли, забрав шайгала с повозкой. Вашаны и аяши сверлили меня красными и змейскими глазами. Кого они опасаются? Кары моих загадочных соплеменников леаров? Язы? Или спутников этой планеты, которых почитают как богов?

Более трусливый Тшень все же решился на последний шанс отвязаться от рисков в моем лице:

— Может, и правда — за ворота? Пусть ее...

Но более меркантильный, азартный и бывалый Тейш, на котором висит очень большой долг, решил иначе:

— Может, это Яз подкинул нам удачу, а мы ее — за ворота? Нет, обидеть высшего еще хуже: лишимся удачи. Три дня от завтрашних торгов. Если никто не заинтересуется, значит — таково решение самого Аяза. Мы в любом случае ничего не теряем...

— Кроме хлеба... — буркнул один из вашанов.

Чтоб ему эта краюха в горле застряла.

Все вновь посмотрели на меня, мрачно взиравшую на них, скрючившись в клетке. Тейш криво усмехнулся:

— Нет, полноценный стол и достойная замена жалким лохмотьям на ней — наш дар Аязу, если мы не правы! В аид леару, а то дохода с нее еще нет, а времени заняла, как полноценный шорд.

Про шордов я тоже «погуглила». Зорь встречал и не раз этих широкоплечих великанов метра под три ростом — серокожих, сероглазых, могучих жителей степей. Не особо умных, зато сильных и верных своему слову, шордов часто нанимали для охраны богатых обозов.

Из их речи я знаю довольно много слов, хоть и меньше, чем у аяшей, язык которых был одним из самых распространенных в этом мире. Как и сами они.

Послушав аяшей, потерявших сразу десяток шордов, стойивших, судя по обмолвкам, огромных денег, стало понятно, почему опытный торговец решился выставить меня, леару, на торги, да еще и без договора и ошейника. Сейчас он готов делать деньги любым путем, чтобы самому не оказаться в клетке на невольничьем рынке.

Мою клетку подняли за поручни, и унесли в пугающий аид, представлявшийся как минимум темным подвалом. На самом деле оказавшимся просто тем самым незамысловатого вида длинным зданием. Пока меня в клетке тащили по широкому коридору, я разглядывала интерьер, не забывая отметить расположение внутренних помещений. Аид, я соотнесла его с постоянным двором и караван-сараям, состоит из двух половин: хозяйской, или жилой, высокая широкая арка у входа туда позволила увидеть ковры и богатое убранство; и, скажем, служебную, поделенную на небольшие комнатки-клетки с прутьями вместо дверей. В одну из них отправили меня, пересадив таким образом из маленькой клетки в большую. Аид намекает на ад, но все оказалось более прозаично и

терпимо. За ширмой нашелся уголок, где можно справить нужду и даже в лохани помыться. Какая маленькая радость после изнурительного пути.

Вечером я засыпала сытая, чистенькая и переодетая, но с мыслями о срочном побеге. На досуге вспомнился анекдот: мексиканский парашютист, если ветер попутный, — становится американцем, а если нет — колумбийским наркобароном. Моим крыльям очень, очень нужен попутный ветер! Сколько можно сидеть в клетке!?

Глава 6

Торги

Второй месяц в клетке. Жизнь — как затяжная выставка достижений Земли! Хотя, судя по тому, что третий день на рынке экспонируюсь, а на меня только таращатся и даже не прицениваются, — достижения так себе. А ведь еще два месяца назад мнила себя красавицей: стоит только пальцами щелкнуть — и весь мир будет лежать у моих длинных стройных ног. Спихнуть ответственность за столь скромный, вернее, никакой, результат на иные критерии красоты или мои старания выглядеть экспрессивно? Рада бы, обеими руками «за», но бабушкино «не говори гоп, пока замуж не выйдешь» заставляет терпеливо ждать, когда меня, наконец, выкинут за ворота. Может быть...

Словно невзначай проверила свою «прическу», которую каждое утро старательно сооружала, прикрывая лицо, надеясь выглядеть как русская Баба Яга. Все в порядке, вернее, в беспорядке: мои от природы гладкие волосы не успели распрямиться и стоят дыбом. Не нужен мне товарный вид! Вот и сижу в клетке словно нахохлившаяся сова, злобно зыряка на любого любопытного, — шел бы ты... дальше куда-нибудь. Если честно, я сильно удивлюсь, если такой непредсказуемой, вымораживающей все вокруг леарой, да еще страшной и лохматой, вообще кто-то заинтересуется больше, чем «на посмотреть».

Встала, неосознанно поправляя одежду, — надо ноги размять, а то затекли, — эх, еще не избавилась от привычки всегда выглядеть идеально на публике, даже в таких условиях.

«Служители аида» накануне торгов принесли мне «выставочный» наряд. Я искренне давилась от смеха, увидев серые стеганые штаны галифе; короткие полусапожки из валяной шерсти с кожаным «носком», защищающим их от влаги и грязи, собственно это наши родные валенки; и практически смирительную рубашку из стеганой синей ткани, скроенную, чтобы не мешать крыльям, и с завязками на спине у талии. О том, что мне выдали наряд, а не робу, догадалась по затейливой бисерной вышивке на горловине и рукавах. Рыженькие помпончики на валенках, видимо, были призваны придать аутфиту законченный вид.

Кое-как рассмотрев себя в обновках от местных производителей, решила, что в этой форме красноармейца времен Октябрьской революции и Гражданской войны мне свою красоту прикрывать крыльями не нужно. Все женственные округлости надежно скрывает. Прятать крылья Тейш строго-настрога запретил; стоило только раз попытаться, меня хлестнул плеткой один из вашанов. Благодаря ватным штанам больно не было, но обидно — слов нет!

Потом я поняла, что плеткой получила не только в наказание, это еще и маркетинговый ход — обратить внимание на леару, которую можно вот так запросто взять и ударить, а в ответ — ничего не будет. Поняла, когда толпа любопытных стремительно собралась вокруг, а махровый торговец Тейш назначил мою стартовую цену — пятьсот литов. Не знала, много это или мало, но против жалких пяти квошикам... Скотина вампирская! Пришлось действовать быстро и решительно: взревев раненным бизоном, я кинулась на прутья, заморозила их и воздух вокруг клетки, заставив народ разбежаться. Давка была что надо: налетали друг на друга, вопели, падали, лезли по головам и валялись в пыли.

Ажиотаж я создала нешуточный. Хорошо, что не в свою пользу. Во-первых, повышенная суета и толкотня привлекли внимание к «залежалому» товару — матерым преступникам,

получившим срок в судах и выставленным на продажу, чтобы вернуть в казну и жертвам преступлений хотя бы часть долгов. В сущности, выгодно: никаких тюрем, вынесли приговор — и вперед, работай на благо общества в ошейнике, который обезопасит хозяев и честной народ. Во-вторых, на моем злобном и неадекватном фоне хилые и затюканные обычные должники расходились как горячие пирожки. Еще с десятков военнопленных разобрали. Тейш с племянником только радостно руки потирали, с хитрецей поглядывая на меня.

На следующий день меня снова попытались хлестнуть плеткой, но я была готова: перехватив кожаный конец, ответила изморозью. Скалившийся вашан, который вчера глумливо лыбился, стегнув дорожную невольницу, сегодня выл на высокой ноте, баюкая обмороженную руку. И снова многострадальное «увы» сработало: реклама бывает разной, уж мне ли, наследнице строительного магната Хелле, не знать, как успешно продать долгострой, — черный пиар с обмороженным вашаном вновь вызвал горячий нездоровый интерес среди покупателей.

Теперь возле моей клетки толпились целыми семьями. Кто только не проходил мимо, еще с десятков новых рас встретила. И привычных, приятных, красивых лиц среди них оказалось предостаточно. А вообще, развелось в этом мире столько разумных, прямо не знаю, как уживаются в такой тесноте. Благодаря повышенной проходимости я увидела несколько женщин, большей частью почему-то гошарок, этаких орчанок, более изящных, чем их мужчины, в чем-то даже экзотично привлекательных. Смотрела на иномирцев из-под копны спутанных волос и время от времени бубнила, как заведенная: «Я без договора, это незаконно... позовите стражу...»

К моему горькому сожалению, на местные органы правопорядка надеялась я напрасно. Как Тейш — чтоб ему самому сидеть в клетке! — и предупреждал, контролировавший соблюдение законности сделок на невольничьем рынке родственник оказался коррумпированным. Он важно прошелся мимо, продемонстрировав народу, что все в порядке и законно. И лично мне «любезно» улыбнулся — ухмыльнулся, скривив кроваво-красные губищи. Эх, вот чувствую, наверняка Аяз Расчет сейчас не аяшей, а меня по своим и по папиным долгам платить заставляет. По полной, так сказать!

После полудня, на второй день торгов, всем было не до меня. У торговца, который выставил свой товар напротив тейшевского, случился форс-мажор. Один из невольников, вроде спокойный мужик в дубленке и плотных штанах, как гошар-обозник, правда, чересчур плотоядно и мрачно поглядывавший на проходивших мимо покупателей, взбрыкнул. Именно так мягко, по-моему, сказал продававший его вашан, когда объяснялся с «оборотнем в погонах» Жимушем.

Дело было следующим образом. Клетку с внешне «почти приличным человеком» с лицом слегка зеленоватого оттенка и черными глазами навывкате вытащили из общего ряда поближе к покупателям и начали довольно сложную и длительную процедуру передачи ошейника новому хозяину. А невольник «взбрыкнул» — содрал с себя еще не «закодированный» ошейник, разметал металлическую клетку, будто декоративную, надавал по мордам рядом стоявшим продавцам и покупателям, кое-кому даже голову оторвал...

Потом и вовсе чудеса — мгновенно отрастил вторую пару ног и был таков. То ли улетел, то ли ускакал в неизвестные дали. На свободу, надо думать.

Вместе с остальными свидетелями происшествия я ошарашенно провожала взглядом загадочного беглеца. И главное, в памяти Зоря этот приличный «богомол» не всплыл. Как жить? Сколько еще вокруг подобных неопознанных объектов бродит? Меня не в аид поместили, а словно в ад переселили! Для себя отметила, что вот такие «приличные люди слегка зеленого оттенка» — не от плохого самочувствия, а весьма неоднозначного и опасного внутреннего содержания. Держаться от них следует подальше или вести с ними очень, очень вежливо, чтобы не взбрыкнули. Защити меня великие Мок, Мойка и Комок... Захотелось встретить принца или, на худой конец, рыцаря в сияющих доспехах. Чтобы спас, укрыл, защитил. И чтобы в его замке непременно подавали на завтрак апельсиновый фреш. У меня прямо идея фикс проявилась во всей красе. Апельсиновый сок стойко ассоциировался с хорошей, безопасной жизнью.

Между тем, пока я рефлексировала, «правоохранитель» во всю выписывал кучу штрафов и, по требованию опомнившихся пострадавших, вешал долги накосячившему вашану,

продававшему сбежавшего особо опасного невольника. Причем делалось все прямо на месте преступления, не отходя от кассы, как говорится. Кажется, бедолага василиск, обреченно страдальчески вращавший зенками в процессе разбора полетов, уже мысленно примеривал на себя освободившуюся клетку.

На третий день невольничьих торгов ждать и терпеть с каждым часом становилось все сложнее. Клетка настолько обрыдла, что тело чесалось от нетерпения. Вот бы размять крылья, раскрыть во всю ширь и попытаться взлететь! В груди горело от жажды свободы, пусть вновь голодной и с неизвестной перспективой, но свободой!

С полудня я уже уговаривала себя: осталось потерпеть всего полдня! А потом, по словам Тейша, меня выставят за ворота, на свободу. Вспомнила, как попав к аяшам, рыдала, проснувшись среди ночи, ужаснувшись своему новому будущему невольницы, а потом такая злость взяла на судьбу, что до утра строила планы побега и отмщения. И затем прилежно воплощала их в жизнь, пытаясь навести ужас на покупателей своим зверским видом. К вечеру первого дня настроение и вера в светлое будущее вернулись. А на третий день я и вовсе посмела мечтать о свободной жизни.

Очередной любопытствующий иномирлец замер в паре шагов от моей клетки, с недоверием и недоумением вытаращившись. Позволить ему более глубоко задуматься, как здесь леара затесалась, я не собиралась — зашипела с перекошенным лицом и стряхнула с рук изморозь. Отлично, и этот потенциальный покупатель отшатнулся и, сплюнув, пошел прочь!

Мимо меня нескончаемым потоком ходили «посетители»: праздные зеваки, лишь удовлетворявшие интерес, и деловые люди, прибывшие издалека специально за одним или несколькими невольниками. Кого только я не видела! И важных господ, кутавшихся в шикарные меховые плащи, чинно ступавших в сопровождении высоченных охранников шордов. И местных фермеров, придирчиво и очень тщательно проверявших каждого невольника, с неохотой расстававшихся с деньгами, торговавшихся до хрипа. Эти частенько были с женами и взрослыми детьми, шумной, многоголосой и эмоционально яркой толпой создавая гвалт восточного базара.

Удивительно, но за три дня на торгах и более чем двухнедельное путешествие по долине, мне ни разу не встречались женщины в юбках. И мужчины, и женщины носили исключительно штаны, разного покроя и материала. Может это у них дорожная униформа? Хотя мне тоже галифе выдали.

К продавцам живым товаром обращаются — шакрэ. Это не только обращение, но и должность, или профессия, — неуважаемая, опасная и весьма денежная. Именно шакрэ продают расписки владельцы неисполненных обязательств. Именно к ним привозят целые обозы с бесчувственными военнопленными, которых держат в состоянии магического сна. Отправляют преступников из судов, только тем помимо ошейника на щеки ставят магическую печать с руной, означающей вид совершенного правонарушения и срок «отсидки».

Я видела множество ошейников, слушала переговоры шакрэ и покупателей и узнала, что ошейник и есть договор купли-продажи невольника, содержащий все необходимые условия. Этот металлический обруч с грубым замком и цветными магическими рунами, которые неким волшебным образом обязывает невольника к послушанию и служению хозяину. На военнопленных ошейники синего цвета, зеленые — на потухших, усталых должниках. А вот на преступниках ошейники красным огнем горят, и чем страшнее преступление, тем ярче и злее полыхают. Таких покупают в основном для работы в шахтах и на других опасных объектах, гонят словно скот, пешком, а не везут в повозках, как других.

«Экспонаты», подобные мне, без договора, — увы, в этом «честном» бизнесе живым товаром тоже имеет место беззаконие, — шли не учтенной статьей. Продавались «левые» на страх и риск покупателя и продавца. Есть кому прикрыть шакрэ — хорошо; не оторвали в процессе передачи товара голову — отлично. На каждый товар, даже редкий и проблемный, действительно найдется свой покупатель, в чем я убедилась за три дня. На середину площадки, куда каждое утро ставили клетки с «человеками», прикатали повозку с мужчиной. Неожиданная доставка, ведь обычно товар расставляли заранее, с самого раннего утра, стоило только «сыночку» Комку забрезжить розовым светом. Хозяин

клетки, тот самый неудачливый шакрэ вашан, видимо, решил экстренно поправить дела после большой неудачи с «богомолом».

Новый невольник — высокий, мощный, черные волосы до плеч, тело бугрится мышцами — красовался в кожаной, явно не по погоде одежде, которая подчеркивала его скульптурное тело. «Раздетых» здесь было не так уж и много — я да еще пара-тройка. Поэтому мне было вдвойне любопытно: кто он такой? Узкое лицо с хищными угловатыми чертами — высокими скулами, твердым, упрямым подбородком, тонкими губами. Клыки не как у гошаров, маленькие, а как у пса, длинные и выдаются наружу. Похож на оборотня и скорее всего передо мной рейт. Его народ распространен на востоке, как и леары. Здесь, на севере, рейты — редкий гость.

Рейт держался прямо, вцепившись в прутья, и с такой ненавистью рассматривал сразу же собравшуюся толпу, что я передернулась от сочувствия и страха. Вдруг — бешеный и тоже взбрыкнет? На участке, которым заведовал Тейш, а его племянник Тшень с парой подручных вашанов присматривал за товаром, было, в общем-то, спокойно. Видимо, в совсем уж сомнительные авантюры осторожный аяш не ввязывался, в отличие от соседа вашана.

Новичок произвел не меньший ажиотаж, чем я, а может и посильнее. Похоже, пользы от оборотней больше, чем от крылатых ледышек леар. Да только мне, как и остальным, тоже было очевидно, что ошейника-договора на мощной шее рейта нет. Левак! Большая часть покупателей сразу отсеялась, но оставшаяся представляла достаточно внушительную группу крайне заинтересованных лиц. Пока они сустились, мы встретились глазами с рейтом. У него зрачки расширились при виде меня и брови полезли на лоб. Я виновато и с горечью пожала плечами, разведя руками, мол, вот так бывает, к несчастью. Рейт взглядом метнулся вдоль ряда с клетками, я через мгновение поняла, что он искал моего хозяина. Болотные глаза рейта вспыхнули темным огнем, словно запоминая, а потом его отвлек вашан — хлестнул по ногам кнутом.

Я воочию убедилась: рейты — это сила, страшная и клыкастая. Клетка уцелела с трудом, и то потому, что, в отличие от моей, была не деревянная, а металлическая. Надсмотрщикам чересчур предприимчивого вашана пришлось хлестать рейта со всех сторон, чтобы загнать вглубь клетки. Как, каким образом этому шакрэ удалось заполучить такого пленника?!

Скоро я узнала.

Рейта выкупил загадочный, высокий, тощий незнакомец в длинном кожаном плаще на меху. Из-под низко надвинутого капюшона был замечен лишь острый загорелый подбородок и тонкие поджатые губы. Губы жестокого и коварного существа. Как только рейт понял, кто его приобрел, — взбесился, пытаясь вырваться на свободу. А вашан с подручными нещадно лупили рейта плетками, возмущая меня до глубины души. Разве можно так обращаться с разумными? В конце концов, с товаром, за который заплатили, по местным меркам, огромную сумму.

Я не выдержала, просто не смогла отстраниться и, просунув руку между прутьями, выпустила струю изморози, которая отсекла клетку с рейтом от продавца и покупателя. «Шпала» в плаще, увидев, что рейт, благодаря моей поддержке получив несколько мгновений передышки, буквально раздирает прутья в стороны, чтобы пролезть сквозь них, откинул меховую полу. А дальше сизый туман окутал голову рейта. Он дернулся, неуверенно шагнул назад, с болью посмотрев на жуткого незнакомца, а затем медленно осел на пол, глядя уже на меня, словно пытаясь сконцентрироваться и... не уснуть.

— Хаоши... хаоши... хаоши... — зашелестел по рядам испуганный шепот очевидцев.

На памяти Зоря это служители ордена убийц.

Уже через пару минут рейта, будто младенца пеленала, связывала пара крепких незнакомцев, в таком же одеянии, как и усыпивший его гад субтильной комплекции.

Невезучий рейт вяло боролся со сном, пытался не закрывать глаза, смотрел на направлявшегося в мою сторону — только не это! — хаоши.

За все приходится платить в любом мире — помощь товарищу по несчастью привлекла ко мне внимание «шпалы». Он медленно подошел к моей клетке. Я напряглась в ожидании, смутно мелькнула мысль, что этого доходягу просто так не отпугнуть. Подскочил Тейш и радостно назвал сумму в пятьсот литов. Вампирская зараза, чтоб тебе самому в этой клетке сидеть пришлось!

Какое там, аяш едва не лопнул от счастья, когда кто-то, сильно запыхавшийся, из-за спины хаоши выкрикнул:

— Шестьсот литов — и она моя!

Следом на передний план выдвинулся вашан, тот самый, кто первым встретил обоз квошиков на въезде. Которому я сейчас, уже не раздумывая, не только пальцем, но и кулаком бы двинула в выпуклый, вращающийся от волнения глаз.

Хаоши, словно в отместку, прошелестел необычным, пробирающим до дрожи загробным голосом:

— Тысяча литов!

Тейш на пару с жуликоватым вашаном чуть не свалился в обморок, только первый — в эйфории, а второй — страдая от расставания с деньгами, потому что прорыдал:

— Тысяча и один лит!

Хаоши из-под капюшона смерил меня оценивающим, кажется, осязаемым взглядом, пробирающим до костей, а потом молча отвернулся, как бывает, если теряют интерес. Только глухой не услышал наш с вашаном общий всхлип облегчения. Поспешили радоваться: почти неуловимое движение хаоши — и сизый туман опускается на меня, забирая ясность ума, силу и волю. Пока я медленно оседала на пол, «шпала» обернулся к моему новому хозяину и голосом, словно пропитанным смертельно опасным ядом, зловеще прошипел:

— Это ей наказание за вмешательство в наши дела, а тебе — помощь, Цирик. Ты же знаешь, мы бесплатно не помогаем, с тебя пятьсот литов.

Вашан, которого называли Цириком, обессиленно привалился клетке. Видимо, покупка стоимостью тысячу пятьсот один лит подкосила. Зато Тейш с Тшенем на радостях возносили хвалу великому Язу за удачу. Тейш еще и прошелся по спине племянника хлыстом, по-родственному напомнив ему о том, как хотел выставить меня за ворота, презрев кураж и удачу.

Затем сон увлек меня в темные дали безнадеги и беспросветности. Эх, Аяз, как же ты суров в своих расчетах.

Глава 7

В гостях у другой сказки

Как-то я уже обыденно выбиралась из забытья, без лишней паники и страха перед неизвестностью. Похоже, человек ко всему привыкает довольно быстро. Так и я, еще не открыв глаза, сначала прислушалась к окружающим шорохам, звукам, запахам и затем приоткрыла глаза. Чувствовала себя вполне сносно — немного вялой, будто переспала или недоспала.

Реальность неожиданно порадовала, словно Мир решил устроить мне каникулы. Я с удовольствием потянулась на большой кровати, осматривая просторную светлую комнату. Как будто на пляжном курорте, когда можно никуда не торопиться, опереться на это замечательное мягкое, высокое изголовье... почитать... позвонить... посмотреть телевизор... Жаль, очень жаль, что телевизоров здесь нет. Интернета тоже... и гугла, и самого завалящего GPS навигатора, чтобы выяснить, куда меня на этот раз занесло. Был ли тот ветер попутным?

Ну и ладно, не хай-тек, конечно, и матрас не мой премиальный Cloud Prima, но хоть никто не пинает, не будит, не лезет. Неторопливо села и полюбовалась красивой нежно-персиковой драпировкой стен из ткани, напоминающей парчу, толстый бежевый ковер из мягкой шкуры, высокие французские окна, завешенные белоснежным кружевным тюлем. Кроме человеческой кровати, после квошевского минимализма радовала глаз изящная мебель для будуара высокородной дамы восемнадцатого века, каким я его представляю. И вся эта старинная красота явно для трепетной, лелеемой лани предназначена, а не

прожженной соблазнительницы. Если кто-то неизвестный так для меня постарался, то я оценила: люблю воздушные и светлые интерьеры.

Сердце хоть и трепыхалось от страха неизвестности, но в душе я надеялась на попутный ветер, ну или хотя бы не штормовой. Брезгливо посмотрев на свою «красноармейскую форму», в которой было невероятно жарко. И которая смотрелась в прелестной комнате совершенно чужеродной. Я моментально вспотела, но сдирать с себя одежду и топтать босыми ногами было бы, по меньшей мере, неразумно. Зарылась в высокий мягкий ворс ковра босыми ногами, уставшими от хождения по камням, от меховых тапок, от валенок, от того, что без педикюра, в конце концов, и блаженно вздохнула.

Потопталась, подошла к окну и, слегка отдернув занавеску, почувствовала вибрацию защитной магии на стекле. Наученная горьким опытом, я осторожно коснулась пальцем оконной задвижки — и одернула руку, ужаленная охранными чарами. Увы, мексиканский парашютист летит в сторону границы с Колумбией, а ведь светлое будущее было так близко.

В следующее мгновение у меня перехватило дыхание от пейзажа за окном. Горы! Но не знакомый до боли Квош. На горизонте высятся настоящие исполины, прячущие снежные пики в сиреневых облаках. Судя по цвету небес и спутникам, уже утро. Я словно приклеилась к этому окну в мир, где все казалось сочным, ярким, согретым щедрым солнцем...

Трехэтажный дом, куда меня занесло свежим ветром перемен, разительно отличается от приземистых одноэтажных домишек предгорья Квоша. Большие — южные — окна выходят в пышный рукотворный сад, за которым видна узкая, мощеная камнем городская улочка с добротными домами, с кованными заборами. Изловчившись, чтобы обзор не закрывали раскидистые плодовые деревья, я разглядела и прохожих с вполне симпатичными лицами — мужчину и женщину, облаченных в широкие брюки, сандалии и легкие рубахи-туники с разрезами от талии до середины бедра. Значит, климат здесь гораздо теплее.

Хотелось бы знать, как мне удалось добраться так быстро из одной климатической зоны в другую? Я, конечно, голодна, но не умираю от истощения. И еще немаловажный момент — нарядные, в по-летнему легкой одежде мужчина с кинжалом за поясом и женщина, обвешанная украшениями с головы до ног, шли вполне спокойно. И выглядит все это за окном несколько не мрачным средневековьем, а уже более продвинутым и приемлемым, как какой-нибудь квартал старой застройки, оставленный в современном городе для истории. Я много подобных видела, путешествуя на родине.

Замерев у окна, я погрузилась в воспоминания Зоря и, за неимением там скоростных средств передвижения, смогла найти лишь один подходящий вариант быстрого перемещения — пространственные порталы. Или дыры, создаваемые с помощью черных пентаграмм редкими магами-портальщиками, которых смешно называют дыроколами. Как в русских сказках — махнул рукой и перенесся куда захотел — здесь не работает.

Дыроколы находят места силового напряжения и в буквальном смысле делают пространственный прокол в четко оговоренное и хорошо известное место.

Путешественники и торговцы ориентируются по пентаграммам и рунам, указывающим, куда ведет та или иная дыра. Правда, сила в них со временем истощается и проход закрывается. Поселениям, рядом с которыми открывают подобные транспортные тоннели, это весьма выгодно, вот они и платят дыроколам за работу, а затем своими силами собирают пошлину с желающих сократить путь.

Хорошо, что меня вырубили: страшно представить, как проходил пространственный переход. Я бы сошла с ума только от мысли, что сила в дыре закончится именно на мне, и она схлопнется, либо размазав меня, либо порвав на кусочки.

Отпустив нежную кружевную занавеску, я задумалась. Судя по магической защите на окнах, я по-прежнему пленница. Хозяин пока неизвестен. Вряд ли вашан приобрел меня для себя, наверняка бегал к хозяину или заинтересованному лицу, раз отсутствовал три дня и с невыразимой мукой расставался с деньгами. Вероятно, ему выдали определенную сумму, из которой он надеялся урвать что-то себе. Но не вышло! Нарвался на хаоши.

Несколько блюд и бокалов на небольшом круглом столике радовали глаз, но сначала надо бы найти санузел. Он непременно должен быть в этих шикарных покоях, хотя бы примитивный. Я обнаружила его с первого раза — толкнув дверь, увидела помещение,

выложенное яркой желто-голубой мозаикой, с почти родным унитазом, правда с ручным сливом с помощью медного ковшика и ведерка; огромным зеркалом; раковиной-тазиком и настоящим маленьким мозаичным бассейном. Я радостно ринулась к благам местной цивилизации, раздеваясь на ходу, презрев страхи и условности. Быстренько вымылась, благодаря всех, кого только можно, за счастье почувствовать себя человеком. Завернувшись в мягкую белую простыню, я осторожно высунулась из чудесной купальни проверить — не появились ли хозяева. Спальня оказалась по-прежнему пустой. Уныло обернулась на свою скромную одежду от Тейша, сваленную на пол у бассейна, — надеть ее означало бы просто умереть от жары, и вообще, это какие-то жалкие тряпки. А не проверить ли мне размеры гостеприимства очередного хозяина?

Открыв вторую из трех дверей, я обнаружила заветный гардероб, заставленный сундуками с одеждой. Бегло осмотрев содержимое самых близких, я призадумалась: ничего подходящего для себя в крылатом облике не нашла. И дело даже не в отсутствии привычных платьев и юбок. Здесь достаточно легких штанов-шароваров с украшенными бисером поясами и манжетами, просто широких шелковых брюк светлых тонов (я сразу выбрала для себя такие). Проблема была с верхней частью. И опять-таки, коротких кофточек, которые, как у индусок, оставляют живот открытым, скрывая плечи и грудь, было полно. И легких, летящих рубашек до середины бедра, какие я недавно видела в окне на парочке прохожих, — хоть butik открывай.

Все эти наряды не для крылатой девушки. Даже если втянуть крылья в спину, стоит занервничать, они оставят меня в лохмотьях или голой. Покопавшись в третьем сундуке, я нашла подходящий голубой топ с открытой спинкой, который не будет мешать крыльям. Осмотрев выбранную одежду, надо отдать должное, хорошего качества и приятную на ощупь, я вновь тяжело вздохнула: раньше шопинг настроение поднимал. А теперь... Счастье — не моль, в шкафу не поймает!

Я впервые после появления в этом мире увидела себя в настоящем большом зеркале: та же девушка с гладкими платиновыми волосами ниже лопаток, обрамляющими овальное личико с точеными чертами, пухлыми губами и большими блестящими фиалковыми глазами. Печальными глазами. Изящная линия плеч и шеи подчеркнута голубым топом, плотно облегающим мою высокую грудь, открывая бледную нежную кожу живота. Светлые свободные брюки, сшитые из тонкой, слегка просвечивающейся и будто ласкающей кожу ткани, подчеркнули длинные ноги.

Мягкие мюли на кожаной подошве с множеством тоненьких, затейливо переплетенных, светлых кожаных ремешков только усиливали эффект хрупкости и ранимости. В зеркале отразилась яркая, но при этом бесстрастно холодная красавица а-ля натюрель. Крылья шевельнулись за спиной, и я с горькой усмешкой подумала, что сейчас похожа на ангела — красивого, но слишком отстраненного от всего земного жителя высоких далеких небес. Возможно, кто-то гордился бы такой внешностью, а мне она пока не очень улыбалась. Даже дома. Нормальные мужчины меня опасались, считая ледяной королевой, а ненормальных я сама обходила. Одного Игоря хватило: меня его «любовь» в другой мир выкинула...

Так, долой печальные воспоминания, иначе расклеюсь, а мне нельзя — хозяин новый наверняка где-то рядом. Надо не только внешне, но и морально подготовиться к торжественной встрече. Интересно, в какой части света я сейчас нахожусь? Вдруг загадочные леары, за одну из которых меня принимают, живут неподалеку? Может, если сбегу, обращусь к ним на ПМЖ? Вот только вряд ли белоснежные крылья и ледяная магия сделали из меня принципиально новое существо. Вполне вероятно, настоящие, коренные леары быстро определяют подделку. Что будет после этого — сложно представить.

От тяжелых мыслей отвлек голодный рев желудка. Странно, почему меня никто не пришел будить до сих пор? Ведь утро в разгаре. Я помялась у накрытого разной снедью стола в сомнениях. Но блюдо с красивыми, наливными, слишком ароматными и влекущими попробовать фруктами оказались выше моих сил и сомнений. Послала все «против», «не удобно» и тому подобные и присела поесть. На голодный желудок воевать тяжело. Друзья не покупают, а спасают — это пока очевидная реальность. Если не будет доказано обратное.

Я ощущала себя Красавицей в замке Чудовища: вокруг красиво, нарядно и кушать подано, но в ожидании того самого скрытого и от того еще более загадочного «но».

Наевшись, как говорится, с запасом, вдруг в следующий раз не скоро такое случится, я решила пойти на разведку — проверить, что за третьей дверью. Откинула немного влажные волосы за спину, крылья втянула для удобства, одернула подол кофточки, безуспешно попытавшись натянуть ее на живот. И, глубоко вздохнув, представив себе, что там коридор, открыла третью дверь...

На этот раз я попала в гостиную, пожалуй. Просторную, роскошную, обставленную старинной мягкой мебелью, с гобеленами на стенах и цветами в высоких вазах. Но рассмотреть детали интерьера в восточном стиле мне помешал мужчина, сидевший в кресле с высокой спинкой. Бордовая узорчатая ткань обивки резко контрастировала с пепельно-русыми волосами незнакомца и его бледной, можно сказать, благородной светлой кожей. За моей спиной мягко щелкнула дверь в спальню, но я мысленно приказала себе стоять на месте и, стараясь делать это не слишком бесцеремонно, рассматривала мужчину, совершенно спокойно смотревшего на меня. Длинные волосы, словно стекали с его широких плеч свободной волной, по рукам, по спине; узкое лицо, тонкие губы, прямой нос с широкими крыльями, которые трепетали, словно он жадно принимался. Особенно удивительные глаза у незнакомца, большие, более выпуклые, чем обычно у людей на родине, но, благодаря немного раскосой форме и глубокому, насыщенному серому цвету, его лицо можно было считать не только экзотичным и ярким, а экзотично красивым. Такой же необычной была его одежда, вернее роскошное многослойное одеяние из тонких дорогих тканей: своеобразный зеленый кафтан, отороченный серебристой вышивкой, с рукавами чуть ниже локтя и без воротника, а под кафтаном белая рубашка с длинными манжетами и высокой горловиной, застегнутыми на маленькие пуговицы-жемчужинки. Полы кафтана, схваченного на талии серебристым поясом, свободно расходились, открывая красиво драпировавшуюся рубашку длиной до самого пола. Я уловила какое-то движение у ковра и попыталась рассмотреть обувь, но заметила лишь, как что-то мелькнуло и исчезло под подолом.

Кроме необычных глаз, иных отличий от человека разумного у этого иномирца я не заметила. Но вот в памяти он никак не идентифицировался с какой-либо расой здесь, заставляя беспокоиться: мало ли как этот высокий, мускулистый, неземной красоты махо взбрыкнуть может.

Наконец, дав достаточно времени себе и мне внимательно рассмотреть друг друга, незнакомец плавно поднялся и негромко прошелестел:

— Приветствую тебя, прекрасная шааза, в моем скромном доме!

Двигался он невероятно пластично; не наклоняясь вперед, поднялся из глубокого кресла, как сделал бы не каждый человек. Этот момент зацепил, добавив мне тревоги, но анализировать детали было некогда. Надо было срочно ответить на приветствие.

— Приветствую, уважаемый, — я не нашла в памяти другого обращения, тем более, заговорил хозяин дома со мной на «международном» аяше, и сразу решила узнать, что за неизвестное слово прозвучало — оскорбляться или радоваться: — Шаазу? Ты уверен? Кажется, на красивом лице незнакомца отразилось недоумение. В следующее мгновение он оказался рядом со мной и чересчур пафосно прошелестел:

— Белоснежные крылья не дадут даже сомнению закрасться у любого, кто знает про великих леаров не понаслышке!

Сверлил меня внимательным взглядом, но при этом руки не протягивал. Заметно держал дистанцию. Бойся ледяной магии? Или проявляет вежливость? Почему бы не задать прямой вопрос или два:

— Чего ты хочешь от меня и почему я здесь?

— Я всего лишь твой спаситель, не более...

— Ты купил меня как вещь, хотя никто не смеет продавать без договора. На окнах охрнка, которая лучше любых слов говорит, что я здесь не гостья, а пленница. На спасителя ты не слишком похож.

Пока я высказывала свои претензии и делилась наблюдениями очень вежливо, но твердо, в удивительно серых, необычных глазах «спасителя» разгорался интерес. Слишком горячий интерес, мужской, почти плотоядный. Вот и думай что хочешь, тем более сама убедилась: в этом мире все возможно, и какой-нибудь взбрыкнувший «богомол» вполне может сожрать недоделанную леару.

— Прошу прощения, сладчайшая, но мой поверенный совершенно случайно наткнулся на тебя на севере. Ему пришлось действовать по обстоятельствам, спешить, чтобы уведомить меня о том, что прекрасная леара попала в беду. Мне понадобилось время найти три тысячи литов, ведь на меньшую сумму...

— Полторы тысячи потратил ваш поверенный. Я не ошибаюсь, это Цирик? Да, и еще один лит в придачу! — сдала я проныру вашана.

Хозяин, которому я дорого обошлась, приподнял серые брови в неприятном удивлении, но быстро обратил эту информацию себе на пользу:

— Прекрасная леара стоит любых литов, ничего не жалко!

— Я свободная и совершенно бесценная, поскольку не имею цены! — не сдержала я злости. Едва заметная тень скользнула по лицу незнакомца, прежде чем он мягко возразил:

— Каждый из нас, увы, имеет свою цену.

Я упрямо фыркнула:

— Тот, кто знает себе цену, явно привык ее называть!

Мужчина склонил голову к плечу, рассматривая меня сверху вниз, а я в очередной раз подивилась, насколько здесь высокие жители.

— Боюсь, как хозяин дома я не проявил должного уважения к своей драгоценной гостье. — Он взмахнул рукой в направлении кресел, одно из которых занимал, и предложил: — Присаживайся. Может освежающего вина?

Мы расположились в креслах, оба как на иголках, готовые вскочить немедленно.

— Нет, спасибо, я перекусила в спальне... — И смутилась, вспомнив, что и в чужой гардероб лазила без разрешения. — Очень благодарна тебе... э-э-э... за завтрак и одежду.

— Меня зовут Шедвик, — слегка склонил голову любезный хозяин дома, — родом я из Серого подземья.

— Кайя, — я повторила его движение и осторожно уточнила. — Подземья?

Шедвик внимательно уставился на меня, как будто сканировал полыхающими серыми глазами. Затем резко спросил:

— Откуда ты, Кайя? Из какого рода?

Врать бессмысленно, все равно нечего. Зато финт с амнезией во всех фильмах отлично срабатывал, может и здесь попробовать?

— К сожалению, кроме имени я о себе ничего не помню. Меня нашли в горах квошки, а потом обманом продали аяшу. Я немного помню языки, еще кое-что и, пожалуй, все...

Эта новость ошеломила Шедвика, причем, как мне показалось, кардинально изменила его планы в отношении моего пребывания здесь.

— Мне очень жаль, что тебя постигла большая беда. Я постараюсь стать тебе настоящим и самым преданным защитником, а не просто спасителем.

— Я...

Шедвик резко поднял руку, останавливая мою попытку напомнить, что я свободная:

— Да-да, я понимаю твои чувства и сомнения, Кайя. Уверяю, ты не пленница, а охранки на окнах от вора и лиходеев снаружи. К сожалению, в наше время состоятельные миряне могут рассчитывать только на себя и лично заботятся о защите своих близких.

Я профессионально улыбнулась, показывая, что поверила, но напонила:

— И все-таки, зачем я тебе нужна?

Кажется, Шедвика отпустило: он заметно успокоился. Неужели полностью поверил?

Теперь уже мне стало не по себе: этот красавчик выглядел и вел себя как прожженный делец, тогда почему вдруг поверил незнакомой крылатой? Может, ему Цирик что-то рассказал о моей трехдневной выставке-продаже, но ведь его там не было в то время? Или я веду себя слишком непривычно для леары, поэтому моя легенда не вызывает сомнения?

Можно еще, конечно, думать, что каждый верит в то, во что ему больше хочется.

Пока я задавалась вопросами, Шедвик подался ко мне ближе, опираясь локтем о подлокотник, и, заглядывая в глаза, проникновенно зашелестел:

— Не хочу недомолвок, Кайя, раз уж у нас такой необычный случай. Попробую открыться и сделать все, чтобы ты поняла и доверилась мне.

— Я буду очень благодарна тебе, — поддержала благие намерения очаровательно-доверчивой улыбкой, — особенно если коснешься жизни леаров и своей.

Шедвик тоже улыбнулся, вероятно, думал, что мягко и по-доброму, но мне показалось — торжествующе и снисходительно. Либо я параноик, которого происки Зоря здесь и близких мне людей там довели до ручки, либо в улыбке очередного иномирца действительно отразились эти чувства, но внутри у меня все скрутилось в тугую пружину.

— Леары — прекрасный крылатый народ, выбравший для жизни вон те снежные вершины, что видны из окна. — Рассказчик повернулся к окну, приглашая присоединиться к нему. — Далеко-далеко тянется Великое восточное высокогорье, и полностью принадлежит вашим родам. Вы обладаете необычной для большинства мирян магией — ледяной. Там, высоко в горах, не холодно, как кажется отсюда, поскольку леары вытянули весь холод и теперь среди вершин благоухают сады и стремятся ввысь белоснежные дворцы.

— Прямо райское местечко, — шепнула я сдавлено.

— Райское? — переспросил Шедвик.

— Избранное богами, самое прекрасное, благодетельствованное. — Заметив тень подозрительности на лице собеседника, я, не моргнув глазом, соврала: — Так квотики называют места, куда мечтают попасть после смерти.

Шедвик сразу успокоился и продолжил вещать:

— Да, райское место. Только жить там непросто. У вас жесткая иерархия силы. Черные ша — самые слабые магически. Белые шаазы — самые сильные. Никто из мирян к шаазу не смеет прикоснуться — иначе смерть. В Высокогорье шааз — носитель эйфории, прикоснуться к которому мечтает каждый леар, чтобы окунуться в наслаждение, получить частичку магии, усилить свой дар. Но шаазов из года в год рождается все меньше, они с огромным трудом находят себе пару, чтобы получить потомство. А внутренние интриги, стычки и столкновения идут за каждый клочок Высокогорья, каждую женщину или плод с дерева. Я не знаю народа более воинственного и жестокого, чем леары.

Я сипло спросила о том, что меня неожиданно задело:

— Пару для потомства?

И вновь мне показалось, что Шедвик обрадовался этому вопросу:

— Да, потомство у леары бывает лишь от пары. Если... — и многозначительно замолчал.

— Если что? — настояла я.

— Да, может, к счастью, а может, нет, леары совместимы еще с одним видом. Мы живем в Сером подземье, которое тебя так заинтересовало.

— А вы кто? — натянуто улыбнулась я. — Ну кто живет в этом подземье?

— В народе нас обычно называют ледяными, а боги нарекли ледяными змейсами. Мы те, от кого леара легко может понести...

— Легко? — сипло переспросила я, хотя в данный момент меня больше волновало другое, я смотрела вниз, на подол платья змейса.

Мужчина удовлетворил мое любопытство. Из-под платья показался мощный, не очень длинный хвост во всей своей красе. Толстый конец, покрытый переливающейся серой чешуей, стучал по ковру, выдавая нетерпение и волнение хозяина, а может и еще что-нибудь.

— А... а как же ноги? — выдохнула я в полном ступоре.

Такое чудо ползающее я впервые видела, чтобы сверху — шикарный красавец, а снизу — змей! Вот тебе, Красавица, Чудовище... «ужасно симпатичное».

— Мы можем изменить хвост на ноги... ненадолго... — вкрадчиво, будто уговаривая, шепнул Шедвик.

Я ошеломленно подняла взгляд и тихо спросила:

— А как же магия ледяная? Я тебя не заморожу?

И словно смела дистанцию между нами. Шедвик плавно скользнул ко мне, опустился на один уровень со мной и произнес:

— Нет, сладчайшая, магия леар на ледяных не действует, как на остальных жителей Мира. У нас схожие энергетические потоки, поэтому мы совместимы. Прикосновением ты доставишь мне удовольствие. И присутствием в моей одинокой жизни сделаешь самым счастливым змейсом. Я стану для тебя самой надежной опорой и защитником, лучшей половинкой...

— А где же яблоко? — едва слышно шепнула я, ощущая себя Евой в Раю, искушаемой Змием.

— Что? — замер Шедвик, а потом, не дожидаясь ответа, медленно взял мои руки в свои. — Я могу стать лучшим выбором для тебя, прекрасная Кайя.

Чешуя на жутком змейском хвосте встопорщилась, зрачки огромных серых глаз расширились, как у наркомана. Да я даже руками ощутила, что его тело зашлось мелкой дрожью... блаженства. И совершенно хладнокровно поняла: вот еще один неучтенный «бонус» моей магии — батарейка или стимулятор эндорфинов. Все страньше и страньше... Шедвик неожиданно порадовал и тем самым успокоил: заметив горечь на моем лице, резко отстранился и выпустил мои руки. Ласково и мягко улыбнувшись, он хрипловатым голосом заверил:

— Не надо, не думай о плохом, Кайя! Ты вне опасности! Я покажу тебе весь Мир, брошу к твоим ногам все богатства. И поверь, сделаю тебя счастливой! Просто доверься.

— Как? — подняла я на него измученный взгляд.

Довериться хотелось хоть кому-то, нести ношу одиночества и бороться со всем миром — не для меня. Я бесконечно устала биться как рыба об лед.

— Выбери меня, — мягко, с надеждой прошелестел Шедвик. — Ты только выбери меня для жизни, стань моей. Мы наденем брачные браслеты и больше никогда не испытаем одиночества.

Словно по волшебству в его руках появились два тяжелых на вид, широких браслета, сияющих замысловатыми рунами. Красивые, но мне показались слишком громоздкими для ежедневного ношения. Я заворожено смотрела на них, не в силах оторваться, мысли и чувства мешались, переплетались... как-то неправильно, сами по себе. Пришлось зажмуриться, чтобы отвернуться. Сжимая на коленях кулаки, я попросила:

— Мне надо подумать, ладно?

— Ты забыла, что не пленница, а гостья? — по-доброму укорил змей, покачив головой, прямо как моя бабушка и незаметно, словно иллюзионист, спрятал браслеты. — Ты можешь все, тем более — подумать над очень важным шагом в своей жизни. Просто помни: стать твоим — моя заветная мечта.

— Спасибо, — я погладила его руку, испытывая огромную благодарность за щедрость и доброту.

— Моя драгоценная, ступай в опочивальню, тебе надо еще отдохнуть после чудовищных событий, скитаний и невольничьей клетки. Поесть тебе накроют там же. Поспи, расслабься в купальне, поешь и подумай — и верное решение придет само собой.

Кажется, устами гостеприимного змея глаголет истина. Зачем торопиться — лучше отдохнуть, поесть и спокойненько подумать. Поэтому согласно кивнула, улыбнулась и отправилась в спальню.

Глава 8

Трагедия

За моей спиной вновь захлопнулась дверь, я рассеянно обвела взглядом прихотливую, карамельно-воздушную спальню, словно из сказки или покоев прекрасной принцессы. В голове после общения с Шедвиком — сплошной хаос, закрутившийся с момента, когда он взял мои руки в свои и с дикой надеждой заглянул в глаза. Мыслей много, но какой-то сумбур: не могу сосредоточиться на важных вещах, а перед глазами стоят прекрасные серые глаза змея, такие удивительные, огромные, буквально отключающие все мои разумные доводы «против».

Со мной никогда подобного не бывало. Наверное, насмотрелась за два месяца на разных гуманоидов-страшил, вот теперь на первом же, рядом оказавшемся красавчике мозг и решил «отдохнуть». Кроме того, все завертелось, закружилось, навалилась легкая усталость. Вроде только встала, знакомство со змейсом было весьма коротким, но я, будто по чьей-то указке, подошла к кровати и легла поверх покрывала. Только одна мысль

зацепила и то смутно: кровать убрали, стол заново накрыли. Кто-то незаметно прошел мимо нас в гостиной и навел здесь порядок раньше, чем Шедвик предложил отдохнуть для успокоения нервов? Все чудесатее и чудесатее!

Спать перехотелось. Открыв глаза, я лежала, сложив руки на животе, словно труп, и думала о прекрасном Шедвике: какой он мужественный, какие потрясающие у него глаза, руки сильные, но такие нежные. Хвост... тьфу, про эту часть лучше не думать, а то в душе что-то неприятное сразу поднимается, протестующее. В прошлой жизни на змей я даже по телевизору смотреть не хотела, от одного вида содрогалась. А тут...

Надо поспать, расслабиться в купальне, поесть — и верное решение придет само собой. Да-да, именно так звучали слова Шедвика. Мудро, правильно, так и надо поступить!

Странный звук вдруг нарушил уютную тишину, хорошо знакомый, но резанувший по нервам. Я чуть приподнялась над кроватью, но, не обнаружив источник звука, снова легла и расслабилась... ожидая, когда верное решение придет ко мне само-собой. Только перед глазами возник прекрасный образ змейса, который несет мне на золотом подносе высокий стакан с холодным апельсиновым фрешем, по запотевшему стеклу даже капелька побежала завлекающая и обещающая все блага этого мира, — как вновь раздался хруст. Словно кто-то рядом громко и смачно откусил большой кусок яблока.

Я потеряла лицо, но увлеклась легким, едва уловимым ароматом, который исходил от моих ладоней. Да, так пах Шедвик, этот запах я отчетливо ощутила, когда он приблизился вплотную и взял за руки. Тонкий, нежный аромат, будто крадущийся за мышкой кот, проникал в нос. И вновь в мысли полез Шедвик с просьбой взять его в пару. Призывно сверкали красивые толстые серебряные браслеты со светящимися рунами, манили всяческими благами, если приму их добровольно и сама надену.

Мою наверняка глупейшую восхищенную улыбку стерла другая мысленная картинка, ошеломительно откровенная в своей простоте: большое, наливное яблоко, которое совершенно наглым образом, с хрустом и вкусом жрал... змей, почему-то смахивающий на обычного мультяшного червяка. Откусив очередной кусь, он флегматично жевал, поглядывая на меня черными глазами-бусинками, в которых отчетливо светилось нахальство, ирония и насмешка: лежишь тут, дуреха, время тратишь, мечтаешь о черте чем...

Меня даже подкинуло после очередного демонстративно-смачного отгрызания змеем-червяком следующего куска. Я резко вскинула руки протереть глаза — и снова в нос полез запах Шедвика, но в этот раз он показался навязчиво приторным, словно опиум, который забирает все, а дарит лишь краткий миг иллюзии. Сорвавшись с кровати, я ринулась в купальню, где тщательно смыла, соскребла с себя чужой аромат.

Вернувшись в спальню, я задумчиво осмотрела щедро накрытый стол с красивыми тяжелыми бокалами с вином и водой. Вот что-то мне подсказывало: не стоит это есть. Ведь Шедвик сделал мне фактически установку — поесть, принять ванну и поспать, — значит, дело не только в его запахе или каких-либо феромонах, что он выделял, охмуря меня. Я бы их смыла, о чем он не мог забыть. Видимо, та дурь, которая мутит мысли и подсовывает чужие желания, либо магическое воздействие, либо подмешивается в еду и питье, а возможно, и то и другое вместе. Это как ранец с парашютом, в который налили кислоты! Еще раз подозрительно взглянув на стол, я решила: не буду ничего, кроме фруктов. В конце концов, недавно плотно поела и проголодаться не успела. Взяла фрукт, похожий на яблоко, и, чтобы больше не забываться, откусила большой кусок. Похоже, на подсознательном уровне своевременно дошло, что меня пытались загипнотизировать или каким-то другим образом внушить чужие мысли. Вот подсознание и подкинуло самый доходчивый образ змея с яблоком. Не зря во время разговора я думала о нем.

Хищно, со злостью откусив следующий кусок, я еще и громко почавкала, чтобы окончательно прочистить заплывшие мозги. Затем решила, время лучше не терять, разлеживаясь здесь, а пойти хотя бы дом осмотреть. Вдруг что-то полезное узнаю. Предъявлять претензии за гипноз и обман не буду, пусть мой новый хозяин и дальше считает, что дочь владельца русского строительного бизнеса, который одним взглядом может загипнотизировать до вечной икоты кого угодно, можно обмануть настолько дешевым способом.

Я заплела косу, скрутила ее рогаиком на затылке и закрепила вилкой, спрятав ее в волосах. Пусть такое, но оружие! Быстро обследовав комнату, потайных дверей не нашла, увы. Время поджимало, вряд ли Шедвик оставил меня в покое надолго — часа на три-четыре, не более. Приоткрыла дверь в гостиную и порадовалась: никого нет. Змеей скользнула к двери в коридор, подбадривая себя, вспоминая маму, когда та вкрадчивым хрустальным голоском, со стальным блеском в глазах вела переговоры о размере своего гонорара. С такими родителями остаться доверчивой и наивной просто нереально. И довольно доедающий огрызок червяк где-то на задворках моего сознания этому доказательство.

В коридоре царил тишина, с одной стороны, пугающая, с другой — обнадеживающая. Мягкие мюли позволяли бесшумно идти по коврам. Крылья я спрятала. Дом казался огромным, и я не решилась покидать третий этаж. Окна светлого коридора выходили в сад, густой и безлюдный. Я осторожно приоткрывала двери подряд и заглядывала, комнаты походили одна на другую: большие, воздушные, карамельные, словно выставочные или призванные пускать пыль в глаза таким как я, умилять, путать мысли.

Один раз меня напугала змейса, какая-то серая и с хвостом, в унылом платье, похожем на одежду Шедвика. Она «выползла» из соседнего коридора с тяжелым подносом в руках и, не заметив меня, заскользила, нет, поползла вниз по ступеням. Фу, какая гадость этот хвост! Отдышавшись и вернув себе самообладание, я двинулась дальше, туда, откуда появилась ледяная.

Боковой коридор закончился небольшой лестницей, ведущей вверх. Ого, кажется, меня в высотку поселили. Я сомневалась, стоит ли подниматься или лучше пройти еще по третьему этажу, но любопытство, а может опять подсознание, толкнули продолжить путь. Держась за стену и чутко прислушиваясь к любому шороху, я прокралась наверх. И оказалась в полумраке напротив распахнутых двойных дверей, хотя всюду, где до этого побывала, было светло. Я невольно прижалась спиной к стене и уже хотела уйти, но из открытого помещения раздался странный шум. Меня словно магнитом туда потянуло. Любопытство или вновь подсознание сработало, но я на цыпочках подкралась к дверям, с замирающим сердцем заглянула внутрь и заледенела от страха...

В большой комнате, убранством напоминающей дорогой бордель, произошло — убийство! Поперек огромной постели раскинулся в позе звезды незнакомый змейс с обвисшим, безжизненным хвостом, в такой же, как у Шедвика, одежде, залитой яркой, темно-красной кровью. Прямо свеженький труп только-только убиенного! Второй змей, в светло-желтом платье с коричневым узором, находился при смерти, пуская кровавые пузыри и свернувшись жутким клубком, — был скорее уже мертв, чем еще жив.

Его лицо, не менее экзотично красивое, чем у Шедвика, застывшее в предсмертной гримасе ярости и ненависти, было обращено к другому действующему лицу этой трагедии. Третьей и последней оказалась девушка — совсем юная, лет шестнадцати, с белоснежными волосами до талии, с бледным, почти обычным, если бы не идеальные черты, человеческим лицом, на котором ярко и безумно горели темные провалы глаз. Казалось, черный — не их родной цвет, ведь не бывает такого, чтобы даже белок подернулся самой тьмой.

Большие полураскрытые белоснежные крылья нервно трепетали за ее спиной и походили на последнее орудие возмездия. Девушка зябко сжимала хрупкие плечики, на которых висели ключья белой туники, от которой я отказалась именно из-за опасения порвать крыльями. А она зачем-то выбрала эту легкую одежду вместе со свободными, такими же как у меня, штанами и надела толстые широкие браслеты, смотревшиеся на ее тонких нежных руках более чем странно. Хотя, конечно, все это не портило облик прекрасного белоснежного ангела, а наоборот.

Затаив дыхание, я следила, как девушка-ангел медленно выпрямлялась, будто ее сильно ударили в живот, а может ей было плохо физически. При этом она крепко сжимала в маленьком кулачке устрашающий кинжал. На тонком клинке светились черные руны, и я, если глаза не обманывают, видела черный ореол, подобно пламени охвативший кинжал и руку девушки. Страшно до жути!

Вот я и встретила с крылатой леарой!

Измученная леара, с трудом отвернувшись от лежащего у ее ног змея, подняла голову и увидела меня. В ее широко распахнутых, удивленных глазах колыхнулась, словно тоже удивилась чернота, прежде чем она с усилием прохрипела:

— Беги, иначе они и тебя выпьют досуха!

И, не раздумывая ни секунды, звякнув тяжелыми браслетами, ударила себя кинжалом в живот — и как подкошенная упала рядом... со своими мучителями.

Я с криком дернулась к ней, чтобы остановить. Но, увы, слишком поздно. Упав перед несчастной самоубийцей на колени, я так и замерла, протянув руки, но не в силах коснуться ее, и бессильно выдохнула:

— Зачем? Ведь пока живешь, можно все исправить...

Побелевшая, словно полностью обескровленная, умирающая леара лежала на ковре, раскинув крылья, почти накрыв убитого змея. Она с невероятным трудом дернула рукой со слишком тяжелым, каким-то чуждым и неправильным для ее хрупкой руки браслетом.

«Словно кандалы!» — подумала я.

— Беги, глупая! Для меня уже не исправить... — прохрипела она, пуская кровавые пузыри, пачкающие красивые синеющие губы. — ...затуманили разум и обманом заставили надеть самой... глупая, я мечтала о приключениях и путешествиях... сбежала... это не брачные, а браслеты Канубы.

— Я не...

Она выгнулась от боли, выдергивая кинжал, и прошипела:

— Беги! Браслеты Канубы навечно привяжут тебя к хозяину, как меня, полностью подчинят. Затем тебя выпьют досуха, а когда сила закончится, заберут душу. Я смогла сохранить свою, а тебе может не повезти... — Хриплый судорожный выдох и — тишина, мертвенная, ужасающая.

Я не могла сдвинуться с места, потрясенно глядя на неожиданно разгладившееся, спокойное и прекрасное лицо леары, словно она получила отпущение грехов. А может и правда радуется, что сохранила душу? Слезы пробежали по моим щекам, упали на ее крыло. Вдруг крылья леары стали истончаться, превращаясь, как и у меня, в сизый туман, но не исчезли в спине, а словно взорвались — разлетелись в клочья. Следом меня прошла мощная волна, которая кругами разошлась от мертвой девушки, искажая пространство. Все мое тело наполнилось лютым холодом, а затем будто превратилось в огненный факел. Опираясь ладонями о пол, я хрипела от непереносимой боли. Казалось, вот-вот упаду за смертью рядом с ней, но через несколько секунд боль сменилась эйфорией, переполняющей мое тело. Дальше пришло странное ощущение: во мне что-то меняется, растет и обретает крылья, как при переходе на новый уровень. Как будто тщательно распрямили и прогладили уютном мятую-перемятую, завалившуюся купюру, а та взяла да и стала новенькой пятитысячной с изображением Джеймса Мэдисона.

Я пыталась отдышаться от кошмарной смеси ощущений, когда стены и пол сильно содрогнулись как от зарождающегося в глубине земли землетрясения. Мне повезло сидеть на полу, а громкие ругательства, раздавшиеся с лестницы вместе с глухим стуком падения, свидетельствовали о том, что те, кто спешил сюда, рухнули и наверняка пересчитали не одну ступеньку. Услышав шум, я судорожно завертела головой в поиске места, где можно спрятаться. Только не под кровать — лежать рядом с трупами!

От тела леары кругами расходились энергетические волны, и стены им явно не были преградой. Весь дом дрожал, грозя обвалиться. Тело несчастной неожиданно занялось голубым пламенем, начавшем закручиваться в воронку. Ковер под ним начал тлеть. В панике откатившись к стене, я не придумала ничего лучше, чем залезть под низенький столик метрах в двух от открытой двери, заставленный какими-то фигурками.

Только скрючилась под столом, в комнату ворвались двое змеев. Один из них со знакомым хвостом — Шедвик! — приказал:

— Закрываем, быстро, не то скоро здесь будет половина Леарата!

— Хозяин, надо бежать, толчки тверди все равно без внимания крылатых не останутся, ведь эту шаазу ищут, я сам слышал в городе.

А вот этот голос я навсегда запомню — Цирик, чтоб тебе вечно в клетке сидеть!

— Молчать! — рявкнул Шедвик.

Вместе со вторым змеехвостым, раскинув руки, они образовали энергетический кокон вокруг мертвой леары, блокируя высвобождение ее магии. Обоих трясло от напряжения, даже кровь носом шла от натуги, а синее пламя ревело, бесновалось под чужим куполом, пытаясь преодолеть сопротивление.

— Остаточная магия... Если удержим и погасим, то такой слабый толчок могут принять за обычный... какие здесь часто случаются... — скрежетал зубами Шедвик.

Сжавшись комочком, я следила за... продолжением трагедии; с одной стороны, радуясь, что магия леары сильнее змейских потуг и пробивает себе путь, а с другой — стоит только представить, во что превратится этот дом, если купол не выдержит... Живот сводило судорогой от страха и восторга: неужели и я наделена такой силой, раз белая? Интересно, могла ли погибшая леара, наверняка будучи еще в ясном уме, принять меня за свою? Быть может, Справедливая Яза, подарив мне крылья при переходе, скорректировала и мой геном, немного? И теперь я настоящая, всамделишная леара, а не фальсификат?

— Она их убила, тварь!.. — проревел незнакомый змейс, вливая свои силы в купол и напрягаясь всем телом, чтобы удержаться на месте, краем глаза разглядывая своих сородичей. — Я же предупреждал: юные — самые неустойчивые...

Шедвик покосился на трупы хвостатых собратьев и в ярости прошипел:

— Причем тут возраст, Деш? Просто твои парни слишком нетерпеливые и голодные. Я тоже предупреждал твой молодежь, не надо торопиться! Леары — эгоистичные твари, больше всего ценят силу. Они жадничают делиться ею даже со своими, а что говорить про чужих. А вы?... — Шедвик все сильнее закипал от злости. — С таким трудом добыть белокрылую и через три дня опустошить ее целиком... Глупцы!

Деш ладонями усиливал натиск на магический кокон леары, словно стискивал его, поглощая волны, и ответил не менее зло:

— О чем ты? Я месяц караулил ее в горах, чистил ее разум, привязывал, дарил подарки и обещал весь мир. Месяц! И вот она сбежала со мной в Байсакал...

— Ты не нашел ничего лучше, чем поделиться ею с братьями спустя три дня после привязки? — взревел Шедвик. — Посмотри, мы с трудом выброс удерживаем, а ведь ей всего шестнадцать и лишь два перехода. Если бы вы потерпели, браслеты связали ее волю полностью, а магия леары созрела окончательно. Она кормила бы весь твой род годами. Годами! Но нет...

— Я же говорю, слишком юная и неустойчивая леара. Ее магия только раскрывается, браслеты всю сковать и связать не смогли... похоже, — упрямо оправдывался Деш. Я сидела ни жива ни мертва, затаив дыхание. Только благодаря чудовищному напряжению змеюки еще не увидели меня, занятые блокировкой «взрыва». По их бледным лицам тек пот, из носов срывались красные капли крови. Если бы не вашан в дверях, я бы могла незаметно выскользнуть. Что же делать?

Внутренний голос, словно в насмешку, ехидно нашептывал, что мне пару часов назад тоже обещали брачные браслеты вместе со всем миром в придачу. От ужаса, что получила бы в подарок, руки начали покрываться изморозью, ковер и стол подо мной — настоящим льдом. Не хватало крыльям вырваться! Я тут же засунула руки под мышки и глубоко задышала, пытаясь успокоиться: нельзя, крылышки, нельзя, чтобы меня тут обнаружили. А чешуехвостые козлы продолжали ругаться, убирая последствия магического выброса, особенно горячился Шедвик:

— Недоумки, какие же вы еще молодые и безмозглые. Немного подождать, полностью взять контроль над мыслями и чувствами — и она ваша со всеми потрохами! Почему ты передал ее другим? Перетрудился, убажывая девчонку? Ее магия кормила бы твой род годами, а тело приносило магически сильное потомство. Я пошел навстречу вашему дашату, отдал долг вашему роду самым выгодным образом, еще и дом предоставил, а вы не только не оценили, но и испортили все окончательно.

— Не волнуйся, дашат Шедвик, если нагрянут крылатые, мы возместим ущерб за поместье. Но я слышал, ты нашел еще одну белую? Мой род мог бы дать тебе за нее хорошую цену и...

— Она бесценна! И не продается! — Только я посмотрела на спину сватавшегося ко мне змея с благодарностью, невольно обвешав его сияющими доспехами, он продолжил язвительно: — Поймать шаазу стоит большого труда, а вы втроем осушили ее, не раздумывая. Только из-за огромного долга я отдал вам эту белую; вторую — вы точно не получите. Ее магия усилит мой род, возвысит над другими. К тому же, после трех моих наследников, я могу передать ее своим сородичам, достойным змейсам, мы усилим ледяную магию в потомках.

Меня затрясло от отвращения. Вот так, на миг сверкнул рыцарские доспехи, а потом будешь вечно избавляться от налипшей ржавчины.

На мое счастье, Цирик зачем-то пошел к мертвецам. Сегодня великий Яз точно на моей стороне! Вашан прокрался мимо меня буквально в трех шагах. С колотящимся в ушах сердцем, молясь всем высшим, проводила благодарным взглядом его легкие светлые шаровары и тунику. Убедилась, что змеям не до меня, а Ящерица Билль заинтересовался трупами на кровати, и на четвереньках рванула на выход. Я еще полкоридора быстро перебирала коленями и руками, затем вскочила и полетела со всех ног в свою комнату. Сбежать сейчас, сразу после ЧП, вряд ли удастся. А вот чуть позже, когда все успокоится, буду рвать когти или крылья...

Я металась по спальне, пытаюсь придумать, что делать дальше. Может стекло стулом разбить? Вспомнила свои попытки булыжниками разломать клетку у квошиков, но защитная магия не только жарила меня, но и не давала сломать прутья. Если стекло уцелеет, то Шедвик сразу поймет, что я пыталась сбежать. И, вероятно, найдет способ надеть на меня кандалы Канубы. К примеру, насильно напоит какой-нибудь гадостью, подчинит сознание — и поминай мою душу как звали. Удалось же им леару провести. Прижав дрожащие ладони к горящим щекам, я приказала себе: «Стоп! Надо успокоиться и умыться!» В зеркале отразилось мое лицо с лихорадочным румянцем на щеках и сверкающими, потрясенными фиолетовыми глазищами. Минут пять я плескалась в тазике, чтобы кожа побледнела и глаза не напоминали сумасшедшие блюдца. Затем забралась под покрывало: меня била мелкая противная дрожь. Впервые в новом мире я замерзла. Вагон новостей и тележка мрачных перспектив от коварных змеюг сделали то, что не удалось шаману квошику и шакрэ аяшу. На фоне этого комфортабельного гадюшника пребывание у горняков и торговцев людьми покажется детскими приключениями Алисы. Извечное «что делать» встало со всей остротой. Убийства, самоубийства, буйство магии и побег — не для моей ранимой натуры. Я холеная, изнеженная и, откровенно сказать, избалованная женщина, привыкшая к горничным, охранникам, любящей меня без меры бабушке, постоянно ощущавшая заботу родителей, опосредованную, но всеобъемлющую. Я не воин, не добытчик — обычная слабая женщина, которая не в состоянии противостоять местным «змеям».

Истерики в купе с паникой набирала обороты. В какой-то момент я не выдержала и решила бежать прямо сейчас, вдруг змеев в доме немного и, пока те разгребают трупы, у меня все-таки есть шанс, а я его тупо теряю, належивая бока. Я вновь вскочила и бросилась в гостиную. Выйти в коридор не успела, только протянула руку — дверь резко распахнулась и передо мной предстал Шедвик. Видно, он торопился сюда, если явился в заляпанной кровью одежде и с кровоподтеками под носом. Впился в меня цепким, подозрительным взглядом.

Громко сглотнув, я испуганно пролепетала, не забывая изобразить полное неведение: — Ой, ты ранен! Что случилось? Я почувствовала землетрясение? Мы должны покинуть дом, иначе нас завалить может!

— Прости, драгоценная, я не был рядом и заставил тебя поволноваться. Это обычный толчок, такое здесь часто случается. Ничего страшного: трянуло разок и успокоилось. Фу-ух, кажется, пронесло, он поверил, но на всякий случай проблеяла, невольно отступая в гостиную:

— Ты уверен? Может, все же стоит выйти и подождать снаружи, вдруг снова потряхнет, но уже опасно?

Подавление чужой магии и злость на сородича поколебала его терпение, потому что в ответ он рывкнул:

— Уверен, дорогая! Волноваться не о чем. Ты подумала о моем предложении?

— О каком из них? — я запаниковала.

Серые глаза Шедвика потемнели, словно штормовое море.

— Стать моей, надеть брачные браслеты и навсегда забыть об одиночестве. Жить в мире и согласии...

Внутри все похолодело, я спрятала руки за спину оттого, что они начали покрываться изморозью. Если что, попытаюсь его заморозить. Ох, он ведь тоже ледяной! И продолжила играть прелесть какую дурочку:

— Но дорогой, когда бы я успела подумать? Только искупалась, стены задрожали. Тут на уме лишь одно: срочно спастись, бежать из дому.

— Бежать ты должна ко мне в объятия, сладкая моя, а не из дому! — сбавил тон Шедвик. Схватил меня за плечи и сразу же закатил глаза от наслаждения. Фу-у-у, как же противно! А зелье или что там еще могло быть, недавно так легко подчинившее меня, больше не работает. Надеюсь, леара перед смертью прочистила мои мозги окончательно.

— Пойми, выбор суженого — самое важное решение в жизни любой девушки, — защebetала я, положив ладони поверх его рук и невольно выпустила магию.

К сожалению, изморозь не спасла от змея и не оттолкнула — легко впиталась в его руки, а судорожный довольный мужской вздох подсказал, что я не только усилила его магию.

— Красивая моя, сильная, сладкая, ты станешь украшением моего рода. Моей главной драгоценностью. Я буду беречь и лелеять тебя, Кайя. Соглашайся...

Мужчина уже едва сдерживался: то ли завалить меня на ближайший диван решил, то ли — высушить. Отправить стул в окно больше не казалось мне сомнительной идеей. Упершись ногами в край дивана, я поняла — это намек высших. Плавнo вытащила вилку из узла на голове — и со всего маху двинула ею Шедвику «между ног». Он выпустил меня и с глухим мучительным стоном согнулся. Сказать, что это доставило мне злорадное удовлетворение, — ничего не сказать. Злорадство буквально взорвалось в моей душе. Вот тебе, мразь!

Схватив стул, я рванула к окну, но добежать не успела. Стекла брызнули во все стороны. Окна вместе с рамами вынес кто-то очень крупный и мощный. А дальше я выглядывала из-за стула, защитившего мое лицо от осколков, на огромных чернокрылых мужчин в облегающей кожаной одежде, врывавшихся в оконные проемы и занимавших стратегические позиции. Попытавшегося разогнуться Шедвика убили на месте длинными узкими стилетами, похожими на короткие шпаги.

Затем четверо леаров — кто же еще? — удивленно воззрились на меня, замершую со стулом наперевес, потом на Шедвика, в паху которого расплывалось кровавое пятно и торчала вилка. Чернокрылые синхронно, горделиво усмехнулись, сообразив в чем дело. Ближайший ко мне, зачем-то махнув рукой перед лицом, уважительно произнес:

— Приветствую шаазу из рода Ланей! Мы за тобой и рады, что нашли вовремя.

Глава 9

Крылатый десант

Несколько секунд я пыталась осмыслить сказанное леаром, потому что говорил он, скорее всего, на своем родном языке, а не привычном мне аяше, ну как, условно привычном, конечно. Вернее, суть уловила, догадалась, а не перевела. Но добил не чужой язык, а неизвестное имя. Это не меня прилетели спасать крылатые сильные мужчины. Я вообще никому не нужна! Если только для того, чтобы забрать мою магию, о которой еще пару месяцев назад не знала, и попользовать всем родом, как собирались подлые, хитрые змеюки.

Я едва не уронила стул, который так и держала наперевес, словно защищалась. Стул гулко ударился об пол, и я устало опустилась на него, прижала дрожащие руки к лицу и горько разрыдалась. Я долго содрогалась всем телом, выплескивая боль и обиду. Раньше тряслась от страха, даже ужаса, от неизвестности, но верила в светлое будущее: вот еще чуть-чуть потерплю — и жизнь изменится, найду выход, нормальное место для жизни, более цивилизованных людей, которые не продают себе подобных, чтобы поправить свои дела, не отрывают головы... Есть же здесь, в конце концов, не только зеленые или на сушеный урюк похожие, а вполне привычного вида, как те, которых видела в окно утром.

А что теперь? Есть ли в этом мире у меня приемлемое будущее? Ледяные змейсы быстро указали одинокой крылатой девушке «нормальное место». Нет, сначала были дикари квошки с «мудрым» шаманом, потом предприниматель-вампир аяш и жуткий убийца

хаоши, которому я со своей изморозью не конкурент. Завершили полную картину нового мира с моей перспективой змей, проповедывающий «поменьше кусай, на дольше хватит», и несчастный ангелочек в браслетах-кандалах, которой, чтобы спасти свою душу, пришлось убить двоих гадов, а затем умереть самой. Наверное, гибель леары больше всего поразила меня, запала в душу — бессмысленная и оттого еще более печальная. Смерть была слишком близко, только протяни руку. Даже мой поступок — удар вилкой в пах Шедвику — ни в какое сравнение не идет именно с ее гибелью.

Кайя Хелле теперь леара — новая реальность, ведь эти крылатые незнакомцы приняли меня за свою, а значит, я совместима со «своими» или чешуйчатыми хвостатыми — моральными уродами, которые могут украсть душу. Да лучше умереть сразу и больше не мучиться, чем попасть к ним.

Как сказал Шедвик? Поймать белокрылую очень сложно, зато кормиться можно годами всем серпентарием. Разве мне нужна такая жизнь? Мучиться в постоянном страхе: сожрут или только откусят. Если останусь здесь, среди обычных мирян, придется прятать крылья и магию, по сути, свою новую сущность. Это не реально! А что меня ждет там? У леаров? Змейс о них не лестно отзывался, возможно и там горяченькое место в аду!

Я услышала шелест крыльев — рядом со мной на корточках опустился леар, едва ощутимо повеяв морозной свежестью, словно успокаивая. Он не касался меня, тихо, мягко о чем-то спросил на своем языке, только я ни слова не поняла. Подняла голову и, посмотрев в лицо леару, наклонившемуся ко мне и явно хотевшему утешить, прошептала на аяше:

— Шааза Ланей умерла! Вы ошиблись, я не она.

Пронзительно черные глаза утешителя расширились, на скуле дернулся мускул, выдавая недоумение, затем он быстро переглянулся со своими спутниками. Я проследила его взгляд и отметила, что двое оставались со мной рядом, третий стоял у открытой двери, контролируя коридор, четвертый, видимо, пошел разведывать обстановку в доме.

Леар, которому выпало успокаивать меня, по-прежнему сидевший у моих ног, что-то уже настойчиво, с нажимом спросил, но я, шмыгнув носом и вытерев лицо, призналась:

— Я не знаю ваш язык, только пару слов приветствия, не более.

— Ваш? — удивился леар, верно не сомневаясь в моей «национальности», и вдруг, прикрыв глаза, жадно втянул воздух у моей шеи. Я настороженно отклонилась, а он подтвердил: — Шааза, твою силу у ни с чьей не спутать, хотя сейчас я чувствую, что ты преодолела лишь два перехода...

— Что за переходы? — оборвала его, решив выяснить, о чем уже слышала, когда речь шла о покойной леаре.

В одно мгновение к двум чернокрылым бойцам присоединился третий. Они смотрели на меня, сжавшуюся на стуле как больной воробей, с высоты своего роста, будто сканировали, выискивая малейшие секреты. Я же могла ответить им лишь напряженным ожиданием, по очереди заглядывая каждому гиганту в глаза, совершенно разной формы и цвета, не в силах предугадать, чем для меня завершится знакомство с ними.

— Из какого ты шаазата? — наконец спросил мой собеседник на аяше, по-прежнему очень вежливо.

— Ни из какого, — по-детски прохлюпала я, зажав ладони коленями, чтобы не видно было, как они дрожат.

Глупо и недальновидно врать и сочинять; если леаров слишком мало, а белокрылых — вообще слезы, значит — каждая наперечет. Вон какие бойцы пропавшую шаазу искать прилетели и, по словам Цирика, город прочесывали. Но сразу в лоб сообщать, что я из другого мира, тоже не стала, ограничилась лаконичным:

— Меня нашли без сознания и памяти, умиравшей в горах Квоша.

Леары внимательно меня выслушали и быстро заговорили по-своему — спорили, наверное. Пару раз слышала «шаэр». Если память не врет, так называют их правителя. Ну и плевать, пусть оно все идет лесом. Поразительное равнодушие и смирение навалились на меня.

— Шааза, ты помнишь свое имя? Сколько тебе лет? — переговорщик был безупречно вежлив.

— Да, имя, некоторые языки, кое-что по мелочи, — и кратко обозначила себя. — Меня зовут Кайя, мне двадцать пять лет.

Все трое скупно улыбнулись, но не хитро, как змейс, не по-деловому, как аяши, а скорее чисто по-мужски не привыкли демонстрировать голливудскую улыбку. Но благодаря этим улыбкам на душе у меня стало теплее, и почувствовала я себя увереннее.

— Шааза Кайя, — обратился ко мне второй крылатый, — прости за нескромный вопрос: твои волосы давно стали светло-серыми? Они посветлели здесь?

— С рождения, — гордо ответила я, но, сообразив, что будто бы почти ничего не помню, пожав плечами, добавила, — наверное, по крайней мере, о смене цвета не помню, но думаю, всегда была такой.

Леары многозначительно обменялись взглядами и мнениями, затем Первый предположил: — Возможно, ты пропала недавно, поэтому о тебе не заявляли, а искали силами шаазата, чтобы не привлекать внимание?

Я выпустила крылья, решив не вводить «своих» в заблуждение. И сама удивилась: цвет крыльев оказался не просто чисто-белым, а искрящимся снежным! Отметив это очередное волшебство, я рассеяно пояснила:

— Ледяной змейс Шедвик купил меня вчера у шакрэ Тейша и хотел использовать как шаазу. А квошки подобрали в горах... более шестидесяти суток назад. Почему-то мне кажется, шаазат уже давным-давно нашел бы свою пропажу, вы же другую всего за три дня отыскиали.

Леары отступили на шаг, чтобы не мешать мне укрыться крыльями. Было заметно, что к белому они относятся с большим почтением. Третий боец, до сих пор молчавший, произнес взволновано:

— Необычное распределение цвета: серые волосы, но абсолютно белые крылья, — значит ты очень сильная шааза, достойная Совета Девяти...

— Судя по запаху силы, всего с двумя переходами. Хотя к двадцати пяти годам ее созревание уже должно было завершиться. Может так случилось, из-за чего-то оно замедлилось и цвет волос изменится со временем? — поддержал его Первый.

— По запаху? Переходам? — тихо всхлипнув, напомнила я.

— Запаху силы, — более открыто улыбнулся Первый. — От твоей веет утренним морозцем, как у совсем юной леары, лет десяти, но которая обещает стать белоснежной шаазой, неповторимой и сладкой. Для этого с рождения одаренному леару нужно осуществить четыре перехода...

— ...почти как заново родиться, — с улыбкой добавил Второй, словно соревнуясь за мое внимание. — Может, вспомнишь первые два перехода? Это ощущается, будто огонь переходит в лютый холод, затем дикая боль сменяется наслаждением. Так рождается магия леар, так она созревает, требуя жертв...

— ...и определенного состояния, сильного стресса, ярких эмоций и помощи родителей, — подключился к моему образованию Третий леар.

Я испытала эти чувства, когда леара покончила с собой. Тогда подумала, что это выхлоп ее магии, а, оказывается, она подтолкнула развитие моей, вызвав самоубийством дичайший стресс. На душе стало больно и противно, вот так — кто-то умирает, а другие приумножают свои силы или приобретают что-то другое.

— Помню, — хрипло призналась я, вспомнив, какие ощущения испытала и в тот день, когда попала в Мир.

Продолжить разговор мы не успели: вернулся четвертый чернокрылый леар, следом за ним пришел другой, с серыми волосами и крыльями, в отличие от остальных. Оба на миг закрыли ладонью глаза. Черные бойцы сразу вытянулись по стойке смирно, глядя на него в ожидании приказа. Серый держал в руке сложенную белую ткань, а увидев меня, удивился, развернул ее и показал яркий большой голубой кристалл.

— Она выжгла себя до сути? — хрипло спросил на аяше один из моих собеседников, разглядывая красивый, светящийся изнутри кристалл.

— Да! Видимо, змейсы сделали защитный купол и вырваться магии не дали — вот и все, что осталось от шаазы из рода Ланей, — высказался Первый. — Надо передать его семье...

Я зачарованно любовалась мерцающим, словно живое сердце, кристаллом, не в силах поверить, что это «все, что осталось» от бедной девушки, которая хотела всего лишь приключений и мир повидать. Моргнула пару раз, а то глаза вновь защищало от подступивших слез, и просипела:

— Я тайком обследовала дом и нечаянно нашла ее в комнате на четвертом этаже. Она... ей обманом надели браслеты Канубы... Как потом сказали змейсы, сила еще неустойчивая из-за возраста... была, поэтому она преодолела подчинение... и убила сначала тех, кто почти

забрал ее магию, а потом — себя, чтобы сохранить душу.

Серый хрипло и резко обратился ко мне, но я поняла только «шааза». Не успела открыть рот, Первый быстро заговорил с ним на леарском, повторив «шааза» и «Кайя», надо думать, пояснял ситуацию. Чем несказанно удивил Серого — у него, как у змейса, брови поползли на лоб.

— Ты видела это, шааза? — повторил на аяше Серый.

— Да, — кивнула я, мысленно представив трагическую картину. — Незадолго до вашего прихода, а словно целая жизнь позади. Мечты и планы...

— Планы? Вы были вместе?

Я тряхнула головой, вырываясь из кошмара, и закончила рассказ:

— Мы увидели друг друга в тот момент, когда она зарезала второго змейса. Я даже слова сказать не успела, она приказала мне бежать и... и... и ударила себя ножом. А я... так было жутко, что не могла к ней прикоснуться, только рядом сидела и слушала. Она предупредила перед смертью про браслеты, назвала себя глупой, что не почувствовала сути Деша — подлого змейса, который месяц прятался у вас в горах и внушал ей чувства к себе. Девушка сама сбежала сюда за приключениями...

— Сама? — не поверил Серый.

— Сама, хоть и под внушением. Думаю, невозможно внушить что-то полностью противоречащее мировоззрению или восприятию конкретной личности, — вымученно, словно раб на галерах, выдохнула я. — Вот тот змей у дивана, — указала на труп Шедвика, — тоже меня какой-то дрянью угостил и внушал надеть брачные браслеты, обещал весь мир, но хвост вместо ног для меня оказался слишком большим препятствием для... — я чуть не сказала «большой и чистой любви», — ...беспрекословного подчинения. Серый резко обернулся на «протянувшего хвост» хозяина дома. Он увидел вилку в паху убитого с небольшим кровоподтеком на ткани вокруг, но я смотрела с облегчением, потому что только ранила. А вот узкие, словно в вечном подозрительном прищуре серые глаза леара вспыхнули удовлетворением. Я внутренне содрогнулась, отметив тоже самое на лицах остальных, — все безмолвно похвалили меня за членовредительство!

Дома папа или бабуля уже тащили бы меня к психологу за подобную выходку. Папа — за то, что сделала это собственноручно, а не подождала, пока он сам негодая в бетон закатает. А бабуля — за жестокость, от которой нужно избавляться с помощью психотерапии. Моя любимая бабушка считала, что женщина априори должна быть слабой и милосердной. Иначе мир окончательно скатится в тар-тарары.

Хотя мой мир однозначно уже там! А рыцарей все нет и пока даже проблеска их сияющих доспехов не видно. Сложная ситуация затягивалась, Серый завернул сердце магии погибшей шаазы, посмотрел на своих бойцов, на меня и обратился:

— Шааза Кайя, не помнишь, из какого ты шаазата?

— Нет.

Молчание затянулось. Наконец, переварив тот факт, что вместо одной белой, обнаружили полторы, с учетом кристаллизации беглянки, командир отряда хрипло уведомил:

— Уважаемая шааза, в связи с открывшимися обстоятельствами, мы вынуждены доставить тебя к шаэру. Беспокоиться не о чем, шаэр позаботится о твоих насущных проблемах, полностью взяв под крыло.

Я вымученно улыбнулась и мысленно поморщилась. Подобные обещания уже слышала не раз и все они были не к добру. Но выбор у меня чисто теоретический: либо с ними лететь, либо пешком на свободу... до первого змейса. Я слишком наивно считала, что, спрятав крылья, сольюсь с «окружающей средой». Запах магии, оказывается, не скрыть и водой не смыть. К тому же, можно поставить вопрос ребром: а хочется ли мне всю жизнь прожить отшельником в одиночестве, всего пугаясь, бездетной и несчастной?

Встала на подрагивающих ногах, с большей уверенностью в глазах, чем в душе, посмотрела на Серого и решила еще побороться за личное счастье:

— Я готова отправиться с вами, но есть одна проблема: летать не умею!

— Совсем? — дружно изумились леары.

— Только планировать, да и то один раз пришлось. Сомневаюсь, что получится снова. Они замерли, задумчиво глядя на меня и, видимо, решая вопрос с транспортировкой недолеары. Пришлось им помочь подсказкой:

— Может быть, кто-то из вас меня на руках понесет? Если втяну крылья, то весить буду совсем немного...

Странный голод, неуверенность и сомнение застыли в глазах пятерых бойцов и дело, кажется, было не в моем весе — мускулы у них ого-го. Наконец Серый осторожно пояснил:

— Прости, шааза, это невозможно. Мы понимаем, что ты потеряла память и не знаешь всех нюансов о своем народе...

— Так расскажите! — в отчаянии воскликнула я. — Изо дня в день, словно слепой детеныш, тычусь носом в поисках, а попадаю исключительно в неприятности. Я устала выглядеть полной дурой, тем более, в своем неведении не виновата!

Неожиданно Первый развернулся, взмахнул огромными крыльями, сметя несколько ваз, поднялся к потолку и выдернул из креплений штангу, на которой висели шторы. Затем проделал то же самое со вторым окном. Далее вместе со Вторым чернокрылым в полной тишине закрепил стул на шторах полосками ткани, в которые они превратили длинное желтое платье Шедвика, поразив меня бесцеремонностью и, мягко выражаясь, странным отношением к покойнику. Из скатерти сделали лямки, за которые мне сказали держаться во время полета.

— Откуда такие познания? — усмехнулся Серый.

— Младшего поверенного так переносим, он же из апиков, бескрылый. Но такой умный и ловкий, что зрат скорее на его мнение полагается, чем на старшего.

Я «вспомнила», что апики — почти привычные люди, с кожей землисто-желтого цвета, насыщенного шоколадного цвета волосами, с круглыми глазами. Живут большими родами, где ведущая роль за женщинами. Законченные трудоголики и жуткие педанты. Согласна на все сто: поверенный в делах трудоголик и педант — самый лучший сотрудник. У папы тоже есть такой. Занимает должность заместителя финансового директора, хотя выполняет не только его функции. А должность поскромнее, чтобы в случае чего не посадили. Умный, очень умный.

— Располагайтесь, шааза Кайя, не будем терять время, по дороге мы вам обо всем расскажем. — Широким жестом указал на импровизированный паланкин Серый.

— А мы что — в окно прыгать будем? Прямо со стулом? — испугалась я, проверяя конструкцию на прочность.

Чернокрылые старательно прятали усмешки, а Серый явно смутился. В итоге, меня проводили к парадному выходу. Мы никого не встретили в коридорах, словно дом срочно покинули или попрятались все обитатели (а может так и есть). Оказавшись во дворе, я жадно вдохнула горячий воздух, щедро напоенный запахами лета и трав. Прохожие останавливались и с почтительным любопытством наблюдали, как леары посадили меня на носилки-леталки и осторожно взлетели. Ох, хоть и с крыльями я теперь, но сидеть на шаткой, тряпочно-деревянной конструкции из подручных средств, когда хорошо так внизу мелькают черепичные крыши, жутковато.

И тем не менее, приказав себе дышать ровно и привычно посчитав пятьсот один, пятьсот два, пятьсот три... я успокоилась и отвлеклась, во все глаза рассматривая город, который мы покидали. Город, который, на мой взгляд, спокойно отнесся к тому, что леары среди бела дня штурмовали особняк со всеми вытекающими. Наверное, и в этом мире «лицензию на убийство», а равно право сильного никто не отменял. Но мне ли жаловаться? Скоро моим вниманием завладел большой и, видимо, столичный город, потому что некоторые строения выглядели как дворцы, были дома и поменьше, и победнее, и попроще — все как везде. Камень, дерево, металл иной раз причудливо переплетались, заставляя меня приятно удивляться. Но самое, на мой взгляд, замечательное, что столица буквально утопала в буйной зелени, цвела и бурлила жизнью.

Затем под нами начались луга и поля с отдельно стоящими постройками и стадами неведомых животных. Решив, что это фермерские хозяйства, и несколько устав от впечатлений, когда наш «косяк» направился в сторону высившихся у горизонта гор-исполинов, я полезла к своему кортежу с вопросами:

— Как вы нас нашли?

Как и в прошлый раз, Первый взял инициативу на себя:

— Проверяли все сомнительные и гостевые заведения в Байсакале, надеялись, что беглянка лишь ищет развлечений. Шаазат Ланей сообщил, что она часто просилась в столицу Байса. Апики, которые здесь живут, — народ спокойный, трудолюбивый, мирный. В столице порядок. Никто не предполагал, что здесь обоснуются ледяные с далеко идущими планами. Неожиданно Серый, послав Первому предупреждающий взгляд, забрал роль собеседника:

— Мы ощутили выброс нашей магии и взяли след. Прибыли к дому, звали из окон на разных этажах, поэтому мы разделились и врвались одновременно в оба места.

— Звали? — недоуменно уточнила я, хватаясь за лямки сильнее, а то порывом ветра тряхнуло мое шаткое посадочное место. — Кто?

— Женская сладость звала, — несколько растерялся Серый.

Часть моих вопросов вызывала инстинктивное удивление, не трудно догадаться, что это касалось базовых понятий и для них — как дышать, но я-то не в теме. На этот раз Серый едва заметно сморщил нос с досады, прежде чем пуститься в объяснения:

— Магия леаров разносторонняя, для большинства мирян необычная и непостижимая. Мы управляем льдами, снегом, водой, сочетание холода и воды — вот наша вотчина. Чем морознее вокруг, тем более сильными мы становимся и многое можем. Мы тянем холод отовсюду, поэтому в наших горах всегда лето, но дома мы строим под облаками, чтобы заряжаться естественным образом.

— А кроме как заморозить, что еще мы можем? — с детской непосредственностью выпалила я.

Мой непринужденный порыв явно доставил леарам удовольствие. Отвечал «старший по званию» Серый:

— Мы можем исцелять себя и друг друга. Мы можем построить магией льда что угодно и закрепить это на века. Мы можем создавать купола, которые защищают вечнозеленые сады от вымерзания. Магия наполняет нас силой, благодаря ей мы живем дольше, чем любой другой мирянин. Для леаров не существует смены сезонов, у нас под куполом всегда лето, а за пределами — зима.

— Тогда почему я лечу на стуле, а не в руках сильных мужчин? — решила пококетничать я.

— Значит и в нашей магии есть неприятный нюанс.

— Как сказать, — уже с горькой досадой поморщился Серый. Вообще, мимика у него более выразительная, чем у других. И по возрасту он казался гораздо моложе своих бойцов, но командиром назначили его.

— Как есть! — дернула я уголками рта, намекая на смущенную улыбку.

Отвечать выпало чернокрылому, четвертому, с которым мы еще ни разу не общались, — сурового вида, мощному, крупному бойцу в такой же, как и у других «форме» из тонкой кожи. Жилетки с оголенной спиной на леарах держатся за счет ворота и пояса на талии.

— Как и у всех, при рождении магия распределяется не равными частями, — начал издали Четвертый. — Поэтому у нас есть разделение по цветам. Черные крылья у ша, на леарском это означает «земля». Низшие. Нас больше всего. Вторая ступень — серые шаа, буквальный перевод — между или срединные. Их гораздо меньше, чем черных, но достаточно много. И третья ступень — шаазы, или земель владеющие. Именно они имеют право создавать шаазат, или дословно главный род, куда входят сотни серых и тысячи черных.

Нить разговора перехватил Серый:

— На данный момент шаазатов тысяча пятнадцать. Но истинно белых эратов, достойных войти в высший совет, лишь девять. Остальные запятнаны серым цветом настолько, что шаазами их более не называют. Мир теплеет, или утрачивает мощь, по-другому ослабление магии у леаров мы объяснить не можем.

— Эрат — это?..

— Эрат — это глава шаазата, самый сильный и белый носитель магии ведущего рода.

Эрами называют его наследников.

— Значит, я шааза без шаазата? — восторженно воскликнула я. — И имею право создать свой?

— Нет, — весело, но все равно очень вежливо ответил Серый. — Создать шаазат имеет право только мужчина. Женщину введут в уже существующий. И скорее всего, это будет решать именно шаэр.

— Понятно, — уныло кивнула я. Теперь буду гадать, куда включают меня. И чем для меня это пахнет. — А шаэр — это ваш верховный правитель?

— Да, — вновь улыбнулся Серый, — Шаэр — наш верховный, — слово «наш» он выделил особенно. — Он эрат первого шаазата, возглавляет высший совет, который регулярно собирается в столице Леарата Ларане, куда мы направляемся. Скоро ты увидишь самый прекрасный город во всем мире. Там стоят дворцы девяти эратов, остальным разрешено строить небольшие поместья в низинах.

— Круто, — натянуто улыбнулась я. Серый говорил про эратов из девятки с каким-то заоблачным пиетом, как о небожителях. — И все же, что не так именно со мной и моей магией?

— Ты женщина, леара, причем белая, и этим все объясняется, — пришел на помощь Серому Первый чернокрылый.

— Змейс Шедвик сказал, что для всех мирян шааз — смерть, а для своих — носитель эйфории, прикоснуться к которому мечтает каждый леар, чтобы окунуться в наслаждение, получить частичку магии, усилить свой дар. То есть шааза — это просто силовая кормушка. Это правда?

Я внимательно следила за выражением их лиц и сразу ощутила смену настроения и эмоций. Все пятеро помрачнели и явно разозлились, но, к счастью, не на меня. Серый ответил резко, раздраженно:

— Ледяные — вруны с рождения, по-другому у них не выжить. Они же пиявки энергетические, вся их суть на этом вскормлена.

— Но ведь он прав, и я любого могу заморозить?

— Да, белые для любого мирянина действительно смерть. Вы средоточие ледяной магии, у вас ее так много, что она образует непередаваемо прекрасную морозную ауру вокруг тела. Каждый леар ее ощущает, чувствует по запаху и некоторому влиянию на окружающих. Даже капля вашей магии согревает, по этому тепловому флеру мы и нашли вас. Даже посмертный кристалл все еще фонит.

— Ого-о! — выдохнула я потрясенно.

Серый продолжил:

— Белые настолько сильны, что могут делиться магией, частично передавать ее другому, к кому проявят благосклонность. Даже просто быть рядом с вами для практически пустых чернокрылых ша — удовольствие, ведь вы непроизвольно делитесь с ними силой, наполняете их самой жизнью, а потому — радостью и удовольствием. Прямой контакт — еще больше силы, больше удовольствия, поэтому прикоснуться к вам — равно испытать эйфорию... Этот праздник жизни на какое-то время выводит из строя, поэтому нести вас на руках никто из ша не смог бы.

— Слишком быстро можно привыкнуть, а вот отвыкать — тяжело вдвойне, — вмешался в эмоциональную речь командира мрачный Пятый, а потом с некоторой злой насмешкой добавил: — Кстати, на более сильных и наполненных серых шаазы оказывают такой же эффект, пусть и не столь сокрушительный.

Ого, я не просто батарейка, а целая урановая руда! Фоню — дальше некуда, облучаю любого прохожего, а при прямом контакте наступает критическое перенасыщение, лишаящее тех мозгов, что не отключились при облучении.

— Вы забыли о важном, — спокойно и даже немного весело заметил Первый, глядя на товарищей.

— О чем? — спросила я за них, находясь под большим впечатлением.

— Коснуться шаазы можно исключительно с ее позволения! Так что, уважаемая Кайя, тебе не грозит потратить хоть капельку своей силы не желая того.

— Я о ней пока мало знаю, поэтому не волнуюсь, — отмахнулась я. — Тем более, у меня было достаточно других забот.

— Вам не о чем больше волноваться, за внимание новой шаазы будут соревноваться сотни свободных белокрылых...

Я чуть со стула не рухнула от таких перспектив, а горы приближаются. Хорошо летим, быстро так.

— Шедвик сказал, что семью и детей я могу завести лишь с избранной парой. Разве он соврал?

Даже глухой, наверное, расслышал в моем голосе дикую надежду. Но ее не оправдали.

— Не соврал, — с некоторым сочувствием признал Серый. — Чем сильнее леары, тем большая должна быть совместимость у партнеров, чтобы передать магию потомству.

Проблемы истинности почти нет у обычных ша, но она проявляется у полноценных серых: чем светлее, тем труднее зачать без знака избранности. А вот у шаазов с этим совсем туго: вероятность зачатия без знака избранности — минимальна. Леары живут долго, а находят пару редко, поэтому уже давно создают семьи без знака. Порой, с помощью специальных ритуалов и милости ларов, такой паре удастся завести одного ребенка.

— Но почему бы тогда белым мужчинам не заводить детей с чернокрылыми женщинами, раз у них почти нет проблем с магией и потомством? — осторожно спросила я. — Ведь тогда вероятность появления детей выше?

Черные ша дружно рассмеялись:

— Чернокрылая ша с истинным шаазом не совместима.

— Но почему? — удивилась я. — Ведь вы сами сказали, что белые могут делиться магией и...

Они синхронно усмехнулись, и отвечать взялся Серый:

— Леары делятся не только по цвету, но и полу. — Не сказать, чтобы меня озадачили этой новостью. — Если шааза горяча и щедра, ее союз с ша и шаа возможен... предположительно...

— ...в мечтах обделенных разумом, — мрачно буркнул Пятый.

Серый, гневно сверкнув на него взглядом, но продолжил с мягкой улыбкой:

— Союз маловероятен, потому что ни одна истинная шааза не захочет лишиться свое потомство большей части силы, тем самым послав дитя вниз иерархии леаров. Да и зачем? Девочек у шаазов рождается в разы меньше, чем мальчиков, значит у женщин огромный выбор.

— А мужчины? — увлеченно поторопила я.

— Шааз может завести лишь кратковременную связь с черной, или более длительную — с серой. В отличие от женщин, мужчины леары не выпускают, а поглощают магию. Ша — пустые, им нечего дать белому, да и находиться с ним они могут недолго, иначе начинают отдавать свою жизненную силу. А это — преждевременная старость и смерть. В принципе, связь серого с черной тоже приводит к плачевным последствиям.

— И никакого выхода? — я настойчиво пыталась разобраться в нюансах брачных и сексуальных контактов крылатых.

Серый вместе со мной проводил взглядом пролетевшую под нами птицу, подумал, затем признался:

— Есть, шааз, как и шааза, может ненадолго поделиться силой с любым, но если женщина может отдать часть своей силы насовсем, то мужчина — только на время. И то при тесном контакте... интимном. Как ты понимаешь, шааза Кайя, постоянно такую связь поддерживать невозможно, а значит, в ближайшем обозримом будущем более слабый магически партнер умрет.

— Но ребенка же...

— Пустая ша или даже серая шаа не сможет физически выносить ребенка от белого шааза, еще в самом начале формирования плод высосет всю жизненную силу у более слабой матери. Ну а дальше...

— Смерть? — повторила я уже не раз прозвучавший исход.

Почему этот мир не называли Смерть? Какой же он Мир, если все сплошь и рядом умирают?

То в неволе, то прорываясь на свободу, то явится какая-нибудь троица звезд и навалит всяких болот с жуткими пауками и другой опасной живностью, притащит Черных Властелинов с непомерными запросами или мор и болезни.

За что меня сюда, а?! Или больше некуда было? Неужели в других мирах еще хуже? Я сама себе опять напомнила нахохлившуюся сову, круглыми от страха глазами вытаращившуюся

на неумолимо приближающиеся горы. Как же страшно жить, правда умирать еще страшнее. Ведь если умереть здесь, в этом «мире», то куда потом меня отправят платить за грехи? Устало посмотрела на своих спутников и наконец решилась спросить:
— Могу я узнать, как вас всех зовут? Мне сложно общаться, не имея возможности называть собеседника по имени.
Мне подарили сразу пять улыбок, открытых и даже немного заискивающих:
— Ша и шаа называют свое имя только если шааз или шааза его спросят.

Глава 10

Мир с высоты птичьего полета

После запоздавшего представления друг другу мы словно перешли на другой уровень знакомства, общение стало намного теплее и дружелюбнее. К своему стыду, из-за необычных имен я быстро перепутала чернокрылых, кто есть кто, но, ничего страшного: у леаров имя не несет сакрального смысла и ни к чему не обязывает. Все банально: шаазов мало, а подчиненных и дальних родственников слишком много, чтобы разводить лишний официоз. Поэтому белые спрашивают имена у серых в случае необходимости, что уж говорить про черных, — только в случае большой нужды. Наградить или наказать. Либо для обращения к приближенной прислуге.

Третий поделился, что в нашем отряде воины-пограничники из двух шаазатов: Ланей и Иси — рода самого шаэра. Может статься, я войду либо в один, либо в другой. Мне обязательно назначат личную охрану и, вероятно, если захочу, кого-то из моих спасателей повысят до почетной и полезной для самочувствия должности. Обещать ничего не стала, увы, решения пока принимаю не я.

Мы достигли предгорья. Высоченные горные пики становились все ближе, поражая размерами и какой-то необузданной мощью. Вновь вспомнила свои ощущения в горах Квоша: маленькая, никчемная песчинка среди белого каменного безмолвия. А эти горы, наоборот, буквально кишат жизнью и разумными. Широкой лентой змеится тракт, по которому в обоих направлениях движутся многочисленные обозы и одиночные путешественники. Причем, дорога с каменным покрытием и выглядит немногим хуже асфальтированной. Только разносится по округе не гул моторов и шелест шин, а грохот деревянных колес с металлическим ободом, крики извозчиков и «ржание» тянущих повозки животных.

Глядя вниз, я с улыбкой наблюдала за местным вариантом скоростного автобана. Расставшиеся с северными тулупами гошары бодренько скачут на больших дохах. Аяши, вашаны и другие миряне со свистом погоняют шайгалов, которым здесь не до флегматичной неторопливости заснеженных троп — приходится ускоряться и тащить не сани, а высоко нагруженные телеги. То тут то там мелькают внушительные фигуры шордов — надежных и устрашающего вида охранников. Правда, здесь они редко хватаются за грозные секиры, если видят незнакомцев.

Деловитые апики в легких светлых одеждах путешествуют в изящных открытых пассажирских повозках. Любопытно, что на границе своей Байсы и Леарата они чувствуют себя как дома и частенько раздраженно покрикивают на других путников, требуя предоставить им дорогу.

Глядя на мирян, я поймала себя на мысли, что за два безумных месяца немножко освоилась здесь. Шорды, гошары, шайгалы, похожие на медведей, кажутся уже обыденными, привычными.

Горы становились все выше; в долинах, как и вокруг Байсакала, пестрили фермерские плантации с различными растениями, даже самих горных фермеров с высоты птичьего полета рассмотрела. Только под широкополыми шляпами не понять: леары там или кто-то еще из мирян.

Первый пограничный отряд пролетел в нескольких метрах мимо нас и уже знакомым, странным образом поприветствовал, левой рукой прикрыв на миг глаза и нос.

— Шаа Ювел, — окликнула я серого бойца. — Что означает этот жест? Какое-то специальное приветствие?

Серый, поощренный моим вниманием, пояснил:

— Этот жест для тебя, шааза. Он означает: «Сияние твоей красоты ослепляет, а запах столь силен, что захватывает дух!» Так выражают почтение только шаазам, остальным леарам, более низкого общественного положения, коротко кланяются: «Вижу, добра желаю».

— Если честно, сильный запах, захватывающий дух, мне кажется немного сомнительным комплиментом, — хихикнула я.

Первый усмехнулся, они со Вторым запомнили, как я волновалась, когда мне про ароматы магии рассказывали, поэтому пояснил:

— Запах не в том смысле, который, догадываюсь, ты вкладываешь. Леары всегда пахнут своей магией, чем ее больше, тем ярче аромат и насыщеннее. Так как шаазы — средоточие ледяной магии, то ваш запах очень сильный, особенно после полного созревания силы. И еще, наша магия накладывает отпечаток на внешность — некрасивых шаазов не бывает. Ни женщин, ни мужчин. Поэтому приветствие не только комплимент, но и признание вашей избранности.

Ювел посмотрел вниз. На небольшой площадке обозники устроили привал, чтобы не только отдохнуть и поесть, но и с «развлечением». Двое гошаров подрались. И скорее всего, из-за дамы. Орчаночка в сторонке отчаянно заламывала руки, явно переживала. Тяжко вздохнув, видимо в его жизни драка из-за женщины тоже случалась, командир добавил с потаенной горечью:

— Шаазатов осталось тысяча пятнадцать, а вот право на такое приветствие имеют главы лишь половины из них. Остальные уже настолько серые, что эратами считаются по праву наследования, а не силы. Поверь, шааза Кайя, любой пошел бы на что угодно, чтобы пограничники из первого шаазата при встрече с ним закрыли лицо.

— Спасибо за науку, учту на будущее, — удивленно, но честно поблагодарила я.

Судя по печальному голосу Ювела, он как раз из тех, или знает того, кто мечтает о таком приветствии. А мне хотелось как можно больше узнать о новых сородичах. Особенно вот таких элементарных бытовых нюансов, чтобы лишний раз не вызывать недоумение хотя бы по мелочам.

Я скосила глаза на своих спутников. По-моему, все пятеро вполне интересны внешне. А вот «запах» — да, от чернокрылых легко, едва ощутимо веет снежным утром. У серого Ювела к морозцу добавляется свежий ветерок. Как выяснилось, вполне закономерно, ведь его крылья темно-серые, так что не слишком он сильнее обычных ша.

Внизу, на склоне горы, я увидела огромную каменоломню. Чернокрылые работники поднимали из шахт каменные пласты, грузили их в сети и уносили прочь. Третий, заметив мой интерес, сразу пояснил:

— Это кварц, отличный камень для дорог. Его не сложно добывать, залегает не глубоко, а при правильной обработке в темноте немного светится, тем самым облегчает путь путешественникам. Через Восточное высокогорье пролегает крупнейший и оживленный торговый путь, который соединяет Восток и Запад — Великий каменный путь. Шаэр и другие эраты тщательно заботятся о благосостоянии леаров и спокойствии путников.

— И конечно же, берут пошлины за такой замечательный и неопасный проезд? — усмехнулась я.

Мужчины обменялись ухмылками, и Ювел уточнил:

— Пошлины — да, но этот путь дешевле, чем проход через портал дырокола. На всем его протяжении леары и апики обеспечивают безопасность караванам и путникам. Здесь повсеместно можно торговать. Еще в Леарате, помимо прочего, добывают и продают самые ценные, концентрирующие силу камни. Так что многие торговцы предпочитают пользоваться нашей дорогой, нежели сразу оказаться на Западе.

— Вы правы, торговцы открывают и закрывают города, — улыбнулась я. — Только там, где оживленная торговля, кипит жизнь.

Мы летели дальше и дальше. Я поймала себя на том, что стало легче дышать, кровь бурлила, словно шампанское, переполняя вены. Хотелось расправить крылья и взлететь уже наконец. Мое беспокойство и нетерпение отметил Ювел и с мягкой улыбкой спросил: — Чувствуешь прилив сил, шааза? Ты быстро привыкнешь. Мы летим высоко, здесь прохладно и дышится легче, чем в душном Байсакале. И вообще, Восточное высокогорье — это средоточие силы леаров, здесь в каждом уголке можно ощутить влияние наших прародителей и покровителей — ларов. Совсем скоро мы преодолеем первый купол, а дальше начнутся предместья Лараны, там много жителей, а значит, и магии.

Я поблагодарила за очередной рассказ и вновь крутила головой, стараясь рассмотреть все, что можно. Стали чаще встречаться леары, но только черные и темно-серые. Они провожали наш отряд удивленными взглядами, особенно меня, путешествующую на самодельном «насесте», но встречали неизменно с большим почтением и закрывали лицо ладонью. Я обратила внимание, что крылатые женщины одеваются по-разному. Но все в брюках! Каких-то ярко выраженных предпочтений в цвете нет. Кто побогаче, еще и в драгоценных украшениях. Волосы у дамочек чаще всего распущенные, в свободном полете, а ветер радостно треплет длинные пряди.

Горы менялись до неузнаваемости. Замелькали многочисленные зеленые террасы, где в водяных... о, вспомнила, чеках зеленеют ростки. Будто рис в Азии. Загорелые спины тружеников полей блестят от пота. В низинах, где селятся чернокрылые, все засажено плодовыми деревьями и кустарниками. А чем выше, тем солиднее и оригинальнее выглядят дома. Светлые, просторные с башенками, террасами, большими окнами и белоснежными занавесками, которые ветер зовет поиграть.

Я ждала, когда увижу эти хваленые купола, которые сохраняют тепло, но потом дошло, что не верно поняла их природу. Догадалась, когда заметила странное движение воздуха над очередной узкой долиной между двумя высокими скалами. Так, значит купол, по сути, из теплого воздуха, который не позволяет холоду спускаться в долину. Возможно, его как-то удерживают, магически или физически. Последнее мне, бывшему жителю техногенного мира, Земли, ближе и понятнее, чем местное волшебство.

Затем мы пролетели над очередным перевалом, и передо мной открылась невероятная картина.

— Ларана, — тихонько и гордо подсказал Ювел, с довольной улыбкой отметив мой восторг.

Три необозримых горных исполина образовали треугольник, стремясь далеко ввысь, скрываясь в облаках. Большое плато в подножье треугольника походит на рай только невообразимо яркой, буйной растительностью. Здесь все зреет, цветет, благоухает, порхает, а еще бегают, толкается и суется. Население — тысяч сто, не меньше. Для этого мира столица Леарата — густонаселенный город, я полагаю. Торговый путь, над которым мы все время летели, спускается вниз и проходит мимо Лараны дальше. Вдоль дороги выстроилось множество гостиниц и складов, вокруг снуют тысячи торговцев, охранников, ребяти и женщин. Здесь же шумит веселый, пестрый, большой рынок, на котором продают, кажется, все, что душе угодно. Слава святой небесной троице, только невольников не видно.

За рынком начинаются ухоженные улочки с простенькими домиками, где живут чернокрылые, «пустые» ша, которым вечное лето не доставляет слишком большой дискомфорт. Даже огромное унылое здание тюрьмы из темного камня стоит в центре зеленого сада. Здесь, в жаре, держат преступников. Однако! Чем дальше от тракта, тем больше и красивее дома. Более привлекательные и хорошо спланированные строения красуются на склонах гор-исполинов. Чем ближе к облакам, тем более изощренная фантазия у архитекторов и флер богатства их высоких владельцев.

Когда мы преодолели облака, мой рот открылся уже непозволительно широко, потому что пришлось задрать голову. Каждую из трех вершин на разном уровне облюбовали по три дворца. Дворец, расположенный выше всех, почти венчает самого могучего исполина. Наверное, так должен выглядеть вход в рай — искрящееся кристальное чудо с готическими стрельчатыми крышами и окнами, словно подпирающее Мока, Моику и Комка. Со множеством воздушных арок, мостов и переходов, большими и маленькими башенками. И все это великолепие растет прямо из горы и словно купается в сиреневом свете трех светил. Это чудо можно назвать только Кристальным дворцом. И я не ошиблась!

— Это Кристальный дворец шаэра, эрата первого шаазата Иси! Моего шаазата, — похвастался Ювел. — Здесь собирается Совет Девяти, проходят выборы следующего шаэра и принимаются самые важные решения!

Первого и Второго тоже явно распирало от гордости, ведь они, как и Ювел, из Иси. А вот двое других чернокрылых едва заметно поморщились, но вскоре ринулись хвалиться. Мы как раз пролетали мимо нижнего дворца, расположенного прямо над облаками. Но по-своему не менее привлекательного, прямо-таки сказочного, с круглыми голубыми башенками, резными, расписными воротами, арабесками.

— Это дворец шаазата Ланей, наш эрат девятый по силе и входит в Совет, — посветлел лицом мрачный Четвертый.

— Какая прелесть! — искренне восхитилась я.

Ювел заделался экскурсоводом: указывая то на один, то на другой дворец, высившийся перед нами, рассказывал чей. Помимо первого, меня покорило владение второго шаазата — белоснежный дворец будто с заставки Уолта Диснея, весь такой сказочный, воздушный, словно из облаков и света сотканный. В противовес этой зефиринке, на другой горе высится дворец третьего шаазата. В отличие от остальных, более простых, строгих форм, построенный из камня песочного цвета, но я сравнила его с Альгамброй. И аж сердце защемило, так захотелось прикоснуться к вязи каменных кружев, украшающих каждую стену, сводчатые окна и колонны, поддерживающие величественные арки, приглашающие внутрь.

Как не согласиться с утверждением Ювела, что Ларана — самый потрясающий воображение город, который я видела!? И безусловно, красивый город, а я повидала их множество, не в этом мире, конечно. Признаю, ледяная магия действительно способна творить чудеса.

Мой отряд, неспешно рассекая воздух мощными крыльями, торжественно направился к Кристальному дворцу. Я наслаждалась видами Лараны и приятным легким ветерком. И снова диссонанс: здесь, на большой высоте, приличный минус, а у меня — словно второе дыхание открылось или вторая пара крыльев за спиной выросла. Хотелось петлять и обнять весь мир. Сплошная эйфория!

Белые леары все еще не появлялись, зато здесь, выше облаков, целыми стайками носились серые: женщины, мужчины, праздные и деловые, разные. Увидев меня на стуле, они с трудом скрывали удивление и торопились приветствовать. Я кожей чувствовала их взгляды, которыми они провожали меня.

На полете к Кристальному дворцу у меня внутри все сжалось от страха и напряжения.

Очередной этап моей новой жизни. Как она повернется? Как же так вышло, что мне «повезло» обернуться леарой, да еще и белой? Можно, конечно, предположить, что во время перехода сюда, а попросту, когда я висела, цепляясь за края «радуги» и орала на оба мира от ужаса, молясь о крыльях, очень «справедливая» Яза исполнила мою просьбу.

Буквально! А у кого из разумных и человекоподобных в этом мире есть крылья?

Правильно, у леаров! Видимо, Яза решила не заморачиваться и «отнесла» меня к существующему виду согласно типу. Интересно: если бы я была брюнеткой, а не блондинкой, то обрела бы черные крылья? Вот оказалась бы в самом низу иерархии леаров — и тогда никакого апельсинового фреша по утрам, а пахла бы на плантации или ферме от зари до заката. Или во мне изначально был какой-то магический потенциал и поэтому «посчастливилось» стать белокрылой?

Мы приблизились к громадному дворцу. Камень, из которого его построили, действительно блестящий, но не прозрачный, а как слегка матовое стекло. Но впечатляюще, однозначно.

Любопытно, что строители почему-то не подумали о дверях — одни проемы или большие

окна. Ах да, все рассчитано исключительно на летунов, а не ходоков, вернее, альпинистов.

Леары приземлились на широкой террасе с балюстрадой в виде жутковатых фигур зверей и птиц. Вокруг никакой растительности и цветных пятен, белым-бело — царство камня и льда, словно я попала в замок Снежной Королевы. Не хватает уюта и душевного тепла, слишком торжественно и пафосно. Не хотелось бы жить в таком месте. Эх, все опять не так, как казалось!

К нам спешил серый крылатый мужчина, обратившийся к командиру отряда на леарском:

— Мне доложить шаэру, что прибыл эш третьего звена пограничников с шаазой Ланей?

Ювел перевел мне вопрос «придворного», отказался и быстро ушел с ним, приказав звену охранять меня.

— Ша, я бы не отказалась посетить туалетную комнату после долгого пути, — обратилась я к бойцам.

Первый обменялся вопросительным взглядом с товарищами и решил взять ответственность на себя:

— Пойдем, шааза, в соседнем коридоре есть комната. Но нужно поспешить, шаэр может потребовать встречи с тобой немедленно, как только узнает.

Я шла за крылатым бойцом, невольно любуясь его сильным телом, органично сложенным крыльям за спиной. Очень интересный мужчина. Правда, с эстетической точки зрения. Странность моей жизни: за всю жизнь моим любовником был один Игорь, и то после того как стал настоящим другом. Когда мы лучше узнали друг друга. Да и не горела я с ним от страсти — грелась в его тепле и заботе. Может поэтому в тот момент, когда не было времени на раздумья, он следовал чувствам и инстинктам и выбор его пал на Машу. Он принес мне боль, но не забрал жажду жизни. Больно было терять друга, а не любимого человека. Здесь я о нем почти не вспоминала. Так, изредка, с досадой и грустью. Разве истинно любимых быстро забывают? Мое сердце тоскует о бабушке. К сожалению, даже отец и мать не были мне по-настоящему близки. Я была их продолжением, родной кровью и наследницей, чтобы дело и нажитое не пропало.

Дворцовый туалет оказался на уровне. В нем нашлось все, что нужно, и даже больше.

Умывшись, я замерла у зеркала с удивлением. Приятным! Да, заоблачный холод сделал свое дело. Моя кожа светится здоровьем, фиалковые глаза сияют. Если посмотреть под определенным углом, виден тот самый флер силы, что дрожит, перетекает вокруг тела словно аура, только зримая. Кайя Хелле — настоящий маг и это тоже реальность!

Промокнула лицо и руки белоснежным полотенцем, взяв его из целой кипы, сложенной на полочке у раковины. Затем решила привести в порядок растрепавшиеся волосы. Заплела французскую косу, оставив парочку прядок-завлекалок. И осталась довольна своим отражением — молодая, посвежевшая, красивая, стройная женщина. Само очарование! Голубой топ облегал высокую грудь, белые штаны немного помялись, но не испачкались и общий вид не портят. Просто и элегантно. Я распрямила плечи, выпустила крылья для солидности, глубоко вдохнула, стараясь обрести уверенность, и вышла в коридор.

— Скорее, скорее шааза, шаэр и совет ждут вас, — настойчиво торопил меня встретивший нас серый.

Мои спутники, оставшиеся на террасе, где мы приземлились, ободряюще кивнули мне.

Светло-серые крылья сопровождающего дрожали от нетерпения, он постоянно оборачивался, взглядом умоляя меня идти побыстрее, но, даже выполняя приказ повелителя, не посмел и пальцем коснуться, чтобы ускориться. Так и семенил впереди, пока не замер у высоченных двустворчатых дверей, судорожно вздохнул и плавно, почтительно распахнул их передо мной, предлагая войти. Задержав дыхание, я сделала шаг, второй...

Глава 11

Смотрины в Большой Девятке

За дверью, вопреки моим представлениям, оказался не королевский тронный зал или классический зал какого-нибудь высокого собрания, нет. И вот, застыв на первой ступени широкой лестницы из белого камня, я рассматриваю пространство, походящее на широкий амфитеатр под открытым небом, где самом центре царственно восседают в больших белоснежных креслах, расставленных в форме овала, девять леаров. Рядом с каждым стоит круглый белый столик с напитками. И это великолепие каким-то фантастическим образом возникло на вершине горы в средоточии Кристального замка, а легкая узорчатая изморозь

стелется у них под ногами — все слишком нереальное, какое-то сказочное, и от того еще более пугающее.

Я успела лишь мельком пробежаться по лицам самых влиятельных и сильных мужчин Леарата. Вернее, целого мира, если смотреть шире. Ведь шааз для любого мирянина — смерть, даже у ша и шаа с ними немалые проблемы. А эти леары искрятся ярким белым цветом. Но двое действительно «испачканы» серым, Ювел был прав.

— Подойди, дитя, я хочу рассмотреть тебя получше, — позвал меня на аяше сильным, басовитым голосом белоснежный леар, возглавляющий «овал».

Я невольно передернулась, вспомнив сказку про Красную Шапочку и Серого Волка. Пока осторожно спускалась по ступеням, слышала, что ушел сопровождавший меня серый, а обратившийся ко мне леар, видимо, шаэр, неожиданно встал.

Остановившись в паре шагов от него, я замерла. Как быть дальше? Нужно ли мне закрыть лицо рукой, как приветствовали меня другие. Или кивнуть? Поэтому натянуто улыбнулась и, кашлянув, сказала:

— Приветствую вас, уважаемый шаер!

А сама, затаив дыхание, рассматривала правителя. Он оказался очень высоким, крупным и подавляющим. Вряд ли я достану макушкой ему до ключиц. Его коротко стриженные белоснежные волосы, зачесанные назад, словно припорошены свежим, искрящимся на солнце снегом. Бледная кожа, широкое, скуластое лицо, тонкие губы и узкие, раскосые, ярко-зеленые глаза, будто светящиеся внутренним светом. Внешностью этот леарище напоминает потомков азиатов и европейцев, когда метисам волей природы достаются самые лучшие черты родителей. Необыкновенная красота, правда, словно замороженная, застывшая.

Одежда шаэра походит на азиатскую — широкие белые штаны с поясом, щедро украшенным драгоценными камнями. В этом мире явно знают толк в их обработке. Рельефный мускулистый торс слегка облегает жилет с воротником-шалью и драгоценными пуговицами, подчеркивая скульптурную красоту тела. Эффектный мужчина и наверняка следит за собой. Особое внимание привлек резной браслет на его запястье — затейливо огранный, сверкающий в лучах светила, как цельный кристалл.

Заметив мой интерес, шаэр мягко усмехнулся и, будто флиртуя, приподнял руку с браслетом, сообщив:

— Да, прекрасная шааза, увы, я уже занят.

У меня щеки загорелись огнем. Правитель леаров — безусловно красивый мужчина, но меня совершенно не интересовало его семейное положение и он сам в качестве пары. Видимо, считает себя главным призом для любой женщины. Поэтому с вежливой улыбкой ответила:

— Шаэр, я рада, что вы обрели свое семейное счастье!

— Кто ты? Расскажи о себе, — потребовал повелитель. И пока я собиралась с мыслями, добавил: — Пограничники доложили о твоей совершенно немыслимой истории и спасении из лап ледяных.

— Меня зовут Кайя, мне двадцать пять лет — это почти все, что я помню о себе с момента, когда квошки нашли полумертвой в горах. Они долго держали меня в плену. К сожалению, сбежать не было возможности. Затем продали шакрэ Тейшу в предгорье. Тот перепродал вашану Цирику, который прислуживал змейсу Шедвику. В Байсакал, к нему в поместье, меня доставили вчера. Ваши лю... воины убили его, пытаюсь спасти шаазу Ланей. Увы, больше мне нечего добавить к своей истории...

Эраты молчали, хотя я печенкой чувствовала их горячий интерес. Еще ощутила их запах, вот теперь-то я точно уловила разницу между черными, серыми и белыми леарами.

Пол под ногами покрывается тонким узором изморози: шаазы не сдерживают себя — магия немного чудит. В воздухе буквально закручивается снежный вихрь, пахнет лютым морозом, он щипает ноздри и, самое удивительное, горячит кровь, приятно опалая кожу, покрывающуюся мурашками. Казалось, внутри у меня все дрожит и гудит, как под высоким напряжением, будто попала в сильнейшую грозу и вокруг бьют тысячи молний.

Шаэр пристально смотрел мне в лицо. Как только я замолчала, он криво усмехнулся, затем шагнул ближе, пришлось задрать голову, чтобы не отводить глаза. А дальше я едва не взлетела от неожиданности. Шаэр взял мой подбородок пальцами, и, не дав отстраниться,

вдохнул мой аромат, прикрыв глаза. Опять поймал мой изумленный взгляд и напугал до дрожи:

— Возраст и имя, а еще, как сказал командир звена, ты четко запомнила, что цвет твоих волос — истинный. Необычный для шаазы.

— Я...

— Ты, Кайя, — легко улыбнулся шаэр, но выглядел настолько опасным, что у меня сердце ухнуло. — Чистокровная шааза, двадцати пяти лет, как утверждаешь, а пахнешь девчонкой. Но я чувствую, уверен и другие тоже, что потенциал у тебя очень-очень-очень сильный. И грани перехода всего две ощущаются. У твоей силы все впереди...

— Шаэр, Ювел рассказывал мне в пути про переходы и силу, — пролепетала я, чтобы не молчать.

— Да, о твоей якобы абсолютной неосведомленности о леарах мне тоже доложили. Но вот что любопытно, сладкая Кайя, ты хорошо помнишь свое имя, возраст и цвет волос с рождения. А все остальное — почему-то частично. Не находишь?

— Такое бывает, — пискнула я, защищаясь.

— Бывает, — зловеще усмехнулся шаэр. — У подкидышей Великой Язы. Вот у тех много чего необычного бывает. К сожалению, не всегда полезное мирянам.

— Я не...

— Исходя из положения Мира в момент приближения Великой Троицы, твое появление в Квоше абсолютно закономерно.

— Вы полагаете? — выдавила я, холодея.

— Нет, — спокойно ответил он и, только я выдохнула, добил: — Я уверен! Поскольку за свою долгую жизнь не раз сталкивался с подкидышами Язы.

— Сколько же вам лет? — потрясенно прошептала я мысли вслух, вспомнив, что Яза с братьями появляется здесь раз в сто лет. А шаэр видел не раз! Не к месту вспомнила о пауках, живущих на дереве лапуг, и по-детски выпалила: — И как болото знаменитое рухнуло, тоже видели?

Мгновение молчания — а затем грохнул общий залиvistый хохот. Со стыда я готова была провалиться. Молчание — золото, а я так бездарно мелю языком. Но падающее с небес болото... эх, моя фантазия, подстегнутая чужими воспоминаниями, разыгралась до неприличия, вот и мучила.

— Нет, оно упало далеко отсюда, а я не вездесущ. Но последствия разгребать пришлось и нам еще долго! — с улыбкой ответил шаэр.

Возраст так и не назвал, но дал подсказку, что ему, на вид лет тридцати пяти, на самом деле хорошо за четыреста.

— Представляю, — согласилась я и предприняла последнюю попытку скрыть свое происхождение: — Но почему вы безоговорочно уверены, что я...

Заработав тяжелый вздох шаэра и раздраженные взгляды остальных членов совета, я получила резковатый ответ:

— Появление шаазы такой силы в любом из шаазатов скрыть не удалось бы. А пропажу на более, чем два месяца, — тем более. Твои волосы серые, но крылья леара — это олицетворение сути магии, а они у тебя абсолютно белые. Столько магии мог передать своему потомку только кто-то из присутствующих здесь эратов. Надеюсь, ты поверишь на слово, что ни один из нас не почуял в тебе свою кровь и силу.

Даже обидно стало: волосы мои ему не нравятся, видите ли. Да сам ты седой как лунь. Но вслух продолжала гнуть свое:

— Вдруг какая-то из менее сильных пар провела ритуал, чтобы без знака избранности родить ребенка? И...

— За последние сто лет погибли лишь двадцать восемь леар с уровнем силы выше среднего. Остальные живы и здоровы. Но чтобы произвести на свет подобную тебе, они должны были передать ребенку все, что могли наскрести и...

— Умереть? — я почти не сомневалась, ведь этот мир так любит смерть.

— Да, — подтвердил Шаэр, немного раздраженно глядя на меня.

Ой, зря, зря думала, что в малочисленном обществе, где белых кот наплакал, сойдет за правду моя амнезия. А Ювел, гад такой, понял все сразу, слушал, соглашался и быстро

доложил хозяину. Я глубоко вздохнула, собираясь с силами и, глядя в безумно яркие зеленые глаза повелителя, расчетливые глаза, призналась:

— Вы правы, шаэр, я пришла... прилетела из другого мира. Там мне грозила смерть, потому что люди, как и апики, летать не умеют, а я падала с огромной высоты. Я не знаю, почему провалилась в странную цветную дыру в небе и очутилась в горах Квоша. В момент перехода через тот портал я молила богов о крыльях. Видимо, Великая Яза услышала меня и одарила. Некоторое время я приходила в себя, затем шаман племени квошиков в пик прихода Троицы решил сделать из меня личную послушную игрушку. И провел ритуал подчинения и передачи памяти...

— Дастарис? — потрясено выдохнул один из белых, подавшись вперед из кресла. — Неужели то давно утерянное знание...

— Ты запомнила его? — впился в меня взглядом шаэр.

Это жадное, нехорошее любопытство напугало до колик. Но я преданной болонкой посмотрела правителю в глаза:

— Нет, тогда я не знала языка квошиков и меня опоили каким-то зельем. Но мне удалось нарушить ход ритуала и перетянуть часть знаний шамана себе. А вождь, почувствовав неладное, сильно ударил меня в тот момент и уничтожил все остальное. Хвала высшим, что я осталась при своей памяти и получила некоторые знания шамана — несколько языков, сведения о народах и географии Мира. Немного, но жить стало гораздо легче. А вот сам шаман лишился опыта, что нажил, очистив память до двадцатилетнего возраста. Старик с повадками не отягощенного жизненным опытом парня — печальное зрелище.

Фу-у-х, я с облегчением отметила искреннее расстройство на лице шаэра. Значит, поверил! Не зря старалась, чтобы у этих великих и ужасных не закралось сомнений в моей благонадежности. Достало! Как же меня достало изворачиваться, терпеть, играть кого-то другого! Как же хочется жить, но пока я стараюсь лишь выжить!

— Ты помнишь, где живет это племя? — полюбопытствовал шаэр.

Я заволновалась: зачем ему это знать? Чтобы выпотрошить и так обделенного шамана? Или отомстить всему племени за издевательства над леарой? Ни то, ни другое мне лично ни к чему, поэтому уверенно мотнула головой, тут же пояснив:

— Сначала меня держали в клетке у скалы, прутья защищали палящей магией, я даже коснуться их не могла, и камни их не брали. Только мечтала сбежать. Много ли там увидишь? Потом везли в клетке, которую накрыли тряпкой. Я не знаю, где мы ехали. Дальше спустились с гор. Хорошо рассмотрела невольничий рынок за три дня, а позднее меня купил вашан Цирик, подручный змейса Шедвика. Дорогу в Байсакал я тоже не помню, меня усыпил хаоши, содрал за эту услугу с Цирика лишних пятьсот литов.

— Литы ходят на Западе, в Веруне и Ходжуне... — вслух задумался белокрылый, заинтересовавшийся ритуалом Зоря.

— Мы отлетели от главной темы, — неожиданно раздался громкий голос с хрипотцой. — Она — леара, причем шааза, и мы все это видим и чувствуем. Лиаша из моего рода погибла, первыми эту белую нашли мои звеньевые — значит она принадлежит моему шаазату! Эрат Ланей встал, и я смогла хорошо рассмотреть очередного претендента на мои крылья. Не такой высокий, как шаэр, коренастый и выглядит старше, по-моему, на сорок, а сколько ему на самом деле — страшно подумать. Красивый кареглазый блондин, но несколько серых прядей в его волосах и серых перьев «портят» картину. В отличие от правителя, одет эрат в свободную белую рубашку с длинными рукавами, сверкающую серебристой вышивкой. Зайти бы ему за спину и посмотреть, как в этой рубашке у него крылья появляются? Его левую руку тоже обвивает брачный кристальный браслет. Можно выдохнуть: в невесты меня ему точно не прочтат.

— Ты забылся, Лаэно, в звене были воины твоего и моего шаазата, — жестко парировал шаэр. — Более того, ты, глава рода, не уберег свое главное сокровище — юную сильную шаазу, а сейчас претендуешь на ее замену? Мне кажется, ты слишком расстроен новостью о гибели племянницы, поэтому плохо соображаешь...

— Я свободная! И никому не принадлежу! — не выдержала я. — Надеюсь, командир звена Ювел доложил вам, что, в отличие от шаазы из рода Ланей, я не поддалась, не подчинилась, а ранила змейса и уже собиралась бежать. Мне чужая помощь не требовалась!

Повелитель посмотрел на меня строгим взглядом, но я упрямо задирала подбородок и сжимала кулаки.

— Абсолютно свободных леар не существует, подкидыш, — поставил меня на место шаэр.

— Даже я, эрат первого шаазата Иси, вынужден подчиняться совету и служить своему народу. Каждый леар входит в какой-либо шаазат. И тебе придется!

— Мне кажется, неважно, кто ее нашел! — я обернулась на вкрадчивый, обманчиво мягкий, баюкающий голос и посмотрела на еще одного эрата с серыми прядками, худощавого и одетого, как и Лаэно Ланей, в белый свободный наряд.

— Да? Полагаешь это не важным, эрат Одэко? — резко переспросил шаэр.

Ну прямо не совет глав девяти родов, а сборище котов в период весеннего обострения половой активности. Когда порвать готовы за что угодно, был бы повод для драки.

— Я полагаю, эрат Иси, — намеренно сравнял правителя Одэко, — что это вопрос эратов, а не шаэра. Ничейная шааза такого уровня — сама по себе ценность, которую сложно верно оценить. Так почему бы Кайе самой не выбрать шаазат, в который она захочет вступить?

— К примеру, посредством брака с эром главного рода... — неожиданно вступил в диалог следующий «сенатор».

Но тут возмутился еще один, молчавший до этого:

— Свободные эры есть только у пяти из нас. Остальные — не наследные. Таким образом эрат Керук хочет отстранить нас. Почему мой племянник не достоин истинной шаазы?

Я вспомнила имена родов, чьи дворцы выше облаков. Керук третий по значимости шаазат возглавляет. А вот Одэко, который ратует за мой свободный выбор, — всего лишь шестой в иерархии.

— Я свободная...

На мой протест никто не обратил внимания. Семеро «сенаторов» препирались, а двое молчали: шаэр высокомерно внимал чужим речам, но уже все за всех решил, или я не дочь своего отца; и высокий, широкоплечий, мускулистый эрат, невозмутимо наблюдавший за перепалкой, опершись о подлокотники и сложив пальцы домиком перед собой. Члены совета в запале перешли на леарский, и этот шааз невольно завладел моим вниманием. Даже одет молчаливый эрат не как его коллеги. В безрукавке и штанах из тонкой коричневой кожи он больше похож на бойцов, и никаких украшений. Браслета на руке тоже нет. Золотистый загар и кожаная одежда подчеркивают его мощь и внутреннюю силу. А вот лицо... пугает холодным безразличием. Неужели ему нет никакого дела до того, о чем спорят остальные? Вообще? Длинные, до плеч, белоснежные, густые волосы, белые брови, бледно-голубые, почти прозрачные глаза хорошо оттеняют загорелую кожу. Лоб пересекают две морщинки, словно эрат часто приподнимает брови, выражая так чувства и эмоции. Нос чуть-чуть излишне выдающийся, чтобы быть идеальным, с заметной горбинкой. Четко очерченные, плотно сжатые губы, похожие на луки, глубокая ямочка на подбородке. На мой взгляд, привлекательный мужчина, но чувствуется в нем большой хищник. И в данный момент этот хищник спокойно, терпеливо ждет в засаде свою добычу с обманчивой отстраненностью на лице. Но не в глазах! Нет у меня никаких сомнений в том, что он все видит и слышит, а не витает где-то далеко в своих мыслях.

Между тем «высокий» спор набирал обороты и больше походил на скандал. Поймав мой отчаянный взгляд, голубоглазый эрат какое-то время смотрел мне в глаза. Опасный, очень опасный мужчина от такого лучше держаться подальше — слишком похож на моего отца. Власть превыше всего! Я ощутила едва заметное движение сбоку, прервала зрительный контакт с молчаливым эратом и успела заметить, что шаэр видел наши гляделки. Он едва слышно иронично хмыкнул и, резко взмахнув рукой, распорядился:

— Довольно! Я выслушал вас и принял решение!

— Какое? — наконец-то замолчали эраты и уставившись на повелителя с жадным вниманием.

— Свободная шааза Кайя включена в первый шаазат Иси. — Эраты возмущенно загалдели, шаэр опять резко поднял руку, останавливая их и продолжил: — Но она прямо сейчас выберет себе супруга либо из присутствующих, либо из ваших прямых наследников. Так как у меня есть пара, а мой наследник слишком мал, выкуп за нее вы заплатите первому шаазату!

— Но среди нас всего четверо свободных! — возмутился эрат восьмого шаазата Скал.

Пятый эрат Митво, рявкнул, поддерживая:

— А у кого-то нет прямых свободных наследников!

— Это их проблемы! — заявил шаэр. — Кроме того, можно сменить первого наследника, особенно, если племянник гораздо сильнее и умнее. Сильная белая шааза укрепит твой род магией, раз твой эр женился на почти серой. Думаю, вы вскоре потеряете право входить в совет и нас останется лишь восемь...

Видимо, проблема ослабления или «посерения» очень острая, если после монаршей отповеди эраты вмиг замолчали, тем самым согласившись с решением, и дружно посмотрели на меня. Первый гад шаазата Иси с ухмылкой в глазах обратился ко мне:

— Кайя, то, что должно случиться, все равно произойдет. Ничьих шааз не бывает! Я даю тебе возможность выбора, можешь подойти к каждому из нас, прочувствовать запах силы, сравнить. Поверь, наши наследники очень похожи на своих родителей не только внешне и силой, но, бывает, и умом.

Кажется, последний выпад был в сторону эрата Митво, вон как у него глаза заledenели.

Шаэр выдержал «театральную» паузу и продолжил напутствовать:

— Помни, сейчас ты выбираешь свое будущее. Здесь собрались девять представителей сильнейших шаазатов, более того, сильнейших семей Леарата. Это огромная удача для тебя — девчонки, пришедшей из другого мира, не знающей наших реалий. Тебе оказали высокую честь лучшие из наших родов, которые издавна служат силой и опорой Леарату. Я посмотрела прямо в лицо шаэру и, чтобы не считал, что подкидыша облагодетельствовал, любезно «поблагодарила» за оказанную честь:

— В моем мире моя семья занимает не худшее положение. Я и сюда попала, потому что недоброжелателям захотелось занять мое место, отхватить хоть часть состояния. Поэтому поверьте, место повыше и денег побольше — не предел моих мечтаний и не гарантия счастья. Жизнь наглядно показала, что власть — это, скорее, лишние проблемы и источник опасений.

Эрат Иси скрипнул зубами и с плохо скрытым недовольством и угрозой процедил:

— Иди, выбирай себе супруга, пока тебе дают это право!

Я судорожно вздохнула, нервно дернула плечом и неуверенно обернулась к эратам.

Некоторые из них встали, другие продолжали сидеть, но все без исключения, даже «хищник», пристально наблюдали за мной.

— Хочешь, я выберу за тебя? — поторопил меня шаэр; похоже, смотрины и непокладистая попаданка с претензией на собственное мнение его утомили, вот и решил больше не церемониться.

Я резко обернулась и с горечью взглянула на него. В ответ «его величество» мне кивнули, мол, шла бы ты... выбирать свою судьбу быстрее. Почему, почему все так не по-людски? Эти унижающие человеческое достоинство торгашеские споры: кому достанется магически сильная самка, которая улучшит генофонд потомков, а значит продвинет в иерархии? Это безразличие всесильных мужчин к личности, ведь они «спокойненько» ругались между собой и никого не интересовало, что у меня на душе. Нет, хищник с голубыми глазами смотрел на меня...

Я неуверенно подошла к Керуку — эрату третьего шаазата, большому, представительному мужчине. Он поощрительно улыбнулся, разглядывая меня с не меньшим интересом. И пахнет февральской метелью.

— Мой сын сильнее многих здесь будет, — похвалил он свой «товар». — Хорош, умен...

— ...мужчина за триста, а до сих пор без пары, — ядовито прервал его эрат Скал. — А Кайя

— девочка совсем, двадцать и лишь два перехода за спиной. Ей бы кого по возрасту и интересам...

Я изумленно глянула на родителя трехсотлетнего сыночка. Тогда сколько же папе стукнуло? Но Керук мудрый, очень мудрый, не повелся на провокацию, так и смотрел с мягкой улыбкой мне в глаза. И неожиданно тихо посоветовал:

— Не слушай их, выбирай сердцем. Ведь тебе потом жить с этим выбором.

— Как? Я никого здесь не знаю. Это все равно невозможно, — тяжело вздохнула.

Я покорно обошла почти всех эратов, слушая их громкие и тихие заверения, похвальбу, увещевания и заинтересовалась двумя. Хорошее впечатление произвел солидный и спокойный Керук, жаль, его сына нет рядом, чтобы сравнить с отцом. И словно магнитом

притягивал — наверное, на контрасте с остальными — молчаливый эрат, имени которого я до сих пор не услышала.

Он сидел, положив ногу на ногу, даже позу не сменил. И все же смотрел, словно мы... на одной волне. Только из светло-голубых, почти прозрачных глаз ушел, нет, спрятался интерес к происходящему. Но эрат наблюдал не отрываясь. Он пах самым лютым морозом, какие изредка случаются в конце декабря или начале января, в разгар зимы. Пока я глядела на него, в ушах зашумело, словно попала в ледяную метель, закружившую, захватившую... Если бы я не смотрела на эту ледяную статую пристально, то наверняка бы прекратила испытывать свое и его терпение — хватит, пора и честь знать. Но нечаянно заметила, как нервно бьется жилка у него под левым глазом. Поэтому непроизвольно кивнула, подсознательно принимая решение.

Хищник понял сразу, его глаза чуть-чуть потемнели, словно он одобрил мой выбор, затем расцепил руки и протянул мне правую. Чтобы скрепить союз? Я робко улыбнулась и протянула ему руку. А дальше что-то странное произошло: не успели наши пальцы соприкоснуться, между ними вспыхнуло и заискрило золотое сияние — крошечное облачко. Ни спросить, что это, ни испугаться я не успела. Едва уловимое движение эрата — и золотистое свечение исчезло. Никто ничего не заметил, это точно, я загораживала нас крыльями, да я даже сама не могла с уверенностью сказать, что мне не почудилось. Голубые глаза словно изморозью покрылись.

— Скажи им, — едва слышно приказал он, подаваясь ко мне ближе.

— Хорошо, — кивнула я и обернулась к остальным, чтобы озвучить свой выбор. — Вот...

— Не верю своим глазам! Арэнк? Она хочет в Арэнк? — неприятно удивился эрат Тито, глава четвертого шаазата.

— Я не согласен с этим выбором в принципе! Кто дал право девчонке принимать столь важные политические решения? — яростно поддержал его Митво. — У меня двое наследников, почему я должен соглашаться передать ее второму шаазату? Он единственный, их род почти угас, а я должен...

— Изумрудные шахты за нее! — поразил меня до глубины души глухой, чуть надтреснутый голос моего избранника.

— Ты отдашь мне Блак за нее? — опешил даже шаэр, что говорить об остальных, кажется, потерявших дар речи.

Видимо, эти шахты, или Блак, — очень жирный кусок, раз их так проняло. Браво, шаэр! Вы блестяще соблюли не только государственный интерес, но и свой.

— Почему нет? — спокойно ответил дорого давший за меня мужчина. — Иметь постоянную женщину гораздо проще, чем менять их вместе с бельем. Я устал делиться, хочется, чтобы поделились, наконец, со мной.

Теперь настала моя очередь изумленно хлопать глазами, не в силах поверить: как я могла выбрать этого абсолютного циника, как могла настолько ошибиться! Как я могла выбрать такое бесчувственное бревно? Где были мои глаза!

— Согласен! — Шаэр напоминал довольного кота, обожравшегося сметаны. — Шааза Кайя переходит во второй шаазат Арэнк на правах твоей невесты! — Затем его пафосный тон скатился до меркантильных подробностей: — Йелли, прежде чем забереешь ее, надо заплатить. Мои поверенные составят договор на передачу Блака в качестве выкупа за шаазу Кайю. — В руке повелителя что-то сверкнуло и исчезло в воздухе.

Мой жених плавно поднялся и встал почти вплотную ко мне, монолитной плитой нависая и морально подавляя, коротко ответил шаэру на леарском. И тут до меня дошло: Йелли — имя «хищника»? Боги, у этого супербрутала такое нежное, ласковое девчоночье имя!

Мысленно я нервно захихикала, но старательно держала лицо, потому что нестерпимо хотела кричать от злости и обиды и топтать ногами об бессилия. Причем прекрасно понимая, что совершенно бессмысленно обижаться на сильных мира сего.

В итоге, «свои» меня опять продали, хоть я и сама выбрала покупателя!

Бракосочетание по-леарски

Над амфитеатром Совета Девяти неожиданно зажглись тысячи светлячков, резко разогнав незаметно подступившие сиреневые сумерки. Непривычно близко нависли кольца Моики, а Мок и Комок совсем побледнели, уступая место «даме». Кристальный дворец сиял.

Казалось, сама Моика любовалась им, как и я, как весь мир. Запредельное зрелище, особенно если смотреть издали или снизу, когда небесный чертог Иси не закрывают облака. В душе защемило: невероятная, потрясающая воображение картина далекого и неведомого космоса! Кто бы мог подумать, что чужой мир, чужие звезды и спутники вдруг станут не «прекрасным далеко», а до боли реальными и отождествляемыми с богами?!

— Все свободны! — объявил шаэр, невольно нарушив очарование момента. — Йелли, у нас еще осталось дело.

Я устала, смертельно устала за этот бесконечно длинный день, насыщенный трагическими событиями, дальней дорогой, знакомством с леарами, массой впечатлений. Даже странно, как я еще держусь на ногах. Я бы с удовольствием свернулась калачиком прямо здесь, в каком-нибудь кресле, и отключилась. Надо же, неужели столько всего случилось сегодня? И вот, наконец-то, вечер, а дела все никак не кончаются. Никто не предлагает отдохнуть и поест. Они думают, что я железная?

Эраты смотрели на нас с женихом с пронзительно холодным любопытством, не хорошим таким, пробирающим до дрожи. А я недоумевала: почему? Ведь выборы жениха, шаазата, хозяина для ничьей леары прошли, в сущности, легитимно, если так можно сказать применительно к данной ситуации. Почему кандидатура эрата Арэнка вызвала неприятие у его коллег в совете? Или любой мой избранник вызвал бы недовольство? Странно, очень странно! Ну ладно, посмотрим.

Несколько мгновений эраты не реагировали на распоряжение шаэра покинуть дворец, видимо показывали, или на самом деле считали, что им, великим и сильным белокрылым, никто не указ. Наконец, важные государственные мужи неторопливо зашевелились. Вдруг в воздух взвился десяток снежинок, больших, как те, которые в качестве новогоднего украшения используют. Одну из них прямо на моих глазах, щелкнув пальцами, сформировал мой жених. Магические снежные кристаллы сияющими росчерками мелькнули и исчезли, а я удивленно хлопала глазами: что это было и для чего?

Шаэр кивнул Арэнку, приглашая с собой. Они направились в другую сторону от остальных, а я замешкалась, провожая взглядом белокрылых леаров, продолживших горячо обсуждать что-то. Слишком уж сюрреалистично выглядели эти семеро темпераментно беседовавших «ангелоподобных» существ.

— Не отвлекайся! — негромко окликнул меня Арэнк, заставив поспешить.

Повелитель шел на шаг впереди, мы, не касаясь друг друга, следовали за ним по широкому коридору, из которого открывались террасы с выходом в небо и, вероятно, огибавшему дворцу по кругу. Мимо сновали леары, поголовно серокрылые, и прикрывали лица, при нашем приближении. Несколько женщин буквально облизали горячими взглядами шаэра, но меня больше интересовали их наряды и манеры.

Большинство серокрылых русоволосых стройных чаровниц были в топиках, украшенных камнями и вышивкой, и шароварах с широкими нарядными поясами и манжетами.

Распущенные волосы у всех красивыми волнами лежали на плечах. Глаза в пол эти хорошенькие «придворные дамы» не прятали, наоборот, прожигали белокрылых шаазов многообещающими взглядами. Хотя и моя скромная персона с косой вызывала у них жгучий интерес. Но, видимо, белокрылые мужчины вне конкуренции.

— Кайя, — неожиданно обратился ко мне шаэр, — мне любопытно, почему ты выбрала Йелли?

— Я бы не...

Иси обернулся и насмешливо улыбнулся:

— Сравнила уровень силы и выбрала эрата второго шаазата? Раз я занят?!

Повелитель намеренно, откровенно провоцировал меня, чтобы узнать. Да пожалуйста! И спокойно ответила:

— Нет, ваши магические уровни для меня до сих пор загадка. По запаху я могу судить, что распределение с первого по девятый весьма условное.

Моим мнением заинтересовались оба эрата:

— Да?..

— ...почему ты так решила?

Я пожала плечами, непроизвольно дернув крыльями и чуть не задела Арэнка. Он едва уловимо, стремительно ушел от соприкосновения. Кажется, даже шаэр не заметил. Я ему настолько неприятна? Тогда зачем собрался платить громадный выкуп, потрясший «большую девятку»? Маневр жениха меня задел, поэтому дерзнула высказать как есть:

— У эратов первого, второго и третьего шаазатов, по моему ощущению, схожий по силе запах, тогда почему род Иси возглавляет Совет?

Шаэр смерил меня нечитаемым взглядом, от которого по позвоночнику пробежались испуганные мурашки, но счел нужным пояснить:

— К сожалению, сила в потомках не увеличивается. Эры рождаются со своим уровнем магии. В моих предках в начале времен ее было немерено, потом — с переменным успехом. Я немного слабее своего отца, но не переживай за род Иси, Кайя: мой наследник гораздо сильнее меня.

— Эрат Керук во всеуслышание хвалился, что его великовозрастный сын сильнее многих советников... — осторожно напомнила я.

Арэнк и Иси одинаково хмыкнули. Разговор по-прежнему поддерживал шаэр:

— Эр Хинто родился благодаря ритуалу. Его родители — не истинная пара и просто передали ему часть своей магии. Ему три сотни лет, он так и не нашел свою избранную пару, а значит потомство, скорее всего, зачать сможет тоже через ритуал. Его наследник однозначно не будет таким же сильным, как отец, и уж тем более, как дед.

— Ну, может, второй сын или дочь и...

— С помощью ритуала можно произвести на свет одного ребенка, иначе родители полностью обессият. Видишь ли, это весьма опасная процедура. Повторно на нее идут лишь совсем отчаявшиеся леары, когда род может и вовсе остаться без наследника.

Я невольно взглянула на Арэнка, как упомянули «сенаторы» в запале спора, он тоже родился благодаря ритуалу. Избранную не нашел, а значит, ребенок будет только один и тоже через ритуал. Поэтому за меня дорого заплатили? Чтобы получить сильную шаазу и тем самым по максимуму дать будущему наследнику? И тут я успела поймать странный взгляд Йелли, как будто он нервничает перед грандиозной сделкой: вдруг кто-то узнает о некоем суперсекретном ноу-хау. Это не могло не настораживать и даже пугать непонятными перспективами.

— Так почему ты выбрала Йелли, Кайя? — настаивал повелитель.

Я решила пропустить вопрос и ничего лучше не придумала, чем мягко, любезно спросить:

— В мире, где я жила, проявляя уважение к посторонним, обращаются на вы, а здесь даже шаэру все тыкают. Почему?

Оба мужчины остановились у высоких белоснежных, как и все здесь, дверей и посмотрели на меня сверху вниз. Высоченные, мужественные, каждый по-своему хорош и чрезвычайно опасен. Как не задаться вопросом: кто они по сути? Орлы или вороны? Гордые хищники, покорившие мир и небеса, или падальщики?

Ответил, как ни удивительно, Арэнк:

— На «вы» в нашем мире обращаются к богам и высшим. Все остальные — «ты», но с причитающимся каждому уважением.

Его глухой, словно немного простуженный голос вновь вызвал у меня странную реакцию: отозвался где-то внутри, царапнул душу, зацепил. Я ловила взгляд жениха, но он намеренно меня игнорировал, глядя поверх головы.

В этот момент к нам подлетел, причем в буквальном смысле, серокрылый леар с папкой в руках, подобострастно закрыл лицо и распахнул двери. Как оказалось, в кабинет, вполне уютный, даже, можно сказать милый, мягкий и не белый — глаза отдыхают. Я сразу присела в ближайшее кресло, не спрашивая разрешения, предположив, что возиться будут долго, ведь привычной оргтехники здесь не видно. Леары прошли к столу и занялись «выкупом за жену», как выразился поверенный шаэра.

Однако не прошло и пяти минут, а Арэнк замер у моего кресла. Я устало подняла глаза, пропутешествовав взглядом от мягких коричневых сандалий на его стопах, длинным мускулистым ногам в узких кожаных штанах, зацепилась за широкий пояс, лишенный местного декора, и жилетку, красиво облегающую сильный торс, плечи и руки жениха. Он приподнял кисть, показав, что и пальцы у него красивые, длинные, с аккуратными ногтями, но тут же разрушил хорошее впечатление коротким, показавшемся мне невежливым жестом, фактически приказав встать и следовать за ним.

На выходе из кабинета я обернулась, чувствуя спиной взгляд, и заметила в глазах шаэра подозрение или сомнение. Жаль, не понять, чем он обеспокоен: поведением Арэнка или размером выкупа? В коридоре нас ждали трое серокрылых незнакомцев. И когда они с суровыми лицами направились к нам, я испугалась, ожидая очередных происков судьбы.

— Твоя охрана, — походя «представил» их Арэнк.

Я вяло кивнула, поторапливаясь за быстро шагавшим женихом.

Охранники при этом выглядели если не потрясенными, то озадаченными точно.

Изумленные глаза одного из них сверкнули злобой. Хотя, могла и ошибаться.

— Скорее! — скомандовал Арэнк, не поворачивая головы.

— Ав-ав! — не сдержалась я

— На каком это языке и что значит? — замедлился Арэнк.

— А есть разница?

Он смерил меня нечитаемым взглядом и устремился к террасе, опять вынуждая меня бежать. Следом парили три серые тени. На «летном поле» я заартачилась, потому что дальше — бездна.

— Что опять? — сухо спросил жених.

— Дальше мы полетим?

В ледяных глазах недовольного мной мужчины застыл немой вопрос.

— Я не умею летать! — объявила я, бесстрашно глядя ему в лицо, а в душе обмирая.

Зачем? Зачем я выбрала его? Резко повернула голову и поймала взгляд одного из серых. Я не обманулась: на дне синих глаз охранника помимо злости мелькнула тень презрения. Ко мне? За что? Потому что не умею летать? А ведь до этого ко мне, белокрылой, ша и шаа проявляли уважение, были неизменно вежливы. Ситуация не нравилась мне все больше, вернее, откровенно пугала.

Дальше Арэнк удивил и очень сильно, и не только меня. Он стремительно пощелкал у меня над головой пальцами, обсыпав снегом, подхватил на руки — и камнем ухнул вниз.

Мелькнули дружно вытянувшиеся лица охранников. Взвизгнув от ужаса и клещами обхватив шею Арэнка, я уткнулась в него лицом. Легкий аромат кожаной одежды и сильнейший запах мороза и вьюги окутали меня, успокаивая, обещая, ну прямо как экипаж самолета, приятного полета и мягкого приземления. Толчок — «самолет» раскрыл крылья, пропало ощущение бесконтрольного падения. «Борт» выровнял положение, и я рискнула выглянуть из-за его плеча, судорожно выдохнув от облегчения: не умрем! Йелли нес меня на прекрасных белоснежных крыльях, светящихся в темноте.

— Вы напугали меня до смерти! — хотела гневно прошипеть, но из перехватившего от страха горла выдавила измученный лепет.

— Ко мне можно обращаться по имени, до высокого ранга ларов и духов еще рановато.

Ядовитая ирония моего жениха задела настолько, что я взглядом бесстрашно выразила все, что думаю о нем. Так мне казалось, пока он не заглянул мне в лицо. Смотреть в холодные, бесстрастные глаза смертельно опасному хищнику выдержала не долго. Внутренне содрогнувшись, отвела взгляд и уткнулась носом в мужское плечо. Широкое, сильное, на котором, кажется, мог бы держаться весь мир. Огромные крылья мерно взмывали и опускались. Неужели и я так когда-нибудь смогу?!

А если переиграть неудачный выбор? Эх, зря я сына Керука не выбрала! Но уже совсем скоро мои черные мысли отступили перед новым впечатлением: мы летели прямо к зефирно-воздушному «диснеевскому» замку. Точно-точно, Ювел же говорил, что этот чудесный дворец принадлежит второму шаазату. Теперь мне жить в нем? Это моя личная сказка? Про кого? Золушку? Спящую Красавицу? Что-то я сильно сомневаюсь встретить там принца и любовь!

— Йелли, а как давно построен этот дворец? — как ни в чем не бывало спросила я, стгорая от любопытства: кто такое светло-сахарное чудо придумал? Вопреки мрачному и хищному хозяину.

— Четыре тысячи восемьсот шесть лет назад от года Торжества ларов и независимости Леарата.

— А над чем они восторжествовали? — поинтересовалась я.

Йелли смерил меня насмешливо-ироничным взглядом:

— Хорошо, учителя по истории я тоже в список необходимого включу!

— Твоя забота и щедрость не знают границ, — съязвила я ангельским голоском.

— Надеюсь, как и твое уважение к супругу и послушание.

— Ой, не переживай! Конечно, надейся. В долгу не останусь, ровно столько же верну обратно.

— Ты еще не получила желанный официальный статус жены, а уже угрожаешь? — делано округлил глаза Йелли.

— Кому желанный? — я тоже округлила глаза, но искренне. Впрочем, ненадолго. — Какие угрозы? Я всего лишь обещала щедро отблагодарить тебя за заботу, которую ты проявишь ко мне.

Нет, такая язва в семейной вечности мне не нужна. Нужно найти способ переиграть выбор, только одно «но»: кто еще захочет отдать за меня изумрудные шахты? И все же, пока есть время, есть и возможность выбора!

Арэнк не ответил. По-моему, он торопился домой или вообще не привык баловать дам светской беседой. На миг замер у дворца, как будто определялся с террасой для посадки. Наверное, шум крыльев известил обитателей дворца, что их эрат вернулся домой. Началось движение: зажглись огоньки-светлячки, зашевелились тени, послышались шаги и стук дверей. Охрана не приземлилась, а полетела дальше. Навстречу нам на площадку вышли красивые беловолосые леары, мужчина и женщина. Ан нет, с серыми отметинами. Скорее всего, близкие родственники, вполне возможно, родители. Особенно похож мужчина, лицом почти копия Йелли. Или наоборот. Возраст леаров по внешности определить практически невозможно.

Супружеская пара, если судить по идентичным кристальным браслетам на руках, молча вытаращилась на меня, я — на них, отмечая красивый серебристый наряд на женщине. Ее сложную прическу: густые белые волосы с серыми прядками собраны наверху несколькими «иглами», кончики которых украшены неприлично большими изумрудами. Впрочем, на поясе и манжетах шароваров тоже мерцают зеленые камешки, даже ленточки на сандалиях в тон украшениям. Утонченная, нереальной красоты женщина. Как и мужчина рядом с ней в белой рубашке и штанах, таких как на Ланей и Одэко. И седина — признак силы — бобра, то есть леара, не портит, наоборот, подчеркивает природную безупречность черт и совершенство.

Вместо того чтобы представить нас друг другу, Арэнк, едва у наших ног улеглась легкая снежная поземка, резко обратился к красавице:

— Мама, ты приготовила наряд для шардиса? Надо быстро переодеть Кайю, до заката слишком мало времени, поторопись!

— Что такое шардис, и зачем нам торопиться? — насторожилась я.

— Йелли, что происходит, из какого рода эта леара? — напряженно спросил мужчина.

Как я сразу и подумала, это отец, раз рядом с ним мать.

— Шардис? — изумилась красавица. — Сейчас? Ты шутишь?

— Мне тоже так кажется! — поддержала я маму Арэнка. — У меня был слишком тяжелый, длинный день, чтобы на ночь глядя участвовать в чем-то еще...

Меня проигнорировали, уже привычно как-то, подняв во мне яростную волну раздражения, к сожалению, абсолютно бессмысленную в данных обстоятельствах. Сын так посмотрел на родителей, что оба вздрогнули, но продолжали подозрительно и хмуро разглядывать меня. Ах да, русую и бескрылую — крылья еще во дворце, сразу после сделки, спрятала.

— Поторопись, мама! — в глухом голосе Йелли крошился лед, потом он приказал мне: — Выпусти крылья!

Сжав зубы, я с трудом поборола желание тоже игнорировать жениха, но, глядя на недоумевающих, взволнованных и расстроженных родителей, сделала, как велел их сын. В

следующую секунду глаза у супружеской пары, увидевшей мои белоснежные крылья, алчно заблестели.

— Но она же... — Леаров в крапинку тоже мой натуральный платиновый цвет волос не устраивает.

— Я же сказал, нет времени! — в голосе Йелли уже не лед крошился — металл.

Ничего пояснять жених не стал, вновь бесцеремонно надо мной пощелкал пальцами, собирая снежинки. Шумно расправил крылья, пряча нас от нечаянных взглядов, и впервые взял меня за руку. Все-таки я не ошиблась! Стоило нашим рукам соприкоснуться, вокруг них появилось то самое сияющее золотистое облако, оно росло, а в месте соприкосновения, словно пожар разгорался. Через несколько мгновений Йелли отдернул руку и отодвинулся от меня, но и этого родителям хватило убедиться в чем-то важном. Нет, из ряда вон, потому что они перевели на него потрясенно-радостные взгляды.

— Я подготовлю храм, — ринулся папа прочь с террасы.

— Зачем нам храм? — напряженно спросила я под впечатлением от золотистой... магии, не иначе, и рассматривая руку.

— Хвала Лару Дома, я храню наряд у себя, — засуетилась мама, подхватив меня под локоть и пытаясь куда-то увести.

Я выдернула у нее руку и, обернувшись к Йелли, глухим от волнения голосом спросила:

— Это какой-то знак? — Хищное, но красивое лицо жениха потемнело и закаменело, словно он безмолвно предупредил помалкивать. Я поняла, что на верном пути: — Значит, да?! Знак избранности? Мы пара?

— Мама, одна льдинка, не дольше! — предупредил «простуженным» голосом Йелли, взмахнул крыльями и улетел.

Я попала в точку. Но почему жених шарахается от меня и, похоже на то, скрывает факт избранности от других белокрылых?

Оставшись наедине с незнакомкой, мы на миг замерли, разглядывая друг друга. Красивая мама у эрата. Да какая она мама? Девушка! Фигуры у нас с ней похожи, и роста мы одинакового. Честно признаться, мама Йелли красивее меня. Она совершенна, прекрасна, только какая-то неземная, холодная и отстраненная. А еще недавно, на родине, так говорили обо мне.

Одарив меня холодным оценивающим взглядом, прекрасная леара официально вежливо пригласила:

— Прошу за мной, Кайя. Дел много, времени нет.

— Я бы сначала узнала, в чем причина спешки и что такое шардис? — не сдвинулась я с места.

Ее белые брови взлетели на лоб, когда она спросила:

— Из какого ты шаазата, если не знаешь прописных истин?

— Из земного! Вы о нем даже не слышали и, уверена, не видели, — буркнула я.

— В такой глуши находится? — возможная будущая родственница надменно вздернула идеальный нос.

— Еще какой! — согласилась я. — Так что за шардис?

Женщина еле заметно нахмурилась, явно подозревая подвох и сомневаясь, стоит ли со мной говорить. Пришлось направить разговор в нужное русло:

— Это помолвка? Обручение невесты и жениха?

Тень недоумения скользнула по совершенному лицу леары, прежде чем она произнесла:

— Видимо, да. Шардис — это шардис.

За руку она меня больше не брала, коротким жестом пригласила пройти за собой. Мы оказались в личных покоях, по-другому их не назвать. Белая с серебристыми искорками драпировка, мебель из очень светлого дерева с белой обивкой. Стекланные, а может ледяные, скульптуры в самых неожиданных местах и подсвечивались светлячками. Шикарная гостиная, но, на мой взгляд, слишком официозная, как в безумно дорогом медицинском центре.

— Меня зовут Кайя, а ва... тебя? — успела я крикнуть вслед маме Йелли, которая молча скрылась за другими дверьми, оставив меня в одиночестве.

Правда через пару минут она вернулась с леарой, крылья у той были спрятаны, но волосы серые, — прислужой, которая несла перед собой белый наряд.

— Амила, — лаконично представилась хозяйка покоев.

Похоже, «разговорчивость» в крови у этого семейства.

— А твоего супруга? — намекнула я.

— Ниол.

Прислугу поторопили жестом и началась суэта. Воцарявшаяся на небе Моика, заглядывая в огромный оконный проем, играла сиреневым светом на белоснежной легкой ткани, развевавшейся на сквозняке, сверкавшей сотнями мелких... бриллиантов, наверное.

Меня, ни о чем не спрашивая, живо освободили от топа и штанов, позволили сходить в туалет облегчиться и освежиться (вот честно, если бы не успела за минутку, выгнали бы).

Затем нарядили в фантастически красивое платье, сияющее и нежное. Без сомнений — свадебное. Мое сердце ухнуло вниз!

Впервые в этом мире я увидела платье. И оно сказочно прекрасное, бесподобное, потрясающее воображение. С открытой спиной и плечами, воротом-шалью, сверкающими бриллиантовыми пуговичками от низкого декольте до талии. Свободная шелковая юбка до самого пола сплошь в бриллиантиках, словно маленьких звездочках.

Мне помогли обуться в изящные белоснежные сандалии и... никакого белья.

— А бель...

— Надо поторопиться, Кайя, близится закат, времени совсем нет, — Амила говорила вежливо, вроде бы, но опять ощущение, что это приказ, только уже будущей свекрови.

Странное, раздвоенное состояние, помноженное на отупляющую усталость: мои мысли, чувства, хваленое подсознание, в конце концов, судорожно метались, а я тщетно пыталась сообразить, что делать. Если я права: это спешная свадьба! Тогда любой мой выбор сейчас канет в лету — ничего не исправить, не переиграть... Могу я отказаться? Вряд ли. Амила коршуном следит за каждым моим движением, словно боится, что сбегу, либо меня украдут. Сероволосая шаа, прислуживающая мне, даже взгляд боится поднять. У нее ничего ни спросить, ни попросить. Арэнк считаться с моими хочу-не хочу не будет — это стало очевидным практически сразу.

Попытаться сбежать? Куда? Обратно к шаэру и просить вернуть изумрудные шахты, от которых у него аж дух захватывало? Да там у всех дыхание сперло, когда Арэнк выкуп предложил. И главное — как сбежать? Летать по-прежнему не умею, а планировать можно только вниз, в тюрьму, за побег от шааза. Ведь за невесту «уплочено»!

Я устала, дико устала. Причем больше морально вымоталась, чем физически. Столько событий за один день — это чересчур. Для любого, а я несчастная одинокая попаданка, слабая и беззащитная. Слезы подступили к горлу, зацепили в глазах — вот-вот разрываюсь от души, с подвыванием. Да если бы хорошая истерика хоть раз в этом мире мне помогла!

Поэтому, когда Амила придирчиво осмотрела меня и сказала: «Пойдем!», я покорно, медленно двинулась за ней. В душе кошки не просто скреблись, они яростно орали от голода, холода и полного и беспросветного одиночества. Эйфория, горячившая кровь, когда мы поднялись за облака, сменилась противным ознобом, хотелось свернуться клубочком, укрыться крыльями и отключиться от всех проблем. Но Амила как на буксире тащила меня по многочисленным анфиладам, беломраморным лестницам и наконец привела к скале.

Наверх, к темному каменному проему едва видимого снизу зева пещеры, ведет узкая тропка, по которой пройти может пара человек. У входа завис Ниол, мерно помахивая белосерыми крыльями. Сам жених ждет меня внизу, у начала тропы, а вокруг сгущается темень. Закат вот-вот уступит место сиреневой ночи. Слева и справа — бездна. И безнадега.

Стоило нам выйти из коридора к Арэнку, от него в стороны прыснула парочка серокрылых красоток. Не знаю, что они рядом с ним делали, но мне показалось, заигрывали. Кровь зашумела в голове: он, собственно, жениться собрался, на мне жениться, между прочим, и прямо сейчас, а флиртует с другими? Наглыми курами! Сразу вспомнила Игоря, выбравшего не меня. Там я чуть не погибла из-за измены, так почему должна терпеть подобное здесь?

Йелли — мягкое имя, таким бы любимого называть, лаская его слух и свое сердце. Поэтому даже мысленно называла его Арэнком, «по фамилии». Он встретил нас с недовольным видом, и Амила повинулась:

— Прости, но она, оказывается, не умеет летать и...

— Не надо извиняться, — сухо оборвала я. — В отличие от вас... тебя, он об этом знает. Забыл — его проблемы!

— С послушанием и уважением у нас большие проблемы, — не менее сухо заявил эрат, обратив на меня ледяной взгляд.

— Думаю, у нас, — я выделила обобщение, — могут быть и другие большие проблемы.

— Где твоя вежливость и воспитание? — возмутилась Амила.

— В глухомани остались, — бесстрастно парировала я. — Там же, где и любовь, счастье и надежда. А у вас здесь с этим глухо...

— Разговорчивая? — тихим, каким-то механическим голосом спросил жених, беря меня за руку и направляя на тропу.

— Да, мы с тобой — абсолютная противоположность. И духовно не совместимы. Может, отправишь меня обратно и вернешь свои изумрудные шахты?

Мы прошли полпути, когда он выказал едва ощутимое любопытство:

— И кого бы ты выбрала на этот раз?

Я пожала плечами, но призналась:

— Керука? Он вдумчивый и спокойный мужчина...

Арэнк неожиданно усмехнулся, ответив:

— Да, эрат Керук хорошо известен тем, что любит обстоятельно подумать, прежде чем кого-то спокойно, не колеблясь уничтожить. Чтобы провести шардис с любимой женщиной — шаазой, предназначенной другому, — вырезал весь ее род подчистую, предварительно выпив силу каждого, а потом без тени сомнений провел ритуал разделения, породив своего сына. Кстати, Хинто недалеко ушел от отца, корень от корня...

Я не чувствовала ног от потрясения, каким-то образом все-таки их переставляя, и совсем замерзла, слушая жениха и ужасаясь. Мои крылья уже привычно обняли, укрыли меня, словно теплые заботливые руки, бабушкины руки. Голубоглазый мужчина мое состояние отметил, почудилось, даже посочувствовал. Но, наверное, все-таки почудилось.

Ниол, улыбнулся нам, не по-отечески, а с каким-то шальным, азартным весельем:

— Я призвал духов, все готово, вас никто не потревожит!

Мы молча шагнули в загадочный проем.

Толстый слой льда, покрывающий свод, стены и пол пещеры, переливался и искрился. В толще льда периодически вспыхивали голубые огоньки... или глаза? Жутковатое место, к тому же следом за нами проход затянулся льдом.

— Это храм и сердце шаазата Арэнк, — призрачный шепот жениха царапнул мою кожу. — Здесь обитают высшие лары, которые покровительствуют нам, духи предков.

Слушая его, я рассматривала... наверное, большой алтарь в центре пещеры. Не сказать чтобы я видела много алтарей, но что-то необычное было в этом, из прозрачно-голубого камня и похожего на ледяную глыбу. С примыкающей к нему скамеечкой из такого же камня. Впрочем, алтарь со скамейкой, если присмотреться, из одного монолита. Подойдя ближе, я увидела в центре алтаря углубление. Туда принято что-то жертвовать?

— И что теперь? — прошептала я.

— Мы пройдем шардис и обретем единство, — бесстрастно сообщил жених.

— Я стану твоей женой?

— Да.

Я устало, апатично смотрела на алтарь, разом прекратив переживать и волноваться. Дошла до предела, истощились еще пару часов назад. И одновременно, что называется, кожей чувствовала, что это неправильно, что надо еще потерпеть, а не смиренно внимать Арэнку. Какое ему дело до моих чувств и переживаний, если перед храмом красивые шаа липли. Если выбора нет, то почему не сделать его на своих условиях?

— Можно я присяду на скамейку? — попросила я.

— Нет, она не для этого, — категорично отказал жених.

— Скажи честно, я твоя избранная пара? — спросила я и сглотнула, смачивая сухое горло. Арэнк несколько мгновений смотрел на меня сверху вниз, пока не подтвердил:

— Да.

Лаконичный ответ меня не устроил, и я зашла с другой стороны:

— Как это происходит?

— Я зачитываю слова ритуала, затем нашей общей клятвы, ты повторяешь...

— То есть, мы даем друг другу одинаковые обещания? — перебила я.

Арэнк дернул уголками губ в едва заметной понятливой усмешке:

— Да.

— Поклянись в этом!

Он произнес клятву, четко проговорив условия. Ой, а алтарь — настоящий! Вон как вспыхнул, принимая клятву. В душе шевельнулась надежда на хороший исход. Раз будущий муж поклялся, значит шардис — это не просто шардис!

— Главное условие моего согласия на...

— Я не принимаю никаких условий и не давал тебе право их выдвигать! — с глухой угрозой произнес жених, придвинувшись ко мне, откровенно подавляя морально.

— А я не прошу у тебя. Я свободная леара! — резко и зло заявила ему в лицо. — Насколько я понимаю, добровольное согласие все равно требуется?

— Чего ты хочешь? — скрипнул зубами Арэнк, невольно подтвердив мою догадку.

— Верности! — выпалила я. — Не хочу, чтобы мой муж менял белье вместе с женщинами. Поэтому ты поклянешься мне в верности, отныне в твоей жизни буду только я.

— Зачем тебе моя верность? — нарочито спокойно поинтересовался он.

— У нас весьма специфический брак, так что будем мучиться вместе!

— Заметь, не я просил о верности! — с отчетливой угрозой проскрипел жених. — Если ты намерена мучиться вместе со мной, тогда и клятва верности будет обоюдная. — Повторяй за мной!

Дальше мы на аяше произносили друг за другом слова клятвы. Мой будущий муж явно подозревал меня в коварстве и обмане, поэтому клялись одновременно.

Хорошее начало семейной жизни, просто замечательное!

Тем не менее, алтарь и духи приняли наши клятвы верности и мы, наконец, приступили к бракосочетанию. Никаких жрецов и свидетелей в леарском «ЗАГСе» не полагается, все по-простому. Мы принесли очередную клятву, на этот раз на древнем языке ларов. Я тщательно повторяла слово в слово. И по окончании алтарь вновь вспыхнул таинственным голубым светом. В пустовавшем ранее углублении сияли знакомые кристальные браслеты. Йелли выдохнул с явным облегчением — опасался, что духи или боги не ответят, не сочтут меня настоящей леарой и не одобряют брак? Да что угодно могло быть, откуда мне знать.

Губы мужа сложились в скупую, нет прямо скупердйскую улыбку, затем он торжественно склонился над алтарем и взял браслеты. Через несколько мгновений, рассматривая наши руки, на которые он надел эти обручальные «кольца», я вымученно спросила:

— Все?

— Нет, теперь нужно поблагодарить высших, чтобы активировать их.

— Давай пуговицы с платья оторвем? — мрачно предложила я.

Арэнк смерил меня укоризненным взглядом и пояснил:

— Нет, высшие принимают лишь личное, сокровенную влагу жизни.

— Например? — скривилась я.

— Влага от соития, — предложил Йелли, кивнув на скамейку у алтаря.

Надо же! Как раз я без трусов, только подол задрать.

— Я знаю лучший способ, — нагло заверила я и, собрав слюну, уже хотела смачно плюнуть на алтарь.

Мой пока-еще-не-совсем-муж стремительно перехватил меня, закрыл рот ладонью и прошипел:

— Только попробуй оскорбить наших духов, и я клянусь: всю ночь напролет буду благодарить высших, выжимая из тебя все соки на этой скамье!

Я испуганно замерла, схватившись за его запястье. Затем судорожно сглотнула, давая понять, что плеватья передумала. С трудом подняла лицо и виновато взглянула на него. И неожиданно утонула в его глазах, ощущая, как крепкая мужская ладонь медленно переместилась с моей талии на полуобнаженную грудь. От кончиков его пальцев вместе с золотистым сиянием по моему телу побежали мурашки, приятно опалая кожу, заставляя выгнуться и сладко вздохнуть. Вскоре золотистое облако — знак избранности! — покрыло нас полностью, оно мерцало и переливалось, словно играло. Йелли, тоже судорожно вздохнув, обеими руками ласкал меня, словно приклеенный, глядя в лицо. Его глаза

полыхали голубым огнем желания — это несомненно! Я зажмурилась, погружаясь в невероятно приятные ощущения — и тут мою ладонь опалила жгучая боль! Вскрикнув, я попыталась выдернуть руку, но коварный леар крепко держал ее над алтарем, мало того, из его ладони тоже текла кровь и смешивалась с моей. Алтарь в третий раз вспыхнул голубым светом — благодарность приняли. Следом засияли наши брачные браслеты, а место соединения исчезло, словно они были литые или из цельного камня, но я же видела разъем.

— Кровь — это вторая сокровенная влага жизни, которой мы можем расплатиться за единение, — пояснил уже очевидное муж.

Сморгнув слезы и сжимая раненную ладонь, я выпалила:

— Я тебя ненавижу!

— Я рад! — спокойно ответил он.

— Чему? — опешила я.

— Что ты способна на такие сильные чувства. Благодаря клятве верности, мне повезло вдвойне — досталась страстная женщина.

Дар речи мне отказал напрочь. Поэтому уходила от алтаря, все-таки отняв свою руку, покрывшуюся лечебной изморозью, у самого-настоящего-мужа, одобренного высшими, в полном молчании.

Глава 13

Свадебный банкет

Я остро ощущала брачный браслет, который, по словам мужа, навечно обвил наши запястья. И теперь только от нас двоих зависит: как кандалы или символ любви и счастья. Перед ледяной перегородкой, затянувшей вход в храм, Йелли неожиданно переплел наши пальцы. Я невольно опустила взгляд на руки: кристальные браслеты светились в полумраке мягким голубым цветом. Вокруг наших ладоней опять начало распространяться золотистое облачко истинной связи, если я верно поняла природу этого странного явления. Короче, магия, куда я пока ни в зуб ногой. Даже кожа на наших руках золотилась по самый локоть.

— Мы теперь всегда так отсвечивать будем? — устало вздохнула я, невольно залюбовавшись игрой света и прислушиваясь к своим ощущениям.

Йелли поднял наши руки, рассматривая дары высших существ, и в своей лаконичной манере ответил:

— Нет, до утра.

— Почему именно до утра? — с подозрением уточнила я.

— К утру мы полностью соединим свои энергии, — ровно ответил он и с некоторой ехидцей добавил, — и полноценно сольем сокровенные жидкости.

Я как вкопанная замерла у ледяной завесы.

— Это ты на лавочку намекаешь?

— Нет, я прямо предупреждаю о том, чем мы займемся чуть позже. Можешь предвкушать.

— Я...

Отказаться не успела, Арэнк одним коротким ударом сломал ледяную стену, та белесыми осколками рухнула нам под ноги, невольно заставив меня вздрогнуть, и приказал:

— Выпусти крылья!

Мои крылышки не по приказу, а еще до него инстинктивно, привычно материализовались, чтобы защищать или утешать. Арэнк тоже выпустил свои огромные крылья, благо высокий свод и проход позволяли. Мы торжественно, под хруст льда под ногами (чем не свадебный марш?) вышли на небольшую площадку у пещеры. Светящиеся в ночи дворцы были сказочно-прекрасны, блистательны, особенно Кристальный. Они как будто висели в воздухе, рассеивая темноту, повергая в трепет. Вряд ли мы с новобрачным уступали им: золотое сияние окутало нас с головы до ног, приятно покалывая пальцы и словно лаская,

ластясь к коже. К нам сразу полетели родители Арэнка, ожидавшие окончания церемонии не возле храма, а на другом конце тропинки. Не иначе с поздравлениями. Амила торжественно улыбнулась, глядя на литые браслеты на наших руках. Ниол тоже выдохнул с нескрываемым облегчением и триумфом. Новые родственники за время нашего бракосочетания переоделись, опять в белые, но гораздо более нарядные одежды. Оба зависли над пропастью, мерно помахивая крыльями, и я хорошо рассмотрела, что не только волосы у них частично серые, но и достаточно широкий край крыльев, резко переходящий в белый. Для непосвященного в магию леаров этот серый кант выглядел бы естественным украшением, данным от природы. Но теперь точно знаю, что сие означает: ради ребенка эта не истинная пара шаазов лишилась, наверное, не менее трети своей магии. Зато сыну повезло: серого цвета нет вовсе, значит, боги наградили силой его самого.

За родителями маячили трое знакомых серых охранников, за ними — примерно с десяток других серокрылых и лишь двое черных ша.

Налюбовавшись сверху, родители плавно опустились рядом с нами и вытянули все семейство в линию лицом к зрителям. Мы с Амилой внутри, мужчины по краям. Вокруг вились тысячи светлячков, создавая праздничную атмосферу. Мое платье искрилось в этом искусственном свете, переливаясь множеством бликов. А усилившийся ветер-хулиган так и норовил задрать легкую юбку повыше. Йелли держал меня за руку с одной стороны, Амила — с другой; Ниол зачем-то создавал между нами и публикой прозрачную ледяную пленку два на два метра.

Им хорошо, кто бы сомневался, а мне хотелось — спать, есть и пить, ведь с самого утра ни маковой росинки во рту! Сколько крови и нервов потеряла! Да мне не то чтобы наслаждаться торжественным событием — на ногах бы удержаться.

Ниол щелкнул пальцами, и мои родственники склонились перед зрителями, заставляя и меня наклониться. А ветру только этого и надо: мои руки заняты, платье легкое, отчего бы не похулиганить. Голова кружилась, слегка подташнивало, а мы вчетвером почему-то продолжали стоять в молчаливом поклоне, слегка приподняв головы, чтобы смотреть на зрителей.

Это что за театр? Неужели семья эрата второго шаазата настолько уважает своих подчиненных, что мы вот уже минуты две стоим, согнувшись чуть ли не пополам?

Моя старая выдержка закончилась, когда, помимо головокружения и тошноты, мой голый зад «обласкал» ветер, задрав подол. Я тихонько, чтобы зрители в отдалении не слышали, спросила:

— Нам еще долго так стоять? А то ветер поднялся!

— Тс-с-с, — зашипела свекровь, не меняя положения и с приклеенной улыбкой глядя на зрителей.

Все, мое терпение ушло в минус, поэтому, не заботясь о приличиях, грубо ответила:

— Вы меня простите, но не я такой наряд придумала для обряда. На мне белья нет, а ветер подол задирает. Ваш сын и так выжал из меня все возможные сокровенные соки у алтаря, а сейчас я своим голым задом еще больше поражаю ваших ларов. Мне кажется, это будет уже излишняя им благодарность. Так с благодарностями и перестараться можно... а к хорошему быстро привыкают...

Амила сжала мою руку, покосившись на меня из положения «зю», Ниол с трудом сдерживался от смеха, а вот Йелли не стал — расхохотался в затянувшемся поклоне. Вот это уважение к народу! Наконец-то его отец разогнулся, тем самым и нам дав команду выпрямиться и, задрав головы, свысока взирать на присутствующих. Затем очень ровным голосом, четко, внятно и с расстановкой, словно для глухих или совсем недалеких заговорил, сначала на языке леаров, а затем на аяше:

— Уважаемые шаазы, шаа и ша Великого Леарата! Спешим сообщить вам радостную новость: эрат второго шаазата Йелли Арэнк нашел свою избранную, золотой знак этого события, мы уверены, виден всем. Прекрасная и сладчайшая шааза Кайя, посланница Справедливейшей Язы, попала в наш мир совсем недавно. Чудесным образом она сразу обрела дом и защиту в лице эрата Арэнка. Возрадуемся за соединенную ларами пару! Возблагодарим Высших. Порой они дарят своим детям самые прекрасные подарки. Не просто так, а за заслуги перед своим народом, родом и за истинное и искреннее служение на благо Мира!

Берегите Леарат, защищайте свой шаазат, служите верой и правдой Высшим и Ларам, и тогда, возможно, как и моего сына, эрата Йелли Арэнка, Боги вознаградят вас тоже, подарят истинную любовь!

Ниол замолчал. Я была шокирована: мою иномирность так легко и просто вывалили на всеобщее обозрение, выдав за высшее благо! Затем на полшага выдвинулась Амила, не выпуская руку мужа и мою, и громко оповестила тоже на двух языках:

— Уважаемые шаазы, шаа и ша Великого Леарата! Спешим сообщить радостную новость:

эрат второго шаазата Йелли Арэнк и его истинная избранница Кайя Арэнк объявляют о проведении через две недели, в день Бьюла Морозного, торжественного бала по случаю единения! Также эрат с супругой хотят разделить свою радость и великую благодать Язы. Всем сородичам шаазата Арэнк будет выплачено равное вознаграждение. Каждый из вас в нашем сердце, каждый ценен и уважаем! Благодарим за внимание!

Очередной поклон, в сущности, небольшой группе леаров, которые таращились на нас огромными, но очень радостными глазами. Давая понять, что они и есть те сородичи, которые благодаря мне получают внеплановые премиальные.

Ниол хлопнул в ладоши, ледяная стена перед нами исчезла со странным, очень мелодичным перезвоном. После этого Амила отпустила мою руку и, повернувшись ко мне, зашипела:

— Как? Как ты могла так вести себя в такой момент?

— В какой — такой? — я удивленно посмотрела на женщину, с виду мою ровесницу, но, самое малое, на пару веков старше. — Я же тихонько спрашивала, вряд ли кто-то из тех леаров, — мотнула головой в сторону зрителей, — слышал.

Что происходит? Только что мы гнули спины, проявляя великую вежливость перед третьими лицами, а сейчас при них ругаемся. Все чудесатее и чудеснее.

— Амила, дорогая, этот промах, наоборот, нам только поможет, — мягко возразил, вернее уговаривал супругу Ниол, нежно привлекая ее к себе.

— Как? — не поверила она, причем не шепотом, не боясь быть услышанной сородичами, при которых сейчас ругает меня сама. — Кайя опозорила нас перед всем леаратом!

Амила пылала праведным гневом, причину которого я в принципе не могла понять. То есть, выпустить в народ невестку без трусов — легко; благодарить неизвестных духов сексом прямо в храме на скамье — запросто; поливать алтарь моей кровью — без проблем! А вот шепотом пожаловаться, что голая задница скоро достоянием общественности станет, — позор! Ну это уже перебор, о чем я попыталась сказать вежливо:

— Вы полагаете, мнение нескольких шаа и ша имеет столь большой вес во всем Леарате?

— Мама, ты не права в корне, — вмешался совершенно спокойный, даже наоборот, какой-то слишком довольный Йелли, уголки его рта дрожали от сдерживаемой улыбки. — Главное, все услышали, что обмен сокровенным произошел, причем полноценно. И не от нас, а от нее.

Амила несколько мгновений продолжала зло поджимать губы, а затем ее голубые, такие же как у сына глаза торжествующе вспыхнули, рот скривила злое ухмылка.

— Нужно закрепить успех! — она неожиданно сменила гнев на милость и первой ступила на тропинку.

Достали! Я устала все это терпеть и холодно заявила:

— Простите, но давайте уже без моего участия! Меня только вчера протащили через пространственную дыру, сегодня утром я познакомилась с подлыми змейсами, потом была свидетелем убийства и самоубийства. Пережила магический шторм умирающей леары, да так, что сама перешла на другой уровень. Потом чуть не прибила змейса. Многочасовой перелет в Ларану из Байсакала, после которого попала на «праздник жизни» — Совет Девяти с вашим предприимчивым шаэром и выбором мужа. А под конец еще и брак с представлением. Все! Хватит! Я устала, хочу есть, спать, вы все мне надоели!

Я позорно скатывалась в истерику, но настолько устала, что задумываться о последствиях, подборе слов и вежливости больше не было ни сил, ни желания. Выдернула ладонь из руки Йелли, спрятала крылья и направилась вниз по тропинке к дворцу. Надеюсь, прислуга подготовила мне хоть какую-нибудь комнату, а нет — лягу «в коридоре на коврик».

Надо учиться летать, срочно! Это самая первостепенная задача, чтобы не зависеть ни от кого. А еще нужен наставник по магии, овладеть силой — вторая по важности задача. Тогда обеспечу свою безопасность хотя бы на минимальном уровне, смогу улететь, сбежать или

что-то сделать, или повлиять на события вокруг. Да хотя бы настоять на собственном мнении и желании. А пока я по-прежнему слепой котенок, куда пнут, туда и ползу. Накрутить себя окончательно и расплакаться от усталости не успела, через несколько шагов меня догнал муж и, подхватив на руки, взлетел. Бояться сил тоже не осталось, поэтому я даже не вскрикнула, молча прижалась к нему, обняв за шею. Через пару минут мы оказались довольно близко к тем покоем, в которые меня изначально доставили. Вслед за нами на большую террасу с уже знакомой по Кристальному дворцу ледяной балюстрадой с жуткими животными приземлились свекор со свековью.

Мои руки плетью сползли с плеч Йелли, когда он поставил меня на пол. Молча проводил в просторную гостиную, наверное; неожиданно в теплых кремово-бежевых тонах, в отличие от стерильно-белых покоев Амилы. В Леарате, полагаю, темные цвета не в чести в принципе. И хоть эти тоже в минималистичном стиле, по-мужски строгом, но, на мой взгляд, обставлены и отделаны с большим вкусом. Тяжелая, рассчитанная на большого хозяина мебель сделана из дерева, напоминающего светлый дуб; плотная обивка, как ни странно, с еще более темными цветочками. Любопытно, что в этой комнате я впервые в этом мире увидела на стенах картины. Пейзажи. И никаких ледяных скульптур. Мне понравилось здесь, достаточно уютно и комфортно. Тем более, массивный круглый стол заставлен яствами и напитками, и пахнет как вкусно, и выглядит... Сглотнув слюну, я сразу ощутила прилив сил, и настроение поднялось.

— Прощу к столу, — с холодной вежливостью пригласила Амила. — Знаешь, подкидыш Язы, у леаров единение принято отмечать в кругу семьи...

Я присела, подвинула к себе тарелку с вилок, положила еды, не вызывающей сомнений, и строго посмотрела на «любезную» хозяйку:

— Я уже обещала вашему сыну не остаться в долгу и щедро вернуть и заботу, и вежливость...

Амила все верно поняла, села так, словно палку проглотила, — суровая, неземная, ледяная... как фигуры на террасе. Такие же неживые и жуткие.

— Ты удостоилась чести быть принятой...

— Хватит, мама, — остановил ее Йелли, а она, услышав спокойный, вроде бы, тон сына, испуганно побледнела и даже чуть сжалась. — На родине Кайя занимала не менее высокое положение. Поэтому будь готова: на любой твой выпад она ответит не раз и не два. Я не потерплю в своем доме склоки между матерью и женой, мне хватает проблем с другими шаазатами. И главное, если я еще хоть раз услышу, что ты или кто-то другой назвал мать моих будущих детей подкидышем Язы, пощады не будет. Невзирая на положение и родство. Ты поняла меня, мама?

— Прости, Йелли, — Амила опустила глаза. — Я не подумала об этом.

— Эту проблему мы решили, — холодно подытожил эрат, нечитаемым взглядом проследив за мной, ловко разделявавшей ножом и вилок вареное мясо.

Пусть разбираются между собой на здоровье, а я банально есть хочу, вернее, жрать как мамонт после ледникового периода.

— Тебе придется заняться ее обучением, мама. Кайя — иномирянка, все ее знания о Мире от старого шамана квюшика.

— В первую очередь, нужно выучить леарский, — быстро вернула себе апломб Амила. — Ужасно, если на балу она будет говорить на языке низших: торгашей и ростовщиков. Терпеть чужое высокомерие я больше не согласна, но сначала прожевала очередной кусочек, чем-то запила и похвасталась:

— Не обязательно на аяше, я знаю пять языков вашего мира и еще три своего. А вот сколько знаете вы? На троих хоть половину наберете?

Мне достался возмущенный взгляд Амилы, предупреждающий — Ниола и бесстрастный — Йелли. Последний неожиданно предложил:

— Отлично! Мама, если на балу хоть кто-то выскажется так же, как и ты, закроешь им рот словами Кайи.

Амила опешила, глубоко вздохнула, видимо, собиралась воспротивиться, но, заметив нежную улыбку супруга, неожиданно зловеще усмехнулась:

— Хорошо, сын. Ты опять прав.

Я чуть не поперхнулась от такого поворота, отчего свекровушка еще больше растянула кривую улыбку. Ясно, друзьями мы не будем, а вот мелко пакостить другу на словах — вероятно. А, не страшно, не очень-то и хотелось подлизываться. Подобные отношения у меня были минимум с пятью папиными женами, привыкла уже.

— Уважаемые шаазы, могу я узнать, чтобы при посторонних не сказать лишнего? — Все трое подняли на меня одинаковые глаза. — Почему при живом и здоровом отце сын управляет шаазатом?

Мои родственники сразу помрачнели. Понятно: наступила на общую больную мозоль. Как ни странно, Ниол ответил вполне доброжелательно:

— Мы — вторые в Леарате, но занимать место в Совете Девяти имеют право белые, в крайнем случае, не более чем с четвертью серых меток. Я это право утратил, когда мы с Амилой провели ритуал разделения и зачали сына. Йелли вернул себе право, когда вошел в полную силу после четвертого перехода.

— Когда это случилось? — осторожно спросила я, пытаюсь хоть таким образом выяснить возраст супруга.

Уже узнала, что магически леары созревают к двадцати пяти годам. Судя по дернувшимся уголкам рта Йелли, он понял мою маленькую хитрость, поэтому, откинувшись на спинку стула, пояснил сам:

— Мне сто восемьдесят один год, единственная моя. Так что в Совет я вошел давно. Моему отцу шестьсот три года, маме — четыреста восемь. Они долго, очень долго ждали моего появления, но пришлось действовать своими силами, больше не уповав на милость высших.

— Да, а то за время ожидания наши враги почти уничтожили белый род Арэнков, — с горечью и печалью отозвался Ниол.

Только я хотела узнать имена и явки врагов, Амила меня опередила:

— У нее всего два перехода, на балу все почувствуют ее слабость. Надо как-то спровоцировать... помочь ей созреть...

«Помогают» сильные эмоции, жестокий стресс и родители тоже, я думаю, не просто так. Проглотив кусок, я предупреждающе глянула на свекровь и мужчин:

— Я сама кому хочешь помогу созреть. К примеру, вилкой в пах, как одному шустрому змейсу, обещавшему весь мир к моим ногам вместе со счастьем и богатством. Шаа Ювел не даст соврать.

Амила удивленно смотрела на меня, даже рот приоткрыла после упоминания о членовредительстве. Йелли даже бровью не повел — флегматично крутил в руке толстый бокал, рассматривая меня из-под густых белых бровей. Ниол тоже потрясенным не выглядел, скорее заинтригованным. И ведь как похожи отец и сын, словно братья погодки. Хотя разница в возрасте — сотни лет! Интересно: я тоже проживу долго и молодой?

— Мама, второй переход она прошла сегодня, поэтому не торопи ее, — предостерег Йелли, чем немного успокоил меня, а потом вполне вежливо посоветовал: — Надо немного подождать, а пока научить самым важным вещам, которые приняты в Леарате.

В отличие от собеседников, я с удовольствием ела, а вот они в лучшем случае пили и вялоковыряли вилками еду. Напрасно, все оказалось вкусным, а напиток напоминал ягодный компот. Надеюсь, не я им аппетит испортила, воспользовавшись ножом.

— Я приглашу твоего учителя, — предложила Амила. — Мастер Фэй, хоть и мужчина, но, мне кажется, гораздо быстрее разберется, что из детской программы можно пропустить, а на чем сосредоточить внимание.

— Согласен, мудрое решение, — поддержал жену Ниол.

— Ты идеальная, мама, — неожиданно с мягкой улыбкой сделал комплимент Йелли.

Амила порозовела от удовольствия и вновь переключилась на меня, окинув быстрым взглядом:

— Портнихи сошьют ей наряды дня за два, не раньше. Я правильно поняла, что, кроме того пресного наряда, у нее ничего другого нет?

— Вообще-то, был, — сухо заметила я. — Хороший, дорогой спортивный костюм, уверена, у вас такого нет и еще пару столетий не будет. Но, к сожалению, он порвался, когда меня о камни било, пока катилась с горы. Еще был кожаный наряд от квощиков; потом серый стеганный с шикарными тапками из валяной шерсти на невольничьем рынке выдали для украшения. Пришлось его у змейсов оставить, не по сезону оказался.

— И долго тебя о камни било? — с показным сочувствием спросила Амила. Я не обиделась, наоборот, смешно стало. Язвительная перепалка неожиданно дала ощущение семьи. В моей собственной за общим столом частенько так же «душевно» было. Только бабуля приструнивала особенно ехидных, а остальные с энтузиазмом упражнялись в остроумии.

Поэтому я пожала плечами и перед тем как сунуть в рот очередную порцию еды согласилась:

— С трудом жива осталась. А последствия... прямо ужас, вон, в леару превратилась...

Ниол с Йелли загадочно улыбались. Амила раздраженно звякнула вилкой, опять высказавшись на мой счет:

— Несносная девчонка.

— Научите меня управлять магией, я к вам сразу подobreю, — заискивающе предложила я.

— Так ты и этого не умеешь? — укорила свекровь.

— А вы на байке ездить умеете? — парировала я. — Свести финансовый отчет огромной корпорации? Провести платеж через интернет-банк? Нет? Ну тогда мы в одной лодке... только, боюсь, ходить на веслах вы тоже не умеете.

— Девочки, мы теперь один род, давайте жить дружно! — призвал нас Ниол, жестом останавливая разошедшуюся жену.

Она царственно встала, передернула плечами и обратилась ко мне:

— Завтра, как прозвучат девять глыб, будь готова к приему портних, на них уйдет много времени. После полудня познакомишься с мастером Фэем, необходимо составить учебный план. К вечеру я выделю для тебя время. Посмотрим, что там с твоей магией...

— А летать? Когда меня научат летать? — поспешила я с главной своей проблемой.

— Этим я займусь лично, — наконец определился Йелли. — Перед сном каждый вечер будешь тренироваться.

Ура, наконец-то мне все всё пообещали и собрались оставить в покое, а то после плотного ужина того и гляди усну лицом в тарелке. Но я все-таки напоследок еще спросила:

— Один единственный вопрос: как шаазы приветствуют друг друга?

Все замерли: прямая как скала Амила, вставший вслед за супругой Ниол, Йелли, приподнявший зад со стула. Амила отмерла первой:

— Другие закрывают лицо при встрече с нами, а между собой мы, — она приставила ребром ладонь к виску, — делаем так. Приветствуем, проявляя уважение, не более.

— Ясно, большое спасибо, — я вымучила улыбку. Тоже встала и спросила у Йелли: — Где моя комната? Спать хочу, сил нет.

— Мы в наших покоях. — Он коротко обвел рукой пространство.

Родители направились к выходу, и я заметила, как ехидно ухмылялась свекровь, видимо думая, что сын меня поставит на место, непременно. Дождавшись, когда они уйдут, я решила обойти «княжеские» покои. И сразу зашла в огромную, просторную спальню с необъятной кроватью. Встала возле нее, мечтая просто упасть и больше не двигаться, тяжело вздохнула и выпалила:

— Я не буду спать с тобой в кровати, на которой белье меняли вместе с женщинами. Да и в принципе пока не готова... сливать с тобой сокровенные жидкости. Мы знакомы всего полдня. Я могу лечь спать в другой комнате? Здесь же не одна кровать?

— Не переживай, белье здесь поменяли! — в хриплом голосе Арэнки, плавно приблизившегося ко мне вплотную, подобно огромному хищнику, отчетливо звучала ярость. — Кровать поменяем завтра, а сегодня тебе придется спать либо в ней, либо на полу. Покои у нас будут общими! Я никому не позволю усомниться, что мы не... прошли полноценного единения и тем более не позволю своей паре спать отдельно, оставляя меня голодным и без обмена.

— Я не готова к единению, — отчаянно простонала я. — Ну не могу я так, с первым встречным и по нужде и...

Йелли поднял руку, останавливая мою мольбу. Смотрел на меня ледяными глазами, вымораживая остатки моей решимости настоять на своем. Тоненькая жилка под левым глазом снова пульсировала, выдавая его крайнее напряжение. У меня остался только один довод:

— Я думаю, тебе не понравится бесчувственное бревно вместо женщины в брачной постели.

Несколько мгновений он продолжал морозить меня взглядом, прежде чем сделал шаг назад.

— Повторяю: из-за сияния любому очевидно, что мы полноценно не закрепили брак. Пока тела и магия не объединятся в единое целое, мы будем сиять...

— Но мы же смешали кровь, и я думала...

— Кровь — благодарность и плата за образование брачной связи, но ее нужно закрепить полноценно. Большинство пар не теряют время, а сразу же проводят слияние прямо у алтаря, тем самым благодаря ларов и объединяя энергии. Особенно избранные, чтобы никто не помешал браку. Истинная связь — это защита пары, это всегда усиление магии избранных и их детей. А значит, более сильный род и его шаазат.

— Я слишком устала, чтобы... даже думать не могу... не хочу и не готова и... — из последних сил простонала я. В голове шумело, в глазах двоилось.

— Хорошо. Я смогу скрывать нашу незавершенную связь два дня, не более. Тебе придется срочно привыкнуть ко мне. Мы прошли шардис и теперь заиклены друг на друге, а полноценного обмена энергией не происходит, в результате мы ослабеем, будем голодать энергетически, а источники силы закрыты. Ведь ты забрала мою верность! Поэтому вынужден предупредить, что совсем скоро ты лишишься даже иллюзии выбора. Мой резерв опустеет и, даже не желая причинить тебе боль и вред, я возьму тебя быстро и жестко... Я рухнула на постель, потерянно глядя на Йелли, сказавшего слишком много за один раз. Такой красивый, но такой холодный, расчетливый и далекий. Отсрочка на пару дней — риск для гордого шааза, но он пошел на него ради меня. Надеюсь, что ради меня, а не каких-то своих интересов. Я скинула сандалии, блаженно вытянулась и закрыла глаза...

Глава 14

Ледая

Горячие, нежные губы скользили по моей ключице, шее, посылая по коже мурашки, погружая в истому... Затем они коснулись обнаженного плеча, а большая твердая ладонь потянулась к моей, наши пальцы переплелись, сжались в единый кулак. Все мое тело горело, словно его окунули в источник чистой энергии наслаждения. Я инстинктивно прогнулась, отклоняя голову в сторону, подставляя шею этим волшебным, уже не мягким, а властным и твердым губам...

И вдруг мозг словно прострелило воспоминание: боль и вина в глазах Игоря, когда он отталкивал меня и улетал к Машке. Дальше мое тело сработало рефлекторно: я саданула локтем назад и вверх, а сама откатилась в сторону, шипя от злости, страха и боли в локте. Соблазнителем оказался Йелли — улегся навзничь и потирал кровоточившую губу, которая быстро покрылась изморозью; и все — никаких следов через несколько секунд. И тем не менее, бледно-голубые, почти бесцветные глаза супруга взирали на меня зло и возмущенно, а вот мой взгляд сам по себе прикипел к его потрясающему телу, прикрытому лишь легкими белыми штанами. Высокий, мощный, невероятно фактурный мужчина, без перекаченных мускулов, которые бы утяжелили, добавили массы. Поджарое тело Йелли дышало силой и мощью, в нем не было ничего лишнего или неправильного, оно казалось идеальным! Источало флюиды чувственности и желания. На меня подействовало точно, даже дыхание перехватило. Впервые в жизни!

— Кайя, эту выходку я тебе прощаю, таким горячим взглядом меня мало кто одаривал, — ленивый циничный тон Йелли подействовал на меня как холодный душ, нет, как ледяной. Мысленно обругав себя, я пришла в чувство, демонстративно закатила глаза и тоже пожелала ему «доброго утра»:

— Нельзя быть таким доверчивым и самоуверенным, это может привести к плачевным последствиям.

Тем более, убедилась, что под простыней на мне платье. Я выпалась и чувствовала себя прекрасно, несмотря на бесстрастный взгляд мужчины, с которым проснулась в одной постели. Впрочем, взгляд этот не вязался с едва заметной ухмылкой на его чувственных губах.

— Знаешь, Кайя, со мной впервые спорит женщина, даже больше — играет. Это, оказывается, забавно и... возбуждает, — глухой голос Йелли с тягучими нотками, с определенным намеком почти осязаемо коснулся моей кожи, слегка царапнул, как вчера в храме-пещере.

— Игры до добра не доводят! — Я наставительно подняла палец, но нервно сглотнула, что не укрылось от него.

— Смотря с кем, какие, когда и где, — шире усмехнулся муж. — Хочу предупредить тебя, Кайя, что леары любят играть, правда, обычно это опасное занятие. Настоящих мастеров мало, но мнят себя таковыми многие.

Я встала, поправила платье, волосы и уже хотела высказаться не менее иронично, но Йелли опередил:

— Кстати, ты храпишь во сне!

Мои щеки опалило жаром смущения и стыда. Я кашлянула, прочищая горло, и буркнула:

— Это небольшая особенность моего рода...

— Ясно. Значит, именно благодаря твоему роду, мои ночи никогда не будут тихими и спокойными, — сделал вывод Йелли, садясь на кровати.

Ну знаю я, что храплю тихонечко. Это действительно наследственная особенность строения носоглотки, которая передалась мне по отцовской линии. Даже записывала в юности свой сон, чтобы определить, насколько громко, и точно знаю, что это не «классический» храп, а легкое посапывание. А меня тут прямо нарушителем спокойствия выставили.

— У каждого свои недостатки! Я же твое излишнее красноречие терплю и не жалею, не нравится — не слушай, — разозлилась я и, круто развернувшись, пошла искать ванную.

Вслед донеслось насмешливое довольное хмыканье. Похоже, мужу доставляет удовольствие выводить меня из себя.

Я уже стояла обнаженной в роскошной бежево-терракотовой ванной, вытирая волосы полотенцем, как вдруг раздалась знакомая мелодичная трель, словно звонок. Затем передо мной, прямо посередине просторной комнаты, появилась, кажется, голограмма. С огромного прямоугольника на меня смотрели несколько мужчин и женщин, вставших тесной группой и с образцово-показательными улыбками, как для селфи, — все серокрылые, в нарядных одеждах, молодые, а как на самом деле неизвестно. Впереди всех сияли довольством двое похожих друг на друга мужчин и яркая красотка.

Спустя мгновение, наверное, увидев меня, некоторые из них подняли брови в удивлении, потом все дружно поклонились. Почти как мы вчера, приподняв лица, они смотрели на меня и чего-то ждали с приклеенными улыбками. И тут до меня дошло, что стою совершенно голая, придерживая руками полотенце на голове! Быстро закрыв мокрой тряпкой стратегические места и, вымучив улыбку, больше походившую на оскал, я вежливо кивнула и на всякий случай добавила:

— Здравсте...

От стыда я готова была провалиться сквозь пол.

— Приветствуем тебя, о прекрасная и сладчайшая! — сделавший мне комплемент мужчина был из тех троих, впереди стоящих, и смотрел на меня с таким горячим интересом и восхищением, хоть плачь. — Спешим сообщить, что эр Шагэ, наследник триста пятьдесят восьмого шаазата объявляет о поиске пары. Мы знаем, что ты юна и хороша собой, твой запах — как ночная выюга в самый лютый мороз, поэтому ждем тебя на представление и отбор в день Эмила Штормового...

— Простите... уважаемые, но я замужем. Мне как-то поздно уже участвовать в отборе невест и...

Моим сиплым возражениям не вняли. Серокрылый красавчик, видимо, тот самый жених, выдвинулся на полшажка вперед и, слегка наклонив голову к плечу, посмотрел на меня приторно-карамельным, горячим, соблазнительным взглядом, переполненным желанием и восторгом:

— Ничего не бойся, о прекрасная, триста пятьдесят восьмой шаазат обеспечит твою безопасность на несколько увлекательных дней, наполненных развлечениями и подарками. Я жду тебя, сладкая моя, мечтаю о тебе, грежу...

Пока наследник облизывал меня глазами, его сородичи тоже тарасились и улыбались. Даже показалось, некоторые насмешливо и похабно. Дальше я не выдержала, сорвалась с места и бросилась прочь из ванной. Оказавшись в спальне, я бросилась на кровать и разрыдалась.

Йелли замер изваянием у накрытого к завтраку стола. Наконец, он отмер, стремительно подошел к ванной и, заглянув туда, осмотрел. Затем в некотором недоумении присел рядом со мной и осведомился:

— Что случилось? Не подошел запах мыла?

Глупейший вопрос! Судорожно всхлипнув, я пожаловалась:

— Это ужасно! Я сейчас так опозорилась, не передать словами. Нет, я весь шаазат опозорила! Ну кто, скажи мне, кто так делает?

— Как именно? Я не...

— У вас что — вообще нет комнат, где можно уединиться? Куда без разрешения никто не войдет или не явится со своим телевизором?

— Каким телефисором? — холодные глаза Йелли напоминали два удивленных блюдца. — К тебе никто не входил, я все контролирую и...

— Зато залетал! — заорала я от бессилия. — Целой толпой на каком-то огромном экране появились. Я там голая стою, а они пялятся на меня все и совершенно бесцеремонно зовут на смотрины к жениху. Даже не извинились за вторжение и...

— Послушай, Кайя, я, кажется...

— Все! Это позор! Боже, как же стыдно, меня целый шаазат голой видел. Теперь они обсудят все мои недостатки с другими и вчерашние трусы уж точно покажутся Амиле мелочью, по сравнению с этим событием.

Я лила слезы в три ручья, куталась в мокрое полотенце и простыню и не могла успокоиться.

Перед глазами так и стояли похабные ухмылки посторонних леаров.

Йелли взял меня за обнаженные плечи и встряхнул со словами:

— Успокойся! Я не знаю, что такое телефисор, но ты ошибаешься! Тебя никто не видел!

— Но как же, прямо посредине комнаты целая толпа и...

В следующий момент Йелли потряс меня еще сильнее, чем посторонние леары в ванной. Он мягко усмехнулся, погладив меня по макушке, тряхнул белоснежной головой, отчего пара прядок упала ему на лоб. Затем и вовсе привлек к груди, положил тяжелую, большую ладонь между моих лопаток, словно утешал, а потом я услышала его глухой, но уже не равнодушный голос:

— Это ледея — извещение, которое может создать и разослать любой эрат, если уровень силы позволит. Оно одностороннее! Ты изображение и звуки видишь и слышишь, а тот, кто передает, — не видит никого из зрителей. Ниже пятисотого шаазата эраты могут создавать ледаю исключительно в пределах своего шаазата, слишком слабые. Выше — способны оповещать выборочно как своих сородичей, так и остальных леаров. Более сильные могут известить нужную категорию лиц, видимо, как в твоём случае, только женщин.

Новость, что меня голой никто не видел, вызвала шквал облегчения. Но тут всплыла одна мысль, весьма настораживающая:

— А вчера у пещеры мы случайно не...

— Да, — коротко насмешливо хмыкнул Йелли, подтвердив мои опасения, — вчера мы тоже создали ледаю и оповестили весь Леарат о нашем браке. Если ты помнишь, отец сформировал ледяной экран, который запечатлел наше послание и передал его всем и каждому...

Я отстранилась от такой горячей и широкой груди мужа, чтобы в ужасе заглянуть ему в глаза:

— То есть, это было представление не для тех, кто кружил неподалеку, а всему Леарату? —

И совсем глухо уточнила: — Мою фразу про голый зад и благодарность ларам тоже слышали все?

Йелли хохотнул и кивнул согласно.

— Но если это была запись, то почему мы не переписали ваше оповещение заново? Без дурацких ремарок с моей стороны? — взывала я.

Кривая, ироничная ухмылка исказила красивое лицо Йелли — лимит его сердечности и мягкой заботы исчерпался.

— Это энергоемкий процесс, если ты еще не знаешь, и требующий много времени. Его нельзя просто взять, оборвать на полпути и начать заново. Поэтому мы вчера вчетвером так долго кланялись и улыбались. Ждали, когда те, кто получают извещение, будут готовы смотреть. Затем отец произнес заранее подготовленную речь. Если бы мы прервались в середине процесса передачи, часть все равно бы отправилась адресатам. А прерванная передача ледаи — еще больший позор, чем твои нескромные замечания. Ведь кто-то может решить, что мой отец — слабый шааз, раз нити заклинания не удержал.

— Прости, — шепнула я, тайком вытерев нос полотенцем.

— Не переживай, твой промах оказался полезным, — вновь безэмоционально успокоил Йелли.

Словно его чувств хватает очень ненадолго. Затем он мельком мазнул взглядом по моим обнаженным плечам, и напомнил:

— Завтрак на столе, но не забудь: мама с портнихами придет совсем скоро, к девятой глыбе. Она и так дала слишком много времени на отдых.

— Я не поняла: что за глыбы? — встрепенулась я.

Йелли заглянул в свою гардеробную, судя по количеству одежды, разложенной на более привычных мне полках, а не наваленной в сундуки. Быстро окинув меня взглядом, достал белоснежную, наверное, шелковую рубашку и предложил мне. Затем, пока я с благодарностью неловко натягивала ее на себя, разглядывал ножки кровати.

Рубаха оказалась почти до щиколоток, приятно холодила кожу и выглядела как свободная пляжная туника. Лишь отсутствие белья под ней напрягало.

— Иди есть, — приказал Йелли, а затем просветил. — У нас немного иное времяисчисление, чем у других мирян. Глыба почти равна мирскому часу, льдинка — это примерно шесть минут, осколок — одна.

Присев за стол, я собралась не только есть, но и беседовать. И не удержалась, высказав свое мнение:

— Все же леары — большие задаваки. Весь мир давно говорит на аяше, но только для вас это язык низших.

— Ты права, и тебе следует это не только запомнить, но и учитывать в будущем. Ты супруга эрата второго по силе и старшинству шаазата. И должна соответствовать положению.

— В одежде тоже можно отличиться? — в предвкушении улыбнулась я.

Йелли смерил меня оценивающим взглядом и вернул мне не менее предвкушающую те самые запретные игры ухмылку.

— Можно, но будь осторожна. Лучше слушай маму, она бережет честь и благо нашего шаазата даже больше отца.

— Я учту, — легко согласилась я и испуганно ахнула, глядя как Йелли мощным ударом ноги сломал сначала одну ножку кровати у изножья, затем вторую: — Зачем!

Он сформировал снежинку-оповещение, как я уже догадалась, и, отправив ее по назначению, спокойно пояснил:

— Ты же сама потребовала заменить супружескую кровать.

— Причем тут сломанные ножки?

Муж едко улыбнулся:

— Это прекрасная причина для замены кровати. Особенно после первой брачной ночи у истинной пары. Особенно у эрата сильнейшего шаазата Леарата.

Несколько мгновений я сидела молча, переваривая отдававшую горечью информацию, пока не выдохнула возмущенно:

— Так ты за мой счет решил...

Йелли взмахнул рукой, останавливая меня, и холодно произнес:

— Запомни Кайя, все, что я делаю, — на благо шаазата. Всегда! Даже эта кровать послужит на благо. Зато ни у одного, поняла, ни у одного леара не возникнет ни капли сомнения, что мы полностью не завершили связь. И главное, что сегодняшняя ночь может подарить

шаазату Арэнк более сильного наследника. Или нескольких, тем самым еще больше усилив нас.

— Я ненавижу тебя, — горько выдохнула я, но уже без вчерашней экспрессии.

Муж мне достался бесчувственный, расчетливый и коварный.

— Можешь, конечно, но учти, теперь мы едины, и каждый будет думать, что главная шааза Арэнк после этой ночи могла понести ребенка. Наследника! Если неудача и беда постигнет меня, следующей будешь ты. Со временем — и наши дети. Поэтому, если ты хочешь жить в достатке и спокойствии, надеюсь, будешь хорошей матерью и преданной женой. Раз верность уже моя.

Ответить я не успела, раздался звук, Йелли позволил зайти чернокрылым слугам и вынести кровать. Они с улыбками тащили огромное ложе, явно собираясь продемонстрировать ретивость хозяина и другим. Дальше я завтракала машинально, даже запивала еду вкуснейшим фруктовым соком, о котором мечтала несколько месяцев, без удовольствия. Просто механически жевала, наблюдая как заносили другую кровать, еще более внушительную, затем горничные быстренько застелили ее, с невероятным почтением и восторгом улыбаясь мне.

Горничные принесли мне от свекрови презент — красивый белый наряд, пока своих достойных нет. Хорошо, что чернокрылые ша не имеют права даже имя свое назвать, не то что пошутить про трусы и голый зад, о которых я так неосмотрительно вчера ляпнула. Все впереди, и к этому, как и многому другому, нужно готовиться.

Совсем скоро в компании симпатичных, улыбчивых серокрылых шаа в покои вплыла женщина-само-совершенство Амила. Я встретила ее в гостиной, но она, заглянув в спальню, триумфально окинула взглядом новую кровать, вызвав у меня глухое раздражение. Никакой личной или частной жизни! Каждый будет норовить сунуть в нее свой любопытный леарский нос.

Дальше я несколько часов посвятила себе, чтобы обрести уверенность. Ведь чем лучше одета женщина, тем меньше ее волнуют условности и чужое мнение. Категоричное «нет» и недоумение на лице Амилы я, конечно, учла, но выбор тканей, как и эскизы будущих нарядов, взяла в свои руки. Даже рисовала сама. Ух, вот я им покажу!

— Кайя, черный — цвет низших, ты не можешь его носить... — чуть не плакала Амила.

Шипеть и яриться она уже определенно была не в состоянии.

— Я видела столицу сверху, была в Кристальном дворце и успела убедиться, что белый, максимум серебристый — это единственные цвета, которые вы предпочитаете носить. Но ведь строго установленных запретов нет? И лары, насколько я понимаю, не против конкретных цветов, а любят каждое свое дитя. Так почему я должна ограничиваться чужим мнением? Придерживаться чужого, ничем не обоснованного вкуса?

— Но так одеваются все, это негласное правило! — рявкнула Амила, невольно одергивая свой очередной белоснежный наряд, практически ничем не отличающийся от вчерашнего.

— Я, так уж вышло волею Язы, белокрылая. Шааза! Причем первая леара целого шаазата. Так почему я должна следовать навязанным правилам? Всем уже известно, что я иномирянка. Так пусть у меня хоть одно преимущество от этого статуса будет?!

— Великие лары, образуйте несчастную, — причитала Амила, заломив руки.

— Подкидыши Язы всегда приносят беды, — проворчала одна из портних.

Я вскинула брови, обратив на нее предупреждающий взгляд. А вот моя свекровь резко изменилась, кардинально, можно сказать. Вместо взбалмошной, истерившей дамочки передо мной предстала Снежная Королева, абсолютно ледяная и... отмороженная. Потому что через секунду она стегала девушку, которая так неосмотрительно оскорбила первую шаазу Арэнк, голубыми энергетическими плетями. Бедняжка корчилась от боли на полу, а Амила, окруженная сиянием магии, стегала и стегала. Наконец, когда та затихла, а я смогла вдохнуть глоток воздуха в горящие легкие, свекровь медленно втянула плети в ладони и обернулась к остальным девушкам, застывшим в ужасе, но со странным выражением муки наслаждения на лицах. Их была мелкая дрожь, но эйфории или страха — не понятно. Я ощущала лишь яркую холодную вспышку чужой магии.

— Никто не смеет оскорблять Арэнк безнаказанно. Если кто-то повторит ошибку этой низшей, если кто-то услышит о подобном от других и не доложит мне об этом тотчас, будет

наказан еще больше. Всем понятно? — смертельно холодным, ледящим душу голосом произнесла Амила.

— Да, шааза, — пролепетали девушки, низко кланяясь.

Я с трудом удержалась, чтобы не склониться вместе с ними, ощущая себя бандерлогом перед исполняющим танец смерти в заброшенном дворце Каа. Сердце бешено колотилось. Я бы запросто исполнила любую волю Великой Амилы против собственной!

Обед прошел на «месте расправы» под впечатлением от публичной порки и без аппетита.

Учиться придется не только летать и магичить, но и многому другому. Я думала, что, будучи дочерью одного из богатейших людей России, знаю как управлять другими, не испытывая сомнений и угрызений совести, и жить на широкую ногу. Не-ет! Я ошибалась. Ошибалась настолько, что теперь страшно представить, как исправлять эту ошибку.

Рассеянно ковыряя вилкой в тарелке, я думала, стоит ли мне следовать совету Амилы и стать как все: полностью белой и идеальной внешне, но жестокой и черной внутри? Или найти собственный путь? Попытаться совместить внешнее и внутреннее. Но тогда мне придется стать по-настоящему сильной шаазой, ведь только сильные маги в этом мире чего-то стоят.

— Долго учиться управлять магией? — спросила я у Амилы, сидевшей за столом напротив меня.

Она немного расслабилась, словно из нее кол вынули, прежде чем ответить:

— Кайя, ты могла подумать, что я бессердечная и... но ты просто не понимаешь... не знаешь, кто мы такие.

— Уже догадываюсь, — вяло, не искренне улыбнулась я.

Амила задрала подбородок, отложила вилку и произнесла жестко:

— Нет! Я же вижу насколько шокировала тебя. Не знаю как у вас все устроено, но леары признают только силу и иерархию. Дал слабину — тебя съели. Причем, в прямом смысле — выпили магию досуха. Знаешь, откуда появились ша? Это потомки тех несчастных, кого насильно лишили магии. Белокрылые предки оказались слишком мягкими и слабыми, их выпили, а потомки превратились в чернокрылых пустых ша.

— Своих же выпили? — потрясенно выдохнула я.

— Да. — Амила подалась ко мне, почти легла грудью на стол. — Серые не столь сильны как белые, но при определенных условиях и толпой способны выпить и шааза. Одинокого, с незавершенной связью. Поэтому любой леар — белый или серый — стремится обрести пару и защитить себя от подобного. Традиции и страх перед белыми пока удерживают леаров, но жажда власти все чаще толкает низших бунтовать и нападать. Серых становится больше, а истинных шаазов — меньше. Тем более, белые враждуют между собой даже за крохи силы и власти. За последние сто лет погибли двадцать восемь белых, шестеро наших, из Арэнка. Мы, один из самых сильных некогда родов, самый богатый шаазат, на грани уничтожения. Нас планомерно убивают по одному.

— Я...

— Ты теперь одна из нас! Возможно, до тебя это пока не дошло, но для всех остальных — да. Ты мне не нравишься. Совсем! Но запомни, Кайя, теперь ты Арэнк — значит, Йелли, Ниол и я на твоей стороне. В любой ситуации! Даже, если мне захочется тебя убить, медленно и жестоко.

— Благодарю, — глухо ответила я, потом с улыбкой, слабой, но уже искренней, добавила.

— А вы мне, наоборот, нравитесь. Вы похожи на жен... жену моего отца. Мы привыкли с ней пикироваться, такая у нас игра была.

Амила вернула себе внешнее спокойствие и расслабленность, а мне — тень улыбки. Встала и уже приказным тоном уведомила:

— Доедай. С нарядами мы завершили на сегодня, первые уже к вечеру приготовят. Через глыбу прилетит шаа Фэй, я тоже буду присутствовать, чтобы согласовать программу обучения.

— Могу я пройтись после обеда недолго? Подышать свежим воздухом и хотя бы осмотреть дворец.

Амила поколебалась, было заметно, что она очень хочет отказать, но с великим трудом согласилась:

— Пять льдинок, не более.

Полчасика мне на прогулку отвели. Хвала всем ларам!

Глава 15

Нелегкая это работа — быть крылатой

Допив сок в одиночестве, я задумчиво рассматривала фруктовые волокна на дне бокала. Вкус приятный, нежный, освежающий, хоть и не апельсин, но почему-то не доставил мне ожидаемого удовольствия?! Ведь сама же грезилась о фреше, как символе утраченного благополучия. Видимо, не те ценности считала важными и нужными, надо было мечтать о мире и любви что ли?

Так, хватит расслаживаться, у меня всего полчаса на прогулку. Я поднялась, одернула белоснежный наряд, одолженный Амилой, и невольно коснулась волос, машинально проверяя прическу. Свекровь с утра просветила, что, в отличие от шаа и ша, предпочитающих распускать волосы, шаазы делают сложные прически, используя драгоценные камни и украшения. Тем более, помощниц в их распоряжении достаточно. Опять привилегия, по-моему, сомнительная — обязывает, но не всегда радует. А так как сегодня я отстаивала свой стиль одежды, волосы собрала в высокий хвост на макушке, закрепив его подаренной Амилой красивой заколкой с изумрудами. Интересно, сын родителей уже предупредил, что отдал шахты за жену? Вернее, как они отнеслись к потере большого семейного актива, отданного за другой актив, проблемный, — невестку. За дверью покоев меня ждала знакомая троица серокрылых телохранителей, одетых, как и работодатель, в жилеты и штаны из тонкой кожи отличной выделки. Только расцветка гораздо светлее — бежевая. Интересно: занимающие более низкое положение в иерархии, леары шаазата Арэнк носят кожу светлых тонов, а эрат Йелли, вопреки традиционному белому, предпочел коричневый. Зато эта «форма», как и у воинов пограничников, не стесняет движений и отлично подчеркивает атлетические фигуры «твоей охраны». Один из телохранителей стоял ко мне спиной, позволив рассмотреть сзади на жилетке длинный разрез, в который свободно выдвигаются крылья.

Охранники, увидев меня, прикрыли лица, почтительно приветствуя. Мощный взмах крыльями — и ко мне то ли подлетел, то ли шагнул в полете самый светлый и сильный магически шаа.

— Шааза Кайя собралась на прогулку? — уважительно обратился он. — Могу я спросить, куда именно?

Помня, что сами представляться они не имеют права, уточнила:

— Добрый день, уважаемые шаа, как вас зовут?

Серые, раскосые глаза леара вспыхнули в приятном удивлении. Он чуть-чуть склонился, представляя себя и остальных:

— Я командир звена твоей охраны — Лыл. И твоя тень вне дворца. Это Алел, — Лыл указал на симпатичного худощавого шаа, ростом и в плечах меньше, чем двое других, затем кивнул на третьего, в глазах которого вчера отразилось презрение ко мне, — и Хтон. Они две твои тени во дворце. Мы личная охрана и карающая рука, если тебе потребуется кого-то наказать.

— Надеюсь, карающая рука окажется без лишней работы, — натянуто улыбнулась я. — А пока хочу просто пройтись и посмотреть дворец.

— Хорошо, как скажешь, шааза. Если я понадоблюсь, в любой момент пришли мне вестник. В течение льдинки я буду в твоём распоряжении, — улыбнулся Лыл, поклонился, сделал несколько шагов, а затем взмахнул крыльями и улетел.

Вестник — это те самые снежинки, что отсылали эраты, заседавшие в Совете Девяти? Еще бы научиться их создавать, а то это становится весьма важным и насущным навыком для меня, поселившейся в VIP-квартале, на вершине горы, а летать пока не научившейся и запросто способной заблудиться.

— Алел, тебя не затруднит показать мне дворец и рассказать о моем новом доме? Я буду спрашивать, а ты пояснять, где, что и как. Хорошо? — обратилась я к «щуплому» шаа, опять подметив, как нехорошо потемнели синие глаза второй тени.

Хтон явно уязвлен тем, что экскурсоводом выбрали не его, хотя по цвету крыльев и запаху магии, мне показалось, оба на одном уровне.

— Почту за честь и удовольствие, шааза, — коротко поклонился довольный Алел.

Дальше мы с полчаса разглядывали залы, переходы, террасы. Прошли в рабочее крыло дворца, как его назвал Алел. Вопреки моим представлениям, это оказались не мастерские, кладовые и кухня, а офисные помещения, в которых осуществляют прием посетителей эрат и его подчиненные, там же находятся финансовые и управленческие службы всего шаазата; соответственно — кабинеты эрата и его отца. Хтон вмешался в разговор лишь однажды, ровно уведомив, что рабочие кабинеты шааз тоже в этом крыле расположены.

Кивнув ему, я свернула на террасу и постояла у балюстрады, разглядывая пейзаж. Как и вчера, между верхними и нижними ярусами столицы царил деловая суeta. И никаких пробок. Серые, черные крылья, иногда и с белыми вкраплениями мелькали постоянно, жизнь кипела. Вон чернокрылые здоровяки понесли к Кристальному дворцу в двухместном паланкине важного апики и, наверное, его помощника.

— Шааза Кайя, в покоях тебя ждет шааза Амила и мастер Фэй... — осторожно вмешался в мои мысли Алел.

Ясно, мое свободное время истекло, пора бежать на занятия. И никакого недовольства, наоборот, мне очень хотелось узнать как можно больше о новом мире и леарах. Поговорка: меньше знаешь — крепче спишь не про этот мир. Здесь скорее подойдет: больше знаешь — дольше живешь. А живут леары долго.

Поблагодарив Алела, я оттолкнулась от балюстрады и поторопилась вернуться в покои. Но в момент, когда заворачивала в общий коридор, столкнулась с женщиной. Она так спешила покинуть дворец, что неслась на всех парусах. Хтон шел позади, поэтому женщина едва не влетела в нас с Алелом, но тень успел оттолкнуть ее от меня, не позволив даже коснуться. Я замерла, с сочувствием разглядывая красивую жгучую брюнетку с полночно черными глазами, смуглой кожей и иссиня-черными крыльями, растянувшуюся на каменной террасе. Этакая яркая цыганка Кармен лет тридцати пяти-сорока, только в местном светло-сером костюмчике — топе и шароварах.

Незнакомка приподнялась на полу и уставилась на меня ненавидящим взглядом, сморгнув слезы. На ее левом крыле, на самом верху, белело перо. Оно казалось чужеродным, словно случайно прилипло и нарушало идеально черное, как самая безлунная ночь, оперение.

— Делария, ты не только остатки силы потеряла, но и последние мозги? — прошипел Хтон, грозно надвигаясь на нее.

Возмутительное неуважение к женщине! Этот серый ненавистник вместо того, чтобы предложить, как положено сильному мужчине, руку более слабому, тем более, даме, и помочь встать, еще и наезжает. Шагнув к ней, я сама предложила руку и извинилась:

— Прости, ша, мы не хотели тебя задеть, это случайно вышло...

Брюнетка побледнела, непонятно, то ли от ярости, то ли от боли и унижения. Села на колени, беспомощно подметая поникшими крыльями пол. А затем, задыхаясь от эмоций, буквально выплонула мне в лицо, заставив отшатнуться:

— Ты! Ты забрала у меня все! Я мечтала... хотела... у меня получилось — эрат был мой, а ты пришла и... все испортила своими белыми крыльями...

— О, да! — злобно процедил Хтон. — Целых две недели тебе позволяли шастать в покои эрата. Но жадность и глупость черной Деларии не знает границ. Ты стала жалкой и старой! Скажи, свой дом и счет в байсакальском банке того стоят? Чтобы умереть так скоро? Меня словно оглушили. Значит это любовница Йелли и ее срочно попросили на выход. Еще бы, не зря я вчера с него клятву верности стрясла. Но я помню, до сих пор помню свои ощущения, когда Игорь оттолкнул меня и полетел спасать Машку. Боль потери и предательства, испытанная самой, вынудила хрипло спросить:

— Ты так любишь Арэнку?

— Люблю? — зло удивилась леара, поразив меня.

— Эта тщеславная ша любит лишь себя! — высокомерно заявил Хтон. — И только из-за тщеславия в двадцать два выглядит как тысячелетняя старуха. Ради денег и призрачной власти тайком забралась в кровать эрата, а потом молила ее там оставить...

— Ради тебя! — то ли всхлипнула, то ли прошипела уязвленная Делария. — Слышишь, Хтон, ради тебя я пыталась возвыситься и решилась на связь с эратом. Отдала за тебя молодость и...

— Пустышка никогда не сможет возвыситься, — цинично припечатал этот грубиян.

— Ты крошишь чистый лед, — тихо пытался остановить его Алел непонятной мне фразой. Женщина вскочила, взмахнула крыльями, собираясь улететь, но в этот момент все участники некрасивой сцены увидели, как белое перо отделилось от ее крыла и воспарило.

— Получила? Эрат выгнал тебя не только из постели, но и дворца? — продолжал злобствовать Хтон.

Я расстроено смотрела, как леара в отчаянии мечется по террасе, пытаюсь поймать ускользающее, тающее словно облачко перышко. Наконец, она схватила его, но приоткрыв ладони и ничего не увидев там, горько расплакалась. И такая безнадега ощущалась в ней, такое крушение всего и вся, как тогда у рейта на невольничьем рынке, будто отбирали последнюю надежду на свободу и счастье. Я не выдержала и попыталась ее утешить:

— Не плачь! Не плачь, пожалуйста. Разве какое-то перо стоит слез? — Содрогнувшись от короткой боли, я вырвала из своего крыла сразу два пера и под ошарашенным взглядом Деларии воткнула по одному в вершину каждого ее крыла. — Вот, бери сразу два взамен пропавшего. Для симметрии.

— Нет! — заорал Алел. — Вы не можете, ведь это связь между вами...

Мои белоснежные перья на чужих черных вдруг начали блекнуть, словно растворяясь в них, а вот идеально черный цвет крыльев Деларии, слегка посерел. Даже ее волосы — словно мелированию подверглись. И лицо! Только что была женщиной под сорок, а стала юной восемнадцатилетней девушкой. Жаль, жгучей брюнеткой ша она выглядела гораздо ярче и эффектнее, чем темно-серой шаа.

Делария разглядывала свои изменившиеся крылья, судорожно хватая ртом воздух, словно не в силах ни вдохнуть, ни слово вымолвить. Но одно точно: она была в неописуемом восторге, с которым, наверное, не могла справиться.

— Спасибо, шааза! — наконец выдохнула она с благоговением, вновь падая на колени, но теперь от ее горя остались лишь подсыхающие дорожки от слез на щеках.

Наверное, я сделала что-то неправильно. Алел подтвердил, напряженно обратившись ко мне:

— Эрат потребует разорвать вашу связь. Лучше это сделать прямо сейчас. Нельзя шаазе бездумно раздаривать свои силы на ненужных и...

Я подняла руку, останавливая панику и оскорбительный поток высказываний, краем глаза отмечая поникшие плечи Деларии. Она смотрела на свои посеревшие крылья, наверняка прощаясь с мечтами и жизнью.

— Что я сделала не так, подарив лишь пару своих перьев?

Хтон слегка отодвинул плечом товарища и пораженно спросил:

— Ты действительно не знаешь? И не чувствуешь?

— Нет, — я покачала головой и на всякий случай добавила, — думаю, вы видели вчерашнюю ледаю Арэнков с бракосочетания и в курсе, что я — иномирянка.

Сполох, блеснувший в красивых синих глазах этого неприятного телохранителя, мне не понравился. Очень! Я обязательно потребую его заменить. Этому шаа я не доверяю. А вот Алел быстро, кажется, поторапливаясь исправить свое упущение, пояснил:

— Любая леара, обладающая силой, особенно белая, может добровольно передать часть своей энергии другому. Поделиться! Но это значит, что ее сила уменьшится, а чья-то в ответ прирастет. Да, сейчас ты отдала лишь пару капель своей, раз даже не почувствовала, но сила ограничена. И такие подарки сродни великой награде и только для избранных. Редких, очень редких избранных, с которыми ты полетишь по жизни. Сейчас разрыв не принесет боли, но, как только Делария усвоит твою силу, ваша связь укрепитсЯ. Разве тебе нужна рядом та, что ради положения и власти наделала столько глупостей?

Я посмотрела на девушку, стоящую на коленях в паре шагов от меня. Сначала ее темно-серые крылья лежали возле нее, но пока я молчала в раздумьях, они медленно, но верно

подбирались к хозяйке и затем укрыли ее, утешая после удара очередных не сбывшихся надежд. Нет, не важно, что скажет Арэнк и остальные родственнички. Не важно, что будет дальше, но лишить живое существо последней надежды и разрушить мечту я не могу, не хочу, не буду. Мысленно иронично посмеялась над собой, а вслух сказала уверенно и твердо:

— Личная помощница мне все равно нужна. А зависимая от моей магии девушка, к тому же знающая дворец и... — «пристрастия мужа» решила все-таки не озвучивать, дабы не шокировать народ, — ...порядки в шаазате, мне пригодятся. Так, все, надо бежать на занятия, а то меня Амила за опоздание убьет...

Я махнула рукой ошеломленной и, видимо, до конца не поверившей, что осталась серокрылой, Деларии и рванула к своим покоям. Сбегать от проблем — это, конечно, по-детски, но порой очень удобно таким способом решать сложные вопросы или убежать от них.

Эх, если бы я знала, куда неслась, не торопилась бы. Алел Амиле доложил об инциденте сразу. В итоге она попросила мастера Фэя — солидного, пожилого леара, о возрасте которого мне было даже страшно думать, увидев его морщины, — ненадолго оставить нас. Потом свекровь орала на меня, захлебываясь в своем праведном гневе, де я украла капельку силы не у себя, а всего рода! У своих потомков до двадцатого колена и вообще я... не хорошая, не достойная... не... и так далее.

Запрет Йелли упоминать «подкидыша Язы» она не нарушила, ни в коем случае, зато знает множество более вежливых, но весьма двусмысленных эпитетов.

До самого ужина я под бдительным оком Снежной Королевы Амилы внимала шаа Фэю, молча и с большим вниманием. Чтобы даже случайным жестом не напомнить ей о своем существовании и великом грехе перед родом и шаазатом. Что ждет Деларию — бывшую любовницу ее сына — думать не стала. Выживет — хорошо; нет — помолюсь ларам, испросив у них прощения за грехи и глупость. За нас обеих!

Час работы с магией дался мне тяжело: все время чувствовала, что ведьма-свекровь не только мечтает, но и собирается меня убить. Она это наглядно продемонстрировала, заставив отразить хлесткий удар голубой плетью, которой утром секла оскорбившую меня портниху. Сначала я плохо сработала — пришлось с подвыванием лечить побои изморозью. Зато потом я крутилась ужом и совсем скоро сама вызвала это оружие. Амила, зараза редкостная, улыбалась с видом маньяка, узревшего жертву своей мечты.

Прямо перед ужином мне доставили парочку новых нарядов, нижнее белье и одежду для отдыха — уже моих собственных. Причем, первыми пошили самые провокационные туалеты, из-за которых Амила утром неистовствовала и истерила. Длинная туника с разрезами по бокам из полночно-синего шелка с открытыми плечами и верхней частью спины, с воротником-шалью. Пуговички из камешков, похожих на агат, черный широкий пояс и слегка облегающие прямые брюки. Этот наряд я оставила на завтра.

А вот на ужин я надела красивый топ, открывающий плечи, и легкие шаровары, пояс и манжеты на которых так же украсили «агатами». Амилу «убил» черный шелк с вышитыми серебряной нитью снежинками. Выбрав «одежду низших», я мелко мстила ей и бросала вызов пока еще жителям шаазата, но в будущем — и обществу леаров в целом. Ходить вечно бледной молю я не хочу. Поскольку не обладаю ангельски идеальной красотой настоящих шааз, которым белый, безусловно, к лицу.

Ужин накрыли на нарядной, усеянной светлячками террасе, видимо специально выделенной для подобной цели. С видом на «площадь» девяти дворцов, как я про себя назвала окружающий пейзаж. В общем, ужин был настолько хорошо обставлен, словно мы чей-то юбилей праздновать собрались, а не перекусить перед сном.

Когда пришли мы со свекровью, Йелли и Ниол уже сидели за столом и тихо беседовали. Первой к ним шла царственная Амила. Я следовала за ней незаметной тенью. Охранники помогли придвинуть нам стулья и исчезли из поля зрения. Родственники дружно рассматривали меня. Еще бы, среди трех белоснежных орлов завелась черная ворона. Но я не каркала, в смысле помалкивала и таинственно улыбалась, раскладывая на коленях салфетку и бросая короткие взгляды на Йелли.

Муж оценил: откинувшись на спинку кресла, кривил рот в насмешливой ухмылке, едва заметной, но понятной мне. Игра началась! Странно, но его в этот раз не холодный, а

заинтригованный взгляд, расслабленная поза и длинные сильные пальцы, которые играли с вилок, оказали на меня странное впечатление. У меня разыгрался чисто женский интерес, не с эстетической точки зрения, как все остальные особи сильного пола, а именно как мужчина. Надо полагать, вчера даже будучи уставшей до смерти, я не просто так застряла взглядом на нем, выбирая мужа.

Интересное кино. Кроме Игоря я никогда и никого не рассматривала в качестве сексуального партнера и, тем более, мужа. Но Лесина знала долго, успела изучить как облущенного, привыкнуть к нему, к мысли о близости и о чем-то большем, нет, скорее, общем будущем. А вот теперь муж у меня уже есть, даже либидо просыпается, но я его совершенно не знаю. Как строить с ним отношения? Стоит ли? Хотя, кровь и магия нас уже связали, а его верность отобрала сама. Надо попытаться построить семью.

Так я думала, пока Йелли, поглаживая мои обнаженные плечи, стоял у меня за спиной и тихо объяснял принципы полета. Его горячее дыхание шевелило прядки у моего виска, а волна снежной магии вызывала дрожь удовольствия. Пока он командовал раскрыть крылья, перебирал мои белоснежные перышки, я была решительно настроена на укрепление семейных отношений. Тем более, на возмущенные жалобы Амилы за разбазаривание «родовой и наследной» магии на всяких проходимок мой муж даже слова не сказал. Да, его пристальный взгляд посуровел, выдавая недовольство мной. Но промолчал.

Затем мы взлетели и зависли над бездной, Йелли, держа меня на руках, еще раз напомнил базовые принципы полета. Я наверняка восторженно глупо таращилась на него, красивого сильного леара, околдованная его хрипловатым мужественным голосом. И вот как раз в этот волшебный момент, когда вечер плавно переходил в ночь, вокруг сгущались таинственные сумерки, мелькали светлячки — сплошная романтика, я резко изменила мечтам о супружеском счастье.

— Ненавижу-у-у тебя-я-я!!! — орала я, кувыркаясь и падая в страшную, клубящуюся темноту.

Облака приближались, у меня возникло дежавю: все это со мной уже было. Я на всю Ларану орала «Помогите!» и вновь инстинктивно выпустила крылья и размахивала ими вместе с руками и ногами, забыв все предполетные инструкции. Ко мне спикировал Йелли, чуть не снеся меня в сторону огромными крыльями. Дальше он громко, но без воплей, как его матушка, напомнил о том, что говорил минуту назад. В облака я вошла уже не кувырком, а почти плавно. И так опускалась, точнее, судорожно махала крыльями, с трудом удерживая руки, чтобы не подключить их к процессу.

Во дворец Арэнк я возвращалась мокрая как мышь от напряжения, обессиленная и злая. Ни правильного обучения! Ни методики! Сплошная засада. Как кутенка на глубину кинули — и выплывай как хочешь! Мало ли что такая «наука» сработала — помогла если не взлететь, то хоть удержаться в воздухе с первого раза. Может это случайно, на нервной почве, на инстинктах, в конце концов. Опять на какую-нибудь богиню надеяться? Йелли точно в мать пошел, хоть внешне — вылитый отец. Оба «разговорчивые» до нельзя — двумя словами в день замучить могут. К тому же, учителя из них... Легче с пауком с дерева лапуг договориться. Но зато скорость обучения потрясает, всем бы так, за год профессорами стали бы.

О слиянии сокровенных жидкостей муж сегодня даже не заикнулся. Видимо, у меня был слишком красноречивый вид, когда я брела к новехонькой кровати. Нет, полуголый Йелли растянулся на своей половине постели и с ухмылкой следил за мной, пока я, кряхтя и мысленно костеря весь род Арэнков, залезала под простыню.

Я блаженно вытянулась и закрыла глаза. Хвала всем ларам!

Из сна меня вытолкнул мощный удар в спину. Кувыркнувшись, я плашмя свалилась на каменный пол, а мягкого пушистого коврика у кровати не оказалось, к великому сожалению. Так что приложилась об пол и лицом, и телом основательно. А ведь только начала отвыкать от экстремальных побудок!

Со стоном приподнявшись на локтях, в призрачно-лиловом свете Моики я увидела более чем странную картину, даже поморгала и помотала головой, не желая верить собственным глазам. Стремительно села, невольно дернувшись назад, испугавшись до чертиков: большая часть постели, особенно та, где я только что лежала, была густо, как еж, утыкана длинными ледяными иглами. Останься я там лишнюю секунду — и ни одна магия не спасла бы!

Я с трудом удержалась от визга, увидев зависшего в метре над утыканной сосульками постелью раненного Йелли. Совсем не похожего на ироничного, мало эмоционального красавца, с которым общалась два дня. Нет, сейчас это настоящий карающий ангел, широко распахнувший белоснежные крылья и мощно, медленно помахивающий ими, возвышаясь над смертными — окружившими нашу кровать серокрылыми леарами, вооруженными короткими ледяными мечами. Не с мирной же целью они явились. Что это: разбой, рейдерский захват, месть, заговор?..

Свет ночного светила щедро заливал огромную спальню, добавляя страшной картине жути. Из залитого кровью Йелли торчали ледяные иглы и места колотых ран, покрывавшихся изморозью, — плечо, часть спины, талии и бедра — свидетельствовали о том, что он спас меня от, казалось бы, неминуемой смерти. Почувствовал опасность за доли секунды и сначала позаботился обо мне, а только потом о себе. Потрясающий мужчина! Я смотрела на мужа, истекающего кровью и с кривой ухмылкой выдергивающего из своего тела тонкие ледяные иглы. Белые штаны на нем тоже окрасились в красный. Я чувствовала, что ему больно, очень, но он ни вздохом ни словом не выдавал насколько, пристально глядя на врагов.

Между нами и ночными «гостями» поблескивала, дрожала от напряжения защитная ледяная пленка-стена, созданная Арэнком. Но двое шаа явно что-то задумали: с их пальцев к ней потянулись тонкие серые энергетические нити. Неужели взломают до того, как подмога придет?

На всякий случай я пересчитала шаа и каждого рассмотрела, вдруг портрет преступников составлять придется, на отличительные приметы обратила особое внимание. Все они показались мне блеклыми и серыми тенями — сложенные за спинами крылья, серая одежда и волосы, симпатичные мужественные лица, но без харизмы, без изюминки, которая так привлекает женский пол. Обычные серые шаа, каких тысячи. Непримечательные, если бы не оружие явно магического происхождения. В гости с оружием не ходят, особенно по ночам!

Из десяти серокрылых убийц — я уже не сомневалась, с какой целью они пришли, — узнала Хтона. И почти не удивилась, увидев его перекошенное злобством лицо. Понятно, он ненавидит не столько меня, сколько своего хозяина, которому на зависть всем еще и удалось найти белокрылую жену, тем более — избранную.

— Зачем, Хтон? Ради чего ты предал своего эрата и шаазат? Ведь я тебя недавно возвысил, — бесстрастный, какой-то механический голос Арэнка звучал так, словно он спросил для проформы, а в ответе не нуждался.

Не ошиблась я вчера, посчитав Хтона заносчивым, высокомерным придурком. Он двинул в плечо стоящего впереди него соучастника, чтобы тот опустил крыло и, чуть выдвинувшись, злобно прошипел:

— Твое время пришло, шааз! Всего твоего рода! Я не предавал шаазат, я спас его от вас. Вы, белые, — паразиты! Да-да, вы — жалкие паразиты, которые высасывают из нас силу и мнят себя высшими. Пришла пора менять порядок, Арэнк! Теперь у власти встанем мы, а ты и подобные тебе окажутся там, где вам самое место.

— Знаешь, Хтон, мне неожиданно стало стыдно, — с искренним сожалением в голосе заявил эрат, чем поразил не только меня, но и серых бунтарей, надо думать. А затем продолжил язвить в привычной манере: — Я наивно полагал, что дворцовому охраннику не обязательно быть большого ума. Просмотрел, что ты чересчур уж глуп! Оказывается, это опасно...

— Ты...

— Если сейчас вы встанете на колени и принесете клятву верности на крови, я пощажу ваши семьи, — ледящим кровью голосом произнес Арэнк, обводя холодными глазами каждого из заговорщиков-революционеров.

Один из них, из первого ряда, передернув серыми крыльями, спокойно, но с едва уловимым удивлением ответил:

— Арэнк, ты впервые, насколько я знаю, кого-то пожалел. Тем более, женщину! Зря, очень зря ты не завершил шардис сразу у алтаря. Теперь и ты, и подкидыш Язы сдохнете здесь и сейчас.

Хтон его поддержал и даже более того:

— Сегодня мы поменяемся с тобой местами, эрат.

— Для этого ты слишком темный и тупой. Может расскажешь, кто стоит за вами? — не согласился Арэнк, выдернув предпоследнюю сосульку из своего тела.

Осталась одна — застряла у него под лопаткой и наверняка мешала махать крыльями. Но вел себя эрат при этом достойно, не выдавая насколько ему плохо. Поэтому, думаю, никто, кроме меня, не догадался, какую дикую боль причиняет ему ледяная заноза.

А мне не оставалось ничего, кроме как трусливо отползти к стене и прижаться к ней спиной, решив лучше не вмешиваться в чужие распри и дележ власти и полностью положиться на мужа. В конце концов, моя задача — в наследниках, насколько я поняла, а вот его — защищать и хранить наше семейное счастье и очаг. Ну что я могу? В магии — новичок, драться совсем не умею. Побои Даяра, вождя квошиков, долго снились мне в кошмарах и ощущались на лице. Лазать по горам да на байке и верхом ездить?! Так нет тут ни лошадей, ни мотоциклов. Еще с парашютом прыгать... но меня крылатые убийцы догонят в два счета. Если только поступить, как настоящие женщины?..

— Помогите-е! Убивают-ют! — завопила я во все горло неожиданно для леаров. Потом, вспомнив, что желающих рисковать всегда мало, сменила тему: — Пожа-ар! Гори-им! Серокрылые преступники нервно вздрогнули, вызвав у меня второе дыхание, а вот Йелли бросил удивленный взгляд, на большее не отвлекся.

Дальше начался ад! Ледяная стена мигнула: двоим шаа все-таки удалось взломать защиту шааза. В него полетели ледяные иглы, но ни одна не достигла цели, потому что сразу две новые стены выросли между нами и убийцами в ту же секунду. Одна — закрыла от врагов меня, вторую — Йелли использовал для собственной защиты. На мои вопли и призывы о помощи никто не реагировал, не приходил, паника накрыла с головой: это что выходит — нас все предали? А как же родители? Где Алел и Лбил? Тоже переметнулись?

Арэнк разметал иглы и послал в заговорщиков сгусток магии, попытавшись заключить их в ледяной кокон. Те рассредоточились по комнате. Мелкая мебель летала и ломалась, крупная — покрывалась иглами и дырами, прожженными энергетическими шарами. Пол и стены покрывались льдом. Хруст, треск, лязг... Я ужасалась, ведь муж предупредил, что в результате шардиса мы связали нашу магию, но у леаров мужчины, в отличие от женщин, собирают силу извне. А я ему путь подпитки перекрыла! Значит — его резерв ограничен. Мой голос сел, а хрип точно уже никто не услышит в огромном дворце. Ну почему, почему меня не научили посылать магические сообщения!? Зато эрат Арэнк продолжал потрясать меня: ринулся на ближайших серокрылых с мечами, возникшими в его руках. Магия! Я зачарованно, затаив дыхание, восторгалась лучшим бойцом, какого можно только вообразить. Его сильная спина блестела от пота, мышцы напряженно перекачивались под кожей, руки походили на ветряные мельницы — с такой скоростью работали. Он бился как бог!

Я не успевала следить за нюансами боя, настолько стремительным он был. Мгновение — и у ног Арэнка... три сломанные фигуры с тающими почерневшими крыльями. Сразу развернувшись, он разметал своими крыльями других. Следом запустил странную голубую волну. Уцелевшие заговорщики начали закрываться, тоже создавать ледяные стены. Не все успели: на пол осело еще трое чернокрылых леаров — Арэнк не только убивал, но и высасывал силу и жизнь из своих противников.

Наблюдая за эратом, врагами, буйством магии, я думала, чем бы ему помочь. Дикий страх сковал душу и сердце: если он не справится, нас убьют обоих. На Арэнка напали сразу трое противников — не деревенщины, не бандиты с большой дороги, а профи, знающие и умеющие сражаться и убивать. Он менял тактику: то посылал магические сгустки и волны,

то отмораживал им конечности, то бился мечами, заставляя исцеляться раз за разом, тратить энергию. Но десять против одного раненного, потерявшего много крови, с кровоточащей из-за проклятой сосульки под лопаткой раной — это слишком, каким бы сильным он не был. Ведь серые убийцы тоже не слабаки и владеют магией и мечами! Неожиданно мне в голову пришла абсолютно дурацкая идея отвлечь убийц, ну хотя бы на мгновение, чтобы предоставить Йелли преимущество. Сердце колотилось в горле, пока я решалась просто сдвинуться с места, подняться и привлечь к себе внимание. Наконец я вскочила и — распахнула рубашку.

«Ух, что полноценный третий размер делает!» — мысленно ликовала я, когда сразу двое противников, увидев мою полную, без хвастовства, красивую обнаженную грудь, на миг отвлеклись. Одному это стоило жизни! А вот Йелли зло сверкнул глазами, тоже отметив, что его жена демонстрирует врагам. Так я решила в первый момент, а вот когда взбешенные убийцы запустили в меня иглами, доперла, что муж испугался за мою глупую голову. Я с визгом упала на пол и полезла под кровать, а рядом вонзалась в пол ледяная смерть, прошивавшая кровать. Совсем забыла, что меня окружает ледяная защитная «стеночка», которая отражает атаки. Только вот Йелли и на нее тратит свой ограниченный энергетический ресурс.

Когда трое разъяренных врагов, оставшихся в живых, возглавляемых Хтоном, до этого державшимся за спинами других, разом навалились на слабеющего Йелли, у меня чуть сердце не остановилось. Йелли с трудом избавился от одного, оттолкнул второго и запустил в них голубоватой волной, разрезающей лиловый сумрак, откидывая в сторону участников и разворачивая их боевые действия ко мне спиной. Я почти поверила в нашу победу, муж словно рисовал в воздухе пальцами, чтобы запустить в противников чем-то из своего магического арсенала. Но в этот момент в руке Хтона словно по волшебству появился какой-то предмет, завернутый в тряпку. Едва уловимое движение, флером возникшее ощущение чего-то до ужаса знакомого и мерзкого, — а затем я ошеломленно смотрела, как в грудь Йелли впился кинжал, вокруг которого набухает кровь и расплзается... фиолетово-сизое марево... Магия хаоши!

Я поняла: это конец! Дальше мной управляла жажда жить, победившая крошечный ужас! Вспомнился оседающий в клетке рейт, которого пеленают прислужники хаоши. Не хочу! Не могу! Не дам! Мое! Змеей скользнула за спину торжествующего Хтона, который наслаждался видом оглушенного, изумленного Йелли, пытавшегося устоять на ногах и все более вяло отражавшего атаки противника. И со всей дури, на которую только была способна, опустила стул на голову Хтона, вложив в удар всю силу и злость. Ура, он рухнул как подкошенный! Не успев перевести дыхание, я стремительно прыгнула на спину второму противнику, последнему, надеясь сбить его с ног. Он как раз заносил меч добить оседающего на пол Йелли, снести ему голову. Уничтожить мою новую семью и будущее... Цепляясь за шею этому гаду, все-таки устоявшему на ногах, я царапалась и кусалась, хрипела как резанная. Заметила, что Йелли все видит, хоть и глаза его затуманиваются навязанным сном, но отвлечься на него — значит погибнуть. Высокий серый мерзавец хрипел и дрожал, пытаясь стряхнуть меня, словно бешеную собаку, рвавшую ему загривок. Наверное, я ему что-то на шее передавила, жаль не до конца. Грязно выругалась по-русски... Ну почему у меня такие короткие ногти...

Убийца, в которого я вцепилась мертвой хваткой, странно дергался и стонал. Сейчас бы так пригодилась вилка — единственная разумная мысль, которая смогла пробиться в полыхающий ужасом и безумием разум, запустила магию. Как уже не раз случалось, я неведомо как среагировала на угрозу: мои ногти вытянулись, превратившись в тонкие смертельные иглы, которые прошли противника там, где я в него впиалась, пытаясь удержаться и не рухнуть ему под ноги и получить мечом. Дальше мы оба упали, только он — мертво, а я — задыхаясь от ощущений.

Отползла от трупа и замерла, изумленно вытаращившись на собственные — о, ужас! — окровавленные, но вновь нормальные руки, вернее, ногти. Затем, подвывая, на коленях подползла к Йелли и, обернув ручку кинжала подолом, вытащила его из груди. Всклипнула от облегчения, увидев исцеляющую изморозь: «Жив!» Наши взгляды встретились: наверняка безумный — мой, грустный и захватываемый сном — его.

— Чтоб ты сдохла, иномирная тварь! — раздалось у меня за спиной.

Я обернулась: Хтон, покачиваясь, вставал с явным намерением добить нас. Каким-то образом у меня получилось создать ледяную стену, не зря же сегодня столько раз ее видела. Серый предатель врезался в нее с разбегу, со всей яростью и — отлетел назад.

— Сам ты тварь! — удовлетворенно прохрипела я.

Меня колотило от напряжения: на защитную стену уходили все мои силы. Вдруг двери в спальню распахнулись: объявились долгожданные Льил и Алел — все в крови, в рваной одежде, явно с поля боя. Мгновенно оценив обстановку, они кинулись на Хтона. Тот сопротивлялся отчаянно, но вскоре упал замертво. После предательства моего телохранителя я не могла довериться его сослуживцам и упорно держала ледяную стену. Муж лежал у моих ног с полузакрытыми глазами. Казалось, он видит, что здесь происходит, но не может двинуть даже пальцем, чтобы подсказать мне, как поступить дальше. Что же делать?

— Пропусти нас, Кайя, — попросил Льил. — Все закончилось, мы отразили нападение.

Я мотала головой, со слезами глядя то на них, то на безмолвного Йелли:

— Хтон ваш, и он предал. Да еще и магию хаоши использовал...

— К сожалению, ты права. Но мы с Алелом оба на крови поклялись в верности роду Арэнк, — попытался достучаться до меня Льил. — Хтона повысили недавно, он проявил себя в одном очень важном деле и эрат решил, что Хтон достоин доверия. Мы все ошиблись, понимаешь. Все! Но сейчас все закончилось и...

— Позовите Амилу, — прорыдала я. — Или Ниола. Я верю только им!

Мое тело ломило от напряжения, я ощущала себя засыхающим в пустыне путником, из которого уходят последние капли живительной влаги. Умирала! Но сейчас меня заботил только Йелли — полностью беззащитный, а ведь он сделал все, чтобы я... мы выжили. Я его не предаю, не брошу, как другие!

Алел рванул из спальни, а Льил с горечью смотрел на нас с Йелли. Неожиданно он с невыразимым сожалением покался:

— Простите, нас не было рядом. Напал большой отряд — часть наших, часть чужаков. Мы уже выяснили, что Хтон провел их через посты и защитный контур дворца. Основная часть напала на Ниола и Амилу, посчитав их более опасными противниками, оба сильные шаазы. А ты один... с незавершенной связью и иномирянкой за спиной, которая, по их мнению, скорее обуза, чем помощница. Хтон каким-то образом догадался, что вы не завершили шардис. Кайя толком не владеет магией, ничего о ней не знает, поэтому они поторопились напасть именно этой ночью. Чтобы уж наверняка... вдруг вы сегодня будете заняты. В итоге, нас всех отвлекли, задержали у покоев Ниола и Амилы, не пропускали к вам...

Двери опять открылись: вошли, поддерживая друг друга, с трудом переставляя ноги, Амила с Ниолом в сопровождении не многим лучше них выглядевшего Алела. Да, их действительно сочли более сильными противниками — выжаты как лимон. И тем не менее, увидев родителей, я чуть не разрыдалась от счастья и облегчения: теперь есть кому решить проблемы за меня, подсказать, что делать!

Родители, увидев нас с Йелли, кажется, забыли про себя и поторопились к нам.

— Кайя, убери ее, — неожиданно непривычно мягко попросила Амила, замерев у стены.

— Не знаю как! — всхлипнула я. — Она сама собой как-то вышла, а теперь я просто не знаю, что делать...

— Втяни силу в себя и расслабься, — пояснила свекровь.

Выполнив указание, я ощутила себя так, словно из меня вынули все кости, и бессильно осела рядом с Йелли, навалившись ему на ноги.

— Что с ним? — обеспокоенно спросил Ниол. — Я не вижу смертельных ран, но почему он недвижим?

— Хтон ударил его вон тем кинжалом, окутанным магией хаоши, — показала я глазами. — Меня такой же вырубил, когда продали на рынке. Я узнала ее...

Каждая клеточка моего тела дрожала, колотилась, казалось, плакала, истекая кровью. Начала подниматься температура, я ощущала ее слишком остро, словно горела. Пока умница Амила занималась сыном, Ниол в тревоге наблюдал за мной, вскоре его лицо, заляпанное, обезображенное кровавыми разводами, исказилось от гнева. Он коснулся моего лба ледяной рукой и зарычал:

— Будь они прокляты! Выродки!

— Она ранена? — испугалась Амила.

Мне стало неожиданно приятно, что Снежная Королева беспокоится и обо мне.

— Нет, третий переход, но, всемогущие лары, слишком рано! — выдохнул Ниол в отчаянии, а затем резко приказал: — Ставим купол, не выпускайте ее...

Кого «ее» — понять не успела. В следующую секунду по моим венам побежала лава, выжигая внутренности. А следом меня словно жидким азотом заполнили, вымораживая все, что не успело сгореть. Я хрипела, выгнувшись дугой, скребла ногтями пол. Казалось, я билась в агонии вечность... а дальше — погрузилась в океан наслаждения и эйфории, крылья распахнулись, тело само по себе оторвалось от пола. Меня переполняла энергия, была во мне гейзером, пытаюсь вырваться наружу; сердце — или сама душа? — колотилось в грудную клетку, рвалось на свободу, но купол, вспыхнувший надо мной, не давал. Не пускал! Боль ушла. Я больше не соображала, парила в небесах и — менялась, обновлялась, пела. Перед глазами вспыхивали звезды, магия играла со мной, ласкала, баюкала, заполняла мое тело, казалось, проникая в каждую клеточку...

Потом как-то незаметно пришла темнота и укрыла меня от невзгод и тревог.

Глава 17

Казнь

Из тьмы забытья меня вытянула жажда и боль — не острая, а глухая, сродни усталости, разлитая по всему телу, завладевшая каждой клеточкой. Словно я треснувший сосуд, из которого вытекла вся жизнь... Ну или почти вся, я же чувствую боль, значит жива. И еще слышу тихие голоса. Голоса отнюдь не ангелов, а Амилы, услышав который мысленно улыбнулась, и второй — знакомый женский. О, вспомнила, — Деларии! И так у меня на душе хорошо стало, что я решила послушать.

Делария не просто «стучала», она довольно артистично передавала нюансы и интонации провинившихся леар, выдерживала паузы:

— ...вчера шаа Чатима в разговоре с шаа Уоне несколько раз нехорошо говорила про род Арэнк, особенно досталось шаазе Кайе. И слово «подкидыш Язы» тоже не раз упоминалось! Их слышали трое посудомоек и лишь ша Кичи, невзирая на свое более низкое положение, возмутилась оскорблениями и пыталась совестить обеих мерзавок. За что от них получила плетьюми...

— Прискорбно! — тон Амилы был до жути ледяным. — Этих двух — к лишению; тех, кто промолчал и не доложил, — в поле. Ша Кичи назначить главной по кухне!

— Но... она же черная? — засомневалась Делария.

— Для рода Арэнк каждый леар шаазата ценен одинаково, мы всегда это подчеркивали и доказывали своими делами. Главное — верность шаазату и преданность Арэнк!

— Я сообщу волю шаазы, — с воодушевлением и беспредельным подобострастием выдохнула Делария.

— Это уже какие по счету? — задала странный вопрос Амила, еще больше заинтриговав меня.

— Двадцать восьмые. Своих наказали, осталось еще тридцать три, но те соседские.

И вновь меня поразил заискивающий и восторженный голос Деларии, отчитывавшейся перед Амилой. Будто ее допустили к трону и доверили нести королевский шлейф.

— Большинство из третьего и четвертого, — сухим, надтреснутым голосом, словно вся тяжесть мира давила на нее, задумчиво произнесла Амила.

— Но ведь эраты Керук и Тито немедля выдали своих?! — осторожно заметила ее собеседница. — И главное, сам шаэр сейчас там, на Черной площади Лараны, следит за исполнением наказания. Это значит, он солидарен с Арэнк? Признает ваше право? И готов разделить ответственность?

— Иси просто воспользовался ситуацией, чтобы чужими руками предупредить своих недовольных о последствиях, если кто-то вздумает напасть на первый шаазат, как и на нас, — слишком спокойно ответила Амила, в ее ровном тоне крылось нечто более глубокое и злое, а может — мстительное.

Приоткрыв глаза, я увидела собеседниц. Они стояли возле террасы и свет, бьющий в глаза, мешал их хорошенько разглядеть. Обе смотрели на «экран», или ледаю два на два, транслирующую столпотворение на городской площади. Ого! Мои глаза сами по себе широко распахнулись: огромная толпа крылатых, стоявших рядами, паривших в небе потрясла и напугала. От траурных серо-черных цветов рябило в глазах. За их спинами не было видно построек, а над головами возвышалась черная твердыня тюрьмы.

В центре площади на коленях стояли заговорщики, их серые крылья трепетали за спинами, а фигуры походили на сжавшиеся пружины: тронь — и они либо сломаются, либо распрямятся, жестко сопротивляясь судьбе. Позади каждого конвоир. Ряды серокрылых суровых мужчин — тех, кто готовился расстаться с жизнью и тех, кто сопровождал их на эту казнь, — выглядели настолько впечатляюще и пугающе, что у меня сжалось сердце. В стороне от коленопреклоненных преступников стояли разнополые группы леаров. Мне показалось, собравшиеся по семейному признаку и явно не для средневековых забав, когда горожане приходили поглазеть на казнь преступников и подбадривали палачей. Нет, каждый из них замер с выражением ужаса на лице, трагедии и безнадёги.

Прямо перед экраном замерли двое белых шаазов, таких похожих, но в тоже время неуловимо разных — отец и сын. Знакомые лица, свои, но в то же время далекие, бесстрастные, бездушные. Не просто леары, а — палачи! Высшие судии! И великолепные белоснежные крылья у обоих не трепещут, как у осужденных, ни одно перышко не шевелится у этих жутких карающих ангелов.

И все-таки я выдохнула с невыразимым облегчением: мой муж жив! Трагические события минувшей ночи привязали меня к нему больше, чем обряды и браслеты. Йелли, не раздумывая, спас меня в ущерб себе, тратил магию на мою защиту, а не собственную. Ради меня, кроме бабушки, никто не жертвовал чем-то важным. Временем, вниманием, тем более — жизнью.

Затаив дыхание, я смотрела, как эрат Арэнк подошел к очередному преступнику, стоящему на коленях, соткал над его головой знакомый голубой купол. Щелкнул пальцами, превратив купол в волну, а та — прошла насквозь поверженного преступника. И вот у ног эрата уже не мощный русоволосый мужчина с красивыми светло-серыми крыльями — а безжизненное тело брюнета с расprostертыми, абсолютно черными крыльями. Конвоир жестоко, бесцеремонно схватил труп за крылья и потащил прочь с площади.

Я задыхалась от страха, ни вдохнуть, ни моргнуть, и все-таки глаз не могла отвести от страшного зрелища леарской казни. Выходит, Йелли выпил жизненную силу и всю магию до суха из преступника, отправив его на тот свет?! А черные — пустышки, поэтому никаких тебе природных катаклизмов после смерти. За крылья уволочут в неизвестность и забвение. Глаза защипало от слез, но «кино» продолжалось, вопреки моему желанию, вопреки моим земным представлениям о гуманности, вопреки...

Ниол махнул рукой, и конвоиры вывели из толпы группу серокрылых леаров. Мужчины впереди, ссутулившиеся, обреченные. Женщины на руках несли самых маленьких детей, младшие держались за старших родственников. Насчитала пятнадцать леаров, от скорбно-обреченного вида которых во мне будто все замерзло.

Эрат Арэнк подошел к очередному коленопреклоненному шаа, который с невыразимой болью и страданием смотрел на своих родственников, и громко спросил о чем-то на леарском; конечно же, чтобы услышал каждый на площади и во всем Леарате благодаря ледае. Его голос скрипел, как у простуженного и вместе с тем звучал бесстрастно.

— Кайя, ты проснулась? — взволнованно спросила Амила, обернувшись ко мне. — Не надо тебе на это смотреть. Поверь, там страшно и мерзко для всех... А ты и так слишком много пережила!

— Нет, я должна! Нельзя спрятаться под одеяло от жизни, мне все равно рано или поздно придется столкнуться с какими-нибудь неприятными или мерзкими ее сторонами, — прохрипела я, набравшись храбрости. Вдох-выдох. Я почти приказала: — Амила, я очень прошу, переводи!

Не знаю почему, но она послушалась. Видимо железная леди приняла мои доводы.

— Ты знаешь законы Леарата? — скрипел Йелли.

— Да, эрат! — ответил шаа.

— Ты считаешь, что мечты о власти стоят благополучия твоего рода?

— Нет, эрат! — прорыдал серокрылый мужчина, скрючившись в ногах Йелли. — Простите, молю, пожалейте их!

— Когда ты пришел убивать меня и мой род, ты думал о жалости и прощении? — скрежетал эрат.

— Нет, эрат, но я не...

— Ты не думал, что можешь проиграть, так? Когда шел убивать меня и мой род, ведь ты был уверен в успехе! И уж точно не думал, что твою семью и весь род постигнет заслуженная кара?

— Нет, я просто не...

— Да! Ты не ду-ума-ал! — ожесточенно протянул Йелли, чуть наклоняясь к несостоявшемуся убийце. Дальше каждое его слово походило на гвозди, которые он забивал в крышки чужих гробов: — Вас было порядка шестидесяти, все опытные воины, умеющие убивать! Все серые — сильные маги! Вы не думали, что моя семья и несколько преданных нам телохранителей легко и просто остановят нападение! Уничтожат вас! Ты не подумал о возмездии, ты предал не только своего эрата! Ты предал собственный род! Украл у них силу, вечную молодость и долголетие. Ради своих амбиций и жажды власти собственными руками ты лишил своих детей дома, благополучия и надежного будущего. Лично выкинул на обочину! Ты сам лишил магически одаренных потомков силы.

— Молю, пожалейте моих детей... — голосил приговоренный.

— Разве ты пожалел тех, кто встал на защиту своего эрата и шаазата? Тех, кто до конца выполнил свой долг, сохранил честь рода, слово и был предан до конца? За что ты убил их? Вы походя осушили и убили шестнадцать наших женщин, больше двадцати мужчин, которые не смогли оказать вам должного отпора и спастись, а просто встретились на вашем пути к цели! Вы напали ночью, как воры и убийцы, прокрались во дворец. А теперь ты молишь о пощаде?..

Вперед выступил Ниол, мне показалось, что Йелли на грани и может сорваться, настолько глухо скрипел его голос на последних словах. Словно Йелли обвинял убийцу в том, что сейчас происходит. В том, что он вынужден сейчас делать — карать женщин и детей. Это выворачивало его наизнанку, но переложить обязанность на других он не мог. Свекор обернулся и посмотрел на обреченно поникших родичей леара, который унижительно валялся в ногах эрата Арэнк и молил о пощаде.

— Леарат существует тысячелетия! Первый закон высшего Тойлеса тоже. Тот, кто злонамеренно поднял оружие или применил силу против эрата, его семьи или главы своего рода будет казнен! Его род — осушен! Это придумано не нами, но нам положено блюсти законы! Глава вашего рода — шаа Яс — родился и вырос со знанием этого закона, насколько я знаю, сам применял его десять лет назад к своему племяннику за попытку сместить его. А теперь решил, что сам выше законов Леарата? И сам нарушил главный закон! Ради чего? Чтобы получить для себя больше власти!

Мы, Йелли и Ниол Арэнк говорим: смотрите! Смотрите в лицо тому, кто забрал у вас благополучную жизнь, здоровье и долголетие, силу! У вас и ваших детей! Не мы! И не род Арэнк! А ваш глава, сын, брат, отец, дед! Пренебрег вами, забыл, проклял в своей ненасытной жажде власти и денег! Смотрите и помните об этом!

Дальше я безмолвно плакала, глядя, как голубая волна высасывает силу у всего рода преступника, у взрослых и детей. Да, их не тронули и пальцем, они остались живы, но их волосы и крылья почернели абсолютно. Признаться, меня, иномирянку, факт, что не казнили семьи предателя и убийцы, примирил с происходящим. Я облегченно вздохнула, ведь еще не успела привыкнуть к своей магии, только начав разбираться с ней. Но отметила, как содрогнулась Делария. Видимо, для нее это хуже смерти.

Затем Ниол казнил следующего преступника так же, как до этого его сын. Несколько мгновений оглушающей тишины на площади — и снова раздался голос Йелли:

— Те из вас, кто принесет клятву крови на верность роду Арэнк, останутся во втором шаазате со всеми его милостями и привилегиями согласно иерархии и обязанностям. Те,

кто не захочет, покинет второй шаазат, останется без нашей защиты. В течение суток леары, не захотевшие принести клятву, обязаны навсегда покинуть наши земли и дома! Они получают метку, из-за которой больше не смогут пересечь границы второго шаазата без высочайшего позволения эрата или его рода.

Все убитые горем лишены, ставшие чернокрылыми, как это ни поразительно, дружно, заставив повторять даже детей, сделали надрез ладони, пустив кровь и принесли клятву роду Арэнк. Но почему? Неужели остаться без рода и шаазата настолько страшно? Или второй шаазат не так уж плох, раз живые, но «высушенные магически» родственники бывшего главы готовы забыть о мести и ненависти к палачам и принести нерушимую клятву верности?!

— Кайя, достаточно! С тебя хватит, — объявила Амила, решительно хлопнула ладонями и экран исчез.

Свекровь с Деларией подошли к моей кровати. Приятно было видеть Деларию живой и здоровой, в нарядном светло-сером костюмчике. Я вытерла слезы и не сдержала восклицания:

— Боги, ты чем-то заболела? А то немного... подурнела!

Бывшая жгучая красавица брюнетка, превратившаяся в русоволосую шатенку со слишком смуглой кожей и, на мой взгляд, выглядела как девица, перестаравшаяся с загаром.

Удивительно: черный из колера Деларии исчез полностью, теперь она темно-серая шаа и весьма собой довольная. А вот светло-серый наряд производит унылое впечатление.

Девушка поблекла, посерела, потеряла былую яркость.

Услышав мой «комплимент», улыбающаяся Делария запнулась, выпрямилась, словно кол проглотила, на миг бросила счастливый взгляд на свои однотонные серые крылья и не без язвительности посоветовала:

— На себя посмотри! Усопшие в храме и то симпатичнее бывают...

— Шаа, ты забываешься! — Амила таким ледяным тоном одернула ее, что даже я немного струхнула.

— Да, — весело поддакнула я. Деларию прочила себе в помощницы и ее излишняя угодливость мне точно ни к чему. Хочется хотя бы подобия дружбы и откровенно — искренности. — Между прочим, я — твоя магия, а ты так невежливо со мной.

— Простите, шааза, подобное больше не повторится, — заискивающе склонила голову Делария... перед Амилой.

Довольная этим свекровь важно кивнула, мое недоумение поведением новоявленной шаа тоже отметила, и оно ее откровенно позабавило. Ведьма!

Делария тем временем опять прогнулась — придвинула удобное кресло-стул для Амилы, а для себя поставила подальше, видимо чтобы шааза ни в коем случае не заподозрила, что обычная шаа пытается сравняться с ней хоть в чем-то.

Наконец-то я поняла, чем же изменилась и сама Амила. В отличие от Деларии, она побелела. Серых прядок осталось совсем мало, так, едва заметные тени в ее волосах и крыльях. Получается, она апргейдилась накануне? Или...

— Долго я тут валяюсь? — заволновалась я.

— Часть ночи и весь день. Скоро ужин, — любезно улыбнулась Амила, невольно отправив меня в нокаут. — Не переживай, Кайя, к утру все будет в полном порядке!

Мягкий тон и даже толика нежности в глазах и голосе свекрови насторожили. Прежде она этим не страдала по отношению ко мне.

— Хочешь сока? — спросила она и протянула руку к бокалу на столике, притянула его голубой «плетью» и поднесла мне. — Я заметила, что ты предпочитаешь сок гуаши. Выпей, он очень полезный.

Рывком приподнявшись, я с наслаждением выпила сок. Действительно, сразу стало легче. Вернув бокал подскочившей ко мне Деларии, я со вздохом облегчения откинулась на подушки, которые она быстренько поправила. Амила продолжала поражать — смотрела на меня с почти материнской, вернее бабулиной, заботой, беспокоилась о моем здоровье.

Прочистив горло, я поблагодарила:

— Спасибо, Амила! Я тронута твоим вниманием, это так приятно...

— О, не обольщайся, Кайя! Йелли приказал мне присмотреть за тобой, — «успокоила» она, ехидно хмыкнув.

— Твоя жертва просто не оценима! — уныло похвалила я.

Тем не менее, настроение сразу вернулось: привычная свекровь-ведьма мне знакома, как с ней «обращаться», тоже приблизительно знаю. А вот ласковая и мягкая — как обезьяна с гранатой, не знаешь, когда и где подорвет.

Но Амила умеет удивлять. Она спрятала крылья, удобнее уселась в кресле и, сложив перед собой пальцы домиком, спросила:

— Кайя, полагаю, увидев нас, у тебя возникли вопросы?

— Вы не представляете, как много! — улыбнулась я грустно. — Ты вновь практически белая? — Затем вспомнила Ниола с белоснежными крыльями и добавила: — Ниол тоже изменился.

Загадочно улыбнувшись, идеально причесанная Амила неосознанно поправила белый локон, который вчера был серым, и совершенно без ехидства пояснила:

— Да, благодаря тебе! Нападение, смерть, предательство настолько сильно потрясли тебя, что спровоцировали третий переход.

— Но после второго перехода, наоборот, было легко, словно я заново родилась, а сейчас такое ощущение, что по мне слон потоптался.

— Я не знаю, кто такой слон. Дело в том, что ситуации бывают различные. Тогда погибла Лаиша. Умирая, шаазы выпускают всю свою магию. Да, девочка была слишком юной и еще не полностью созревшей, но даже она помогла тебе достаточно легко совершить переход и значительно расширить собственный резерв. К тому же, второй переход обычно бывает у детей в возрасте восьми-десяти лет. Их магия не столь сильна, а резерв невелик, поэтому тебе всего хватило.

— Но Йелли сказал, что для третьего перехода слишком рано и...

— Нет строго установленных временных перерывов. Есть средние значения, но у каждого рода они разнятся в зависимости от силы и многих других факторов. В твоем случае имеет место принудительное взросление. Магия защищала хозяйку от эмоционального выгорания, поэтому так скоро начался следующий этап взросления. Причем, за счет собственных сил, прилично оскудевших, когда ты неконтролируемым потоком вливала их в стену, защищая моего сына.

— А как тогда, если без сил и...

— Третий переход — это преддверие полного раскрытия и созревания магии, подготовка всех энергетических каналов, максимальное расширение резерва. Самый энергоемкий и сложный период! В этот момент внутри у леары все перестраивается, меняется, буквально заново рождается магия и происходит ее всплеск. У белых он столь силен, что может вызвать природные катастрофы. Остановить его невозможно — только удержать, закрыв куполом, что и делают родители или опекуны. И те, кто оказался рядом, особенно внутри купола, принимают часть всплеска на себя. Усваивают! В редких случаях, к примеру, если взрослеет сильная шааза, можно в процессе перехода расширить и собственный резерв. Или, как в нашем с Ниолом случае, вернуть утраченное.

— То есть, мы вместе «повзрослели» вчера? — пошутила я.

— Более чем, — улыбнулась Амила.

— И я тоже! — не утерпела похвастаться Делария, получив косой взгляд Амилы.

— Каким образом? — я посмотрела на свою «подопечную».

Ответила свекровь, под взглядом которой серокрылая опустила хитрые глазки и притихла:

— На моей памяти, подобное ни разу не случалось, наверное по той причине, что дураков привязывать черную к белой раньше не находилось.

— Я не совсем поняла, — нахохлилась я.

Делария, втянув голову в плечи, изображала немую и глухую — переживала за обретенную магию. Но исподтишка влюбленно поглядывала на свои посеревшие крылья, которые, несмотря на некоторое неудобство (сидела эта хитрюга на краешке стула), не спрятала.

— Твой неожиданный переход и ваша обоюдная связь спровоцировали первичный переход и у Деларии. Теперь она — полноценная шаа с собственным энергетическим резервом, правда пока с уровнем младенца. Но даже если ты разорвешь вашу связь, черной она больше не станет.

— И возможно, с твоим последним, четвертым, переходом я тоже стану полноценной, сильной серой, — восторженно выдохнула Делария, не в силах справиться с эмоциями.

Я улыбнулась бойкой шаа, порадовавшись, что ее мечты сбылись. Сбылись самым невероятным образом. Как в сказке!

— Если я позволю вам сохранить связь к тому моменту! — строго заявила Амила.

— Нет, только я решаю, как долго продлится наша связь! — не выдержала я. Это уже чересчур!

Делария сразу успокоилась, а Амила, кажется, ничуть не была задета моим «самоуправством», царственным жестом позволила:

— Не важно, в любом случае шаазату не помешает еще одна сильная серая леара. Тем более, ночью мы столько подданных потеряли из-за чужой глупости и жажды наживы. Мысли и действия моей свекрови непостижимы. Мало того, Делария пытается подражать ее манере держаться. Даже в кресле сидит точь-в-точь, как шааза, для чего ей все-таки пришлось втянуть свои драгоценные серые крылья. Забавно наблюдать, как бывшая ша стремится походить на шаазу, быть как она.

— Амила, неужели публичная казнь на площади была необходима? — спросила я глухо о том, что терзало меня, пока пикировалась с ней.

Шааза вскинулась, как перед дракой, но сдержалась, села ровнее и напряженно, с жаром ответила:

— Запомни! Здесь никто не терпит слабости. Слабость тебе никто не простит, не спустит, не пожалеет. Пока все видят, знают, что ты силен, — ты жив. И не просто небо коптишь, а живешь так, как хочешь и можешь! Если ты проявишь слабость — тебя сразу сожрут! А мы, род Арэнк, отвечаем за весь шаазат, за всех, доверивших нам свои жизни!

— Но шаазат — это лишь дворец и его...

— Глупая! — рыкнула Амила, вскакивая с кресла, затем потерла ладони, наверное, «успокаивала» магию, передумав хлестать меня плетьюми. — Ладно, шаа Фэй еще не успел тебе разъяснить основы. Шаазат — это не дворец! Дворец — главное представительство в Ларане! Это отражение нашего места в иерархии, мы — вторые и это видно всем и каждому! Шаазат включает в себя земли, множество богатых родов, которые возглавляют менее сильные леары, и отдельные семьи. Касается нас: Арэнк — не только название шаазата, это имя самого сильного рода, семьи эрата. Мы создали второй шаазат, он носит имя Арэнк несколько тысяч лет! Но если бы нас всех вчера убили, шаазат достался бы следующему, самому сильному леару. Возможно, Арэнку из другой ветви наследования. А может и нет! И тогда второй шаазат сменил бы имя и сразу же потерял позицию в иерархии Леарата. Ведь в Совет Девяти могут входить лишь те, кто серый не более чем на четверть. Но при этом шаазат сохранил бы все свои земли и богатства, только под управлением семьи другого, нового эрата!

— То есть шаазат — это такое специфическое территориальное образование, которое включает разные роды и семьи? А управляет и владеет всеми территориями только эрат?

— Да, почти так. Хотя территории, которые принадлежат одному шаазату, могут быть в совершенно разных частях Леарата. Управляют и владеют этими землями доверенные эрату леары — главы, которые свой пост и владения могут передавать по наследству. Но если кто-то из глав утратит доверие эрата, то запросто может лишиться всего.

Из сказанного бывшей «первой леди» следовало, что шаазаты — местные княжества, где князь-эрат — самый главный и может назначать и выделять земли всяким «баронам». И в случае чего лишать «баронства» неугодных.

— Я правильно поняла: вчера была попытка силовой смены власти? Раз эратом может стать любой, лишь бы магически сильный?

Гнев Амилы выдохся так же быстро, как и возник. Она глубоко вздохнула, сцепила тонкие изящные пальцы в перстнях и призналась, буквально исходя желчью и яростью:

— Вчера убили больше сорока наших шаа и ша. Обычные леары: горничные, кухарки, пара моих помощниц и портниха. Охрана дворца. Черных убивали, серых еще и выпивали перед нападением на нас. Убили одиноких и семейных... наших родственников, убивали тех, кто пытался поднять шум и тех, кто спал не на своем месте, выпив лишнего. А ведь все мы считали, что дом — наша надежнейшая защита! Но нашлись предатели, которые обманули и взломали защитные заклинания, пустили сюда врагов. Таких же отщепенцев, убийц, проклятых теперь даже своими родными!

— Что теперь с защитой? — хрипло спросила я, кровать перестала казаться уютным островком.

— Сын с Ниолом восстановили ее еще ночью, — успокоила меня Амила. — Твой всплеск энергии полностью очистил Йелли от магии хаоши и основательно прибавил сил нам всем. Даже исцеление прошло за мгновения. Затем я занялась тобой, а они решали насущные проблемы. Ночью подняли всех жителей дворца, каждый принес клятву крови в верности роду Арэнк и преданности шаазату. Утром у нас был список нападавших. Двадцать восемь из них были из шаазата Арэнк, еще тридцать один — из двух других шаазатов, третьего и четвертого. Керук и Тито без проволочек выдали нам преступников с их семьями.

— Прямо ударно поработали, — буркнула я.

— Да, — согласилась Амила, глядя мимо меня. Я заметила серые тени у нее под глазами и затаенную боль. — К полудню шаэр сам вызвался начать церемонию наказания и первых преступников и их семьи казнил лично...

— В назидание другим? — тихо спросила я, вспомнив ее горькие слова. — Чтобы неповадно было?

Амила наверняка устала и глаз с ночи не сомкнула, но виду не подавала — прекрасна и бодр; взглянула на меня красивыми голубыми глазами, чуть нахмурилась, но кивнула, пояснив:

— Такого хорошо организованного, многочисленного нападения не было уже лет триста. Время от времени убивали по одному, ну по двое, выдавая за несчастный случай или происки врагов из других стран. Разное случалось. Но открытые военные действия против высшего рода верховного шаазата — это переходит все границы!

— Йелли говорил, что Хтон — не главный, за ними кто-то стоит, — вспомнила я.

Амила расстроенно поморщилась и сухо пояснила:

— Точно пока неизвестно. Возможно, это был анклав заговорщиков. Всегда были, есть и будут серые, которые недовольны своим более низким положением в обществе.

Периодически эраты с помощью преданных подданных находят подобные тайные общества и уничтожают. У некоторых шаа жажда власти так горит, что в одном месте аж подгорает. Может быть, за ними стоит кто-то из белых. Но тому, кто вчера натравил на нас недовольных, хватило для обострения ситуации всего лишь ничьей белой шаазы.

Пришелицы из другого мира, которая неожиданно вошла во второй шаазат и может усилить род Арэнк!

— О-о-о... я виновата, что...

Амила вскинула руку, останавливая мое нытьё:

— Нет! Ты — следствие, причина — в другом! Раньше эратом мог стать исключительно белый шааз, но нас становится меньше, а магия слабеет. Сейчас уже больше половины шаазатов возглавляют большей частью серые эраты. Пройдет еще несколько столетий и белых, возможно, не останется вовсе. Но власти хочется всем! Белые шаазы грызутся за абсолютную власть. Чем меньше сильных конкурентов, тем выше положение эрата, ближе к Кристальному дворцу. Это значит: никаких ограничений, абсолютное всевластие! Серые эраты пока дерутся за лишние земли, богатства и сферы влияния, скорее, как апики и аяши, как торговцы. Большая часть земель и богатств именно у девяти верховных шаазатов, а значит — против нас постоянно плетутся интриги и козни более мелких соседей. В общем, белые гибнут часто. То от рук своих, то от серых. А рождаемся мы все реже, ведь встретить пару так сложно, а потерять магию, чтобы получить хоть одного наследника, так легко. Наша жизнь и уклад меняются незримо, но заметно нам, долгоживущим!

— Амила, вы с Ниолом теперь снова белые и можете завести еще одного ребенка, наверное,

— робко улыбнулась я, необдуманно «намекнув» на выход из ситуации.

Шааза застыла, словно эта идея ей в голову не приходила. Уголки ее рта дрогнули в намечающейся улыбке, но она так и не показалась.

— Возможно, мы решимся на это когда-нибудь. Но только в крайнем случае. Если с тобой что-то случится!

— А почему именно со мной? — воспротивилась я.

Амила глянула на меня холодно:

— Ты забрала верность Йелли, а значит, если тебя убьют, он не сможет получить наследника даже с помощью ритуала. Хотя истинные все равно друг без друга долго не живут. Энергетическую связь супругов слишком сложно разорвать, а многие и не хотят... А если с Йелли что-то случится, что станет со мной?

Амила подумала и добавила «приятных» ощущений:

— Кайя, тот, кто возглавлял заговорщиков, преследовал несколько целей. Повезет: разом обезглавит второй шаазат и сможет прибрать его к рукам. Не повезет... Видимо, рассчитывал покончить с тобой или Йелли. Если бы погибла ты, главная цель — обезглавить шаазат — все равно была бы достигнута. Йелли связан с тобой магией и верностью и умер бы довольно скоро. А мы... нам пришлось бы отдать всю магию в ритуале, чтобы родить еще одного наследника. В общем, если бы ты оказалась слабее, менее доброй, — Амила насмешливо улыбнулась, — или менее заинтересованной моим сыном, и не защитила бы его, то будущего у нас не было бы в любом случае. Но наш враг не учел тебя в своем раскладе — и просчитался. Ты не переживай, мы найдем его. Обязательно найдем, это дело жизни и чести!

— Уверена, у нас получится, — решила я подбодрить воинственную и конечно же расстроенную свекровь.

— Делария тебе поможет привести себя в порядок. Пока отдыхай. Все важное оставь на завтра, когда резерв восстановится.

— Хорошо, так и сделаю, — заверила я, в тайне радуясь, что свекровь собралась оставить меня в покое.

Амила осмотрела меня странным оценивающим взглядом, как если бы изменила мнение о чем-то, переосмыслила, затем, перевела его на Деларию и ушла. Даже моя мама не смогла бы так пройти! Даже не шла, а ступала, казалось, не касаясь пола. Смешно, но стоило закрыться за ней дверям, мы с экс-любовницей моего мужа одновременно облегченно выдохнули.

Глава 18

Зачем мне нужна тень и телевидение

— Тебе лучше встать и привести себя в порядок перед приходом супруга! — категорично заявила Делария, едва за Амилой двери закрылись. Мне дар речи на несколько секунд отказал, а она наставительно добавила: — Эрат не любит, когда женщина...

Преодолев чудовищную слабость, я села и ледяным тоном оборвала нахалку:

— Я больше чем уверена, ты даже представления не имеешь, что Йелли любит, а что нет!

Две недели ваших, хм-м... коротких контактов проходили явно не с целью общения на тему его жизненных предпочтений и интересов. Поэтому никогда не смей при мне его обсуждать или давать ценные советы, как себя вести с собственным мужем!

— Ты мало знаешь о...

Я одарила ее коронным папиным взглядом «еще слово — и ты труп». Подействовало! Затем решила расставить все точки над «ё» — мне одной ведьмы-командирши здесь за глаза хватает, чтобы позволить им плодиться на мою голову. Тем более, терпеть бывшую любовницу мужа. Эх, не ищу я легких путей. Должна же была ситуация с Машкой хоть чему-то научить, но, кажется, я вновь наступаю на одни и те же грабли, поэтому, взяв официальный холодный тон, заявила:

— Делария, давай сразу проясним важные условия наших взаимоотношений. Первое: я уже достаточно взрослая, чтобы самой отвечать за свою жизнь и решения. И командиры мне не нужны. Второе: так уж вышло, что главная в этом доме — я, хоть и под присмотром Амилы. Пока. Поэтому твои наставления мне точно не нужны! А если потребует совет, то я обязательно обращусь за ним... к более опытному.

Шаа слушала с прямой спиной, словно оскорбленная пружина, и сверлила меня возмущенным полнотонным взглядом. Единственное, что в ней не «посерело», — глаза. Они по-прежнему были очень яркими, раскосыми и красивыми.

— Хорошо, шааза, я поняла, — произнесла она глухо.

— Мне нужна спутница, которая ответит на вопросы, ответы на которые я не знаю, — продолжила я, смягчив строгий тон. — Помощница, в конце концов. Подруга, а не руководитель! Верная и надежная.

Делария заметно расслабилась, изящно оперлась локтем о подлокотник и веско заметила:

— В отличие от большинства служащих дворца, я дала расширенную клятву верности и преданности. Не только роду Арэнк, а тебе лично!

— Да-а-а?.. Когда это? — опешила я.

Почувствовав себя более сведущей и на шаг впереди, моя не состоявшаяся начальница не сдержала самодовольную ухмылку:

— Еще утром, когда тебя сюда перенесли из ваших разгромленных покоев. Шаазы, прежде чем уйти по делам, заставили меня поклясться, что твоя жизнь будет важнее моей. Поэтому твоё благополучие и жизнь теперь для меня на первом месте. Мы связаны не только магией, но и клятвой.

— Странно, что Амила позволила, — удивилась я. — Меня она вчера чуть не расчленила за раздачу магии направо и налево.

Делария нервно повела плечами и радостно сообщила:

— Ох, шааза Кайя, если бы не нападение, меня бы точно расчленили. А так повезло просто. Когда тебя сюда принесли, мне приказали заблокировать связь, но я — осталась серой!

Шаазы втроем посовещались недолго, затем приказа... сделали мне предложение, от которого никто бы в здравом уме не отказался. Так возвыситься...

— А как ты тут с утра оказалась? Так рано? — я подозрительно уставилась на нее.

Карьеристка с видом оскорбленной невинности закатила глаза, поморщилась и смущенно призналась:

— Я ночевала во дворце! Надеюсь с утра прийти к тебе и пробиться в помощницы.

— Пробиться? — удивилась я

От смущения шаа не осталось и следа. Эта всезнайка быстренько меня просветила по части леарских дворцовых традиций:

— Какая же ты наивная! Если бы не злосчастное нападение, с утра у твоих покоев толпились десятки шаа, чтобы попытаться возвыситься — получить при главной шаазе Арэнк теплое местечко, продвинуться в иерархии, улучшить положение и...

— Я поняла, спасибо, — вздохнула я, останавливая рассказчицу, а потом нервно уточнила.

— Значит, нам это еще предстоит?

Делария цвела и пахла от удовольствия:

— О, да! Завтра или послезавтра тебе придется объявить о наборе личной прислуги.

Портные, горничные, голоса шаазы и...

— Кто? Голоса? — Моему удивлению не было предела.

— Да, использовать повсеместно ледаю невозможно. Снежные вестники служат для связи с избранным кругом. Поэтому каждый эрат и его родные имеют «голоса». Это назначенный вестник, который выполняет личные распоряжения хозяина, призывает в назначенный час, или сообщает волю хозяина. Это очень важная должность, у голосов огромные полномочия, но таких служащих нужно выбирать очень осторожно. И клятву они дают не менее расширенную, чем тени.

— Тени? — устало уточнила я.

Делария хоть и улыбалась, но в ее глазах мелькнула неуверенность, когда она ответила:

— Да, тени. Те, кто всегда за спиной шаазы для любых задач и услуг. Тени никогда не предадут, они абсолютно верны! Хозяина с тенью связывают узы магии. Твоя тень — я! Ведь мы уже связаны магией, и мне позволили... назначили твоей тенью.

Я окинула девушку взглядом, действительно тень, серая, даже чересчур. Протянула ей руку, предложив:

— Хорошо, давай скрепим наш союз.

— Тебе пока нельзя делиться силой, — строго, как доктор больному, запретила Делария. — Ты сейчас пустая, как чернокрылая. Я же говорю, эрат заставил меня временно блокировать нашу связь, чтобы ты восстановилась быстрее.

Я с досадой шлепнула себя по лбу:

— Черт, совершенно вылетело из головы, что мое прикосновение может сорвать у других крышу от удовольствия.

— Ты так забавно, непривычно выражаешься! — по-девчоночьи хихикнула Делария и вернулась к наставлениям: — У серых от прикосновений эйфории не бывает. А вот черные, даже если рядом находятся, радуются и наслаждаются. Просто до этого ты была совсем, хм-м... юной, поэтому не особенно влияла. После четвертого перехода и полного раскрытия ты поймешь, насколько сильно действуешь на окружающих. Во дворце чернокрылые служат на нижних ярусах, чтобы, как ты сказала, крышу не рвало от счастья. Выше работают серые, причем, чем ближе к шаазам, тем светлее.

Откинув простыню, я поправила сбившуюся ночную сорочку, вспомнив, что вчера была в другой одежде, испорченной в бою. Оттолкнувшись от кровати, с трудом встала. Голова кружилась и очень хотелось есть. Голод последние месяцы меня постоянно преследовал и временами — нестерпимый.

— Я в ванную, а ты попроси, пожалуйста, накрыть нам стол, есть хочу.

— Нам? — осторожно переспросила Делария.

Она подалась ко мне, словно не верила тому, что слышит.

— Э-э-э... разве тебе нельзя есть со мной за одним столом? — поинтересовалась я.

— Можно, но это высшая степень доверия и благоволения, — уныло пояснила Делария, поняв, что я просто не знала очередных нюансов этикета.

Призадумавшись о благоволениях для бывшей любовницы моего мужа, ставшей моей тенью и магресициентом, я, твердо взглянув ей в глаза, поставила жесткое условие:

— Если ты никогда и ни при каких обстоятельствах не посягнешь на моего мужа и...

Делария фыркнула:

— Да нужна я ему, как шаазу шерстяная шапка апики в Кристальном дворце! Скажешь тоже. Я вообще удивляюсь, как мне смелости... да чего уж там, глупости хватило приблизиться к нему. И пережить эти две недели... только на одном упрямстве. Видимо, великие лары специально ненадолго забрали у меня разум, чтобы чуть позже одарить... тобой!

Я с улыбкой покачала головой: неужели кого-то можно наградить мной, вот рассмешила. Делария напомнила мне третью папину жену. Та блондинка любила весь мир, но особенно себя в нем. При этом была по-своему доброй, искренней, немного глуповатой, на бабушкин взгляд. Про таких на родине говорили со снисходительной улыбкой: «Прелесть какая дурочка!» А не зло шипели: «Ужас какая дура».

Тем временем «прелесть какая дурочка» решила уточнить:

— Шааза Кайя, можно спросить? — Я кивнула, обернувшись от двери в ванную. — Эрат такой... такой жуткий... в общем... не понимаю я: зачем? Зачем ты забрала у него верность? Ведь теперь тебе придется терпеть его близость... каждый день...

В ее голосе было столько страха и неприязни, что я замерла в изумлении. Странная мысль, что Йелли незаслуженно обидели, засвербела в душе, поэтому ответила, снисходительно усмехнувшись:

— Одна очень умная женщина из моего мира сказала: «Хранить верность — это достоинство, познать верность — это честь!»

[2]

Делария нисколько не прониклась классикой моей родины. Пожав плечами, она встала, направляясь ко мне:

— По мне, верность порой лишняя, а частенько и непосильная обязанность!

Я хотела уколоть ее и уже хотела выдать ироничное «фи», но вспомнила Игоря и Марию. Верность для него действительно оказалось непосильной обязанностью, поэтому промолчала. Открыла дверь в ванную и шагнула в более вычурное помещение, чем в наших

с Йелли покоях. Делария попыталась пройти вслед за мной. Я подняла руку, останавливая ее, и строго предупредила:

— Нет-нет, я привыкла заниматься столь интимными делами в одиночестве. Я ненадолго... постараюсь.

Плескалась я, наверное, полчаса, все-таки нет тут замечательных душевых и прочих банных прелестей. Но выходила довольная, благоухающая, чистенькая и зверски голодная. С улыбкой отметила, как Делария командовала шаа, накрывавшими стол на террасе. Если бы не темные волосы и серый наряд, можно было бы подумать, что передо мной клон Амилы. Увидев меня, русоволосые девушки почтительно закрывали лица, а потом поедали глазами, явно надеясь понравиться, зацепиться в моей памяти. Теперь понятно, для чего: все открыто и откровенно метят на лучшие места в леарском обществе, ну и вакансии вкусная открылась.

Утолив первый голод, отдав должное хорошей кухне и огромному выбору фруктов или овощей (пока не знаю, что из них что), я спросила у Деларии, евшей тоже с огромным удовольствием:

— Может расскажешь о себе? Как случилось, что ты решилась «постареть»?

Она поморщилась, вымученно улыбнулась, а потом немного наигранно откинувшись на спинку кресла, начала рассказывать:

— К сожалению, моя история мало чем интересна. Я сирота, родители погибли. Отец — под обвалом в шахтах, в Блаке, а мать... тоже погибла. Папу она любила больше, чем меня.

— Кажется, мама у Деларии совершила суицид. — В Ларане верховные шаазаты держат приюты для детей, вот там меня до двенадцати лет и воспитывали. Потом отправили на работу, сначала в одно место, потом в другое... В восемнадцать я попала в горничные в поместье рода Люверно; Хтон — младший брат наследника главы. Он показался мне тогда таким... таким умным, сильным, красивым, что просто забыла, кто он, а кто я. Я старалась, так сильно старалась, чтобы он заметил меня, выделил. Мечтала, чтобы полюбил. Ну и пусть бы я рано умерла, но тогда считала, что его любовь стоит всего на свете. Даже моей жизни.

— А он не оценил, — посочувствовала я.

— Он просто не замечал. — Делария отвернулась и грустно смотрела на светлячков, разгонявших наступающие сумерки. — Я крутилась изо всех сил: за четыре года пробилась в старшие горничные, потом — в личные помощницы хозяйки. Тогда он меня и заметил, на пару ночей. Забрал невинность, получил мои признания в любви — и выгнал взащей из своей спальни.

— И тогда...

— Было так больно, обидно, я не знала, что делать со своими чувствами и как отомстить или вернуть его внимание, и... совершила еще большую глупость! Задумала соблазнить эрата, чтобы стать богатой и важной! Хтон последнее время, как безумный, пробивался в личную охрану семьи Арэнк, поэтому я решила: сведу с ума шааза Йелли и попрошу его выгнать Хтона. И тогда он сам приползет просить у меня прощения и... милости. А я...

— А ты? — я подперла кулаком щеку, в сущности, зная о концовке истории, но решив, что лучше узнать из первых уст.

— О, я не только пустышка, о чем не раз говорил Хтон. Я вообще ничто! Мечтала соблазнить? Властвовать умами мужчин? Ха! Мне потребовалось четыре года, чтобы привлечь Хтона, а его внимания хватило на пару ночей. Эрат меня выкинул из кровати сразу же, как приبلудного тошика, когда я тайком пробралась в его покои впервые. Представь, сколько безрассудства и смелости нужно, чтобы решиться на связь с эратом. О нем ходит очень жуткая молва как суровом и очень жестком шаазе. Я лежала в его пустой кровати и тряслась от страха. А он лишь взглянул раз — и за шкуру прочь, на террасу... Потом я умоляла его оставить меня хоть ненадолго, наврала, что мне лары во сне это приказали. А кто из леаров рискнет не выполнить волю ларов? Я даже не думала, что эрат настолько силен и моих жизненных сил практически ни на что не хватит. Что он такой... холодный. Хотя... может это было наказание ларов за вранье.

— То есть, ваши отношения с Йелли...

— Наши несуществующие отношения завершились гораздо раньше, чем он встретил тебя, шааза. Просто я снова... наврала всем, что он увлечен мной и околдован. Вчера я с трудом

попала к нему в кабинет и попыталась добиться какой-нибудь должности во дворце. Он отказал. Я в ногах валялась, а он лишь деньги предложил в качестве подъемных — не захотел портить настроение жене. Так все глупо вышло, неправильно. Но меня будто кто в спину толкал, гадкий и дурной. Дергал за язык... Стыдно, но не исправить уже. Я наблюдала за Деларией. Рассказывая об особо грустных и неприглядных событиях, она явно играла веселую самоиронию, улыбалась, помогала себе жестами. Если бы я не жила с несколькими актрисами в одном доме почти всю сознательную жизнь, могла бы ошибиться в эмоциях этой леары. Но я четко видела, что веселости в ней ни на грош нет. Самобичевание — да, уязвленное самолюбие и гордость — да, стыд — с лихвой. Вот это актриса!

Я крутила бокал с соком в руках, откинувшись на кресло, внимательно слушая и разглядывая ее. А в голове появилась и неотступно свербела совершенно безумная идея. Что же, почему бы и нет? Чем не занятие для юной, по местным меркам, шаазы, когда все бразды правления находятся в руках гораздо более старшей?

— Чего ты хочешь от жизни? Только скажи хоть раз абсолютно честно! — предложила я Деларии, очень пристально вглядываясь в ее глаза.

И она не подвела:

— Быть известной... уважаемой... богатой...

— Короче, ты хочешь славы и денег? — хихикнула я.

— Можно и так сказать, — смутилась моя тень.

— В моем мире есть такой... вид искусства, деятельности — телевидение. Почти как ваша леда, только круглые сутки показывает интересные программы.

— Моих сил на ледаю не хватит, — приуныла она.

— А моих — да! — подняла я указательный палец вверх. — Мы сделаем тебя великой актрисой, звездой телевидения!

— Звездой... этого теловидения... зачем? — опасно уточнила она. — Может, не надо, я...

Я махнула рукой с досадой:

— В общем, создадим свой телек. Звезда у нас уже есть, осталось только выбрать интересный сюжет и набрать других актеров. А потом покажем всем жителям шаазата нашу постановку и...

— Ой, а что скажет шааза Амила? — всплеснув руками, забеспокоилась Делария.

Я постучала пальцами по столу — и решительно отмела любые «нет»:

— Это я беру на себя. А ты набери труппу леаров — десять мужчин и женщин. И найди здесь светлое, просторное помещение.

— Труппы? Целых десять штук? — вытаращилась она на меня.

Чуть не плюнув с досады, я пояснила, что представляет собой актерская труппа. Идея начала стремительно обрастать подробностями, а энтузиазм — фонтанировать. Делария прямо светилась от радости и робкого предвкушения.

— Только знаешь что, — встрепелась я. — для звезды у тебя имя длинное, давай сократим. К примеру, Делла тень Арэнк. Звучит?

Агатые глаза новоиспеченной Деллы заискрились ярче черных бриллиантов.

— Еще как звучит!

— Значит, завтра с тебя к полудню группа леаров, согласных играть в нашей постановке. И помещение! С меня — идеи и руководство...

В этот торжественный момент рождения в Мире телевидения и кино на террасе приземлился Йелли. Весь в белом. Наверное, как был на площади, так и не переодевался. Я замерла, во все глаза разглядывая мужа: высокий, стройный, буквально пронизанный силой и властью с головы до ног! Пока он шел к нам, спрятал крылья, перестав походить на ангела, но не потеряв и толики невероятно мощной ауры хозяина жизни.

Белые брюки и рубашка мягко облегают его мускулистое тело. Золотистая от загара кожа, блестящие белоснежные волосы и брови, удивительно прозрачные глаза, пронзительные, голубые. Сжатые в тонкую линию губы и глубокая, ярко выраженная ямочка на подбородке. Мой муж!

Белая прядка упала ему на лоб, прикрыв глаз; у меня руки зачесались, до чего захотелось убраться и еще — пожалеть, ведь я видела, какой ценой далось ему восстановление порядка не только в шаазате, но и в Леарате.

Делла сразу вскочила, закрыв лицо ладонью, затем глазами попросила у меня разрешения уйти и — сбежала, словно мышка от голодного кота.

— Не понимаю: зачем ты решила ее приблизить? Была возможность сразу все исправить, — спокойно, но с легкой досадой спросил Йелли, присаживаясь на освободившийся стул рядом со мной.

Я пожала плечами, устроилась поудобнее, подобрав ступни под себя, и предложила:

— Будешь ужинать?

— Нет, я только что поел с родителями. Они сказали, что ты сейчас отдыхаешь, приходишь в себя.

Йелли устал, очень заметно устал. Темные круги еще сильнее подчеркнули слишком светлые глаза, придав им опасного блеска. Но мне больше не страшно. Наоборот, в очередной раз чуть не умерев, я решила брать от жизни все и по полной, не откладывая на потом. А то ведь может и не случиться. Муж сел напротив, внимательно, чуть сощурившись, прошелся по моей фигуре. Криво усмехнулся и похлопал по своим коленям:

— Иди ко мне!

Я хмыкнула, подалась вперед и, положив локти на стол, с некоторой веселой иронией спросила:

— Знаешь, твоя ситуация выглядит немного странно.

— Какая именно? — удивился он.

— Для моего бывшего мира более чем странно, когда взрослый мужчина живет с родителями. И предпочитает ужинать с ними, а не с молодой женой... Там бы такого посчитали незрелым маменькиным сынком!

Йелли весело расхохотался, запрокинув голову, и потом, кажется несколько не обидевшись, ответил:

— К счастью, в нашем мире мы живем родами. У нас принято совместное проживание сразу нескольких семей. Если откровенно, то мама выразила опасение, что после казни ты могла решить, будто я чудовище и попытаться сбежать. Она просила дать тебе время успокоиться и... забыть об этом.

Я поморщилась, вновь откидываясь на спинку кресла, в котором уютненько уселась, согнув ноги в коленях, словно отгораживаясь от проблем. Но ответила честно:

— Йелли, я слишком мало знаю об этом мире, однако успела убедиться, что он не так прост и хорош, как хочется. К тому же, была с тобой ночью и помню... знаю, что вас... нас предали. — Закусила губу от волнения, а потом призналась: — Я, если тоже откровенно, рада, что подобные решения и вопросы лежат не на мне. Могу лишь посочувствовать тебе. Арэнк молча смотрел на меня, как и на совете, когда я увидела его впервые; так же, как его мать, сложив пальцы домиком перед собой. А потом неожиданно глухо спросил:

— Почему ты спасла меня? Ведь могла сбежать? Или еще что-то придумать? Я заметил, что фантазия у тебя богатая и самобытная. Думаю, могло бы получиться...

Я машинально выпрямилась. Не обиделась на него, нет, ведь не раз и не два рассматривала вариант побега, — ощутила в хриловатом, будто простуженном, бесстрастном голосе Йелли нотку заинтересованности, надежды, тайной, глубоко спрятанной. Но улыбнуться не решилась, зато ответила максимально откровенно, ведь мы впервые наедине беседовали по душам:

— Я не могла бросить чел... того, кто ценой своей жизни меня защищал. Больше того, когда ты проснулся, наверняка почуяв опасность, первым делом вытолкнул меня из-под удара.

— Не обольщайся, Кайя! Первым делом я подумал о тебе по той причине, что ты — будущее моего шаазата. Без тебя все остальное уже не имело бы смысла!

— Ты правда так думаешь? Совершенно искренне? — горько улыбнулась я. — А мне кажется, что во сне человек... леар за долю секунды не может думать рационально — действует на инстинктах. Ты рефлекторно сначала позаботился о моей жизни, о женщине рядом с собой, а потом уже подумал о себе и шаазате.

— Откуда ты знаешь?! — хмыкнул муж.

— Не знаю, могу лишь догадываться, что в той ситуации по-другому ты поступить не мог, — я настояла на своем.

Мы посидели молча пару минут, разглядывая друг друга. В глазах Йелли затеплился хороший интерес, прогнав ледяной, бездушный холод, и та самая надежда, которую он, несомненно, скрывал и не собирался кому-либо выдавать. Я умею видеть сквозь маски, опыт большой.

— Может поделишься, о чем ты грустишь сейчас? — нарушил хрупкую тишину Йелли.

— Может, о моем вынужденном браке? Не по любви. — Я рисовала пальцем по мраморно-белой столешнице, искоса глядя на него.

— Знаешь, Кайя, в нашем мире очень высока цена за счастье. Поверь, твоя цена за безопасную и благополучную жизнь не очень высокая. Всего лишь быть моей женой, — муж иронично улыбнулся уголками губ.

— Скажи, Йелли, я тебе хотя бы нравлюсь? Как женщина? — решила я на важный вопрос.

— Более чем! — До чего бесит его безэмоциональный ответ и неподвижная фигура! Сухарь!

— Твое красноречие меня порой поражает. Ты бываешь таким убедительным.

Он усмехнулся, неожиданно тепло и по-дружески:

— Я рад, что ты оценила мои старания. Идем спать, я слишком устал сегодня, чтобы вести длинные дискуссии. Хвала ларам, у нас для этого еще много времени.

Йелли встал и легко поднял меня на руки. Бережно уложил на кровать и присел рядом. Мы вновь смотрели в глаза друг другу: я — настороженно, опасаясь, что вот сейчас меня поставят перед фактом обязательного обмена сокровенными жидкостями, а он — просто рассматривал мое лицо, наверное.

Я тяжело вздохнула, в душе прекрасно понимая, что необходимо закрепить связь. Иначе мы оба будем по лезвию бритвы ходить. Не хочется повторения прошлой ночи. С другой стороны, вот как вынужденно переспать с вполне законным мужем, но пока еще практически незнакомцем? Внутри все переворачивалось.

А Йелли смотрел, проникая мне в душу, читая сомнения, впаиваясь в мои чувства, ощущения, завладевая мыслями. Затем с понимающей, даже немного грустной улыбкой произнес:

— Успокойся, сладкая, сегодня ты пустая, как ша, а завершение связи требует полного обмена энергией.

Простите меня, лары, но я не сдержала облегченного выдоха. Он покачал головой, еще шире улыбаясь.

— Это не из-за тебя, — поспешила я успокоить его самолюбие и гордость. — Просто обязательные постельные игрища это... сложно.

— Игрища? — белые брови взлетели на лоб, а потом он меня добил. — Да ты шалунья!

Я было нахмурилась, но Йелли осторожно погладил меня по волосам, затем обхватил лицо ладонями и медленно, предоставив возможность отстраниться или отвернуться, наклонился и поцеловал. Не спеша, мягко, лаская каждый миллиметр моих губ, проник внутрь и углубил поцелуй. Не знаю, в какой момент я расслабилась полностью, растворилась в этом поцелуе, горячей волной побежавшем по моим венам. Йелли творил свое волшебство, ласкал мои губы своими, а руками знакомился с моим телом, заставляя его просыпаться, откликаться на прикосновения. Тянуться за ними...

— Нам будет хорошо вдвоем. Поверь! Я понял это сразу, как увидел тебя в Зале Совета, с первого взгляда, — хрипло, напряженно выдохнул Йелли, неожиданно прервав волшебный поцелуй.

— Ты решил отдать за меня шахты до того, как узнал, что я твоя истинная, или после? — прошептала я, отчаянно желая получить заветный ответ.

— До, — не задумываясь порадовал Йелли. И едва все не испортил, ухмыльнувшись, как бандит с большой дороги: — Когда я увидел знак избранности, то отдал бы за тебя и больше. Хорошо, что никто его не заметил!

После недолгих размышлений «финансовые» откровения мужа пришлось мне по душе.

Если восемь советников и самых богатых леаров страны сочли, что шахты Блак —

огромная цена за невесту, значит я ему действительно очень понравилась. Во всех отношениях.

Последовавшее затем раздевание Йелли я восприняла как короткий стриптиз и во всю любовалась представлением. И даже не сопротивлялась, когда, улегшись рядом, он по-хозяйски притянул меня к себе под бок.

Глава 19

Единение

Розовый утренний свет Комка мягко пробрался под ресницы, заставляя проснуться. Открыв глаза, я сладко потянулась, всем телом ощущая что-то новое в себе, словно избавилась от тяжести целого мира. Усевшись на постели, огляделась и заинтересовалась еще спавшим рядом Йелли. Мой атлетически сложенный, большой мужчина вольно раскинулся на огромной кровати. Загорелая кожа на фоне белых простыней, чуть согнутая нога и такое истинно мужское узкое колено, переходящее в мускулистое бедро. Я не могла оторвать взгляд от красивой фигуры мужа, едва прикрытого простыней, а мое сердце ускоряло бег. Йелли тихо посапывал, лежа на спине, отвернувшись от меня, дав возможность беззастенчиво, неторопливо, подробно изучить его. Более острое ухо, чем привычно землянам. Необычайно белые растрепанные волосы, блестящие в утреннем свете подобно снегу. Такие же искрящиеся белизной брови и ресницы. Резкие скулы и чуть впалые щеки. Машинально протянула руку и, едва дыша, осторожно поправила прядку на высоком лбу, чтобы не лезла в глаза. До зуда в пальцах хотелось коснуться его золотистой гладкой груди, но остановилась, не решаясь. Ведь муж может проснуться, и тогда мое прикосновение послужит толчком, знаком к переходу на новый уровень. Отдернула руку, чтобы не передумать, и тихонько встала, прислушиваясь к звукам раннего утра и своим ощущениям. Почему-то сейчас тонкая нежная ткань леарской «пижамы» ощущается особенно остро, касаясь вершинок груди, раздражая кожу, даже не так — скользит по коже, словно легкое прикосновение чужих пальцев. Наваждение какое-то!

Упрямо мотнув головой и потеряв лицо, я направилась в ванную. Да, воды вдоволь, еще бы самый обычный душ. Хотя... леары магичат с водой — вот бы направить ее вверх и постоять под освежающими струями. А пока, вымывшись в «полупоходных» условиях, я надела оставленный с вечера горничной наряд цвета свежей зелени. Топ и шаровары идеально сели, новые мюли порадовали тонкой кожей, мягко обнявшей стопу. Привычно собрала волосы в высокий хвост, закрепив на макушке красивой изумрудной заколкой, подаренной Амилой. Единственным моим украшением. Даже немного расстроилась их отсутствием. Поразмыслив, пристыдила себя: будет время — будут и радости. Какие мои годы?

Муж по-прежнему спал, а я, налив себе в стакан сока, вышла на террасу насладиться рассветом. Горы-исполины быстро окрашивались в розовый свет, который заливал все вокруг, спускаясь в долину, к неспешно просыпавшейся зеленой, благодатной Ларане. Кристальный дворец на вершине буквально искрил, словно розовый бриллиант, — невероятное зрелище! К нижним ярусам дворцов на работу спешили серые и чернокрылые. Только мне почему-то было неуютно и одиноко, хоть и чувствовала себя прекрасно физически, в отличие от вчерашнего убийственного состояния «старая кляча». Не знаю, сколько я так простояла, любуясь неповторимым ларанским восходом, зябко обняв себя за плечи и печально вздыхая. Вдруг на мои руки легли крепкие мужские ладони — и мне в собственном теле стало тесно и жарко. Хотелось выплеснуться, согреть собой все вокруг, заполнить.

— Снова грустишь? — сипло со сна прозвучал голос Йелли у меня над головой.

Жар его тела, а может и магии, с которой я связана божественными узами, словно коконом окутывает меня, горяча кровь, заставляя ее бежать быстрее. Бодря и вызывая томительно

чувственную жажду! Боги, ему даже не надо прикасаться ко мне, просто подойти — и я начинаю думать только о нем и ощущать его кожей. Моя сила действительно полностью восстановилась, раз так ярко и остро откликается на свою идеальную пару. Но... нужно быть честной самой с собой: я очень сомневаюсь, что это только магия неодолимо влечет, притягивает меня к мужу.

Обернувшись, я посмотрела ему в лицо:

— Да, немного. Доброе утро. Ваш мир такой необычный и по-своему красивый!

— Доброе...

Вместо обычных кожаных штанов, муж надел легкие свободные, которые низко сидели, точнее держались на внушительном «честном слове». Да-а-а... Одно дело — видеть этого великолепного мужчину спящим, отстраненным, другое — смотреть на полуобнаженного, слишком горячего и сверлящего меня внимательным взглядом. Я смутилась и без резких движений, словно ничего «такого» не испытала, не видела, отвернулась и постаралась дышать спокойно, чтобы унять не согласившееся со мной сердце. Черт! Не девственница уже, и с Игорем у нас был довольно страстный секс, но впервые чувствовала себя неопытной, стыдливой девчонкой.

Затылком почувствовала, как мой великовозрастный и чересчур опытный муж насмешливо хмыкнул — все подметил! В следующую секунду он сдвинул ткань на моих плечах и начал медленно массировать, мягко, но настойчиво. Ловкие горячие пальцы пробежались по моей шее, ключицам, затем недвусмысленно забрались под топ, приласкали мою грудь. И опять, как в храме, золотистое облако полностью накрыло нас, сияло и переливалось, играло со светом Комка и нашей магией, приятно покалывая кожу, призывая... обещая...

Я всей спиной и ягодицами ощутила, как Йелли придвинулся и готов хоть сейчас! И вот, вроде, я тоже готова отдаться его молчаливому чувственному напору, но вот обязаловка-ради-жизни мерзко засвербела в душе, мешая наслаждаться.

— Ты привыкнешь, я уверен.

— А?.. — я не сразу поняла, о чем речь, но, вспомнив про красоты Леарата, немного хрипло мурлыкнула: — Наверное, уже привыкла. Им невозможно не восхищаться.

Йелли начал поглаживать мои предплечья, его длинные красивые пальцы спустились к локтям, оставляя на коже возбужденные мурашки, затем неожиданно перебрались на живот... Муж довольно выдохнул мне в макушку, когда мои мышцы непроизвольно «испуганно» поджались, пытаясь отстраниться от горячей мужской ладони. Очередной насмешливо снисходительный «хмык» — и его руки медленно, словно крадущиеся хищники, передвинулись на мои бедра, подобрались к сокровенному местечку, вызывая у меня горячий внутренний отклик. Напряжение от неумолимой развязки росло...

— У тебя были мужчины... до меня? — Йелли ошеломил неожиданным вопросом, вырывая из чувственного плена своих рук и неги золотистого сияния.

Я облизала губы. Наверное, он заметил это неумолимое движение, развернул меня к себе, поднял мой подбородок, чтобы видеть глаза. Я сглотнула; кажется, ситуация становится еще более интимной и... непростой, чем ожидала. Совмещать секс и беседовать по душам — это слишком много. Ответила честно, ведь спросил мой муж навеки, да и скрывать особенно нечего:

— Да, один.

Голубые глаза Йелли потемнели, мне показалось, от удовольствия. Его рука застыла на моем животе, а второй он не давал мне отвернуться.

— Твой муж из другого мира? Ты страдаешь из-за него?

Я досадливо поморщилась: в сущности, я много страдала здесь из-за него, но не о нем печалилась. И спокойно пояснила:

— Нет, Игорь был моим женихом, а не мужем. В последнее время наши отношения изменились, и сюда я попала из-за его измены. Погибла для своего мира, как бы чудовищно это не звучало.

— Измены? — Йелли едва заметно нахмурился, быстро окинул меня цепким взглядом, словно оценивал заново.

Пришлось рассказать все, как было. А было стыдно, горько и неловко. Еще объяснила в общих чертах, что такое самолеты и парашюты, как они выглядят. И кто мой отец, и чем он занимается, и кто моя мать, и даже сколько было жен после нее. Рассказ вышел длинным,

хоть и с кратким изложением фактов, но мы не сдвинулись с места, так и стояли, будто прилипли друг к другу. Я стрункой вытянулась вдоль его тела, глядя ему в глаза. — Значит, вот откуда твоё условие про верность?! — сухо подвел итог Йелли, выпуская меня из рук, давая призрачное ощущение свободы. — У отца девять жен, а избранник предпочел другую.

— Да, — с грустью призналась я. — Не хочу умереть и в этом мире, потому что моему мужу одной жены будет мало. Или, потому что встретит более красивую, идеальную, страстную...

Йелли мотнул головой и остановил меня, коснувшись пальцами губ. Мы вновь замерли, глядя друг на друга: высокий сильный мужчина и хрупкая уязвимая женщина. Никогда раньше я не ощущала себя такой маленькой и ранимой. Но и более защищенной, чем сейчас, никогда себя не чувствовала. Голос мужа звучал глухо, но настойчиво:

— Не в нашем случае, поверь! Думаю, ты уже успела разобраться, что у нас можно безоговорочно доверять только небольшому кругу близких, помимо родителей и пары, с кем связан магией и кровью. Встретить избранную — это для редких счастливчиков и порой кажется недостижимой мечтой. Особенно для таких, как мы, — белых! Представь, что я испытал, когда увидел тебя на Совете.

— О... я могу только догадываться, — хрипло ответила я — горло перехватило от эмоций. Йелли жадно следил взглядом за моими губами, а когда я замолчала, нежно погладил их пальцем и продолжил, глядя мне в глаза:

— Мы занимались самыми обычными делами, привычно ругались из-за очередной ерунды. Тут врывается голос шаэра и отвлекает его от «важного» занятия. — Слово «важного» было сказано с таким сарказмом, что стало весело. — Потом мы увидели тебя. Знаешь, я наблюдал за тобой все время. Да, новость об одинокой шаазе из другого мира поразила всех, но тогда я думал о другом. Белокрылая леара... избалована с рождения. В нас с молоком матери вкладывают чувство исключительности, избранности и вседозволенности. Магия дает нам красоту, силу, власть...

— ...а тут я — сероволосая и не идеальная, с двумя переходами, — подытожила я, спрятав за усмешкой досаду.

Йелли улыбнулся неожиданно мягко:

— Нет, я увидел совершенно необычную шаазу. Наши похожи на белоснежные сверкающие горные вершины, недоступные и холодные. Ты не идеальна, как истинная шааза, но гораздо более яркая, непосредственная, обаятельная — живая! И так похожа на маленький комочек — само средоточие жизни. Она так ярко горит в тебе, что это отметили все на Совете. И каждый захотел тебя в свой род! Горячий комочек чувств и жизни может согреть гораздо лучше, чем любая снежная вершина.

Наверняка я расплылась в глупейшей улыбке:

— Ты меня поэтому захотел?

— Да, захотел присвоить твой внутренний огонь, твою жажду жизни, неиссякаемый источник эмоций. Я устал от смертей, мне просто хочется жить, — непривычно покорно вздохнул Йелли и добавил, — тем более, когда понял, кто ты для меня!

— И что теперь? — шепнула я с горячей надеждой на новые признания и чувства.

Муж притянул меня к себе, склонился и ткнулся носом в мою макушку, одной рукой прижал за плечи к своей груди, а второй — скользнул под одежду и начал ласкать мою грудь, хрипло шепча мне на ухо:

— Теперь все будет хорошо!..

— Нас могут увидеть... — я не менее хрипло попыталась остановить откровенное соблазнение.

— Пойдем в покои, — скрипучим, полным желания голосом предложил муж, отпустив мои плечи, твердо, собственнически, нетерпеливо сжимая мои бедра и ягодицы, сминая ткань и прижимая к своему возбужденному телу.

— Я... — даже не знала о чем хотела сказать, растерявшись от быстрого перехода от признаний и откровений к интиму.

Йелли вновь резко развернул меня к себе и под моим ошарашенным взглядом создал ледяной кирпич. Поставил меня на него, чтобы повыше была, наверное. Его потемневшие глаза горели яростным голубым огнем.

— Два дня, которые я тебе дал на привыкание, прошли. Теперь ты моя целиком! — выдохнул он мне в губы, жадно целуя.

— Да, но я думала, что...

Возможно, все бы свершилось здесь и сейчас, потому что от вкуса его губ, собственного напора и жара во мне все бурлило от желания, но совершенно неожиданно Йелли решил проявить красноречие, так сказать. Видимо, чтобы уговорить неуступчивую шаазу на обмен сокровенными жидкостями для завершения связи. Будь оно все не ладно! Обнял мое лицо ладонями и, покрывая его поцелуями, обещал:

— Утро потратим на себя. Потом ты будешь нужна в наших покоях, там делают ремонт, и ты выскажешь свои пожелания. У тебя другие цветовые предпочтения. Заодно покажу твою сокровищницу. Она полна драгоценных украшений, камней для нарядов и...

— Прямо бесит! — выпалила я, с трудом отстраняясь от мужа.

Он замер и недоуменно переспросил:

— Что тебя бесит?

Я с досадой поморщилась, признаваясь:

— Что попала в ситуацию, когда меня уговаривают на секс с помощью сокровищницы. Это так пошло и продажно звучит... хоть от этого и зависят наши жизни. Ненавижу подобные вещи.

Йелли выпрямился, сразу став таким громадным и ледяным, а затем с глухой яростью выдал:

— Кайя, я тебя уже почти ненавижу, хотя никогда ранее не испытывал столь сильных чувств!

— За что? — опешила я.

— За то, что должен стоять тут и упрашивать собственную жену на тот самый секс. Была бы возможность, я бы тебе лет сто на раздумья дал! — прохрипел он и добавил с горькой иронией: — Видно, мироздание пошутило, определив мне в идеальную пару нытика!

— Да ты только что меня сам комком жизни называл! — возмутилась я.

— Да, комок вечного нытья и жалоб! — рыкнул Йелли, потом, подняв глаза к небу, выдохнул: — О, лары, чем я мог вас настолько прогневить?

— Может, все-таки надо было плюнуть на алтарь? А ты пожадничал? — съязвила я.

— Надо было тебя еще там, на алтаре... только я не насильник! — прошипел он.

— Да ты... знаешь кто ты? Иди ты знаешь куда...

— Иду! — Йелли мгновенно закинул меня на плечо и, звонко хлопнув по заднице бодро направился прочь с террасы.

— Отпусти! — завопила я. — Куда ты меня тащишь?

— Куда надо! — рявкнул Йелли. Открыл дверь и добавил мстительно: — Дам тебе новый повод для нытья и страданий! Можешь беситься сколько угодно.

Я колотила его по спине, отмечая, что мы идем, хорошо так отсвечивая «избранностью» — считай, незавершенной связью, — по общему коридору. Стены кое-где еще пестрят выбоинами — последствия боя. А когда увидела ошарашенного Алела, который тенью устремился за нами, то тайком щипалась и пыталась улыбаться, изображая игрища с мужем. Ууу... ненавижу-у...

Арэнк вошел в соседние покои, рыком выгнал темно-серых шаа, наводивших порядок в наших разгромленных комнатах. И, не останавливаясь, напрямик двинулся в огромную гардеробную. Там уже красовались мои новенькие разноцветные наряды, которые успели пошить и развесили, и кое-что разложили на полках. Не успела порадоваться такой оперативности местных модельеров и швей, Йелли без церемоний поставил меня на ноги у какой-то двери, схватил за руку и, приложив ладонь к этой двери, произнес фразу на леарском, а значит — тарабарщину вроде «сезам, откройся».

Через секунду дверь сама распахнулась. Большое помещение сразу залил яркий свет, напомнив о современных системах освещения на родине. Неужели?! Под впечатлением от этого я прошла внутрь, окидывая взглядом множество полок вдоль стен, заставленных сотнями коробочек и бархатных подложек, заполненных драгоценностями и целыми горками сверкающих камней всех цветов. В центре сверкало гарнитурами потрясающей красоты несколько выставочных «грибов». Меня действительно принесли в сокровищницу.

— Обалдеть! — выдохнула я восхищенно. — Как ты это сделал?

— Это не я, — усмехнулся довольный произведенным эффектом владелец сокровищ. — Это еще мои предки и родители собирали...

— Я про освещение! — нетерпеливо махнула рукой, осматривая потолок и стены. — Как ты его таким ярким сделал? Здесь есть лампочки? Неужели электричество?

Молчание Йелли насторожило. Обернувшись и отметив его нехороший многозначительный прищур, я моментально нарисовала виноватую улыбку и предложила:

— Ладно, я же понимаю, что у мужчины могут быть свои секреты. Может когда-нибудь расскажешь...

Йелли тряхнул головой, как необъезженный конь гривой, глядя на седло, и проскрежетал, явно с трудом сдерживаясь от крепких выражений:

— Переодевайся, если надо! У тебя сегодня слишком много дел. — Он уже развернулся, в два шага оказавшись у двери, но остановился на пару мгновений и ядовито процедил: — Это теперь твоя сокровищница. Пользуйся... когда светом насладишься!

— Спасибо... — пролепетала уже в пустой дверной проем, чувствуя себя неловко, потоптавшись по мужскому эго!

Мужик явно на пределе! Сама-то хороша? Он старался: сокровищница для «любимого» нытика! Готовился... Впечатление производил! А тут я — непредсказуемая до неприличия — полцарства за лампочку. Попала пальцем в небо...

Я еще раз внимательно огляделась, уныло размышляя, как неудобно получилось. Мне вон сокровища к ногам бросают, а я — про электричество. Ну просто на миг почудилось, что включился свет, как в моей бывшей гардеробной автоматически загорался при открытии двери, ведь это означало бы огромный прогресс в средневековом мире. А пока всего лишь четыре «шаровые молнии», сгустка магии, по углам сокровищницы, то есть, никаких электрических чудес: все, по-прежнему, работает на простейшей магии. Жизнь полна разочарований!

Посмотревшись в узкое овальное зеркало, сиротливо стоящее в углу великолепной, богатой сокровищницы, я не согласилась с мнением мужа: «Нытик значит? Ладно, посмотрим!» Помнится, бабушка не раз предупреждала, что только юные глупышки думают, что парней можно бесконечно доводить до кипения, и те, как сказочные рыцари, будут терпеливо сносить капризы и «милые» выходки. Щцаззз...

До сегодняшнего дня нытиком меня еще не называли — вот что бесит! Теперь мои глаза отразили не унылую горечь, а фиалковый вызов. Дальше о насущном: зеленую «пижаму» нужно сменить на... к примеру, двойку из сиреневого шелка, которую заметила в гардеробной. Нежный сиреневый мне будет к лицу, сделает мои глаза еще ярче. Я внимательно осмотрела «грибы», прошла вдоль полок и выбрала гарнитур с изящным и невероятно сложным плетением, с камешками, похожими на аметисты. Широкое ожерелье прикрыло декольте, одарив тяжелой прохладой. Длинные серьги, похожие на гроздь темного винограда, подчеркнули длинную стройную шею. Волосы я завязала узлом с помощью шпилек, украшенных такими же фиолетовыми камешками, выпустив несколько прядок. В довершение, «аметистовые» браслеты гармонировали с голубым брачным. В огромной гардеробной я прошла вдоль внушительного количества полок (в моей бывшей их было значительно меньше) выбрала нужный наряд и сбросила зеленый. Осталось найти подходящее белье — и в этот момент Йелли угораздило вернуться! Неужели, не все «комплименты» высказал! Быстро вошел в комнату и, увидев меня, встал как вкопанный. Влажные волосы, распахнутая жилетка — он мылся и переодевался в наших покоях.

Полыхнувший жадным, нет, жаждущим огнем взгляд Йелли прикипел к моему телу — скользил по груди, пробежался по длинным ногам и замер у моих бедер, словно не в силах оторваться. Я тоже замерла изваянием: жар, с которым мужчина меня осматривал, сделал со мной гораздо больше, чем любые слова. С подобным голодом на кого-нибудь не смотрят, нет. Так смотрят только на того, кого желают всем существом!

— А я вот... — пролепетала, робко коснувшись ожерелья.

Голубые глаза Йелли ярко вспыхнули, высоко оценив мое «одетое» исключительно в драгоценности «вот». Из него будто хищник вырвался наружу, голодный и оттого неуправляемый и беспощадный. Слав голода, восторга, неверия и желания... Полная капитуляция и феерия победы сияли в его глазах, как если бы он знал, что именно таким

будет этот миг! Сотни и сотни раз пережил его в своем воображении, и вот сейчас — реальность сокрушила, в миллионы раз превзойдя самые заветные ожидания. Хищник подобрался ближе, в глубине его расширенных зрачков в этот миг я увидела себя: растерянную, но тоже желающую. Чем еще больше раззадорила моего леара. Медленно выдохнула и судорожно, будто воздух вокруг вдруг стал раскаленным и вязким, вдохнула. Черные зрачки почти полностью заполнили голубую радужку, когда Йелли увидел, как дернулась моя грудь, — я пыталась глотнуть хоть капельку воздуха.

Бывают мгновения, когда перед глазами проносится жизнь, когда дух захватывает от невероятных ощущений, когда эмоции зашкаливают, а грудь стискивает и не хватает воздуха. Мгновения, которые невозможно забыть. Вот и этот голодный, буквально пожирающий меня мужской взгляд, я никогда не смогу забыть. Не захочу. Всей своей женской сутью почувствовала: вот она — черта, за которой пропасть. И мы на бесконечно краткий миг замерли на краю, еще балансируя, но уже понимая: падение неизбежно. Этот шквал не сдержать. Такая бешеная страсть и оголенные чувства бушевали во взгляде Йелли. Он стиснул побелевшие кулаки, за его спиной взмыли вверх, выдавая потерю контроля огромные крылья.

«Как хорошо, что здесь просторно», — мелькнула у меня совершенно неуместная мысль, когда я в трансе моментально вспыхнувшего желания сделала шаг навстречу крылатому герою. Настоящая женщина всегда знает, когда отступать бесполезно. Бешено вздымавшаяся между полами жилетки мужская грудь, хриплое дыхание, раздувающиеся крылья носа и умопомрачительный взгляд, которым, казалось, он вобрал меня полностью — все кричало, что этот миг настал.

Йелли тоже скользнул вперед. Я сделала еще шаг. Он повел плечами, убирая крылья, одним махом сорвал с себя жилетку и штаны, жалобно «пискнувшие» в полной тишине. В следующее мгновение мы соприкоснулись телами, едва ли осознавая реальность. А дальше, словно время остановилось, разум покинул обоих.

Медленно, как в трансе, Йелли легонько сжал мою грудь и огладил вершинки пальцами. Его глаза вспыхнули, как сверхновая звезда при рождении, от его рук по моей коже мурашками побежало золотистое сияние. Длинные сильные пальцы нежно скользили по моей молочной полной груди. Затем резкий рывок на себя — и мы будто спаяны навечно. Мои губы накрыли жадные мужские; язык Йелли, воспользовавшись моим сбившимся дыханием, двигался так же напористо, как и его рука, скользнувшая между моих бедер. Я всхлипнула от удовольствия. Мужской томительный вздох — влажное скольжение языка, уверенно покорявшего мой. Дерзкая ласка груди — и Йелли отступил, позволив мне перевести дыхание, а самому полюбоваться, и снова накинута с еще большим голодом и напором...

Он был порывист и даже резок, изначально стремясь оказаться как можно глубже, коснуться источника моих самых чувственных ощущений. В такие мгновения я словно взлетала, тело выгибалось дугой, не желая его отпускать, руки, которыми я терзала его спину, требуя не медлить, сжимались в кулаки. И он слушал мои безмолвные приказы. Ощутив спиной стену, я обняла его талию ногами. Мой крик удовольствия совпал с мужским рыком. В глазах мелькало от переизбытка ощущений. Йелли продолжал страстно целовать меня, словно упивался вкусом моих губ, сминая их так же яростно, как и двигался. Кажется, не существовало ничего, кроме ощущения нашего яростного движения, нашего страстного сумасшедшего танца. Впиваясь пальцами в его спину, я стонала, умоляя не останавливаться, не могла насытиться. Меня душил чистый чувственный восторг и экстаз, грозя затопить сознание безумием удовлетворения.

И наконец, это случилось — в очередной раз встретив его движение, я сорвалась за грань контроля над своим телом, поймав в ловушку страсти своего мужчину. Давление моего тела стало последней каплей для Йелли!..

— Животное! — восторженно прохрипела я на русском после того, как стих его удовлетворенный рев.

Такого накала эмоций и бешеного всплеска адреналина я не представляла! Только подумала о том, что кто-то мог услышать, о последствиях, наша реальность опять взорвалась: нас обьяло голубое пламя, начавшее волнами гулять по комнате. Вырвавшаяся энергия прошивала наши тела, переплетаясь с золотистым сиянием, соединяя, связывая навеки.

Сначала знакомый холод пробежал по моим венам, затем его сменил горячий поток лавы. Я кричала, а Йелли глухо стонал, напрягаясь так, что на коже выступили жилы. Нас накрыла чистейшая, неповторимая и нереальная эйфория. Страсть, магия, холод, огонь...

Очнулись мы на полу. Тело пело от переполнявшей меня силы, словно я не делилась, а брала у Йелли. Выбравшись из-под него, я стыдливо прикрылась смятыми тряпками и осмотрелась: да уж, беспорядок мы устроили знатный. Неловко-то как! Щеки горели, наверняка, как и уши, и шея.

— Ты покраснела... — муж вальяжно улегся на спину, открывая мне вид на свое прекрасное мускулистое тело, еще очень крепкий и вздыбленный пах, и медленно заложил руки за голову, с одобрительной улыбкой разглядывая меня. — Что-то случилось?

Я облизула губы, с трудом отведя от него взгляд. Теперь, когда узнала, на что он способен, плавилась под его взглядом. Но ответить постаралась спокойно:

— Нет, это признак крепких нервов, свойственных моему роду. — И не удержалась от ироничного замечания: — Как и храп!

— Любопытные свойства... рода, — удовлетворенно усмехнулся муж. Неожиданно резко сел, обхватил меня за плечи и притянул к груди. — Хорошо, что между нами, наконец, все решилось, моя сладкая.

— Угу, — выдохнула ему в ключицу, наслаждаясь его запахом лютого январского мороза и самой сильной февральской вьюги.

Йелли зарылся рукой в мои волосы, посмотрел в глаза и с улыбкой признался:

— Ты действительно моя идеальная половина, мне никогда ни с кем не было так хорошо.

— Правда? — не сдержала я счастливой улыбки.

Мечты, надежды, восторг — все выплеснулось наружу. Ничего не спрятать, слишком невероятным было наше единение.

— Абсолютная! — признался Йелли и с предвкушением добавил. — Теперь бы еще ночи дожждаться и повторить!

— Да, — мечтательно согласилась я.

Йелли довольно блеснул глазами, плавно поднялся вместе со мной и совершенно неожиданно вновь превратился в сурового эрата:

— У нас дел выше гор. Одеваешься, завтракаешь, пусть Делария покажет в рабочем крыле твой кабинет. Туда скоро мама придет с мастером Фэем. После него у тебя обучение магии. За ужином встретимся.

Он отстранился, подобрал с пола одежду и шагнул к двери, но я схватила его за руку, вспомнив о договоренности со своей тенью:

— Йелли, мне нужно выделить для себя время, ежедневно, пожалуй, пары глыб хватит.

— Для себя? — его белая бровь слегка изогнулась.

— У меня есть идея, чем я могу заняться, пока ничего здесь не знаю... Тем более, вряд ли Амила в ближайшее время поторопится передать мне свои дела, и это правильно. Так что я придумала себе собственное занятие.

— Кайя, я считаю, что пока уроков Фэя и мамы тебе более чем достаточно, — сухо возразил муж.

— А я считаю, что две глыбы на собственный досуг первая шааза Арэнк может себе позволить, — не менее холодным тоном настояла я.

Эрат Арэнк хотел отказать, причем жестко и категорично, но взглядом схлестнулся с моим, непримиримым, затем опустил глаза на мое обнаженное разгоряченное тело — и в них вновь загорелся жадный, страстный огонь. Он судорожно сглотнул и неохотно согласился:

— Хорошо. Все для тебя, моя сладкая!

Я смущенно прикрылась руками и счастливо прошептала:

— Спасибо! Тем более это будет на благо шаазата!

Йелли повел плечами, привлекая мое жадное внимание к своей наготы, и поинтересовался:

— В чем это благо будет выражаться?

Я усмехнулась в предвкушении:

— Знаешь, один великий древний правитель на Земле как-то сказал, что народу требуется немного, чтобы забыть о революциях и войнах: хлеба и зрелищ. Леары, конечно, не голодные, но, чтобы отвлечь их от сборищ всяких заговорщиков, мы дадим им зрелищ. Если получится.

Муж возвышался надо мной самым эротичным образом. Но смотрел на меня с пристальным, оценивающим вниманием, уже не по-мужски заинтересованно, а по-деловому.

— Хорошо! Попробуй, я поддержу.

Похлопав в ладоши, я ринулась подбирать разбросанную одежду, а Йелли, улыбаясь, ушел.

Глава 20

Всплеск

Ну не должен так критично выбивать из колеи секс с мужем, вроде бы, каким бы фееричным не был. И тем не менее, я сидела на полу гардеробной, опершись на кучу тряпок возле стены, еще с полчаса — горела от стыда! Первая близость на полу, практически в шкафу, — это не то, к чему я привыкла или слышала от знакомых. Впрочем, больше пылала от удовольствия. Во мне бурлила неведомая сила, с которой предстоит разобраться, и одновременно внутренний голос нашептывал: «Ну, и как дальше будешь вести себя с Йелли!?»

В общем, мне достался самый невероятный мужчина, какого только можно представить! Руки дрожали, я то растерянно оглядывалась: что бы надеть вместо помятого наряда? То касалась ожерелья — снять или оставить? То трогала припухшие от жадных поцелуев Йелли губы... А внутри боролись совершенно противоположные чувства: хотелось выть от стыда, орать от восторга, спрятаться от неловкости и... счастливо улыбалась. Все-таки женщины крайне нелогичные существа в любых мирах! Никогда не могут на сто процентов решить, чего же хочется, в конце концов.

С небес на землю меня вернула Амила, вернее, я вспомнила, что скоро занятия под ее присмотром. А если сюда явится?.. Ей богу, словно за маленькой следит! Или чтобы пожилой мастер Фэй не обесчестил «кровиночку», равно весь род, или я их. Смешно, но голова пришла в порядок, унялась дрожь, подбородок поднялся сам собой вслед за мной. Высунув нос из гардероба, я с облегчением убедилась, что в покоях ни души и поторопилась в ванную.

Я уже готова была выйти, одернув серебристый костюм, и обдумывала свое рабочее расписание, когда Делария влетела в гардеробную и восторженно выдохнула с порога, одновременно придирчиво осматривая меня:

— Ваш всплеск ощутили все!

Как обычно, моя тень была в светло-сером, но другом наряде, нежели вчера. Не надоела ей однообразная, скучная униформа?

Делла продолжала восторгаться:

— Это было так мощно, что теперь все-все проникнутся твоим положением!

— Как все? — Я чуть не плюхнулась на пуфик, сообразив, о чем она говорит. Но в надежде, что пронесло, спросила: — А какой именно всплеск?

— Какой, какой, будто не знаешь: первого обмена, единения избранных, — снисходительно самодовольно пояснила тень-всезнайка. — Он был настолько сильным, что волной прошел от купола до подвала дворца. Все радуются!

— Чему? — хрипло выдавила я, подозревая самое худшее.

Может не выходить сегодня из комнаты?

— Во-первых, по естественным причинам. Такая неожиданная и хорошая бесплатная подзарядка — сплошное удовольствие. Во-вторых, главная супружеская пара шаазата наконец-то полностью связана, а эрат силен, как никогда. После сильнейшего всплеска в этом уверены все. Значит, второй шаазат еще больше укрепился и ждет наследников! — Делла с жадным любопытством окинула взглядом полки и вешала, поморщилась и резко сменила тему: — Кто? Кто задумал унизить первую шаазу темными тряпками...

— Я! — строго оборвала ее.

Как ни странно, чужой негодующий тон по поводу моего гардероба помог вернуть мне самообладание. Плевать на любые сплетни и «знания» служащих дворца.

— Но как же? Ведь шаазы носят...

Я вскинула руку, останавливая возмущенно-трагичный лепет Деллы:

— Запомни первое правило звезды: у звезд нет правил и ограничений! Именно звезда задает модные направления! Тем более, первая шааза второго в иерархии шаазата!

Смотреть на выпученные черные глазички главной карьеристки и подхалимки Леарата, было весело. Я не сдержалась и рассмеялась.

Делла поджала губы, но любопытный, чуть скептический взгляд, которым она обвела мои новые цветные наряды подсказал: восходящая звезда телевидения Леарата на ус мотает все!

— Шааза Амила, по просьбе эрата, приказала показать тебе твое рабочее крыло как можно быстрее. Затем легкий завтрак и занятия.

— Уточнение про легкий завтрак меня почему-то пугает, — передернула я плечами, предчувствуя жесткие ускоренные методики обучения.

— Не переживай, сегодня Амила тебя не тронет! — заверила меня Делла.

— Это почему же?

— Так ты же восстановилась, и я возобновила нашу связь. Мы с шаазой Амилой как раз проверяли твое крыло, когда меня, представляешь, подкосило от экстаза...

— Экстаза? — вновь охрипшим голосом переспросила я.

Делла неожиданно смутилась, развела руками и глухо пояснила:

— Ты не подумай чего-нибудь плохого, просто мне по нашей связи пришел откат от вашего энергетического обмена. — Девушка глубоко вдохнула и счастливо выдохнула: —

Представляешь, у меня даже крылья побелели на осколок, такой он был силы! Теперь же все знают, что я твоя тень! Потом и волна всплеска пошла... Шааза толпу горничных заставила твое крыло срочно вычистить до блеска, вот ша и увидели мои побелевшие крылышки... и сами... порадовались. Уж как шааза Амила ликовала, когда поняла, что вы обмен провели и связь закрепили, — не передать словами!

— Боги! — я закрыла щеки ладонями.

— Да, они! Если бы мне такая силища досталась, я бы неустанно благодарила ларов. А ты им голый зад пожалела показать у храма... — проворчала Делла.

Вот знала, что обязательно кто-нибудь про эти несчастные трусы мне напомнит.

А взявшаяся за старое тень, увидев, что я разозлилась, сразу зашебетала, старательно переводя разговор на предмет своего подражания:

— Зато шааза Амила прямо светилась от счастья вся. Как увидела эрата, тоже всего такого просветленного, с улыбкой... почти заметной, и буквально пышущего силой и довольством, сразу подобрела... к тебе.

— Каким боком? — засомневалась я.

— Ну, сперва тебе хотели отдать комнаты в левом крыле северной части, а потом — правом в восточной, прямо рядом с эратом. Горничных, конечно, жаль, но после хорошей подпитки они там за пару льдинок повторно все вычистили. Твои рабочие кабинеты теперь в одном из самых престижных мест. Роскошные и буквально сияют красотой и светом.

— Какая щедрость с ее стороны, — усмехнулась я.

В общем, как и предполагала, свою вотчину и бразды правления свекровь мне точно не отдаст. Поэтому надо искать себе занятие, чтобы не пересекалось с ее делами. Я решила: театру и телевидению — быть! Чего бы мне это не стоило!

По дворцу я «шла», старательно работая крыльями, чтобы спина и мышцы постоянно работали и привыкали. Встречавшиеся нам леары не только почтительно закрывали лица, еще и душевно улыбались — поздравляли с полноценной связью. Мне тоже хотелось прикрыть лицо, но от неловкости и стыда. Оставалось надеяться, что всплески скоро пройдут и все войдет в привычное русло, без участия общественности.

Вторая моя тень — Алел — следовал за мной неотступно, сурово взирая на любого, кто осмеливался приближаться ближе, чем позволяло пространство или исходя из собственных соображений. Хотя на мой вопрос об опасности уверенно ответил, что нет никакой. Потому что эрат и Ниол вычистили всех предателей и обновили сеть защитных заклинаний. Чужак не пройдет! Не проползет! Не просочится!

Оценив мою рабочую зону, мы спустились в цоколь или подвал, где Делла нашла чистое просторное помещение для нашего театра. Именно туда вечером она призовет желающих попробовать возвыситься и поучаствовать в авантюре первой шаазы, как она честно всех предупредила. Боюсь, после такого «любезного» приглашения, актеров у нас не будет. После осмотра студии, я попросила принести туда стулья, потом легко перекусила и сдалась на милость Амилы, счастливой, как голодный крокодил при виде безмозглого туриста, решившего искупаться в его заводи.

— Ты крыльями, крыльями больше работай, — в приказном тоне посоветовала она, плывя рядом со мной по коридору.

— Я думала, первой шаазе больше мозгами работать надо, — проявила я находчивость.

— Мозгами придется поработать мне, а то ты вон даже с крыльями пока справиться не можешь, — не осталась в долгу она.

Я скрипнула зубами, но, вспомнив змейсов, решила блеснуть остроумием:

— Крылья, крылья, главное — хвост! Вон ледяные змейсы как отлично устроились — воруют белых шааз, а потом кормятся всем родом и...

Амила приостановилась, взглянула на меня свысока и сообщила:

— Ты еще не в курсе, что сводный отряд из девяти верховных шаазатов за три дня вычистил Байсакал и предгорья от этих пиявок и разрушил Первое гнездо Серого Подземья. Вчера верховный змейс лично принес Леарату в лице шаэра извинения за тот инцидент. В качестве компенсации верховный согласился выдать оба рода убийц Лаиши из рода Ланей.

— Вчера? — опешила я. — Когда только все успели?..

Амила поморщилась и ответила гораздо спокойнее:

— Мой мальчик, была бы возможность, больше уделял времени своей юной жене. Но, к сожалению, у эрата не хватает времени на себя... и тебя, так уж вышло... совпало, что ты встретила ему в очень сложное время. Дай ему шанс, дай вам обоим шанс стать счастливой парой. По-настоящему близкими и родными. Надо немного потерпеть, Кайя. Скоро все разгребем, Йелли постарается уделить тебе внимание и дать все, что захочешь. Вы сможете стать близки, как положено...

В голосе этой «снежной вершины» звучали просительные интонации, хотя я уверена, что просить совершенно не в ее характере и привычках. Махнула рукой и весело сказала:

— Оставь, Амила, с момента нашего знакомства с мужем прошло четверо суток, а мы с ним пережили столько, сколько я со своим бывшим женихом за семь лет не испытала. В ускоренном темпе преодолели, прошли огонь, воду и медные трубы, как на родине говорят. Удивляюсь, что жива осталась. И после этого оставить его? Предоставить ему свободу? Нет уж, пусть терпит меня до скончания времен!

У свекрови желваки побелели от злости, но она демонстративно мне улыбнулась, окинула оценивающим взглядом, как соперника, и приказала:

— Спину выпрями, плечи расправь, сделай умное лицо — ты не чернокрылая в полях гуаши!

Я невольно вытянулась в струнку, а потом, заработав крыльями, позволила себе иронизировать:

— Амила, тебе же всего четыреста, откуда это ворчливое старческое брюзжание?

Условно пожилая шааза, юному личику и осанке которой позавидовали бы любые наши молодые красотки, потеряла дар речи, а я бросилась наутек.

— Ах, ты несносная девчонка! — неслось мне вслед.

— А ты повторяешься! — смеялась я, спеша добраться до учебной комнаты.

Наши догонялки увидел Ниол, когда выходил из-за поворота, а мы с гиканьем пробежали-пролетели мимо. Я успела заметить его вполне добродушную ухмылку, он явно сдерживался, чтобы не расхохотаться также откровенно, как я. Кажется, свекор был рад, что я втянула его жену в активное противостояние, оживляя ее серые трудовые будни.

В просторную учебную комнату, где в свое время занимался и Йелли, мы ворвались с разницей в доли секунды. Но свекровь не успела меня наказать или устроить разнос за неподобающее поведение. Увидев шаа Фэя, она мгновенно вернула себе чопорный, ледяной вид и, вежливо улыбнувшись и кивнув ему, присела за соседний стол.

Суровые ученические будни: история, география, леарский в перемешку с этикетом — все это в меня усиленно вкладывалось, вдалбливалось, трамбовалось. Обед мы пропустили,

опять слегка перекусив «не отходя от кассы». Я уже покачивалась от усталости, зазубривая незнакомые символы чужого языка, попутно корябая пером по толстой шершавой бумаге и ляпая замечательные кляксы, к которым пририсовывала рожки и ножки.

И вдруг краем глаза я заметила тень, синхронно со мной качающуюся вперед-назад, словно сосед по парте появился. Еще не осознавая, в чем дело, повернулась, хмурясь и разглядывая странную тень. В прозрачном, едва заметном мареве при более пристальном осмотре угадывались очертания человеческой фигуры. И вдруг блеснули голубые огоньки... Глаза!

По инерции продолжая покачиваться над учебником леарского, я перевела взгляд на мастера Фэя и Амилу, которая, безвылазно присутствуя на моих занятиях, просматривала кипу бумаг. Оба, похоже, не видели «голубоглазую» тень: одна делала заметки на полях; другой, глядя сквозь меня, монотонно вещал правила чтения, сочетания букв и символов, но думал о своем.

Я застыла, тень тоже замерла и, развернувшись ко мне лицом, «улыбнулась»... По крайней мере, мне показалось, что у загадочного создания, образовался на лице провал — рот.

Потом вновь блеснули голубые пятна-глаза и послышался шепот:

— Не справляешься?

— Не совсем, — полностью дезориентированная, согласилась я со снисходительно ироничным «собеседником». — А ты кто?

— Смерть твоя, если сейчас же не соберешься, — рыкнула где-то на задворках сознания ведьма Амила.

— Уговорила, помогу! — прошелестел потусторонний голос.

— Да нет, спасибо, я...

Мастер и свекровь недоуменно посмотрели на меня, затем на... разросшуюся до большой человеческой фигуры тень и — шагнувшую в меня. Буквально! Я захлебнулась воплем ужаса, булькнула пару раз.

— Дух?.. — вытаращилась на меня Амила.

— ...снизошел до иномирянки? — изумленно прошептал Фэй, а потом совсем сипло спросил. — Напал?

У меня в голове замелькали картинки, непонятные слова, символы и буквы. Через несколько мгновений, когда я перестала махать руками как мельница, тень вышла из меня. Только стала не почти прозрачная, а как бы осязаемая — ну, с виду, конечно, — белесая, словно туман... Привидение!

Я еще громче заорала от страха и кинула в него перья, тетрадку, потом пришел черед буквара.

— Остановись, Кайя! — рявкнула Амила. — Ты обижаешь защитника рода...

— Он пытался вселиться в меня! — отгрызнулась я.

Амила будто очнулась, вперилась в разговорчивую потустороннюю, весьма уважаемую сущность немигающим взглядом и грозно прошипела:

— Вы хотели убить Кайю? Надежду рода Арэнк?

Призрак отлетел метра на три; кажется, нисколько не обиженно блеснул на нас голубыми глазами-провалами и, неожиданно шкодливо и задиристо оправдался:

— Вообще-то, я произвел обмен, вложил в нее знание леарского, чтобы обращалась к нам, духам и, тем более, ларам, на самом древнем и прекрасном языке Мира. И сам подпитался от нее энергией. — Затем еще более неожиданно похвалил, как мужик, крикнувший стакан водки: — Ух, и горячая штучка нашему шаазату досталась!

— В-вы м-можете говорить все? — заикаясь, почтительно пробормотал Фэй.

Призрак приуныл:

— Жаль, недолго.

— Но как? — не мог успокоиться Фэй.

Я нервно схватила какую-то статуэтку, приготовившись отразить очередное нападение. А Амила испуганно прохрипела, подбираясь ко мне, наверное, с целью закрыть собой, если что:

— Вы, защитник рода, чуть не убили свою подопечную! Это немыслимо!

Призрак, облетев нас с готовой к отражению нападению свекровью, грустно констатировал, обращаясь ко мне:

— Удивительно наблюдать, как меняется Мир. Ты — настоящий подкидывш Язы, леара снаружи, но другая внутри. Справедливая любит преподносить сюрпризы. В отличие от великих ларов, дух рода не может вселиться в тело леара, иначе высосет всю силу — обычного резерва не хватает, чтобы мертвый почувствовал себя живым...

— Но я же жива! — пропищала, осознав масштаб угрозы.

— Как вы могли? Если бы вы осушили ее, погиб бы и Йелли! — глухо, словно перехватило горло, упрекнула духа Амила.

— У нее нет резерва, дочь рода, — мягко, виновато усмехнулся призрак, глядя на Амилу.

— Я не нападал, лишь проверил свои ощущения.

— Не может быть! — отринув страх, заявил Фэй. — Я чувствую, все мы чувствуем, что она леара... шааза.

Призрак так мрачно улыбнулся, что пожилой шаа побледнел.

— У нее нет резерва, а значит — нет ограничений. Каждая клеточка ее тела, каждая жилочка и есть внутренний накопитель энергии. Кайя Арэнк — настоящий проводник и ограничена исключительно внутренними резервами организма. Усталость, голод, плохое настроение уменьшают запас и восприимчивость энергии. Сытость, бодрость, наоборот, увеличивают. Со временем, когда ее энергетические каналы созреют окончательно, как у обычных леаров, привыкнут, разработаются, у нее не будет ограничений в силе.

— Значит и у Йелли... — восторженно выдохнула Амила.

— И у наших потомков тоже! — важно поднял палец призрак.

А я обрадовалась, что великая Яза полностью не перекроила меня под леару, личные, человеческие особенности остались; хорошо, когда есть хоть что-то «свое», внутренняя связь с родиной, любимыми родными. Тем более, появился еще один повод для радости:

— Уважаемый дух, мне теперь язык учить не надо? Уже знаю?

Укоризненно покачав «головой», призрак ответил:

— Я лишь основополагающие знания передал, а уложить в систему и использовать — за тобой.

— Большое спасибо, — улыбнулась я.

Призрак словно прислушался к чему-то и попрощался:

— Засиделся я с вами.

Развернувшись, он стремительно рванул к стене, явно намереваясь пройти сквозь, как положено привидению, но вместо этого с глухим «Ох!» размазался по стене и стек на пол.

Призрак медленно воспарил и сконфуженно пробормотал:

— Переел немного...

Выбрался на террасу и улетел, как леар, а мы еще с минуту или, как здесь говорят, осколок провожали его взглядом.

Амила пришла в себя первой и выразительно посмотрела на меня:

— Кайя, если ты думаешь, что сила есть, ума не надо, то заблуждаешься! Быстро за стол, у нас дел выше крыши, а через неделю бал в Кристальном дворце!

— Какой бал? В Кристальном? — удивилась я.

— О котором было объявлено после вашего шардиса. Шаэр вчера вечером уведомил Йелли, что оказывает нам честь — устроил наш бал в Кристальном, — зло объявила Амила, подчеркнув «наш», наверняка чувствующая себя униженной правительской честью. И сквозь зубы добавила: — Для укрепления духа леаров и дружественных связей между эратами. Приглашены первые пары сразу трехсот шаазатов...

Она трагически смерила меня взглядом — свою головную боль и заботу. Ну да, леарского не знаю, предпочитаю цветную одежду низших и прочая. Я по поводу бала и не думала переживать, будучи привычной к большим приемам, вечеринкам, пати. Чего только одни наши новогодние корпоративы стоят, где гостей от двух тысяч.

По окончании занятий, длившихся еще несколько часов-глыб, я неслась, размахивая крыльями, за Деллой на нижний уровень. Вырваться от Амилы помог ее урок магии, на котором научилась, наконец, делать вестники. И первый я послала Йелли, чтобы разрешил мне сбежать от ведьмы-свекрови для личных нужд. Вот чувствует мое сердце: отыграется она на мне за «растрату» драгоценного времени. Но я хочу жить, а не только учиться, учиться и учиться, и выслушивать бесконечные нравоучения от чужой, по сути, женщины.

В студии, к моему полнейшему удивлению, собрались не менее тридцати леаров обоих полов. Правда, большинство чернокрылых, но мне не важно, какие они. Важно, чтобы талантливые были. Все дружно закрыли лица, я радостно кивнула, приветствуя добровольцев. Дальше начался отбор актеров, гримеров, декораторов и прочих деятелей будущего телевидения. Я намеревалась использовать каждого, кто решился сегодня прийти и поддержать наше с Деллой начинание.

Раздав листочки, на которых Делла под диктовку записала короткие отрывки из известных пьес, я попросила:

— Пожалуйста, по очереди прочтите так, чтобы я вам поверила. Поверила в то, что вы хотите передать с помощью этих фраз.

И пока слушала одного из будущих актеров, на редкость харизматичного серокрылого, поняла, что именно станет моей первой постановкой. Золушка! В конце концов, из Деллы выйдет идеальная Золушка, а народ поверит в чудеса: случиться может всякое, главное — верить.

— Что здесь происходит? — ледяной возглас Амилы разрезал непринужденную, теплую, душевную атмосферу студии.

Я обернулась: свекровь явилась в компании с Ниолом и Йелли. Муж цепким, внимательным взглядом осмотрел всех присутствующих, замерших статуями. В их глазах читалось не только огромное уважение, но и некий страх. Подданные следили за шаазами, ожидая развязки, а я откровенно смутилась, заливаясь горячим румянцем. После утреннего, хм-м... единения мне с трудом удалось выдержать его взгляд.

Йелли все подметил: и мою неловкость, и смущение, и недовольный взгляд, которым я одарила Амилу. Подошел ко мне, обнял за плечи и, прижав к себе, многозначительно произнес:

— Мама, надеюсь, ты поймешь правильно, без слов.

— Но это сборище...

— На сегодня все свободны, — ледяным тоном отпустил мою трупку Йелли.

— Завтра в это же время, — сухо, упрямо добавила я.

Народ поторопился на выход, а Делла тень Арэнк осталась стоять в сторонке, старательно играя всамделишную тень.

— Кайя, что происходит и как вообще... — продолжила гнуть свою линию и меня Амила.

— Милая, — Ниол обнял жену, пресекая дальнейшее возмущение, и тихо, но твердо продолжил, — ты забылась. Кайя — шааза, вполне взрослая и самостоятельная. Не ребенок! Она в праве принимать собственные решения. Тем более, заниматься чем хочет, если у них с мужем нет по этому поводу разногласий.

— У нас с женой нет разногласий, мама! — Йелли смотрел на мать, прищурившись, чтобы та без лишних слов приняла к сведению его волю.

— Могу я хотя бы узнать, что за балаган ты тут устроила? — демонстративно устало и смиренно поинтересовалась Амила.

Еще та актриса!

— Можно. Это моя будущая сфера деятельности, — задрала я подбородок, приготовившись встретить всевозможные упреки. — Театр и телевидение. Искусство, которое в скором времени станет настолько привычным и необходимым в каждой семье, что за него будут платить, не раздумывая! Наслаждаться! Обсуждать! И главное, с их помощью можно управлять, да и много чего делать. Главное, правильно подойти к делу.

Муж и свекор с затаенным интересом глядели на меня, а вот Амила саркастично расхохоталась. Затем с досадой махнула рукой и объявила:

— Пора ужинать! Вам еще...

— Что нам еще, мы решим сами, — отрубил я.

Мужчины чуть поморщились, им наши перепалки, конечно, не нравятся. Но в женские дела они решили вмешиваться в случае назревающего конфликта.

Выходя на террасу ужинать под руку с Йелли, я любовалась его мужественным профилем — впервые испытала глубокую радость, что именно он стал моим мужем. Удовольствие от секса — это, конечно, здорово и даже необходимо, а обрести поддержку в любом деле от самого близкого мужчины гораздо важнее. Ведь не страстью единой жив и счастлив человек.

Глава 21

Романтический ужин

Я вновь проснулась рано, словно кто-то невидимый, но настойчивый будил меня, звал на новые приключения. Сладко потянувшись, тело пело от переполнявшей меня энергии. Наверное, вчерашнее... единение с Йелли действительно что-то изменило во мне, смело преграды и открыло двери.

Обернувшись, неожиданно для себя слишком бурно обрадовалась, увидев мужа рядом, — испытывала яркое переживание, не похожее ни на какое другое, сродни дежавю, напоминающее волшебство. Как нечто необычное, но происходящее самым, вроде бы, обычным утром. Накануне вечером его вестником во время ужина попросил об аудиенции по важному делу один из теней. И заснула я одна, укрывшись крыльями.

Йелли, как и вчера, тихонько сопит, лежа обнаженным на спине, раскинув руки, одна нога согнута в колене, бедра слегка прикрыты простыней. Сильный, красивый... мой! Радость от его присутствия выплилась в горячий поток, который потек... понесся по моему телу этакой смесью желания, восторга собственницы и капелькой неловкости. Испытывать такую гамму разнообразных чувств, причем так сильно, — это что-то новенькое и совершенно непривычное для меня.

Медленно прошла взглядом по его руке от ключицы до кончиков длинных пальцев, полюбовалась сильной мужской ладонью, широким запястьем с голубым браслетом — леарским брачным свидетельством нашей нерасторжимой связи. Счастье — будто горячий клубочек, который согревал, пульсировал в моей груди вторым сердцем, даря ощущение покоя, заставляя забыть о холоде одиночества.

Потянувшись кошкой, я скользнула грудью по простыне и, коснувшись носом сгиба локтя Йелли, жадно вдохнула его неповторимый аромат. Словно декабрь с январем сошлись в жестком споре: кто сильнее и морознее? Так ярко, насыщенно и жизнеутверждающе.

Муж повернулся набок, ко мне лицом. Рукой зарылся в моих спутанных волосах, рассыпавшихся по постели, и хрипло спросонок спросил:

— Проснулась?

У меня от его голоса дыбом каждый волосок на теле встал от желания.

— Да, доброе утро, — нашла я, осторожно выпутала волосы из его пальцев и встала с кровати. — Вчера что-то случилось? Ты поздно пришел и...

...и чуть не застонала, сглотив и прикрыв глаза, глядя на усевшегося Йелли, потому что простыня с него сползла. Фигура моего мужа — невероятно эстетическое наслаждение!

— Пока я ограничил твои контакты, чтобы из-за незнания каких-то нюансов или леарских правил ты не попала в неудобную ситуацию, не столкнулась со сложными проблемами или недоброжелателями. Но совсем скоро тебе придется познакомиться с моими доверенными лицами, обзавестись своими, вникать в дела шаазата. Так что наслаждайся свободой и покоем, пока лишних к тебе не допускают...

— Свободой? — возмутилась я. — Да Амила запрягла меня, как лош... шайгала, и погоняет, с живой не слезает. И вообще, меня вчера ваш дух чуть не съел!

Муж усмехнулся, качнул головой снисходительно, словно слушал ребенка. А ведь и правда, ему — сто восемьдесят, а мне — двадцать пять. Я ему даже не правнучка! Но мои мысли по этому поводу он прервал советом:

— Мама рассказала, что случилось. Мой тебе совет: сегодня дух непременно снова явится на урок, а ты спроси у него, кто или что они такое. Поймешь, почему Фэй с мамой не кинулись тебя сразу защищать. Мне даже представить сложно ситуацию, когда духи рода захотят кому-то из подопечных навредить.

— Первым делом спрошу. Про таких личностей лучше знать заранее, чтобы защититься, если что, — пробормотала я, направляясь в ванную.

Завернувшись в большое полотенце-простыню, я вспомнила, что забыла взять сменную одежду. Хорошо, что часть нашего гардероба перенесли во временные покои. Бросив взгляд на брошенную на пол ночнушку, решила сходить за одеждой в полотенце. В конце концов, вчера меня видели всю.

Йелли сидел на кровати с моей стороны, наверное, ожидая, когда я освобожу ванную.

Увидев меня, он попросил:

— Подойди!

— Зачем? — насторожилась я, а мое тело «поплыло» в предвкушении, словно в противовес разуму.

Похоже, схожу с ума от раздвоения личности! Никогда в жизни даже подумать не могла, что во мне живет настолько похотливая особа, которая спокойно мимо собственного мужа пройти не может.

Йелли встал, медленно, неторопливо завязал на бедрах простыню. Но при этом хитро, многозначительно улыбнувшись. Кажется, он все-все про меня понял, иначе откуда эти уже знакомые повадки хищника?

— У тебя из-за театра весь день занят, так что выделим глыбу на полеты сейчас.

— Летать сейчас? — удивилась я, невольно подходя ближе к нему.

Моя вторая, жаждущая, половина неожиданно расстроилась: муж хочет не страсти, а преподать очередной урок. Но не в моем случае отказываться от важных знаний. Летать и магичить — первостепенные задачи, которые я должна освоить для выживания.

— Хорошо, — преувеличенно бодро согласилась я. — Сейчас только оденусь и...

Йелли не дал договорить, приказав:

— Выпусти крылья и разомни их. Здесь хватит места.

— Но зачем в комнате, и я в простыне?!

— Я придумал для тебя особую технику обучения. Пока ты плескалась в купальне, мне пришла в голову отличная мысль, как помочь улучшить навыки, — совершенно спокойно, серьезно сказал Йелли, но вот его светлые прозрачные глаза почему-то потемнели.

— Хорошо, — хрипло согласилась я, выпуская крылья.

Мы стояли друг напротив друга: я — задрав голову, в мокром полотенце и прикрывшись крыльями; муж — в ненадежно державшейся простыне. Мой взгляд сам по себе уперся в пласты мышц на его груди, чистую золотистую кожу, посверкивающую едва заметными тонкими волосками. Крепкий, рельефный пресс с кубиками. Широкие, отлично развитые плечи и руки. Вновь захотелось провести носом от ладони до сгиба локтя, а лучше языком, чтобы ощутить не только морозный запах, но и вкус.

— Сильнее! — окликнул меня Йелли низким приказным рыком.

Я вскинула рассеянный взгляд, с трудом отвлечшись от более интересной и чувственной картинки:

— Что?

— Крыльями маши сильнее! — посоветовал он с усмешкой пресыщенного циника. — Ты должна приподняться на пару локтей от пола и зависнуть.

Я встряхнулась, отринув посторонние мысли. Летать, так летать. И старательно замахала крыльями.

— Контролируй движение, запомни темп и усилия, чтобы держаться в одном положении на высоте.

Чуть покачиваясь, перемещаясь то вверх, то вниз, я, наконец, поймала нужный ритм. Зависнув в метре от пола, торжествующе посмотрела на Йелли и поймала его горячий взгляд, которым он ласкал мою грудь.

— Вот и молодец, сладкая! Держи именно этот темп... чтобы не случилось! — глухо похвалил он.

— А что может случиться? — пролепетала я.

— В жизни случиться может всякое, — протянул мой «пилот-инструктор» как-то странно.

— Поэтому твои крылья не должны зависеть от разума. Они должны подчиняться телу!

И не спеша освободил закрепленный кончик полотенца, которое сползло к моим ногам и упало на пол, оставляя меня обнаженной. Парение чуть не прервалось, ритм крыльев сбился, и я начала опускаться.

— Держи ритм, Кайя! — рыкнул Йелли, а в его взгляде загорелся вызов и огонь страсти, зажигая мою кровь.

Но я каким-то чудом выровнялась и с колотящимся сердцем ждала продолжения. Облизала вмиг пересохшие губы, и Йелли тут же впился в них глазами, коснулся пальцами, стер влагу, потом потянулся к напрягшимся вершинкам моей груди и вдруг приник к ним губами... Дальше... дальше он вытворял такое, что в самых жарких снах не приснится! Про крылья я действительно больше не думала, они работали, как руки и ноги, рефлекторно, а я плавилась в руках Йелли под напором его рта и страсти. Как мы оказались на кровати, не знаю, но поняла это, когда выгибалась от наслаждения и царапала его спину. Мой мужчина не был нежным и мягким в жизни, в страсти он был таким же, забирал все без остатка и отдавал мощно и настойчиво. Но при этом ни разу не перешел грани, когда наслаждение переходит в боль, нет. Забота обо мне, слабой и хрупкой, в сравнении с ним, ощущалась во многом. Даже в том, как он почти черными глазами неотрывно следил за моим лицом, читая меня как открытую книгу.

Когда мы с трудом отдышались от «полета» и нового обмена энергией, он лежал на боку, нависая надо мной и всматриваясь в лицо, поглаживая его подушечками пальцев, наслаждаясь этой легкой лаской. А потом удивил, глухо шепнув, словно сам себе:

— Ты действительно идеальна для меня!

— Знаешь, мне уже кажется, что ты для меня тоже, — призналась я предательски сорвавшимся голосом.

— Приятно это осознавать. Мы истинные друг для друга в браке, а значит неразрывно связаны и в смерти.

— Умеешь ты закончить романтическое признание мрачными перспективами, — проворчала я насмешливо.

— Мечтаешь избавиться? — насторожился Арэнк, смотрел жестко и серьезно.

Так, с шутками у нас пока не очень. Поэтому ответила без раздумий и твердо:

— Нет.

— Твоя честность достойна награды! — муж едва заметно улыбнулся уголками губ. — Могу выделить...

— Вечер! — обрадовалась я. — Выдели мне свое время. Давай устроим романтический ужин вдвоем... без твоих родителей. Это такой приятный подарок, ты не представляешь! Йелли несколько мгновений молча сверлил меня взглядом и вдруг расхохотался. Я замороженно смотрела на его запрокинутую голову, мощную шею и дергающийся от смеха кадык.

— Вы с мамой — отдельная история. Но весьма занятная, — признался он наконец, вытирая глаза. — Хорошо, будет тебе романтический ужин.

— Отлично! — захлопала я в ладоши. А потом, вспомнив, как прокололась в сокровищнице, заверила: — Но от всего остального, чем ты еще меня наградить хотел, тоже не откажусь.

Заливистый смех Йелли уже не удивил. Скорее порадовал: довольный муж — хороший знак для жены.

По дворцу едва слышно пронесся перезвон сосулук, и я, посчитав «удары», сразу подскочила:

— Уже восемь глыб, скоро Амила явится!

И снова полетела в ванную освежаться, а вслед мне несся негромкий смех ее сына.

О часовой системе — перезвоне сосулук — мне стало известно только вчера. А до этого не могла понять, как во дворце узнают, сколько времени. Все оказалось просто: в недрах дворца есть ледяной колокол, за которым присматривает один из духов. Но главное, все духи связаны между собой. Благодаря их взаимодействию, в каждом доме, где есть собственные духи, существует «время» — незримый ледяной колокол. Хочешь узнать, сколько «натикало», обратись к духу дома и получишь ответ.

В большую учебную аудиторию я почти степенно вошла, успела вовремя. А там уже целая экзаменационная комиссия собралась: мастер Фэй, довольная Амила и... сразу три духа. Не знаю, по какому признаку, может, по знакомому флеру силы, я опознала вчерашнего соседа по парте. После приветствий мой знакомец «обрадовал» первым:

— Возблагодари ларов, Кайя, сегодня с тобой поделятся знаниями трое духов...

— А завтра от количества желающих поделиться я ноги не протяну? — буркнула я себе под нос.

— Какая жадная и неблагодарная леара! — возмутился незнакомый дух.

— Скорее рачительная, — парировала я весело. — Берегу жизнь и здоровье... эрата!

— Кайя! — ахнула Амила и зашипела. — Благодаря духам рода, ты сможешь быстро освоить все самое важное, основное, а после будешь спокойно разбираться с полученными знаниями.

— Разве я против? Я только «за» — выучить великий, — а про себя добавила «ужасный», — леарский язык, чтобы возносить молитвы ларам. А то сейчас дуб дубом, даже поблагодарить, как положено, и обратиться не умею.

— Я первый! — заявил незнакомый дух, словно голодный студент, прибежавший в буфет. Даже Амила растерялась.

— С какой стати? — возмутился второй, тоже торопясь застолбить кормушку. — Я этику передам, а ты — всего лишь историю рода. На балу про умерших говорить не этично!

Третьим вмешался мой вчерашний собеседник, устремившись ко мне:

— Я важнее, я помогаю с леарским. Вовремя поблагодарить ларов — это самое нужное! На балу беседы вести на своем языке правильнее. А она — дуб дубом... Дуб — это что такое?

— Дуб — это дерево, твердое очень и прочное, примерно, как кость черепа. Вот и не пропускает лишние знания, — успела пошутить я, прежде чем холод потустороннего мира заполнил мое тело.

В голове замелькали знаки и символы. Только в этот раз дух не торопился и, наслаждаясь моей энергией, делился знаниями основательно, без спешки и системно, раскладывая все по полочкам. Похожая процедура повторилась трижды с перерывом на обед. Свекровь, даже если плохо помнит, отлично все записывает. А уж рекомендации по улучшению магии рода с моей помощью — особенно. Ведь слышала же вчера, что моя магия зависит от питания, сна и, тем более, хорошего настроения. Последнее, правда, она точно упустила — ворчала весь день, недовольная любым моим промахом. Ведьма!

Зато духи разошлись не на шутку. Как и мастер Фэй. Вчера ошеломленный, сегодня он выжимал у разговарившихся сущностей все, о чем не знал сам. Мне кажется, такой учебный день дал гораздо больше предыдущих. И не только в части знаний, которые в меня впихнули в обмен на кормежку, а благодаря научным беседам духов и мастера Фэя. Я даже на миг почувствовала себя, как в университетской аудитории, на семинаре у профессора философии на первом курсе. Наш старый Пал Палыч поощрял свободомыслие в умах студентов. Чтобы сами соображали, думали, спорили, а не тупо заучивали чьи-то учения или догмы.

Ближе к вечеру, когда я вымоталась и устала от «духовного» экспресс-курса, мне в голову пришла одна полезная мысль. Взглянув на шкаф, заполненный чистой писчей бумагой и стопку грифельных карандашей, я решила озвучить:

— Уважаемые духи, а можно ли как-то перенести мои воспоминания на бумагу?

Конкретные! Не забрать, а просто скопировать? Если я сама их уже частично подзабыла?

Трое «заматеревших» призраков, наевшихся, можно сказать, до отвала, переглянулись, кажется мысленно переговариваясь. «Классный руководитель» заинтересовалась:

— Что ты хочешь записать?

Я была уверена, что она не оценит, но призналась:

— Я читала и смотрела сотни прекрасных пьес, сценариев и сюжетов. Многие в стихах, некоторые подзабыты. Если все эти знания скопировать на бумагу в первозданном виде, а не придуманном мною, чтобы пробелы восполнить, — это будет просто потрясающе. Огромная помощь и ресурс для развития телевидения. Для успеха шаазата, в конечном счете!

Как Амила не поперхнулась, ехидно хмыкнув? А вот духи взлетели, переглянулись между собой и словно наперегонки ринулись ко мне, вынудив нервно дернуться. Дальше в комнате кружился белый хоровод. Призраки-духи словно в игру играли, пролетая через меня, заполняя собой и опустошая. А в шкафу взмывали над полками целые кипы бумаги. Рефреном этой «пляске духов» звучали Амилины вопли:

— Как? Как можно тратить драгоценное время на всякую ерунду?

Вскоре дочь рода, вчера и сегодня с утра с придыханием восхвалявшая защитников рода, беззастенчиво костерила их до седьмого колена и воспитывала меня за компанию. Я бы и рада была остановить «копирование», но духи слишком увлеклись. Услышав «камасутра», я поняла: что-то не то в своей жизни читала... или смотрела, если духов так разобрало. Мои попытки отбиться от них, закончились щекоткой. Духи узнали, что я ее не переносу и ринулись щекотать.

— Все, хватит! — кричала я и носилась по комнате. — Прекратите!

— Никаких больше обменов! Дальше будет сама учить! — носилась за мной взбешенная Амила. — Балаган устроили! А еще защитники рода! Молодняк!

Уже задыхаясь от беготни, смеха и щекотки, я увидела Йелли и с удвоенной скоростью кинулась к нему спасаться. Очутившись в его объятиях, ощутила мощную энергетическую стену, отрезавшую нас от духов. Те пристыженно замерли, отсалютовали шаазу, приложив ладонь ребром к лицу, и поспешили ретироваться.

— Йелли, она разлагает моральную основу духов! — обвинила меня разъяренная фурия Амила. — Перевернула, извратила все наши основы. Ты представляешь, она заявила, что высшие Яз, Аяз и Яза — это не боги! А их воздействие — это не наказание или благоволение, а, скорее всего, воздействие магнитных и энергетических полей этих звезд и нашей планетарной системы! Как можно такую ересь нести! Нет, даже просто открыть рот, чтобы осквернить богов!

— Только это? — спокойно уточнил Йелли, крепче прижав меня к себе.

— Нет! Она заявила, что защитники рода, духи — это остаточные эманации душ. Она хочет поссорить нас с ними и тем самым лишить сердце шаазата защиты!

— Да-да, я смотрю они так обиделись, что от хохота до третьего этажа провалились и напугали прачек, — возразила я.

Йелли обратил внимание на мастера Фэя. Тот, видимо, сомневался, смеяться вместе с духами или проявить солидарность с Амилой. Из-за чего косился то в одну, то в другую сторону. По-русски говоря, не знал куда глаза деть. Муж это отметил. А потом удивил: отстранился от меня, заставив ощутить прилив одиночества и опасаться, что я его тоже оскорбила. Подошел к матери и, крепко обняв ее, шепнул с любовью:

— Не переживай, мама, все будет хорошо.

— Ты уверен, сынок? — пролепетала довольная Амила.

— Абсолютно.

Она сразу успокоилась и, пряча улыбку, проворчала:

— Вы с Ниолом спелись! Оба почему-то верите в нее. Слишком! А ее усилия не стоят и кусочка льда в долине!

— Не стоят, ты права, — согласилась я с ней. Но стоило ей возликовать, добавила: — Потому что они бесценны!

— Что? — свекровь нехорошо прищурилась.

Чтобы не нарваться на отработку, или незапланированный урок по магии, мне пришлось быстренько выкрутиться:

— Я бесценное дополнение к Йелли. Он великий и самый умный, а я —его естественный противовес. Ведь природа любит равновесие, ну, или отдохнуть решила.

Мастер Фэй все-таки не сдержался: плюхнулся на стул, даваясь от смеха. А Йелли, улыбаясь, чмокнул мать, подхватил меня на руки — и утащил прочь.

— Мы куда? — насторожилась я, удобнее устраиваясь в объятиях мужа.

Всего неделя прошла с нашего знакомства и брака, а он меня так быстро и неумолимо меняет. Подстраивает под себя. Это не может не пугать.

— Я же обещал романтический ужин?!

Серокрылые леары, глядя на нас, улыбались глазами, Алел следовал привычной тенью. Деларию с утра не видела. Получив от меня указания, она занималась делами. Йелли вышел на террасу и сорвался в бездну. Его мощные крылья сразу заработали с утроенной силой и мы взмыли вверх. Я тихонько радовалась, что муж не заставил меня лететь самостоятельно, а нес сам, прижимая к груди. Осталось узнать куда.

Я то осматривалась, то заглядывала мужу в глаза, кажется, такие холодные, но на дне этих голубых глаз пряталось пламя. Невольно поддалась порыву и коснулась рукой его скулы; погладив гладкую щеку, ощутила смещение нашей магии. Он покосился на меня, смерил

внимательным взглядом, словно в душу заглянул, но промолчал, продолжая мерно махать огромными крыльями.

И откуда во мне столько чувств рождается к незнакомцу, каким-то магическим образом ставшим неделю назад моим мужем? Неужели из-за потрясающего секса? Волшебства? Биохимии? Наваждения? Вопросы, вопросы... Ведь Йелли настолько непредсказуемый, что порой хочется его треснуть чем-нибудь потяжелее. Но стать вдовой, когда так хочется иногда спрятаться в его сильных руках от всего на свете?..

Впасть в уныние, закопавшись в сомнениях и философии бытия, я не успела. Мы поднялись на высоту длиннющего дворцового шпиля, который пытался соперничать с вершиной горы. На уровне шпиля я увидела небольшую горную площадку с сервированным столом и двумя стульями, освещенную сотнями светлячков. Возле площадки висела интересная компания серокрылых леаров. У одного из них на поясе висели... гусли? Но при ближайшем рассмотрении увидела на инструменте не струны, а льдинки разных размеров, а в руках у музыканта — палочки. Двое других шаа, мужчина и женщина, одетые в легкие светлые одежды, держали цветные ленты.

— Ой, так ты устроил настоящий романтический ужин?! — восторженно прошептала я. — С музыкой и танцами?

Йелли загадочно усмехнулся, посадил меня на стул. Совершенно незаметно появились официанты. Дальше все было настолько чудесно и почти по-земному, что я была на седьмом небе от счастья. Наслаждалась яствами, напитками и выступлением танцоров, кружившихся в восхитительно прекрасном небесном танце под сказочную «ледяную» музыку среди горных вершин.

Где и когда еще я бы увидела танцующих ангелов? Только здесь, в Мире! Наверное, именно волшебный танец, музыка и великолепный мужчина, все время исподтишка наблюдавший за мной с легкой, едва заметной улыбкой, сломали плотину, которую я в себе построила, когда попала, причем как в прямом, так и переносном смысле. Почему-то именно сейчас я всем сердцем, всей душой поверила, что все будет хорошо! В чем Йелли недавно уверял мать.

Ведь это волшебный мир, так почему бы чуду не случиться со мной? Я стала леарой, белокрылой, поселилась на вершине горы, а не копаюсь в рисовых чеках в долине! Мне достался, наверное, один из самых замечательных здешних мужчин! Свекровь... ну подумаешь, ведьма, все равно по-своему заботится обо мне. Свекор вообще душка, может и с подвохом, но пока мне нравится. Еще и Делария появилась...

— Йелли, — тихонечко обратилась я, вспомнив о важном деле. — Ты лично знаешь художника, который писал картины, что висят в наших покоях?

— Не нравятся? — спросил он слишком спокойно.

— Ну что ты! Очень нравятся! Мне для театра нужны будут декорации.

— Декорации? — у него слегка выгнулась белоснежная бровь.

Пояснив что это такое, я поделилась другими проблемами:

— Нам будут нужны десятки разных видов местности, а ваша ледяя не позволяет прерывать передачу, чтобы переместиться. И вообще, почему ваши спецы не придумают какой-нибудь артефакт, который позволит сначала записать все события или представления, а потом показать.

Йелли задумался на пару мгновений, прежде чем ответить:

— Наверное, это можно устроить. Просто раньше необходимости не было. Новости леарам сообщают в основном эраты крупнейших шаазатов, численность которых превышает тысячу. И сама понимаешь, важных новостей для населения нашей страны не так много. Иногда две-три за год, не более.

— Нам нужен артефакт, который каждый день «вещать» будет. Причем сначала записывать, а потом показывать всем, кому надо, кому хочется увидеть. О, еще бы и сохранять запись, ведь тогда можно повторять спектакли по многочисленным пожеланиям зрителей...

Я замолчала, заметив скеплично-снисходительный взгляд Йелли. Он не очень-то верил в успех моей затеи, но, тем не менее, поддерживал. Поэтому не обиделась и не расстроилась, а убежденно заявила:

— Вот увидишь, мой шоу-бизнес вас всех еще удивит.

— Твой что? — уточнил он с улыбкой.

— Шоу-бизнес. Это когда деньги заколачивают на развлечениях.

— Я буду рад, если у тебя хоть что-то получится! — Йелли откинулся на спинку стула, махнул рукой танцорам и официантам, чтобы оставили нас.

Через несколько мгновений мы остались одни любоваться закатом. Троица спутников и богов по совместительству «расселась» на вершине горы, добавляя пейзажу фантастический флер. Дух захватывало от впечатлений!

— Расскажи, какой он, твой шаазат? — попросила я.

Йелли пожал плечами, прежде чем начать рассказ:

— Надеюсь, вскоре решу важные, безотлагательные вопросы, бал наш пройдет, и ты сама его увидишь. Я должен представить тебя главам городов нашего шаазата и...

— Городов? У нас есть целые города? — ошеломленно выдохнула я, потрясенная размерами владений.

Йелли усмехнулся довольно:

— Да, было шесть, но теперь пять. Три на востоке, один на западе, небольшой город на севере остался. Более крупный Блак с округом я передал Иси в качестве выкупа за тебя.

— Мне кажется, Амила злится на меня из-за этого Блака и изумрудных шахт, что достались шаэру, по-моему, на ровном месте, — приуныла я.

— Глупости! Просто мама очень требовательна ко всем и всему. А насчет Блака — вовремя избавились...

О том, как избавляются от сомнительных или ненужных активов, я в курсе, поэтому заинтересованно посмотрела на леарского девелопера:

— Можно поподробнее?

Шааз отдыхал, развалившись в кресле, положив ногу на ногу, но сложил пальцы домиком, перед тем как поделиться:

— Шахты достигли глубины, на которой выработка становится слишком опасной. Залежи истощились. Просто мы об этом не распространялись. Там в той или иной степени кормятся тысячи леаров, на чем держится весь Блак. Но как только мы закроем шахты, рабочим не на что будет кормить семьи. Целый город останется без средств к существованию на шее шаазата.

— Понятно... — глухо протянула я, ощущая себя в двусмысленном положении.

Йелли понятиво дернул уголок рта и продолжил выдавать коммерческую тайну:

— В соседнем округе, на севере, в нашем городке Сериме, мы нашли новые залежи. Еще более богатые, чем когда-то были в Блаке. Я приказал местному главе сообщить жителям Блака, что всех, кто хочет остаться подданными Арэнк, примут в Сериме. Так что от балласта избавились, а рабочих сохранили.

— Ты прекрасный предприниматель, как я погляжу, — оценила я. — От убыточного города избавился, на жену не потратился и даже премиальные получил — обзавелся дополнительной силой. В общем, сплошные плюсы...

Ледяные голубые глаза смотрели на меня с прищуром. Йелли не торопился опровергать мои выводы.

— Тебя смущает только то, что ты мне недорого досталась?

Я вспомнила, как боялась сбежать от него. Думала, шаэр меня за эти шахты в тюрьме сгноит. А если бы рискнула, то Иси бы уже выяснил, что его надули и, возможно, позволил переиграть выбор. Внутренний голос на задворках сознания напомнил о том, что бегала бы я исключительно по дворцу, до ближайшего духа. В сущности, дуться на местного «князя» за то, что мало дал за меня любимую, чересчур по-детски и смешно, поэтому, вспомнив родителей, выкрутилась, раз не смогла держать лицо:

— Да, смущает, что ты так же легко, как и шаэра, можешь надуть и меня в любом вопросе! И вообще, я, собственно, вот о чем: ты не боишься его мести? Возьмет и... понизит в звании? Или еще что-нибудь придумает?

— Не боюсь! Мы не оговаривали стоимость Блака, я предложил — он согласился. Все по-честному, — сухо ответил Йелли. — Касаемо тебя я предупреждал: мы связаны. До самой смерти! И не только магией и знаком избранности, но и будущими детьми! Поэтому правду от меня слушать придется, хочешь ты этого или нет.

Хотелось, конечно, верить, но я сомневалась. Поэтому спросила прямо, глядя в глаза:

— Даже Амила недоумевает, почему вы в меня так легко поверили? С отцом. Ты не укрепил нашу связь, дал мне время. Других вариантов давления не было? Муж передернул плечами. Ага, вопрос явно не из легких. Посверлил меня несколько секунд оценивающим взглядом, прежде чем признался:

— Вариантов — как снега после лавины. Ты противилась, искала возможность избежать связи со мной, даже сбежать, судя по твоему загнанному, как у зверя, взгляду. Я решил дать тебе пару дней привыкнуть, а если ты продолжишь думать о побеге, — усилить привязку. Стала бы смирной и послушной, о побеге бы точно не думала.

— Ты хотел жену-марионетку? — прошептала я, ужаснувшись. — Как шаман со змеем... Йелли не ответил на вопрос, продолжал рассказывать обо мне:

— Ты была непосредственной, спорила, ерничала, но не выходила за рамки. Даже если спорила, то по делу и логично. Тебя можно было понять, причин более чем достаточно. Сам не понимаю, почему рискнул, отложив закрепление связи. Рискнул шаазатом, ради которого живу, вся моя семья живет и каждый день отдает и заботится. Утром я думал, как с тобой быть дальше. А ночью, во время нападения, ты все решила за меня: не сбежала, не предала, переметнувшись к врагам, а предпочла встать рядом, защитила. И отцу ты понравилась, хотя он после гибели большей части родных ненавидит всех вокруг. Он говорит, ты его согреваешь, вон даже мама забыла про меланхолию. Теперь она злится на тебя. Столько эмоций у нее мы давно с отцом не видели.

— Сомнительное удовольствие — злить Амилу.

Хотела отвернуться от откровенно расчетливого и прагматичного мужа, но он не дал, передвинулся к краю стула, сменив вальяжную позу, взял меня за руку и добил:

— Возможно, но теперь это твоя участь.

— Ясно, — горько кивнула я. Раз уж мы тут душещипательные беседы ведем, почему бы не спросить о том, из-за чего хотела сбежать, нервничала и корила себя за ошибку с выбором жениха: — Знаешь, там, на Совете, я чувствовала себя оскорбленной. Думала: зачем тебе такая невеста, которой ты даже коснуться избегал, шарахался, как от заразной, но при этом отвалил за меня столько, что всех удивил? К чему были прятки и тайны? Ведь вы официально проводили выбор жениха.

Йелли посмотрел на сверкающий Кристальный дворец, находившийся почти на одном уровне с нашей площадкой, и ответил:

— Одно дело — заполучить ничейную шаазу и провести ритуал, чтобы получить сильного наследника. Всего одного, Кайя, как ты понимаешь, если пара не истинная. В нашем случае положение рода Арэнк это кардинально не исправило бы, почти не изменило, лишь отстрочило угасание. Слишком много белых родственников погибло за последнее время. И другое дело, когда эта шааза — истинная пара. Значит, наследников будет больше одного, если лары позволят, никаких потерь магии, поэтому я однозначно сохраняю пост в Совете. Если бы кто-то увидел, как мы сияли, просто так я бы тебя из Кристального не забрал.

— А что было...

— Могло быть все, что угодно. За второе место в иерархии Леарата убьют любого и не поморщатся.

— Ну об этом мне уже известно не понаслышке.

— Важно было, чтобы до шардиса никто не узнал, что ты моя избранная. Свободную и не связанную попытались бы забрать всем Советом, а уж потом решить, что с тобой делать и кому отдать. После шардиса ты абсолютно моя, Арэнк! Забрать тебя никто не имеет права! Отсюда такая спешка.

— Странно, почему эраты сразу не проверили меня на избранность? — недоуменно заметила я.

Муж лукаво усмехнулся:

— На самом деле сиять истинные леары начинают просто находясь рядом. Золотятся потоки силы и тянутся друг к другу. Если бы ты была обычной шаазой, то, спустившись к нам, сразу выдала окружающим, что мы истинные. А к иномирянке потребовалось прикоснуться, чтобы ощутить свою пару. Мне кажется, Великая Яза действительно благоволит тебе... и нам тоже.

— Надеюсь, — согласилась я, недобрым словом вспомнив плен у квошиков, невольничий рынок и змейсов.

Йелли задумчиво перебирал мои пальцы, потом вновь посмотрел мне в глаза и глухо проскрежетал:

— Той ночью, во время нападения, я засыпал, отравленный, четко понимая, что умру. Видел тогда лишь твои глаза, в них плескались ужас и боль, мне показалось, за меня. Знаешь, в тот момент я мечтал очнуться, чтобы ты снова смотрела на меня сияющими глазами, хоть в раздражении, хоть с подозрением, лучше, конечно, с восхищением. Странно было бороться со сном, все равно, что со смертью, и думать о твоих глазах и чувствах, отражавшихся в них. И сожалеть о том, как хотел с тобой поступить.

— Надеюсь, ты никогда-никогда...

— Я клянусь, Кайя, всегда говорить тебе правду. Какой бы она ни была. И клянусь, что постараюсь сделать все возможное, чтобы в нашем союзе было полное доверие.

Вокруг нас вновь вспыхнуло голубое марево — духи рода приняли клятву.

— Без магии и всяких привязок подчиняющихся? — потребовала я уточнить.

— Без! Все честно, без обмана, — согласился Йелли, криво улыбнувшись.

— Звучит немного высокопарно, — проворчала я, а про себя порадовалась, что муж за доверительные отношения и жена-кукла его не устраивает.

В восточных сказках тоже все по-честному и без обмана было, а в итоге «Сим-сим» не сработал. Но связь с Йелли Арэнком дает мне многое и защищает, всезнайка Делария подтвердила. Кроме того, он дал клятву верности и тоже зависит от моей магии.

Глава 22

Бал

У высокой арки-входа в зал для торжеств и приемов Кристального дворца я невольно задержала дыхание. Каменный свод этой огромной пещеры, выдолбленной в горе, поддерживают высоченные обледеневшие колонны. Стены тоже покрыты белым инеем, искрящимся в свете тысяч светлячков словно россыпи бриллиантов. Слева высится пьедестал с каменным тронном, смягченным подушками, рассчитанным на пару монарших задниц. Справа сбегает вниз ступени, ведущие в амфитеатр, но не под открытым небом, а под ледяным куполом. Оттуда льется красивая музыка, под которую порхают танцоры, похожие на ангелов.

Рядом с тронном внушительная каменная арка, испещренная древнелеарскими рунами, будто из фильма про Индиану Джонса, — вход в храм рода Иси. В отличие от храма при дворце Арэнк, в который летают или ходят по горной тропе, храм Иси — сердце Кристального дворца. И все, торжественно и строго, больше ничего примечательного, никаких архитектурных излишеств, декора, цветов, украшений.

Живым и эффектным украшением зала стали гости. Я впервые видела столько белокрылых, серо-белых и светло-серых леаров. Сотни шаазов и шаа создали такое силовое напряжение, что словно из ниоткуда постоянно сыпался, подобно конфетти, снег, покрывая пол и гостей, змеясь поземкой, завихряясь смерчем. Перенасыщенный морозным запахом, воздух щекотал ноздри, раздражал обоняние, поднимал дыбом волоски на коже.

Шаэр пригласил, точнее созвал первые пары сразу трехсот самых сильнейших шаазатов Леарата. Весь цвет страны. Представляю, как мечтали попасть сюда остальные и кусали локти триста первые или, к примеру, триста пятые. Так близко к «великим», всего шаг, но, оказывается, недостижимо, слишком далеко.

— Шаазы Амила и Ниол Арэнк! — громко прозвучало представление старшего поколения нашего рода.

Сразу несколько сотен чисто белых, с серыми прядями и таких же платиновых как моя голов обратились на моих свекра со свекровью. Ниол, как обычно, в белых одеждах. Амила совершенно неожиданно решила меня поддержать, но ее «неформата» хватило лишь на зеленые босоножки в тон килограмму изумрудов, навешенному на шею, уши, волосы и

руки. Ее бальный наряд неизменно белый. Как же у гостей вытягивались лица при виде искристо-снежных волос и крыльев Амилы и Ниола! Про апгрейд, случившийся из-за моего внепланового перехода, еще не все узнали. Хотя Ниол на казни заговорщиков засветился на ледае.

— Эрат Йелли Арэнк и его супруга Кайя Арэнк, новобрачные! Да даруют им лары много детей, силу и долголетие! — прогремело следом.

В душе я волновалась как никогда, но внешне, думаю, выглядела совершенно бесстрастно, как бывало всегда на любом приеме. Сегодня мне предстоит принять один из важнейших вызовов в новой жизни. Ничего, справлюсь! Тем более, рядом уверенно ступает Йелли, словно лев среди своего прайда. Как и отец он облачился в белый строгий, по мнению леаров, костюм: рубашку до бедер, классические прямые штаны и открытые сандалии. А вот голову мужа венчал тонкий обруч из металла, подобного белому золоту, украшенный светло-голубыми бриллиантами в огранке багет, подчеркивающей их безупречную чистоту, размером карата три каждый, не меньше. Такие обручи на важные и торжественные мероприятия надевают все эраты, имеющие право на высокий титул — шааз.

Еще дома, когда я увидела Йелли в этой «короне», — обомлела. Выглядел он значительно и царственно, хорош — глаз не оторвать. Муж, отметив мой восторг, мягко усмехнулся и с не меньшим восхищением осмотрел меня. С того момента он ни разу не выпустил моей руки, лишь при перелете согласился не мять мой наряд и позволил лететь самостоятельно. Сама себе я напоминала в полете подбитый «кукурузник», то клевавший носом, то заваливавшийся набок. Но старательно выравнивалась и радовалась, что с каждым днем все более уверенно держусь на собственных крыльях.

На верхней ступеньке короткой лестницы я повыше задрала подбородок, взирая на всех свысока. Утверждение Амилы, что мы здесь после шаэра самые крутые и нам можно все, ну почти все, вселяло надежду, что меня после представления не закидают тухлыми яйцами, или гуаши, применительно к этому миру.

Гости замерли, разглядывая меня, некоторые даже рты приоткрыли. Еще бы, я нарушила высокий белолеарский протокол! Первое: на мне был непривычный для шааз наряд глубокого пурпурного цвета, но, как здесь положено, расшитый сотнями бриллиантов — наши швеи всю неделю старались. Приталенная туника почти до колен, с длинными рукавами, с высокими боковыми разрезами, расшитыми серебристой нитью. Спина чуть выше талии открыта, а вот спереди все плотно закрыто и даже шея под глухим воротничком. Облегающие узкие брючки с короткими боковыми разрезами тоже были расшиты по низу в тон тунике. На серебристые босоножки бриллианты лепить запретила — это чересчур. Зато грудь и запястья пришлось украсить богатейшим ожерельем и браслетами из «аметистов» и «алмазов».

Второе нарушение: мои блестящие пепельные волосы лежат на плечах и голой спине свободной волной. Двумя драгоценными заколками я убрала пряди со лба, отказавшись надеть серьги — маленьких не нашлось, а все остальные оттягивают уши. Выгляжу я, по меркам своей родины, чудовищно дорого и шикарно, как какая-нибудь восточная принцесса, и тем не менее осталась довольной.

Зато все шаазы и шаа, порхавшие по залу, были в более чем открытых белоснежных нарядах. Наверное, я походила на темную воро... нет, черного лебедя среди белых. В крови бурлил хороший азарт и желание пошалить. Сказывались две недели непрерывной учебы, тренировок и работы по созданию телевидения, вымотавших больше, чем пять лет обучения в университете и экстремальные увлечения бывшего жениха.

— Я рядом и всегда поддержу, просто помни об этом! — шепнул мне на ухо Йелли, пожав мои пальцы на сгибе своего локтя.

Я благодарно ему улыбнулась и пошутила:

— Постараюсь не сильно валять твою честь в грязи пересудов.

Его голубые глаза впились в мои с непонятным жадным вниманием. На миг показалось, даже с голодом. Неожиданно муж ласково погладил меня по щеке, а ведь ему не свойственно публичное проявление чувств, словно не смог устоять желанию, порыву коснуться. Глаза Йелли потемнели, выдавая его состояние.

— Кайя, держись мамы, никуда от нее не удаляйся. Она прикроет, если меня рядом не будет.

Я тоже решила не сдерживать порывов и коснулась его щеки со словами:

— Не волнуйся, мой свет, все будет хорошо. Я запомнила: если что — выставляю щит и жду тебя, а ты дальше сам разберешься. И Лыл с нами.

— Внимание! Шаэр и эрат Яхто Иси с супругой Окэ Иси. Устроители бала в честь новобрачных Арэнк. Да даруют им лары много детей, силу и долголетие! — снова прогремело над толпой.

Дальше началась метель. На гостей, светлых сверкающих прекрасных «ангелов», с удвоенной силой посыпался снег, заигравший всеми цветами радуги в свете многочисленных светлячков, отражавшемся от поверхностей и не менее многочисленных украшений леаров. Волшебство! Нереально! Красиво так, что дух захватывало.

Через мгновение громогласный голос добавил:

— Эр первого шаазата Шиай Иси! Да даруют ему лары истинную, много детей, силу и долголетие!

К трону подошла семья: величественный шаэр, его супруга в роскошном белом одеянии, такая красавица, что я показалась себе пастушкой, и мальчик лет семи, тоже в белом, — Шиай Иси, тот самый наследник.

Следующий час-глыба прошел для меня под названием «пытка и показуха». Мы с Йелли, стоя возле восседавшей на троне монаршей четы, слушали поздравления. Сначала сам Иси настойчиво желал нам быстрого появления потомства. Советы, на мой взгляд, дурацкие, раздавал с пылом и жаром. При этом, не забыв похвалиться, что сам недавно встретил свою юную прелестную жену, старше которой на несколько сотен лет. И сын у них получился замечательный.

Затем меня познакомили с ближайшей родней из шаазата Арэнк, теми, кто имеет хоть какие-то виды на место эрата и относительно белыми. На их присутствии на балу настояли родители Йелли. Их действительно оказалось мало, всего-то шестеро, но им, своим, я улыбалась искренне. Кроме того, муж заручился разрешением шаэра, чтобы меня на балу сопровождала моя личная тень — Лыл. Видимо дворцовой охране, обеспечивающей безопасность гостей, не мог доверять.

Далее нас поздравляли семьи советников «большой девятки». Потом меня знакомили с местным бомондом, хотя имена родов и самих гостей я перестала запоминать уже после десятого, с учетом того, что их триста пар здесь собралось. От профессиональной улыбки героини праздника у меня сводило скулы. Хорошо, что солидная подготовка и прошлая практика, включавшая умение улыбаться в любых ситуациях, спасали меня, особенно в непредсказуемых.

Так было, когда эрат Керук неожиданно пришел на бал не с супругой, а с сыном. Действительно сын оказался копией отца, но если старший умело прятал суть, демонстрируя спокойствие и доброжелательность даже глазами, то синие глаза младшего, эра, при взгляде на меня и Йелли вспыхнули нехорошим алчным огнем. Жадно вдохнув, он облапил меня взглядом, хищно усмехнулся и ушел вслед за отцом. Читай книги на Книгочей.нет. Поддержи сайт - подпишись на страничку в ВК.

Рефреном моему едва слышному вздоху облегчения проскрежетал зубами Йелли. Собственническим жестом положил тяжелую руку мне на талию и чуть прижал к себе. Мне бы обидеться из-за пустой ревности, а вот, наоборот, польстило и стало приятно на душе. Я знаю, что истинная, единственная и клятву верности слышала, но ревность может означать другое зарождающееся чувство.

Когда река поздравляющих закончилась, я не сдержала полноценного вздоха. Краем глаза заметила понятливую и сочувствующую улыбку первой леди Леарата Окэ Иси. Она все это время держала подле себя непоседливого сынишку.

Я еще раз убедилась: наследники невероятно похожи на отцов. Как Ниол с Йелли.

Младший Арэнк немного шире в плечах и выше ростом. Значит, и наш сын, если родится, будет похож на отца. Я невольно бросила взгляд на мужа, изучая и оценивая. Не зря перспектива стать матерью в корне меняет отношение женщины к будущему отцу ребенка. Усиливает чувства, выделяет его перед другими.

— Устала? — спросил Йелли, поймав мой взгляд.

— Немного, но скорее от количества имен и новых лиц, — призналась я.

— Ты их нечасто видеть будешь, не переживай, — успокоил Йелли, вновь погладив мои пальцы на сгибе своего локтя.

— Кайя, — вмешалась в наши нежности довольная Амила. — Пойдем, пора включать тебя в общество...

— ...гадюк? — помогла я.

Амила нахмурилась, значение этого слова она не знает, но догадалась, что не из лестных. В этот момент к нам поспешила первая великосветская пара, и она напонила, что это одиннадцатые в иерархии шаазатов.

Причем «одиннадцатая» шааза так спешила побеседовать с нами первой, что чудом избежала столкновения с другими гостями. Ее супруг, эрат одного из крупнейших шаазатов, вежливо нам улыбнулся, предоставляя возможность поговорить своей паре, а сам с досадой, что не успел, искал взглядом Йелли, отошедшего пообщаться с шаэром. А его девушка, женщиной ее язык не повернулся бы назвать из-за присущей всем шаазам красоты и молодости, после пары дежурных фраз ни о чем, решила меня поддеть:

— Кайя, неужели супруг не выделил тебе средств на гардероб? Ты слишком скромно одета. И цвет такой... в высоком Леарате не встретишь, только в долине ша покупают. К тому же, на тебе почему-то слишком закрытая одежда...

Я не менее любезно улыбнулась, сжав побелевший от ярости кулак Амилы и многозначительно, с придыханием поделилась:

— Фантазия мужчины — лучшее оружие любой женщины. Чем больше закрыто тело, тем сильнее распаляет мужское любопытство. Бедняжка, тебя не заметили даже стоявшие рядом гости, супруг с трудом спас от столкновения, зато меня сегодня не заметит только слепой. Я предпочитаю быть на виду, а не в тени.

Кулак Амилы тут же разжался, она ядовито хмыкнула и, не прощаясь с растерявшейся Одиннадцатой, увела меня от нее. А той еще и выговаривал недовольный супруг. Свекровь откровенно развлекалась, намереваясь получить удовольствие от нашей прогулки по залу и светскому общению.

Следующая пара решительно пыталась высказать мне соболезнования по поводу нападения, затем наигранно возмутилась:

— Куда смотрит эрат?

— Как столько предателей смогли пробраться во Дворец второго шаазата?

Флегматично пожав плечами, я адаптировала изречение известного правителя и полководца Филиппа II Македонского:

— Даже в самом защищенном дворце найдется дверка, через которую пройдет шайгал, груженный золотом. Предателей, жадных до денег и власти, хватает везде!

— Во втором шаазате враги получили достойный отпор, а если бы напали на менее сильный? — как ни в чем ни бывало добавила свекровь.

Третья пара несколько минут, кажется, совершенно безобидно, разливались соловьями, нахваливая свой шаазат и в лучших традициях русских бабушек своего наследника. Амила начала покрываться красными пятнами, а я просто расплывалась от удовольствия. Но, поймав ее взгляд, обещавший мне расправу, решила вежливо сменить собеседников.

— Все лучшее Хоки досталось от меня, — не унимался тридцать восьмой эрат, восхваляя сына и наследника.

Пришлось критично окинуть взглядом отца супер-пупер сына и откланяться:

— О, ну тут я могу лишь поверить вам на слово...

Амила фыркнула, подхватила меня под локоток и потащила прочь от шаазов, которые, оказывается, «пытались нагло увести жену у ее сына». Я же не могла понять: к чему ее волнение, если мы связаны кровью и магией с Йелли? Все же есть какой-то способ разорвать связь избранных? Без смерти кого-то из пары? Или все так уверены, что род Арэнков долго не протянет? Или Амила просто из той категории женщин, считающих своих сыновей идеальными. И любой комплимент чужим «детям» автоматически причисляет к покушению на «честь, собственность и прочие достоинства» своего ребенка? Надо разобраться!

Далеко уйти не успели — уперлись в весьма видную даму. Единственную, наверное, на всем балу с увеличенными габаритами и несуразной прической: белоснежные волосы были заплетены в огромную корзину, внутри которой лежали бриллиантовые фрукты. Одним словом, все богатства с собой принесла.

Отступив на шаг и увидев, с кем ее свела нелегкая, дама начала бурно нахваливать бал и петь дифирамбы шаэру, проявившему щедрую заботу ко второму шаазату. Свекровь скрипела зубами, мало того, что гостя наступила ей на большую мозоль, так еще и от души топталась. Толстуха по-кошачьи довольно щурила зеленые глаза, прекрасно понимая двойственную ситуацию, когда унижают, оказывая честь, и откровенно наслаждалась.

— Я так люблю мероприятия с размахом, — прошептала она.

— С прической ты тоже размахнулась! — ядовито улыбнулась Амила и пошла дальше.

Я за ней — и нечаянно попала в засаду сразу к троим великосветским дамочкам.

Прелестные светло-русые шаа, наверняка из двухсотых, понравившиеся мне гораздо больше, чем надменные беловолосые красавицы шаазы, тут же постарались вовлечь меня в разговор, напомнив про нападение, пройдясь по жестокому Йелли, казнившему столько серокрылых. По «секрету» рассказали и про другие «выходки» моего мужа, после которых за ним закрепилась слава «не тронь, а то убьет!». Потом почти искренне восхитились, как легко столь необычная особа, открыто подкидывшем Язы назвать меня не посмели, обзавелась мужем высокого полета. Я решила блеснуть афоризмом Мэй Уэст:

— Нынче легко выйти замуж, но трудно остаться замужней.

— Как ты права! — воодушевились леары перлами моей родины. — Ты должна бороться за счастье!

Красотки явно не о том подумали, я имела в виду нападение и повышенную смертность среди белокрылых, но сразу же выкрутилась:

— Ну что вы, счастье столь кратковременное чувство, что бороться лучше за любовь! Она — вечна!

— Прости, Кайя, оставила тебя совсем одну, — Амила схватила меня за руку и, демонстративно не замечая шаа, словно они пустое место, повела меня прогуливаться.

— У вас всегда так весело и доброжелательно? — ехидно поинтересовалась я.

Судя по манерам и беседам, «слабый пол» здесь исключительно с целью прищемить друг другу хвост. А вот их сильные половины вели себя словно хищники, безошибочно преследуя высших эратов, чтобы укрепить экономические и политические связи. Скучная вечеринка, но ничего из ряда вон, слишком похожа на наши, такое же лицемерие, показуха и подковерные игры. И почему-то называется балом, а танцуют только профессиональные артисты. Видимо сложности перевода с леарского на аяш или формат приема такой.

Помимо тенью следовавшего за нами со свекровью Льила, я постоянно чувствовала взгляд Йелли, державшего меня в поле зрения, не важно с кем он в тот момент вел переговоры. И отвечала ему глазами, мол, все в порядке. Он действительно неуловимо от всех отличался.

Может только для меня, но его высокую поджарую фигуру находила сразу, где бы не находился. Он стоял прямо, заложив руки за спину, словно генерал, осматривающий войска, глядя на всех сверху вниз, но не свысока. В нем не было высокомерия, скорее тщательно выверенный расчет, внимание и оценка ситуации и собеседника.

Мы с Амилой не успели присоединиться к Йелли и Ниолу — внезапно гул голосов оборвал мощнейший взрыв, прозвучавший от храма. Кажется, сама гора содрогнулась, сверху посыпался не снег, а обломки и пыль. Гости попадали на пол, многих посеколо осколками льда от начавших крошиться колонн. Через несколько мгновений леары опомнились, начали массово создавать защитные энергощиты — голубые купола, попутно оглядываясь, пытаясь выяснить, что случилось.

Шаэр с женой побледнели и хмурились, напряженно глядя на храм.

— Надо улетать, пусть сами разбираются! — прозвучал жесткий приказ Йелли, вдруг оказавшегося рядом.

И про щит я совсем забыла, а он плотным коконом окружал меня. Но покинуть Кристальный мы не успели. Из храма вышла красивая леара с наполовину серыми крыльями и волосами. Она что-то прижимала к груди, но мое внимание невольно привлекли, приковали браслеты, такие яркие и сияющие. Боже, я же их видела где-то...

Следом за леарой из сумрака пещеры выплывали белесые тени духов рода Иси. Если я не ошибаюсь.

— Адана, что там случилось? — хрипло, взволнованно спросил шаэр.

— Кузина шаэра? — удивленно выдохнула Амила.

Родственница шаэра подошла к постаменту и замерла, глядя на чету повелителей. А я отвлеклась, заметив у одной из колонн метрах в десяти маленькую фигурку. Это же Шиай Иси, наследник рода! Почему-то без сопровождения, напуганный взрывом и одновременно напряженно следивший за происходящим. А ведь его торжественно отправили с няней из зала еще час назад, не меньше. Что он тут делает? Сбежал от няни и охраны?

Я удивленно смотрела на ребенка, слушая сухой, безразличный голос Аданы:

— Я, Адана Иси, заявляю, что по приказу шаэра и эрата шаазата Иси, уничтожила сердце Кристального дворца — храм и вместилище защитников. Мы не верим в наших духов! Мы отрекаемся от вас! Клянусь собственной жизнью, все, сказанное и сделанное мной, — правда!

— Ты что творишь, безумная? — Оба Иси стали мертвенно-бледными.

Дворец продолжал содрогаться, после серии очередных толчков обломки перекрыли выход и все гости устремились к амфитеатру, где в ужасе мельтешили танцоры и музыканты.

— Ай, — испуганно взвизгнула я, когда буквально в метре у моих ног в пол как нож в масло вошла огромная ледяная глыба.

К счастью, крылья и магия Йелли спасли от осколков и травм. Тем временем пещера продолжала рушиться, дворец ходил ходуном, но не это оказалось самым страшным. Духи после заявления Аданы словно от нее заразились — обезумели. Озверели, будто с бешеных псов сорвали поводки. Спешили насладиться мстостью, накинувшись на своих обидчиков. Призраки пронеслись сквозь пару серокрылых гостей, на ходу осушив несчастных, и два уже чернокрылых тела рухнули на пол.

Поднялся невообразимый шум: высокие душераздирающие вопли перепуганных леар, грубые ругательства их супругов, проклятия, крики боли, столкновения. И тем не менее, леары, каждый или вместе, держали голубые заслоны уже не столько от камней и льда, сколько от взбунтовавшихся духов Иси.

Адана стояла неестественно прямо, глядя на повелителя. И тем не менее, по ее бледным щекам бежали слезы. Вдруг она медленно, словно сопротивляясь самой себе, раскрыла прижатые к груди ладони — и изо всех сил швырнула к ногам Иси голубой осколок. И вразрез слезам произнесла все тем же сухим безразличным голосом, как заводная кукла:

— Вот все, что осталось от алтаря твоего храма, шаэр. Совсем скоро и от рода Иси останутся жалкие осколки. Первый шаазат проклят, погиб и забыт! Да будет так! Раз мы отреклись от наших духов!

— На ней же браслеты Канубы! — выдохнула я потрясенно, наконец-то вспомнив, где видела эти гипнотизирующие взгляд браслеты на руках кузины шаэра.

Меня отвлек плач ребенка. Окутанный своей защитной магией, Шиай плакал, обнимая себя за плечи и испуганно глядя на рвущихся к нему между многочисленными куполами призраков с оскаленными в ярости лицами-масками. На заснеженный пол продолжали падать чернокрылые трупы бывших эратов и их жен. С разгневанных предательством небес падали камни и льдины. Кристальный дворец разрушался. Духи и, кажется, боги леаров хотели стереть с лица Мира род, который отказался от своих предков, уничтожил святыню — алтарь. Им не важно, что причиной вакханалии стало воздействие чужой магии.

Я не раздумывала, увидев ребенка в смертельной опасности. Меня будто что-то изнутри толкнуло. Взмахнув крыльями, я в пару шагов преодолела разделявшие нас десять метров и встала между ребенком и призраками, наверное еще в полете поставив свой купол.

Единственная надежда: если духи проникнут сквозь купол в меня, то как и наши, подкормятся, но не убьют. Моя главная задача — не пропустить их к Шиаю. И кто-нибудь обязательно должен помочь.

Мы с Шиаем привлекли внимание Йелли и четы Иси. Увидев сына напротив призраков-убийц, Окэ закричала и вместе с супругом рванулась его спасать, но, к сожалению, окружившие их злобные почившие родственники напирали со всех сторон. Повелителю с женой пришлось усиливать щиты, вместо того чтобы прорываться на помощь. Их телохранители падали одним за другим, выпитые духами, но никто не сбежал. Не предал!

К нам с Шиаем с диким ревом подскочил Йелли, укрыл своими крыльями и щитом, не пропускавшим осколки и духов, и потащил за собой пробираясь к матери и отцу, с которыми, наверное, по его приказу, остался Льил.

А отовсюду шелестело злобное шипение призраков:

— Отказались!..

— Предали!..

— Проклятые!..

— Умрите!..

По глупости я думала, что спасаю ребенка, но Йелли пришлось спасать и его и меня. Ниол с Амилой и Льилом держали щит от духов — вместе проще. Многие собирались в тесные группки и формировали общие щиты, пытаясь выбраться из смертельной ловушки, а ведь льдинку назад и не подумала бы, что такое единодушие бывает.

По лицу мужа ползли капли пота, кожа побледнела, он явно был на грани истощения. Ведь духи — бывшие леары — легко поглощали чужую энергию, наслаждались ею. Я прикрывала крыльями и телом ребенка. Сконцентрировалась и по наитию послала мужу волну своей энергии — мы же связаны, я могу помочь! Ура, хвала ларам, он будто вздохнул свежего воздуха — лихо усмехнулся, дав мне понять, что правильно делаю. До родителей, казалось, рукой подать, а нет, обратно к трону мы продвигались, словно вторую жизнь проживали.

Мне под ноги попался кусок алтаря, отлетевший в сторону от пьедестала, когда Адана его швырнула Иси. В памяти всплыл наш шардис, а Йелли, к счастью, тогда не поленился рассказать об этом ритуале по ходу дела, так сказать. Ший всхлипывал, держась за мою тунику. Я положила руку ему на макушку, успокаивая, и тут мне в голову пришла совершенно шальная и, возможно, бредовая мысль. Но сейчас не только первому шаазату и всему роду Иси вот-вот придет конец, поэтому выбирать не приходится.

Я дернула Йелли за крыло, требуя остановиться. И не обращая внимания на его яростный протест, подобрала голубой осколок, сразу ощутив вибрацию магии. Живой — значит должно получиться.

— Ший, хороший мой, — я присела на колени, чтобы быть на одном уровне с мальчиком, — сын шаэра должен быть сильным. Ты понимаешь меня?

— Я боюсь, меня съедят! — всхлипнул маленький эр, крепко державшийся за мою руку.

— Не бойся, если Арэнк с тобой, все будет хорошо, — уверенно сказала я. — Теперь слушай меня внимательно. Мы сейчас сделаем тебе чуточку больно, потому что нам нужна капелька твоей крови, а затем ты слово в слово повторишь мои слова. Понял?

Мальчик хлопнул носом; казалось, его заплаканные глаза смотрели прямо в душу. Он кивнул и доверчиво протянув мне руку.

— Что ты задумала? — рыкнул Йелли обеспокоенно.

— Тихо, пытаюсь помочь... хоть как-нибудь, — постаралась бесстрастно ответить я, чтобы не испугать ребенка, одновременно срывая заколку с волос и до крови царапая его ладошку. Вложила в нее осколок алтаря и спокойно, четко, сквозь свое громко колотящееся сердце попросила: — Ший, повторяй за мной!

Дальше маленький Иси громко говорил, вытянув алтарный камень перед собой:

— Я, Ший Иси, эр первого шаазата, сын и наследник Яхто Иси и Окэ Иси, клянусь: все до единого Иси верны и преданы своим предкам, кровью и честью служим вам испокон веков, ни словом, ни делом не отрекались от духов рода, защитников рода, наставников рода. Клянусь кровью, самой сокровенной жидкостью, что Адана Иси соврала, но не виновна. Клянусь, что Адана Иси уничтожила храм и алтарь под воздействием проклятой магии браслетов Канубы по наущению врагов рода Иси! У нас с вами одна кровь, одна честь, один род! Да будет так!

Мир словно замер — детский голосок заставил духов остановиться и обратить на него внимание. Часть гостей ринулись прочь из зала, другая — вытаращились на нас. Я поспешила закрепить успех, не понравилось мне, что духи не исчезли, не ушли, а продолжали «скалиться» в жажде крови. Я полоснула застежкой от заколки по своей ладони, пуская кровь. Положила поверх осколка на его ладони свою руку, смешивая нашу кровь. Едва ли мой голос звучал громче, чем у мальчишки:

— Я, шааза Кайя Арэнк, посланница Великой Язы Справедливой, клянусь кровью: все до единого Иси верны и преданы своим предкам. Кровью и честью служат вам испокон веков. Ни словом, ни делом не отрекались от духов рода, защитников рода, наставников рода. Клянусь кровью, самой сокровенной жидкостью, что Адана Иси соврала, но не виновна. Клянусь, что Адана Иси уничтожила храм и алтарь под воздействием проклятой магии браслетов Канубы по наущению врагов рода Иси!

Только прозвучало мое последнее слово, зазвучал глухой, холодный, уверенный голос Йелли, который повторил мою клятву. Затем синхронно — Амила и Ниол, за ними — эраты Ланей и Одэко. Совсем скоро голоса, вторившие друг другу, слились, многие встали на защиту рода Иси.

Окэ сияющими глазами, с невыразимой материнской гордостью смотрела на сына. У меня в груди защемило: если бы у меня был такой смелый сыночек, я бы тоже гордилась! А вот шаэр, как мне показалось, подсчитывал и запоминал голоса клятводателей. По всей видимости, вычеркивал их из ближайших врагов, а вот остальных ставил на контроль. Последними поклялись сами верховные Иси, в конце на древнелеарском произнесли какое-то заклинание. Гости поспешили удалиться, а присмирившие духи занялись восстановлением дворца и выносом тел, ведь «наелись» вдоволь.

Окэ, наконец, сорвалась с места, чтобы обнять сына. Перед тем как уйти с ним, она серьезно предложила:

— Будем дружить?

— Будем! — так же серьезно, глядя ей в глаза, согласилась я.

Шаэр искренне улыбнулся нам с Йелли и родителям:

— Моя благодарность неизмерима! Я запомню и верну этот долг!

— Больше на наши балы к себе не приглашай и сочтемся! — мрачно произнес Ниол.

— Я же по дружбе, Ниол, — демонстративно обиделся шаэр на моего свекра.

— А Блак у моего сына ты тоже по нашей старой дружбе отобрал? — тоже «обиделся» Ниол.

Несомненно, этих двоих связывают приятельские отношения. Но вот зря он про Блак напомнил — шаэру словно на открытую рану соли насыпали, он грозно вскинулся:

— Знаешь что, вы с Йелли меня провели с этим Блаком! И после этого ты...

Так, не зря свекор вспомнил, а весьма своевременно, потому что мимо Яхто Иси пролетел озабоченный делами по восстановлению дворца призрак. Голос хозяина дома сразу потеплел:

— Ладно, забыли... друг другу.

После примирения заклятых друзей, мы, замученные, вымотанные и все-таки довольные тем, что все закончилось гораздо лучше, чем могло бы, полетели домой. Я — на руках у Йелли, крепко-крепко прижавшего меня к груди. Одним глазом наблюдая из-за его плеча за круговоротом из слуг, теней-охранников, гостей, рабочих возле по-прежнему сверкающего в лучах Моики Кристального дворца — оплота Леарата.

— Ты могла ошибиться, тогда призраки забрали бы всю твою кровь и душу! — глухо шепнул мне на ухо самый лучший в мире мужчина. — Никогда, слышишь, никогда больше не рискуй собой!

— Мы же связаны, — удивилась я. — Погибнешь ты, скорее всего, умру и я. Ты сам, между прочим, не стоял там сторонке...

— Если тебя не станет, я — умру, потому что моя сила привязана к твоей. А ты — нет, потому что женщина — половинка, оставшаяся без истинной пары, самодостаточна. Если и умирает, то от горя. Тебе это не грозит.

Вот и ответ, почему Амила раздражалась, когда мне нахваливали других наследников: если вычеркнуть из нашей пары Йелли, я вновь стану свободной сильной шаазой. Я подняла голову, чтобы взглянуть слишком рациональному мужу в глаза. И тихо, с горечью спросила:

— Ты уверен, Йелли?

— Разве это не так? — глухо спросил он.

— Нет, — без пояснений и прочей чепухи отрезала я, отворачиваясь.

Руки Йелли перестали походить на стальные канаты. Теперь он обнимал меня с нежностью. Во всяком случае я верила в нее, ощущала. Для первого шага к пониманию и сближению и этого достаточно. Пока.

— Что-то ты бледненькая какая-то? — озабоченно заметила Амила, летевшая рядом и конечно же все слышавшая и видевшая.

Я на волне великосветского приема показательно надменно заявила:

— Это у нас в роду такой признак героизма!

Йелли, наверняка вспомнив все свойственные мне «признаки», рассмеялся.

Глава 23

Рекрутинг

Всем семейством мы с террасы наблюдали за нескончаемым круговоротом леаров около Кристального дворца. Я — положив руки на поручень, а Йелли — встав у меня за спиной и поглаживая мои плечи, порой легонько сжимая, словно хотел прижать к себе, но сдерживался. Ниол обнимал за талию Амилу, устало положившую голову ему на плечо.

— Почему красные? — спросила я, когда на стенах Кристального начали развешивать красные полотнища.

Кроме родителей сегодня вместе с нами ужинали родственники — близнецы Тукела и Туонис Арэнк, двоюродные братья Йелли, — которые остановились у нас и присоединились к столу. Раз им никто не возразил, имели на то полное иерархическое и родственное право. В Совет Девяти им не войти, серого в них больше четверти, но присущие Арэнкам четкие, мужественные черты на лицо однозначно. Четверо мужчин в нашей родственной компании похожи как внешне, так и разговорчивостью не отличаются. Кажется, если бы не я, они сидели бы молча — отдыхали, отдавая должное дворцовой кухне и бокалу вина, перебросившись парой фраз о самом важном.

Дополняя друг друга, близнецы рассказывали мне о традициях Леарата, когда я смотрела на них, включая в беседу:

— Красный — цвет трагедии, он символизирует невинно пролитую кровь. Сегодня погибло несколько шаазов и шаа из сильных шаазатов. Причем, не в бою, а случайно, из-за чьей-то подлости. Это чистый, светлый траур, когда разделяют горе и беду.

— А если бы Адана оказалась виновной?

— Тогда, если бы от Кристального хоть что-то осталось, последние представители рода Иси вывесили черные флаги.

— Символизирующие признание вины, сожаление и искупление.

— Достойная традиция, — вздохнула я и уточнила, задумавшись о зачинщиках сегодняшней бойни: — Сегодня сразу в нескольких шаазатах объявят новых эратов? Сменится власть...

— Да, — проскрипел Йелли. — Кто-то очень хитромудрый решил убрать Иси руками самих Иси. Вскоре после нападения на нас.

— Думаешь, это связанные события, эрат? — усомнился Туонис.

— Абсолютно! — ледяной тон Йелли не оставлял сомнений.

Ниол его поддержал:

— Да, поразительный размах и тщательно продуманная подготовка. Руководил один умник, без сомнений высокого полета, с огромными ресурсами и возможностями, который раскинул сеть куда смог дотянуться. Против Йелли использовали кинжал, отравленный хаоши. Те твари редко с кем сотрудничают, тем более, раздают артефакты, заряженные своей магией. Для Аданы браслеты Канубы где-то нашли. Создатели этих браслетов — ледяные — и сами теперь считают их практически утраченными. После казни жрицы Темной стороны Моики мы их повсеместно уничтожали.

— Кануба — это темная жрица? — тихо обратилась я к Йелли.

— Да. Дочь леары и змейса, единственная из потомков подобного союза с хвостом и крыльями, в которой так соединились особенности обеих рас. Воспитанная в Подземье, ненавидевшая леаров и ледяных, она основала культ Ночи. К тому же, Кануба была сильным магом и создавала жуткие артефакты, в частности браслеты подчинения леаров — магии и души. Темную жрицу казнили тысячу лет назад, но ее коварные «игрушки» до сих пор попадают, несмотря на наши усилия.

Я обернулась в пол-оборота, слушая мужа, и заметила, что гости и родители поморщились. — Может не настолько этот умник и мудрый? — вновь высказал сомнение Туонис. — Ведь наш эрат с Кайей, хвала ларам, живы.

Йелли хмыкнул насмешливо; на безупречно красивых лицах его родителей «расцвели» такие кривые зловещие ухмылки, что пробрало и меня, и братьев. Амила высказала свою точку зрения:

— Просто этот «умник» уже второй раз не взял в расчет подкидыша Язы. Прости меня, сынок, за это прозвище, но оно как нельзя лучше отражает действительность. Кайя — слабая, почти ничего не знает и не умеет... — У меня от удивления чуть глаза на лоб не вылезли, пока Амила переводила дыхание! — ...на первый взгляд, но ее действия невозможно предугадать. Как, например, сегодня — клятва на осколке алтаря! Кто знал, что даже частица святилища пригодится? А их клятва с младшим Иси окажется столь искренней и проникновенной?

— Или когда леара, которая не в состоянии даже вестник сформировать, поставила защитную стену и спаслась вместе с супругом, — добавил с мягкой улыбкой Ниол. В очередной раз убедилась: свекор — лапочка, а его жена — ведьма! Эх, жаль сын пошел в Амилу, а не в отца. Неожиданно вспомнился Хинто — хваленый наследник Керука с ледяным, ощупывающим, раздевающим взглядом. И невольно передернулась, словно мне за пазуху пауков пустили.

— Что случилось? — с нежной заботой спросил Йелли, прижав меня к груди.

Я поделилась, не раздумывая:

— Ничего особенного, почему-то вспомнился Хинто Керук, он так жутко смотрел при знакомстве.

— Хинто? — ледяным тоном повторил Йелли, потом, взглянув на отца, вспомнил: — Кстати, ни отец, ни сын клятву духам Иси не принесли.

— Неплохо, решение легче принимать, — отозвался Ниол.

Это то, о чем я подумала? Но спросила осторожно:

— Скажите, уже есть предположения, кто за провокацией в Кристальном стоит? И за нападением на нас?

— Есть, но пока нет твердых доказательств, — с глухим раздражением признался Йелли. Я обернулась к пострадавшему, но уцелевшему дворцу, сияющему еще сильнее. К сожалению, светится он благодаря магии тех, кто начал восстанавливать разрушенные взрывами или толчком землетрясения башни, стены, переходы и ледяной декор, украшавший этот потрясающий воображение архитектурный ансамбль. Вокруг него летали сотни леаров: одни что-то несли туда, другие, наоборот, выносили, чаще всего трупы спускали в долину. Как здесь говорят, возвращали в родные шаазаты погибших. Страшная картина.

— Долго его восстанавливать будут? — шепнула я в грудь Йелли, обнимая его за торс. Йелли расслабился и, чуть ссутулившись, тоже обнял меня, потом прижал еще крепче. Видимо, обнимашки и нежности не в его характере. Ну раньше не были, а теперь, наверное, он восполняет, удовлетворяет новую внутреннюю потребность. И появилось это желание быть рядом со мной, касаться и, не побоюсь этого вряд ли известного моему суровому Арэнку слова «нежничать» совсем недавно:

— Такие множественные большие разрушения и повреждения восстановят дней за тридцать-сорок, не раньше. Вдобавок энергозатратные работы ослабят магию рода Иси, поэтому года два остальные шаазаты, заговорщики, недовольные и откровенно безмозглые леары постараются вести себя тише камня и ниже наста.

— Да? А я подумала, наоборот, кто-то может попытаться занять их место, если они ослабеют?

— Иси — самый сильный и многочисленный род. Сейчас у них одиннадцать крупных городов. Отправят во дворец усиленную охрану, ни одного заговорщика не пропустят, проведут массовую чистку неблагонадежных. Шаэр высушит любого, кто распустит крылья у него на пути. Столько силы на восстановление естественным образом не набрать, а вот забрать ее у врагов и неугодных — вполне. И повод для преследований и суровых мер вполне законный!

— Ясно, все как обычно, — мрачно констатировала я. И на всякий случай решила поинтересоваться про духов, раз мы с ними по соседству, вернее, в непосредственной близости проживаем: — Скажите мне кто-нибудь, почему духи рода поверили Адане? Не разглядели браслеты Канубы! А сразу бросились мстить Иси, крушить дворец и чужих походя убивать. Они же умные, защитники и должны беречь всех Иси, я правильно понимаю?

Йелли развернул меня, обнял лицо ладонями и, вглядываясь в глаза, негромко пояснил: — Духи рода — это души, ты верно тогда заметила. Но в них уже нет былой семейной общности, они мыслят узкими категориями, такими как защита дома, свой-чужой по крови и магии, сытый-голодный. Они не прослеживают закономерности чьих-либо поступков или действий — а видят ситуацию, принимают ее или нет и действуют. В данном случае Адана уничтожила алтарь — сердце дворца, место для обращения к ларам и главный источник питания духов дома. Затем разгневанные, обозленные, потерявшие связи и источник, духи услышали, кто виноват в том, что они остались без дома, без еды, более того, от них отказались и предали. Духи начали воевать!

— Кайя, подробности про браслеты Канубы уже никого не волновали, — добавил Ниол. Близнецы искренне удивились:

— Шааза Кайя, можешь пояснить — как? Нет, почему ты решила использовать осколок?

— Откуда у тебя взялась мысль, что духи услышат призыв и клятву?

— Камень испускал магию, я подумала: еще живой... действующий... — Я неуверенно пожала плечами. — Э-э-э... Йелли во время шардиса сказал, что самое главное — поделиться сокровенными... Кровь тоже отлично подойдет. Вот я и решила: почему бы и нет?

Тукела, крутивший бокал в руке, залпом допил вино и резко поставил его на стол.

— Действительно — сюрприз от Язы! — усмехнулся он. — Ты знаешь, что дворцовые и домашние алтари создавались тысячелетиями, они выращены магией множества поколений леаров? У каждого свой алтарь — неповторимый, с присущей роду мелодией магии, — и обращаться к нему может только кровник, то есть родич духов по крови. Поэтому храмы готовят к ритуалам в основном сами эраты. Раньше считалось, что уничтожение главного алтаря шаазата равнозначно гибели всего шаазата. Так в старину пытались убрать соперников за власть, но вмешивались лары и жестоко карали посягавших на святыни.

— Поэтому коварный умник разрушил алтарь руками самих Иси. Если бы не ты и наследник, от первого шаазата и рода Иси совсем скоро ничего не осталось. Что не уничтожили духи, проклинали бы лары, потому что Иси не сохранили самое себя. По сути, душу и сердце рода.

— Какой кошмар! — ужаснулась я масштабу чужого вероломства. А потом встрепенулась:

— Ну хорошо, если лары с духами теперь знают, что не Иси разрушили алтарь, проклятие и наказание падет на настоящего виновника?

— Воистину устами младенцев и дураков говорит сама Истина! — проворчала Амила. Я возмущенно посмотрела на нее. Йелли поцеловал меня в лоб, успокаивая, отчего у его кузенов брови от удивления взлетели на лоб. Видимо, желание поцеловать и успокоить тоже не в привычках эрата. В пику свекрови я с легким пафосом присвоила себе чье-то высказывание:

— Идеальных преступлений не бывает, бывает возмездие настигает не сразу.

— Какой-то ты странный противовес для Йелли: умные слова должен произносить он, — ворчливо буркнула Амила.

Зато мужчины развеселились.

— Происки врагов немного перекосили наше равновесие, — делано опечалилась я. Но усталость взяла свое, пришлось попросить Йелли: — Можно я спать пойду?

— Пойдем, — легко согласился он.

Эрат попрощался с родными, я вымучила улыбку, и мы ушли к себе. Наши покои привели в порядок всего за три дня и теперь они нравятся мне гораздо больше, потому что цветные. По моей просьбе добавили коричневого, зеленого и желтого в отделочные ткани мебели и стен. Скоро должны доставить из Байсакала мягкий ковер — ткнут на заказ. Швеи и отделочники без охов и ахов слушали мои указания по части «иномирных безумств». Кажется, они с любопытством ждали очередной моей «выходки», как ворчала Амила. Уж она-то истерила наедине со мной: «Первая шааза Арэнк устраивает из покоев эрата непотребный домик для чернокрылых!» Пора бы ей уже начинать избавляться от стереотипов.

Приняв ванну и надев легкую ночную рубашку, я легла в постель и, не спрашивая разрешения, забралась к Йелли под бок, прижалась к нему. Его большая рука ласково легла мне на макушку, погладила, пальцы зарылись в волосы, провели до кончиков прядей, снова и снова. Затем к левой руке присоединилась правая — ласкала мое лицо, плечо, постепенно спустилась на талию, на спину. Йелли замер, прижав меня к груди, будто к чему-то прислушивался, но не настороженно, а как к чему-то новому.

— Скажи, что ты хочешь в подарок? В этот раз?

Я подняла лицо, заглядывая в его потемневшие глаза — верный признак хороших эмоций.

— За что подарок?

Хмурая морщинка залегла между его белоснежных бровей. Через несколько долгих мгновений я услышала:

— Просто так.

И улыбнулась с ехидцей:

— О, лары, Йелли, душа моя, неужели ты, наконец, понял, что я — твой самый ценный подарок?

— Где-то так, — копируя мой тон, ответил Йелли.

Мы смотрели друг на друга, на смену ехидству и иронии приходили настороженность и ожидание. Внимательно вглядывались друг другу в глаза — еще не друзья, хоть уже супруги и половинки одного целого; еще не любим, но уже любовники, ближе которых больше не будет.

— Подари мне свое тепло и страсть, — выдохнула я, потянувшись к его губам.

— Это твой подарок, а не мой... — нисколько не возражая, муж ответил на поцелуй.

Лаская его губы, я не согласилась:

— Ты снова ошибся в моей оценке.

— К таким ошибкам и пристраститься можно... — Я губами ощутила улыбку Йелли.

Дальше нам было не до слов. Мы пили друг друга, делились, отдавали и забирали.

Принимали свои новые чувства со страстью, согревали друг друга жаром тел, испытывая дикое желание. Возможно, после случившейся трагедии мы хотели вновь ощутить себя живыми и едиными самым желанным образом.

Большой зал, не торжественный, а рабочий в моем личном крыле сегодня был забит народом. Еще бы, первая шааза второго в иерархии шаазата проводит отбор личной прислуги и доверенных лиц. Мы с Амилой восседали в креслах с высокими спинками, как королевы, с одной стороны, с другой — собрались кандидаты. Рядом с нами замерли Алел и Льил, за моей спиной лопалась от гордости Делла, ни много ни мало, тень первой Арэнк, единственная и неповторимая. Я ощущала себя в театре: сижу в отдельной ложе и смотрю спектакль из жизни князей и их челяди.

За стенами замка, вопреки всякой логике, живем-то над кучевыми облаками, с ночи лил дождь. Как пояснил мне Йелли, жарко целуя утром перед уходом, Иси тянули холод отовсюду, чтобы помочь духам и строителям быстрее восстановить Кристальный. Я с минутку-осколочек постояла на террасе, в полном удивлении наблюдая почти тропический ливень, смывающий снег с гор.

Передо мной выстроились «тридцать витязей прекрасных» — двадцать семь мужественных, весьма симпатичных леаров от светло-серого до черного, претендующих на очень важные должности — голосов шаазы. Они будут передавать мою волю, призывать или наказывать. Как обычно, Амила пыталась навязать свое мнение, а у меня от волнения буйствовала

магия: зал медленно, но неуклонно покрывался снежной поземкой. Правда, неловко от этого чувствовала себя только я — остальные как ни в чем не бывало пользовались моментом.

Я глазами попросила подойти Лыла. Серокрылый шаа, светлый, сильный и красивый склонился так, чтобы не касаться меня и чтобы к нему тянуться не пришлось. В его зеленых глазах светилось удовольствие от близкого «общения» с моей магией или от того, что я при всех выделила его:

— Помоги мне, пожалуйста, с выбором, ведь ты знаешь их гораздо лучше меня?

Реакция на просьбу запоздала на мгновение, в течение которого Лыил любовался Деллой. Я совершенно нечаянно подметила интерес моего главного телохранителя к хорошенькой тени, а вот сама эта тень почему-то не замечала очевидного мужского интереса — хмурилась, вдруг мое благоволение не ей, а кому-то другому достанется. Артистка! Осознав ответственность, Лыил выпрямился, его глаза светились удовольствием. Не сказав ни слова, он указал на шестерых мужчин и жестом выпроводил остальных. Некоторые из «не удостоенных» упорно пытались поймать мой взгляд, но я уже рассматривала тех, кого выбрал Лыил, пытаюсь выявить, чем он руководствовался. По каким признакам или причинам указал именно на этих: расцветка у всех разная, от самых светлых, сильных магически, до практически обычного чернокрылого, но весьма большого и сильного с виду. Они представились, затем мы провели ритуал наделения полномочиями, я выслушала кровные клятвы верности и преданности — на слово здесь не верят никому.

Следующими вышли секретари. Амила уже чуть не рычала, навязывая мне пожилого серокрылого мастера, а я заметила темно-русого парнишку, которого к претендентам вытолкнул представительный апик. Всем известно: апики — прекрасные торговцы, педантичные и правильные до мозга костей. Кроме того, мне очень понадобится поддержка представителей других рас, проживающих в Леарате и, несомненно, общающихся с сородичами. Вдруг мне повезет — телевидение продвигать начну? Выбор я быстро сделала, указала на парня:

— Ты! Я нанимаю тебя. Как тебя зовут?

— Шаа Кренд, шааза, — парень чуть не двумя руками лицо прикрыл, а вот апик, стоявший у стены, благодарно поклонился.

Любопытно: что связывает юного леара и солидного апика в возрасте? Скрипнула зубами Амила, с этой домоуправшей все понятно. Делла в унисон с ней хмыкнула, тоже не удивительно. А вот взгляд Лыла, наоборот, был уважительно одобряющим. Отлично! Швей выбрали быстро. Я сразу последовала совету свекрови, чем откровенно ей польстила. Но благостный вид она сохраняла недолго — пришел черед личных горничных. Сотня женских лиц, а выбрать нужно тоже шестерых. Краем глаза я косилась на руку Деллы: только обращу на кого-нибудь внимание — сжималась в кулак, мол, ну давай же, выбери ее. Пятерых девушек наняла по ее подсказке, если она совпадала с моим положительным восприятием. На шестой кандидатуре мы замешкались. Ажиотаж начался нешуточный: место — одно осталось, а претенденток — сотня, как на бюджетное место в престижном универе. Но тут я заметила в дальнем углу, у колонны, девушку со светло-серыми крыльями. Явно сильная леара, значит и род должен быть состоятельным, так почему она здесь в горничные просится? Ну как просится, скорее устало и грустно смотрит в арку на дождь, льющий как из ведра.

Я помахала ей, привлекая внимание. Она недоверчиво уставилась на меня красивыми синими глазами, словно не верила, что ее зовут.

— Это Байли, дальняя ветвь Арэнк. Ее дед предал отца Ниола, пытался сместить и стать эратом, — гневно заявила свекровь, не понижая голоса и осуждающе глядя на меня.

— Амила, я не понимаю, почему дети, даже внуки, должны отвечать за предков? Веками!

— тихо протестовала я, глядя ей в глаза. — Истинных нашего рода все меньше. Сколько их было на балу? Может, пришла пора простить своих изгоев?

Голубые глаза Амилы зло вспыхнули, но спустя несколько томительных мгновений, она кивнула, соглашаясь. Я на эмоциях улыбнулась и благодарно пожала ей руку. Сразу же обернулась к Байли, подзывая ее ближе:

— Ты согласна принести клятву, чтобы быть главой службы горничных первой шаазы Арэнк?

— Какой службы? — опешила Амила.
— Такой, — хитро усмехнувшись, я объявила, — службы горничных моего крыла и покоев!
— Йелли тебя совсем разбаловал, — зашипела мне на ухо Амила.
— А тебя — Ниол, но я же не жалуясь, — шепнула я ей. А потом еще и подразнила: — Мне Йелли утром группу артефакторов для театра и сокровищницы моей новой пообещал. Представляешь?
— Знаешь что! — громко возопила свекровь.
— Знаю, нам еще кандидатов на половину должностей смотреть. А лю... леары ждут!
Но Амила оскорбилась и царственно удалилась, точнее, улетела заниматься более важными делами, как она громко заявила. Подозреваю, что стрясти с мужа или сына подарки, чтобы переплюнуть невестку и восстановить статус-кво. Мы с Деллой быстро и уже без пафоса решили вопрос с оставшимися должностями. Причем, я тайно развлекалась за счет моей тени, замечательно игравшей Начальницу или Директоршу. Одно выражение лица чего стоило! Она веселила меня больше, чем Амила. Затем была встреча с артефакторами и художником, которого вызвал во дворец Йелли.
Декорациями и артефактом для съемок я занималась с гораздо большим интересом и отчасти энтузиазмом, чем отбором обслуживающего персонала. А вот после полудня Амила вполне ожидаемо отыгралась на мне во время уроков, которые никто даже из-за траура не отменял.
На театр и репетиции вновь выделили лишь вечер, надо как-то переиграть свое расписание.

Глава 24

Премьера

Мои руки почти не тряслись от дичайшего напряжения, нервного и энергетического, экран ледаи светился ровным голубым светом. Оставалось верить и надеяться, что все получится. Все будет хорошо. Последнюю фразу я перед премьерой твердила как мантру вслух и про себя. Выждав положенное время, я сделала шаг вперед, словно полководец, возглавивший маленькое войско — артистов, готовых начать представление, и громко, четко объявила:
— Уважаемые шаазы, шаа и ша второго шаазата! Как накануне обещал наш самый заботливый, внимательный, оберегающий покой, благосостояние и духовное благополучие эрат Йелли Арэнк, мы преподнесем вам необычный подарок! Сегодня актеры второго шаазата покажут и расскажут вам удивительную сказку, она называется «Чернушка». Это вымышленная история, но, как известно, в любой выдумке есть доля правды! Если вам понравится сказка и вы захотите увидеть новую, отправьте нам цветной вестник: красный цвет — запрет, зеленый — успех. Если наш путь будет зеленого цвета, то впереди всех ждет новая интересная история. Итак, начинаем!
Давным-давно жила-была в одном очень известном шаазате счастливая семья зажиточного шаа: отец, мать и их единственная дочка, которую родители очень любили. Много лет жили они в согласии, ладно и радуя друг друга.
К несчастью, когда девочке исполнилось шестнадцать лет, ее прекрасную серокрылую мать проклял злобный змейс. Она тяжело заболела и вскоре умерла. В доме воцарилась глубокая печаль. Прошло два года. Отец девочки познакомился с серокрылой вдовой, у которой были две дочки, и привел ее в свой дом.
С первого дня мачеха невзлюбила хорошенькую падчерицу. Она выгнала всю чернокрылую прислугу и заставила бедняжку делать всю домашнюю работу, не давала ни льдинки покоя. Занимаясь тяжелой работой, девушка и впрямь частенько бывала в грязи и копоти. Вскоре все, даже отец, стали называть ее Чернушкой, да и сама она позабыла свое имя.
Сводные сестры Чернушки не отличались характером от своей злой и ворчливой матери. Завидуя красоте сиротки, они заставляли ее прислуживать им и все время придирались. Однажды по округе разнесся слух, что наследник их эрата, хоть и не белокрылый шааз, но

весьма сильный и видный эр, скучая в одиночестве в своем дворце, устраивает бал, да не один, гостей ждут развлечения несколько дней подряд. Семья эрата хочет пригласить всех видных и красивых шаа.

И понеслось. Я забыла обо всем, переживала каждую сцену, словно поселилась в сказке. И наконец завершающая сцена — «свадебный» танец серокрылых «ангелов». Делла и Ален, ведущий актер в этой сказке, выглядели бесподобно. Я специально распорядилась сшить для Чернушки шикарное бальное платье в традициях своего мира. Пусть увидят, что платье можно надевать не только для шардиса. И тихонечко вытирала слезы, довольная игрой. Боги, мне попались невероятно одаренные личности, только поэтому всего за месяц мы смогли создать постановку с нуля. Какие талантливые и обладающие воображением нам достались декораторы, которых рекомендовал художник Йелли, еще швеи, осветители и прочие рабочие сцены.

Я зачарованно наблюдала, как крутится огромный сценический круг, как меняются декорации, откровенно любовалась каждой деталью реквизита, создававшей волшебный антураж королевского бала.

Затем я вышла на сцену и, поклонившись вместе с актерами, закончила представление, напомнив всем зрителям о необходимости проголосовать в течение глыбы: хотят ли они увидеть новую сказку. И отправила запись зрителям. Все!

Надеюсь, вчерашний анонс Йелли в поддержку моего творчества — тайный рекламный ход и подарок эрата — поможет нам привлечь максимум внимания, каждый захочет посмотреть. Я выразила море признательности и восторга всем участникам и помощникам постановки, поблагодарила их и в неизменном сопровождении Алела направилась на террасу проверять накопители вестников — урны для голосования. А моя труппа осталась переживать в студии.

Сомнений и неуверенности мне добавили тишина и пустота в коридорах дворца. За всю дорогу я встретила только одну заплаканную шаа, которая улыбнулась мне сквозь слезы и убежала прочь.

Заметив, что я тревожно провожаю ее взглядом, Алел тихо сказал:

— Шааза Кайя, пусть это выдумка, но вышло очень красиво и... трогательно. Все будет хорошо.

— Да?! — просияла я, тоже надеясь на одобрение.

Алел кивнул с улыбкой. На террасу, где по приказу Йелли установили ловушки-накопители для сбора вестников, я вышла с подрагивающими коленями. Сам эрат уже стоял там, заложив руки за спину. Услышав нас, он обернулся и обеспокоенно оглядел меня:

— Добрый вечер, сладкая, я посмотрел вторую половину сказки. Мне очень понравилось! Я успела заметить у него озабоченную морщинку между бровями. Наверное, сверлил ловушки мрачным взглядом. Значит, не уверен в моем успехе и тоже беспокоится.

— Спасибо, родной, — мягко ответила я и призналась с улыбкой, — ледая мне далась легко, а вот просто стоять и не нервничать — не смогла.

И опустилась на пол возле ловушек. Светлый камень порадовал прохладой, а то я горела от напряжения. Вперилась в накопители успеха или провала: что выпадет мне?

Йелли, несмотря на свой высокий статус, тоже сел рядом со мной, погладил меня по щеке кончиками пальцев и уверенно, категорично заявил:

— Кайя, я хочу, чтобы ты знала и не переживала: плевать мне, какого цвета вестники сегодня наберутся! Если тебе это занятие по душе, значит все будут смотреть!

Мой высокий, атлетически сложенный мужчина с красивыми и мужественными чертами лица, усевшийся по-турецки, сжимал кулаки — волнуется и беспокоится за меня, наверное, больше, чем я сама. И конечно, пытается это скрыть. Меня затопила волна горячей нежности к нему, губы сами собой расплылись в счастливой широченной улыбке. Презрев все условности и чужое мнение, я залезла к Йелли на колени, обняв за шею и прижавшись к нему, благодарно шепнула:

— Я знаю!

Посмотрела ему в глаза и замерла. Мы несколько мгновений любовались друг другом и оба потянулись губами за поцелуем. А потом, с трудом оторвавшись, шальными от удовольствия глазами ели друг друга. Да плевать мне, что Алел стал невольным зрителем «игрищ» с мужем. Впервые в жизни мне абсолютно все равно, потому что больше всего на

свете нравится вот так сидеть в обнимку с Йелли, ощущать его силу и уверенность. И целоваться.

— Моя... родная... надо же, никогда не думал... — глухо, с затаенным удивлением прошелестел Йелли, поглаживая мое лицо большими пальцами и вглядываясь в глаза.

— Твоя, — согласилась я с улыбкой, сама немного ошеломленная нахлынувшими чувствами и нечаянными открытиями.

Йелли моргнул пару раз, словно возвращая себе ясность мысли, резко подался и, медленно скользнув носом по моему виску, жадно с наслаждением вдохнул. Затем уже спокойным, привычно ровным голосом сообщил:

— Сегодня принесли твой новый артефакт. Он способен сохранять и частично удалять что-либо лишнее, ненужное, то, что захочет маг. Но над установлением времени показа и накопителем пока еще работают...

Я едва не взлетела от восторга:

— Так быстро? О, лары, это же чудо! Даже эти функции нам очень-очень помогут! Да это принципиально поменяет запись и трансляцию моего кино...

— Чего поменяет? — любопытно спросил Алел, не выдержав, бедолага.

Пока я поясняла, что такое кино и трансляция, Йелли молча внимал и, уверена, мотал на ус. В отличие от первых дней здесь, когда, по его словам, мне время привыкнуть и отдохнуть давали, теперь постоянно расспрашивают о моем мире и не с праздным интересом.

— Где твоя тень? Неужели новоявленную звезду Деллу не интересуют результаты голосования? — спросил муж.

— Она с трупой принимает поздравления от поклонников, — усмехнулась я, повернувшись к телохранителю и попросила: — Алел, позови Деллу...

— Да, матушка, я пришла по первому твоему слову, — раздался тихий голосок Деллы, вставшей за спиной Алела.

Телохранитель опешил, отодвинулся в сторону, позволяя нам увидеть тень Арэнк во всем великолепии: в красивом белоснежном бальном платье, как у Золушки из земных мультфильмов и кино, кротко, покорно склонившуюся передо мной. Причем, не понарошку, а как совсем недавно, совершенно вжившись в роль. Более того, гладкая прическа с собранными на макушке волосами, украшенными «жемчужинками», очень шла созданному ею образу совсем юной прекрасной девушки, чистой и невинной. Актриса!

У меня невольно дернулся глаз:

— Делла, спектакль окончен, выходи из роли, а то мне страшно за тебя. И за себя тоже, вдруг безумие заразно!

Йелли и Алел хмыкнули, а звезда кино и театра заморгала. Через мгновение она заметно изменилась — вернула себе истинный облик прожженной карьеристки и стяжательницы славы. Бросив на меня недовольный взгляд, Делла, наконец, испуганно сглотнув, вежливо прикрыла рукой лицо, приветствуя эрата.

Затем ее внимание поглотили светящиеся накопители. Она забыла обо всем на свете, трагически заломив руки, отчаянно взывала:

— О, лары, я умру!

— С чего бы? — опешила я, да и все остальные.

— От позора! — воскликнула она патетично. — Ведь в нашем мире так мало понимающих личностей. Тех, кто по достоинству может оценить театр, душу актера, его труд...

— Она одна такая или у тебя там все наподобие? — недовольно оборвал тень Йелли, обращаясь ко мне.

— Творческие люди... леары, они, похоже, во всех мирах немного ненормальные, — хихикнула я, заметив как Делла тайком «ненавидит» эрата.

Если подумать, странно и нелепо выглядела связь между Арэнком и Деларией, вернее парочек секса, которые он позволил, потому что ей якобы лары приснились и приказали, а она хотела по-идиотски отомстить Хтону. Они же терпеть друг друга не могли, один — откровенно, а вторая — еще и не менее откровенно боялась его. Муж и тень и теперь не понимают, что я нашла в каждом из них. Наверное, поэтому нет у меня больше ни грамма ревности или другого негатива к Делле и Йелли по этому поводу. А ведь обоим так или иначе приходится упоминать друг о друге и встречаться ежедневно.

Просто с Деллой привычно и легко, она слишком походит на мое прежнее окружение, понятна и логична. В отличие от других леар. Вот и сейчас моя тень и актриса нервно ходит вокруг накопителей, чем-то напоминая кошку возле накрытого стола: угостят или нет. Эх, если бы ее мельтешение помогло зрителям принять положительное решение.

Периодически Делла дергала шикарное и весьма дорогое бриллиантовое ожерелье. Я это украшение лично на нее надела, чтобы усилить последнюю сцену сказки, сделать ее более впечатляющей и волшебной. А она его вот-вот с себя сдерет и меня невольно этим нервирует, поэтому распорядилась:

— Делла, ожерелье тебе больше не нужно, можешь снимать. Учиться носить дорогие украшения будешь на своих... когда заработаешь.

— Думаешь, мы хоть что-то заработаем? — уныло спросила она, «забыв» при этом снять украшение.

Не успела я отринуть ее и, что греха таить, собственные сомнения, вопросом дохода озаботился Йелли:

— Хм-м, сколько, примерно хотя бы, ты собираешься зарабатывать с этого? И как часто?

Я резко обернулась и успела заметить хорошо знакомый взгляд предпринимателя, попрощавшегося с абсолютно точно потерянными вложениями, но без которых никак нельзя обойтись. Прямо как в рекламе: заплати налоги и спи спокойно. Я уже не сомневалась, что Йелли думает о провале моей затеи. Видимо, как и его мама, театр не понимает, но готов не только поддерживать мои хотелки, а согласен «развивать» шоу-бизнес за свой счет и, вполне вероятно, тайком от меня. Интриган! Зато мой родной и обожаемый интриган! Поэтому с кривой улыбкой ответила:

— Рассчитываю — много, а вот как получится — не знаю!

Мы все услышали перезвон колокола: отведенный для голосования час прошел. Вот и сияние вокруг урн потухло. Прием вестников завершен.

— Кто откроет? — Делла коршуном зависла над одной из них.

Йелли просто щелкнул пальцем над ближайшей, с негативом, а я замерла от волнения. В ожидании результата болтала и шутила, а потом и пальцем шевельнуть не смогла. Даже Алел подобрался, когда открытая урна окрасилась в красный цвет.

— Кайя, все пропало, — заплакала Делла. — Мне не стать звездой!

Я тоже расстроено шмыгнула носом. Да, мы знали, что всем понравиться невозможно, но сейчас, увидев ярко-красный цвет урны, известивший о силе негативных отзывов, у меня внутри все сжалось: как же горько и обидно. Неужели действительно конец? Мне придется искать другой способ заработать и занять себя?

Но благодаря решительности Йелли, я не успела совсем расклеиться. Из урны вылетел тридцать один вестник, четыре — едва окрашенных красным и двадцать семь — пылающих багровым цветом. Я потянулась к одному из них, коснулась, активируя, и произнесла вслух послание:

— Это чудовищно! Не хочу больше видеть эту ерунду!

По отклику магии я сразу поняла, что это ведьма Амила ваяла перлы злословия. Другие двадцать шесть багровых вестников тоже оказались от нее и в том же ключе.

— Ну, мама! — хохотнул Йелли, с досадой качая головой.

Делла уже гораздо веселее активировала бледный вестник из оставшихся четырех, не принадлежащих «перу» Амилы и зачитала:

— Все в игрушки играетесь, мешаете честным леарам спать!

— Это Дульчик, дед пекаря, они возле тракта живут, — поделилась Делла с рассеянной улыбкой, еще не в силах поверить, что реально недовольных зрителей оказалось настолько мало. — Дед чернокрылый, а живет дольше шаа, правда спит все время...

Другие три розовых вестника были похожего содержания. Двое негодовали, что постановка отвлекла народ от работы, и высказались за перенос новой хотя бы на глыбу. Одна престарелая ша «громко» возмущалась, что актеры были в платьях, да еще белых, — это же покушение на святыне традиции шардиса и одежду шаазов. Можно сказать, пропаганда ложного мировоззрения и измена родине.

Мысленно я зловеще хихикала: именно так и есть! А вслух удивилась настолько приземленному толкованию обычной сказки. Но, поймав насмешливый взгляд Йелли,

поняла, что для него мои далеко идущие замыслы тайной не стали. Но лично мне — белой шаазе из второго шаазата — позволено все.

Эрат усмехнулся понятливо, легонечко щелкнул меня по носу и вновь, будто не сдержав порыва, прижал к себе.

А вот когда я сама вскрыла вторую урну, воздух вокруг нас буквально позеленел от вестников. Тысячи зеленых снежинок, подсвеченных светлячками, вьюгой кружились над террасой в лиловых сумерках. Кажется, все девять тысяч шестьсот три наших подданных откликнулись и проголосовали «за». Мы жадно выхватывали вестники: первый, второй, третий... и наслаждались незамысловатыми словами восторга и восхищения.

— Ура! Это успех! — радостно заорала я, вскакивая и танцуя лезгинку под ошеломленными взглядами остальных.

Делла секунду сомневалась, переваривала, а потом с ликованием и счастливой улыбкой закружилась в воздухе в хороводе снежинок. Лыл возле колонн на границе коридора и террасы следил за девушкой с одобрительной улыбкой. Заметив, что его присутствие больше не тайна, поприветствовал меня и выразил свои поздравления, приложив руку к сердцу.

Я задумчиво посмотрела на Деллу: почему бы не помочь хорошим леарам обрести счастье? Истинность серокрылым не так важна для появления потомства, как шаазам, а любви и заботы хочется всем. Рядом с таким правильным мужчиной как Лыл и Делла может стать человеком. Я хитро улыбнулась и потянулась к Йелли целоваться. Муж мотнул головой Делле и Алелу, чтобы удалились, крепко меня обнял и жадно поцеловал. Затем предложил потренироваться. Полетать!

Сначала он недоумевал, почему я смущенно покраснела, а потом, вспомнив, как учил меня держать ритм и правильно махать крыльями во время секса, негромко рассмеялся. В конце концов, поздним вечером, при свете трех «лун», мы просто носились в облаках.

Устремлялись к звездам и падали вниз, отчего захватывало дух и хотелось визжать от восторга, благодаря Мока, Моику и Комка. Кажется, у меня никогда в жизни не было настолько душевного и романтического вечера: первый успех моего театра и улыбающийся Йелли рядом — эмоции зашкаливали, я захлебывалась от счастья.

С утра все леары во дворце не просто привычно закрывали лицо, приветствуя меня, а кланялись с улыбками, как своей. После уроков, когда я спустилась в студию, в первый момент растерянно хлопала глазами. Яблоку негде было упасть от желающих служить в театре. Пора начинать новые прослушивания и репетиции.

Глава 25

Гастроли

Передо мной завис шаа Кренд — мой секретарь:

— Шааза Кайя, мы можем выдвигаться?

— Да, конечно, летите вперед, мы с эратом догоним, — разрешила я.

Не прогадала с выбором секретаря. С виду шуплый юноша оказался на редкость расторопным, стоило о нем только подумать, а он уже тут как тут. Чуть позже я познакомилась с его опекуном — апиком Женем. Сак Жень, как принято обращаться к весьма уважаемым в своей среде апикам, удивил меня тем, что, будучи представителем другой расы, взял на себя ответственность за сына погибшего нанимателя, которого разорили и убили свои же партнеры. Смелый поступок. Жень вырастил Кренда, обучил всему, что знал сам. И вот теперь удачно и вполне заслуженно продвинул юного подопечного по карьерной лестнице. Ведь парень только третий переход прошел — восемнадцать лет. Сначала я не раз обращалась к Жене, как называла его про себя, за советом. Потом недолго думая предложила ему работать у нас директором театра — умные и порядочные «люди» всегда нужны.

— Это все? — слегка удивленно уточнил Йелли, разглядывая мой багаж.

Я придирчиво посмотрела на три кожаных сундука-кофра с одеждой, обувью, украшениями (как шаазе без них!). Вроде не увлекалась, взяла самое необходимое, чтобы блистать, но не звездить.

— Да, кажется, ничего не забыла.

— Даже странно, — раздался ехидный голос Амилы, явившейся на террасу вслед за Ниолом, затем она не менее ядовито добавила, — ты меня удивила такой скромностью на грани неприличия. Я думала, что ты полдворца с собой потащишь...

— Нет, все лишнее я оставила здесь, под твоим присмотром, — я мило улыбнулась свекрови, а как только до нее дошел смысл фразы и она сжала кулаки, моя улыбка стала неприлично широкой.

— Ладно, в отличие от вас, у меня много дел. Не скучайте, а то летите совсем одни, не с кем перемолвиться... — Амила помахала нам рукой, собираясь взлететь, но тут из-за дворца показалась длинная, многочисленная, крылатая процессия, нагруженная багажом, сродни приличному обозу.

Возле главной летучей «телеги» металась Делла, угрожая всех проклясть, если ее драгоценные наряды вывалятся или пострадают. Сегодня наша примадонна, как и я, «радовала» Амилу розовым нарядом. Со временем моя тень стала подражать мне, а не Амиле. Правда пока только по части манеры одеваться, оценив эффект, который я неизменно производила на сильных мира сего, а во всем остальном предпочитала подражать истинной шаазе, а не подкидышу Язы.

— Одним отдохнуть не получится, — еще более очаровательно и с наигранной грустью «посетовала» я, — ты же знаешь, у меня сериальная постановка «Ромео и Джульетта» началась. Так что пришлось брать с собой весь театр, декорации, реквизит...

— Да ты с ума сошла! — возопила Амила. — Кому нужен твой театр? А ты такую толпу за собой по городам таскать будешь!

— Новые места для съемок только украсят картину, — спокойно парировала я.

Нападки свекрови на мою работу больше не расстраивают, в основном развлекают. С момента выхода сказки о Золушке-Чернушке прошел месяц, и мы постоянно работаем, расширяя репертуар. Следующей была еще одна небольшая сказка, а теперь готовится увидеть свет небольшой «телесериал», чтобы каждый день привлекать к «голубым экранам» зрителей. Генеральный прогон первой серии, или как еще совместить леарскую магию с достижениями и терминологией моей родины, вчера прошел на «ура». Теперь урны обратной связи работают постоянно, чтобы иметь представление о «рейтингах» и впечатлениях. Леары с удовольствием приняли участие в обсуждении. Кренд в качестве услуги мне покрутился в разных общественных местах и узнал новости.

Благодаря опыту апики Жени, деньгам и поддержке Йелли, энтузиазму и талантам всех служащих театра, мое дело развивалось быстро и успешно. Словно сами лары помогали. Во всяком случае, духи рода Арэнк содействовали постоянно и с удовольствием. Эти эманации душ повадились являться в студию во время репетиций. И не просто слушали-смотрели — помогали учить сценарии актерам разными способами и порой просто своим настроением, веселым или грустным, в зависимости от сюжета, «заряжали на подвиги» всех, от режиссера и худрука в моем лице и актеров до рабочих сцены.

В большой тур по городам и весям шаазата Арэнк весь театр отправился с горячим энтузиазмом. Для труппы это путешествие-гастроли стало выдающимся событием, ведь многие не могли путешествовать по Леарату в силу разных причин.

Прищулив глаза, Йелли наблюдал за, кажется, бесконечной вереницей народа, покидавшего дворец вместе с нами. Посмотрел на меня, оценил виновато-умильную рожицу, которую я состроила, и, снисходительно-насмешливо покачав головой, жестом предложил отправляться.

К первому пункту нашего пути — городу Шаворе — мы несколько часов летели весело и с шутками. Даже к постоянному присутствию строгого, сурового эрата путешественники привыкли быстро и сначала тихонечко, а потом громче и громче делились впечатлениями. Чуть позже, прямо в небе, репетировали, разучивали роли. Йелли иногда приподнимал белоснежные брови, наблюдая за очередной сценой и было похоже, что воспринимал театральные будни за бедлам или слет умалишенных.

Встреча, организованная главой города Шаворе, поразила всех, даже эрата. Во-первых, огромная толпа собралась вокруг приличных размеров центрального поместья, где нам предстояло «квартировать» какое-то время. Здешний дворец со службами возвели на высокогорном плато, на вершину почему-то не полезли, зато места вокруг много и перед центральным входом большущая площадь.

Во-вторых, только мы приземлились у входа и начали церемонию представления и знакомства, в нас чем-то запустили. Йелли среагировал мгновенно, еще до того, как заметила угрозу, — прикрыл меня белоснежными крыльями и голубым защитным куполом. А замороженная «угроза» с ледяным перезвоном раскололась на кусочки и рассыпалась у наших ног.

— Кто посмел! — взбешенно заревел Йелли.

Я смотрела вниз, выглядывая из-за его крыльев, потом присела и подобрала кусочки льда, в которых застыли красные цветочные лепестки. Нам бросали цветы? Но ведь цветы в Леарате лишь в долинах растут? Здесь, в холоде и на вершинах гор, их невозможно сохранить живыми.

Вперед выступил глава Шаворе, его серые крылья трепетали, симпатичное лицо побелело от страха и напряжения, руки он не знал куда деть, голос дрожал:

— Это было приветствие... праздничное. Мы хотели выказать радушие хозяйке шаазата и признательность за чудесные сказки...

Положив руку Йелли на плечо, я поспешила исчерпать инцидент:

— Они бросали нам цветы, как в Золушке... Чернушке приветствовали молодоженов после свадьбы. — И с благодарной улыбкой, еще не совсем поверив в это чудо, уточнила у главы города: — Верно, шаа? Да?

— Да, да, да, шааза Кайя! — выпалил он, кивая так убедительно, что никаких сомнений не осталось не только у меня.

Йелли сразу успокоился, но крылья убирал медленно, неохотно выпуская меня из защитного кокона, затем положил руку на талию и бережно прижал к себе. Явно никому не доверял и предпочел держать при себе, как самое ценное. И все-таки счел необходимым сухо поблагодарить:

— Спасибо. Интересный прием. Впредь лучше предупреждай.

Ну да, во избежание, так сказать.

Пока шли к нашим покоям, я, ощущая крепкую, надежную руку мужа, впервые почувствовала, что, кажется, влюбилась! По-настоящему влюбилась, а не по дружбе!

Чувство будоражило кровь: меня то в жар бросало, то в холод — страшно любить безответно, уж я-то знаю, видела, как относились друг к другу отец и некоторые его жены, влюбленные, но не любимые.

Покои были похожи на Амилины — белые, словно операционная. Всего день вне дома, которым стал для меня наш ларанский дворец, а я уже хочу вернуться. Там теперь много цвета, уютно и тепло, не то что тут... чужое.

— Мы здесь надолго? — нахмурилась я, разглядывая типичные белолеарские хоромы.

Йелли обнял меня со спины, прижал к груди и глубоко вздохнул:

— Устала? Не нравится?

— Немного. — Я положила ладони на его руки, погладила. — Просто здесь как в гостях. А я раньше не очень любила гостить у чужих лю... В общем, предпочитала наносить кратковременные визиты. Думаю, привыкну...

И заметила наше отражение на зеркальной ледяной поверхности: розовое, сияющее драгоценностями видение в облегающей тунике и узких брючках, с высоким серебристым хвостом на макушке обнимает высокий красивый мужчина, буквально обволакивает собой, словно хочет коснуться всем телом, всей кожей почувствовать. Его белая шевелюра контрастирует с моей платиновой, к счастью, не поседевшей, светлые, почти прозрачные холодные глаза — с фиолетовыми, бархатными.

Наши взгляды встретились в зеркале, голубое пламя разгоралось все ярче и вот уже большие мужские руки легли на полную женскую грудь. Я откинулась назад, положила голову на плечо Йелли и сладко вздохнула, наслаждаясь его ласками. Шумное возбужденное дыхание... мой стон желания и удовольствия... мужские ладони скользнули ниже, легли на бедра и...

— Кайя, посмотри! Посмотри, что мне подарили! — с восторженным криком в покои ворвалась Делария.

Я застонала уже не от страсти, а с досады:

— Делла, если ты моя тень, то должна быть незаметной и неслышной...

Йелли резко развернул меня к себе лицом, чтобы не продемонстрировать лишним мою обнаженную грудь. При этом он так злобно рыкнул, недовольный явлением моей закланной подруги, что даже меня проняло. А вот звезда как ни в чем не бывало быстренько прикрыла лицо ладонью, поклонилась коротко и, бочком-бочком обойдя разозлившегося эрата, замерла передо мной. И с таким восторгом и гордостью протянула мне живые цветы, не передать словами:

— Представляешь? Это мне подарили, а сколько выказали восхищения!.. ум-м-м!..

Деларию захлестнуло восторгом настолько, что ей, наверное впервые в жизни, было по-русски до лампочки, как на нее отреагирует эрат, не говоря уж обо мне. Ее целиком и полностью поглотили собственные ощущения — бурные, пьянящие, головокружительные.

— Представляю и, поверь, разделяю восторги поклонников твоего таланта. Ты настоящая актриса. А что дальше будет!..

— Ты думаешь? — вскинула она сияющий взгляд. — Обещаешь?

— Ручаюсь! — в голосе Йелли крошился лед. — Дальше будет незабываемо, если ты сейчас же не уберешься из моих покоев!

Видимо, не надеясь на понимание ошалевшей от успеха первой леарской звезды, второй эрат голубой широченной плетью вытолкнул ее вон и для верности наморозил на входе ледяную завесу. Дальше незабываемо хорошо было уже мне. Розовые тряпки разлетелись по полу, ожерелье я успела спасти, а вот ножки у кровати мы сломали совершенно честно!

Передо мной раскинулся город Йерик — самое большое владение шаазата Арэнк, более того, здесь еще и малая родина — родовое поместье Арэнк. Ларанский дворец, оказывается, увеличенная копия йерикского, только здесь дворец венчает высоченную гору за облаками. Внизу, когда облака разгоняет ветер или рассеивает дневное светило, можно увидеть долину, где живут чернокрылые леары. Долина, как обычно в Леарате, напоминает мне, землянке, сказочный сад с разноцветьем и буйной зеленью, почти рай!

Йелли еще посапывал, насытившись ночью любовью и страстью, а мне почему-то не спалось. Налив себе сока, я вышла на террасу полюбоваться рассветом и окружающими красотами. Теперь, когда я полюбила, искренне, всей душой и сердцем, мир расцветал новыми красками. Я впервые захотела ребенка, ведь сын или дочь будут от любимого мужчины. Впервые задумалась о детях, беременности. Как это будет? Наверняка муж обрадуется, если у нас получится...

— Как? Скажи мне, как ты могла так поступить? — гневно заорала с соседней террасы Амила, оборвав мои прекрасные мысли о будущем самым неожиданным образом. Прокашлявшись, после того как с испугу поперхнулась соком, и спрятав крылья, я просипела:

— Что случилось? Я еще вроде ничего не успела сделать?

— Нет, сделала! Ты убила ее! — гневалась Амила. — Как ты могла так надругаться над бедной девочкой? Ей столько досталось! Ведь в таком возрасте любовь — самая сильная и бескомпромиссная, а ты...

— О какой девочке ты говоришь? — совсем перепугалась я, заполошно перебирая в памяти, когда и над кем успела надругаться.

— Вы давно прилетели? — На террасу вышел заспанный Йелли в белых штанах, низко сидящих на потрясающей фигуре, взлохмаченный и такой родной и любимый, что сердце сладко екнуло.

— Сейчас прилетела! Всю ночь летела, чтобы все высказать твоей паре! Несносная девчонка! А Ниол вообще отказался лететь из-за Джульетты... муж называется!

— Ну могла бы и вестник прислать, — растерянно предложила я, глядя как Йелли недоуменно смотрит на маму. И вдруг я догадалась, кого убила и над кем надругалась. — Фу-ух... Амила, надеюсь, ты понимаешь, что с Деллой все в порядке? Она жива и в полном здравии.

— Кайя, не мудри, причем здесь твоя тень неблагодарная! — разъярилась свекровь, а потом закатила глаза и ошарашила просительным, даже заискивающим тоном: — Нет, ты мне лучше скажи, что у Джульетты все будет хорошо!

— Ясно, все будет хорошо! Хотя ХЭ не обещаю!

Амила облегченно выдохнула и, раздраженно махнув рукой, заявила:

— Хэ мне не нужен, я вообще понятия не имею, кто это. Мне нужно, нет, я хочу, чтобы все было хорошо.

— Амила, надеюсь ты догадываешься, что понятие «хорошо» у всех различается, давай посмотрим, совпадет ли у нас с тобой, — я мягко улыбнулась, словно с больной разговаривала и быстренько упорхнула с террасы, подальше от свекрови.

Когда муж вернулся, я металась по комнате.

— Дорогой, а мы можем сегодня свалить... ну улететь тихонечко и незаметно вечером... после ледан? А?

Йелли, сложив руки на груди, с веселым изумлением смотрел на меня. Затем мой очень-очень умный и догадливый муж с улыбкой в голосе уточнил:

— То есть, ты подозреваешь, что понятие «хорошо» у вас с мамой разнится?

— Я бы сказала — в корне!

— Странно, не замечал. Если хочешь, можем и свалить, незаметно, — рассмеялся Йелли и добавил, нежно обняв меня: — Дорогая, до тебя моя жизнь была абсолютно предсказуема и скучна. А теперь каждый день — сплошные развлечения.

— Надеюсь, ты рад? — я постаралась спросить спокойно, но, наверное, глубоко спрятанные опасения, что ему все равно или раздражает, вылезли наружу.

— Более чем... более чем, — почему-то аж два раза повторил Йелли.

Мы обнимали друг друга, никуда не торопясь, вглядываясь в лица. Я не выдержала его пристального, мне кажется, все подмечающего и понимающего взгляда и уткнулась ему в грудь. Сразу на голову мне опустилась его ладонь, ласково, нежно погладила, успокаивая и обещая: все будет хорошо. Безмолвно, но с твердой гарантией. В этот момент так хотелось признаться, что я люблю. Уже совершенно точно люблю и, если его — не дай лары! — не станет, умру от горя. Как другие истинные, оставшись одна, уйду в небытие за своей половинкой. Но слова не шли, стояли в горле, прилипали к языку. Сперва я трусила, затем три заветных слова — я тебя люблю! — почему-то казались такими банальными и слишком простыми, чтобы выразить силу и глубину моих чувств. И я промолчала.

Весь день, пока шли сначала мои уроки с мастером Фэем, потом занятия по магии с Амилой и даже на репетиции новой постановки, я нервничала. Сегодня последняя серия «Ромео и Джульетты» — и что будет после, страшно представить. Свекровь меня убьет...

Завершив показ, я деактивировала новейший артефакт и буквально кралась к себе в покои, прислушиваясь к каждому шороху. В безлюдных, ой, пустых коридорах сквозь тишину из-за всех дверей доносились всхлипывания, а то и рыдания: зрители оплакивают главных героев. Йелли должен быть готов к отлету...

— Несносная девчонка! Кайя, ты обманула меня! — сквозь слезы заорала Амила, вылетая из-за поворота.

Я улепетывала со всех крыльев, громко оправдываясь:

— Ни в коем случае! Я же предупреждала, что «хорошо» у всех разное!

Амила, рыдая, опустилась на мраморный пол. Неужели обессилила, заболела? Все-таки возраст и летела сюда всю ночь. Я уже заволновалась, а она неожиданно озабоченно спросила:

— Что такое хэ?

— Счастливый конец истории, — отлегло у меня.

— Хм-м-м... — задумчиво пропела она и поклонилась, — ну хотя бы в новой истории хэ будет? Пожалуйста!

Я расплылась в довольной улыбке: посадила свекровь на «кино». Фактически она сейчас признала, что смотрит «глупости» и даже вон плачет, расстроилась. Это успех!

— Будет! Следующей выйдет новая сказка «Красавица и Чудовище» по мотивам моего брака с Йелли. И в ней счастливый конец будет непременно.

— Что-о-о?.. — возмутилась мама эрата Арэнк. — Лучше назови «Красавец и Чудовище»

— это более правдоподобно!

— Нет-нет, я в задумку мироздания чужие «хочу» не вставляю. Сюжет сложился и изменениям не подлежит! — задрал нос, отказала я.
— За что нас лары наказали? — Амила возвела очи горе.
— Кстати, тебе в новом спектакле тоже роль отведена, — подсластила я пилюлю и заодно заинтриговала.
— Да? — воодушевилась она.
— Да! Только твоя героиня умрет в самом начале...
— Знаешь что? — возмутилась Амила. — Я... я не буду его смотреть!
— Как хочешь! Но, в отличии от оригинала, там твоя героиня — положительный персонаж, — поддразнила я свекровь, в которую только что влюбилась.
Амила картинно оскорбленно развернулась и улетела. А я, весело напевая себе под нос и подтанцовывая, отправилась в свои покои радовать Йелли, что гроза миновала и мы остаемся в Йерике еще погостить. Вернее, пожить! Родовое поместье Арэнков я тоже приняла как «свое», здесь будет хорошо растить детей. Безопасно и уютно!
С каждым днем в Леарате, с Арэнками, я проникалась этим миром, горами, леарами. Пропитывалась их бытом, проблемами и обычаями. Не только мечтала, но и, надеюсь, начала менять что-то к лучшему или хотя бы просто разнообразить и украсить.
Я приняла Мир и верила, что он принял меня.

Глава 26

Успех

— Рейтинги растут, согласно отчетам по отзывам, последняя постановка покорила шаазат, — доложил Кренд.
Его опекун Жень был менее позитивен:
— Поверенный эрата по торговле уже несколько раз просил связаться с тобой, шааза, и потребовать переноса вещания на глыбу. Говорит, мы срываем полевые работы. Рабочие даже на осколок не хотят задерживаться и спешат домой, чтобы семьей просмотереть очередную серию.
— Хорошо, проведем совместное совещание, — согласилась я и добавила, — тем более, мы в любом случае планируем расширить сетку вещания.
— Чем на этот раз? — заинтересовались оба моих помощника. Самых лучших помощника!
— Думаю, ввести новости, — улыбнулась я. — Мировые новости!
— Новости? Какие новости? — удивились оба. — Слухи и сплетни?
— Самые разные, нам надо найти умных, молодых и, главное, активных мужчин, которые хотят и любят путешествовать. Я уже заказала несколько накопителей для записи. Выдадим их нашим новым работникам, назовем их журналистами, и они будут собирать интересные новости или истории, а мы — показывать по телевидению.
— Думаешь, будет кому-то интересно? Чужие новости... Зачем? — недоумевал юный Кренд.
Апик тоже сомневался:
— Разве кому-то будет интересно, чем и как живут апики? Или, к примеру, квошки?
Сначала пожав плечами, я решила заинтриговать помощников:
— Важна точка зрения на событие, о котором можно или нужно рассказать народу. Давай вспомним разыгравшуюся недавно во дворце Иси трагедию. Это происшествие можно подать в двух вариантах. Первый: уважаемые жители Леарата, на известный, всеми почитаемый и уважаемый род, обласканный самими ларами, покусились презренные негодяи. Они попрали все нормы морали, нарушили устои и традиции, которым мы следуем веками. Но наш шаэр, сильнейший и храбрейший из леаров, вместе со своей прекрасной супругой с честью справился с этой бедой. Заодно защитил цвет Леарата, достойнейших эратов и их супруг и так далее.

— Разве было по-другому? — недоуменно спросил Кренд.

— А теперь второй вариант того же события: вчера группа серокрылых храбрецов попыталась ограничить влияние рода Иси, повлиять на этих кровопийц, воров и обманщиков, которые положили свои загребушие крылья на все в Леарате, но, увы, лары не были к ним благосклонны — героическая попытка освободить угнетенных провалилась. Доколе нам еще мучиться?

— Повлиять? — воскликнул потрясенный Кренд. — Там с десятков шаазов погибло, не меньше. Траур еще не закончился и...

— Просто ты в курсе ситуации, но те, кто не видел все своими глазами, простые леары, не вовлеченные в политику, могут услышать где-нибудь, скажем, на базаре второй вариант и будут думать именно так. Поверят в ложь, выгодную кому-то!

— Немыслимо! — проникся возможностями СМИ леар.

— Теперь представь в каком ключе ты бы хотел, чтобы рассказали об участии в решении проблемы Иси о нас, роде Арэнк? Что храбрецам повстанцам помешали проклятые, вымирающие Арэнки, сующие свой нос в любую грязную дыру? Или что неповторимая шааза Кайя, посланница самой Великой Язы, и ее непобедимый муж, эрат Йелли, спасли первый шаазат от мучительной гибели и низвержения?

— Но кто поверит, что шаэр плохой? — ошеломленно возопил мой юный секретарь, еще не утративший наивность.

— Поверит и легко, — мрачно ответил Жень. — Послушай, что об Иси говорят в тавернах вдоль Великого Восточного Пути.

Я подбросила дров в костер:

— Если к плохой новости добавить еще и жуткую картинку, на которой шаэр будет запечатлен в не самый красивый и эпический момент, к примеру, с перекошенным от ярости лицом, то поверит даже самый неверующий. А если еще и музыку добавить траурно-мрачную — все сложится! Мало того, шаэр сам поверит, что он проклятый монстр...

— И это нам вещать? — у ошарашенного, испуганного Кренда сорвался голос.

— Понимаешь, у вас... у нас это и так происходит, только на уровне подзаборных слухов и сплетен, медленно, но не менее разрушительно для эратов, шаазатов, Леарата, в конце концов. Мы постараемся исправить ситуацию. Наша цель — второй шаазат, его безопасность, защита, место в Леарате и целом мире. Прогресс не остановить, но направить в нужное нам русло можно и нужно.

— Надеюсь, мы справимся, — тяжело вздохнул Кренд.

Я многообещающе усмехнулась, предвкушая, какими будут Мировые новости:

— Еще как! И вообще, пора начать расширять кругозор и интересы леаров. А то вы... мы, как грызуны в одной банке, кусаем друг друга, задираем, пытаемся сожрать слабых или самых сильных. Мы перенаправим их интересы в различные сферы жизнедеятельности всего мира. Надо показать, как огромен и прекрасен Мир, сколько всего в нем необычного. Сколько разных сфер деятельности можно развить, помимо козней и заговоров против соседей.

— Надеюсь, после этого ваши горячие умы не заинтересуются Байсом ... — хмуро заметил Жень.

— А это как раз и зависит от нас! — я наставительно подняла указательный палец вверх. — О чем расскажем, как, какую выберем тональность новостей. В мире, откуда я родом, телевидение — самый действенный способ управления и контроля массовым сознанием. Наша задача: направить на созидание, а не разрушение.

Жень пожевал верхнюю губу, как делал обычно, подбирая слова, чтобы сообщить интересную новость. Затем строгое выражение лица сменил на довольное:

— Гидум торговцев Байсакала готов рассмотреть наше предложение по телевидению и у нас, апиков.

Глаза Кренда вспыхнули восторгом. Юный серокрылый леар подался ко мне, желая услышать ответ. Я не верила своим ушам, восторженно глядя на апика:

— Неужели ты смог продать его там? Так быстро? Мы же только третий месяц работаем?

— Моя мать состоит в родстве с теткой секретаря-распорядителя Гидума. Он подсобил: нашу папочку положил сверху, когда решали важные вопросы на ежегодном собрании главы торговых палат Байсакала, — хитро улыбаясь, ответил Жень.

— Ты чудо, сак, не иначе! — похвалила я и вернулась к предыдущему вопросу: — Давайте сегодня же перед показом известим о наборе журналистов.

— На ком делаем упор? — деловито открыл тетрадь Кренд.

Я нахмурилась, раздумывая, но решила честно сказать, о чем тревожилась:

— Отбираем самых деятельных и инициативных. Желательно побольше ша набрать. —

Оценив некоторое замешательство моих собеседников, объяснила: — Если дать шанс чернокрылым проявить себя, не только собирая урожай на полях, но и в других делах, мы сможем хотя бы немного снизить общественную напряженность. Здесь необходимо что-то менять, ваши стародавние порядки не удовлетворяют нужды населения. Верхи слишком оторваны от низов, а серые хотят задавить и тех и других. Так что, нужно как-то все смешать и уравновесить.

Кренд осторожно заметил:

— В Мире без магии опасно, а чернокрылые пустые и почти беззащитные...

Я даже хихикнула, вспомнив собственные приключения:

— От змеев меня спасли именно чернокрылые. Ты бы видел скорость и мощь, когда они впятером штурмовали огромный дом. А страх и уважение к ним в Байсакале?! Серые и белые в основном рассчитывают на магию, а вот пустой ша — исключительно на себя, свои силы и навыки. Поэтому чернокрылые и темно-серые — вот наши самые надежные журналисты. Неизбалованные положением и деньгами, они будут землю грызть, но принесут на крыльях самые свежие и интересные новости. Чтобы выделиться, прославиться, обрести уважение и популярность. И мы им в этом поможем, заодно и другим покажем, что мозги и магия могут отлично соперничать в достижении успеха.

Кренд поймал вестник, впитав снежинку в ладонь, доложил:

— Наши артефакторы готовы показать новую задумку, как раз то, что вы просили... с таймером и расширили информационный накопитель.

— Боги, я их обожаю, работают как пчелки, — подскочила я, захлопав в ладоши.

Жень спохватился:

— Так что с предложением к апикам? Не забудь, мы пообещали им два осколка рекламы товаров в ежедневной сетке сериала бесплатно. Только для продвижения своих товаров они решились на авантюру с кино.

— Ох, — хлопнула я себя по лбу, — да, конечно, сотрудничаем. Но уточни, что только месяц! А дальше, если понравится, будут платить. Вообще, реклама должна приносить основной доход... в идеале. Назначай встречу в конце недели, как раз все успеем составить. Выпорхнув из кабинета, я в сопровождении Кренда рванула к артефакторщикам. Их лаборатории мы называли научным центром. Йелли согласился выделить им отдельное крыло для безопасности. Всего за месяц они для него и для меня совместным мозговым штурмом придумали много чего полезного, поэтому эрат согласился, что идея верная. Вложившись в «науку», Йелли не прогадал — все обернулось на пользу.

Теперь я почти все время летаю, потому что времени катастрофически не хватает. С утра занятия с мастером Фэем. Конечно, мне невероятно облегчили жизнь духи, поделившись знаниями, но правильно их использовать, к месту и ко времени, я продолжаю прилежно учиться. Потом обязательный час-глыба работы с магией у Амилы, которую иной раз заменяют Ниол или Йелли, если та занята, а кто-то из них свободен. Все время после полудня посвящено театру, где я наслаждаюсь своим делом. Тем не менее, за почти три месяца жизни в Леарате я очень многое освоила и уже использовала на практике. После трансляции и ужина в покои я, можно сказать, приползла. Устала зверски. Йелли сегодня весь день был занят, даже ужинал в кабинете с поверенными, — столько дел накопилось. Как обычно, перед сном я вышла полюбоваться закатом — и едва не уронила бокал с любимым фрешем, увидев, как от нашего дворца к восьми другим и в долину разлетаются леары. Прямо как толпы народа из кинозала после нашумевшего блокбастера. Ветер доносил горячий спор нескольких юных серокрылых подружек о том, правильно или нет поступили сестры Аленушки из «Красавицы и Чудовища», созданного по мотивам

русского «Аленького цветочка», убедив духов перевернуть время и задержать младшенькую, собравшуюся лететь к проклятому эрату в заброшенный дворец.

Некоторые зрители рыдали в голос; другие — гадали: убьет или нет жестокосердная шааза Арэнк очередного героя или в этот раз сжалится над бедняжкой и всем дарует ХЭ. В общем, волшебное сочетание всего двух букв, но с огромным смыслом, теперь упоминалось подданными не только второго шаазата и начало входить в леарский быт, как и многие другие слова моей родины.

В Ларану мы вернулись из турне по шаазату неделю назад. И если подобные приливы и отливы гостей в наш дворец по началу я не ассоциировала с кино, то теперь места сомнениям не осталось. Это открытие буквально окрыляло — радостно обняв себя крыльями, я торжествующе выдохнула:

— Получается!

— Что получается? — раздалось позади меня.

Обернувшись, я столкнулась взглядом с Йелли, выходящим ко мне из покоев, уставшим, но улыбающимся.

— Посмотри, — я с гордостью махнула рукой за спину. — Видишь, даже соседи слетаются на мои сказки!

Йелли подошел и обнял меня, прижал к широкой родной груди. Если подумать, то наверняка ему об этом было известно, но он посмотрел, покачал головой и ласково прошептал:

— Знаешь, я лишний раз убедился, что ты совершенно непредсказуемая, невероятная и...

— Твоя? — подлизалась я к мужу с заискивающей улыбкой.

— Только моя! — выдохнул он довольно. А потом глухо, куда-то в макушку добавил: — Родная и единственная.

Я встала на цыпочки, вытянулась вдоль моего леара, высокого, мускулистого, обняла ладонями его лицо и, глядя в удивительно чистые, почти прозрачные глаза, хрипло призналась, точнее, решила:

— Я люблю тебя, Йелли. Очень-очень сильно, всей душой и сердцем.

Слова легко слетели с моих губ — я свято верила свои чувствам.

— Правда? — неуверенно, шипло проскрежетал он.

— Мыслями, чувствами, душой и телом — всем-всем, я люблю тебя. Думаю о тебе, мечтаю быть рядом... любить и быть любимой.

Теперь его ладони обнимали мое лицо, ласкали. Глядя мне в глаза, Йелли почему-то хмурился, когда клялся:

— Я всегда буду рядом, до последнего вздоха. Обещаю, что буду твоей стеной, опорой в мыслях, чувствах и ощущениях. Чтобы ты не сделала, не задумала или не захотела. Просто знай: я рядом, я с тобой всегда!

Воздух вокруг нас вспыхнул голубым огнем, мне показалось, даже слегка опалил. Видимо, клятва Йелли оказалась слишком большой, слишком клятвой. Но мне больше не страшно, хоть и не услышала привычное: я тебя люблю. Его обещание — это гораздо больше, неизмеримо. Я не буду одинока и безответна в своих чувствах.

Я первой потянулась за поцелуем, коснулась его губ, таких горячих, сладких. Во мне бушевала магия, эмоции, страсть. Йелли мое признание в любви тоже выбило из равновесия. Вокруг нас закручивался снежный смерч, снег ложился у наших ног, пока мы, забыв обо всем на свете, отключившись от всего мира, любили друг друга.

Ледяные простыни чуть остудили спину — жар терзал мое тело. Мы жадно ласкали друг друга губами и руками, трогали, касались, любуясь и открывая снова и снова. Мы неповторимы, уникальны, мы есть друг у друга. Как же я жила раньше без Йелли, его прикосновений, вкуса и запаха!? Его тепла и сильных, уверенных толчков, что рождали у меня внутри вулкан наслаждения. Было так естественно прогибаться под ним, подстраиваться под ритм, принимать его и стонать от удовольствия. Мы были идеальными половинками одного целого, в эту ночь я это приняла и поняла окончательно.

Утро я встретила не с розовым светом Комка, как обычно, а с ласковыми поцелуями мужа, облюбовавшего мое чувствительное плечо. Короткий бурный секс еще больше расслабил,

хотелось растечься по кровати ленивой счастливой лужей и валяться до обеда, не думая о делах.

— Совсем забыл тебе сказать, — хрипло со сна и после страсти вспомнил Йелли, — вчера у меня были по очереди эраты Ланей и Одэко, а Иси вестник прислал. Все просили охватить твоим телеещанием их шаазаты...

Я рывком села, мгновенно вынырнув из чувственной неги:

— Что? И ты молчал?!

— Сладкая моя, после твоих признаний я забыл о таких мелочах! — мой великолепный леар лежал валяжно и расслабленно, как огромный сытый кот, закинув руки за голову, и довольно смотрел на меня, голую и растрепанную.

— И что ты им сказал? — я кошкой скользнула ему на грудь, требовательно, но вместе с тем мучаясь от неизвестности, ожидая ответа.

Йелли перевернул меня на спину, навис сверху, нежно погладил щеку, а потом мягко ответил:

— Что вопросами телеещания у нас занимается первая шааза Арэнк и никто больше.

— А они? — счастливо выдохнула я и, наверное, светилась при этом ярче Великой Язы, да простит меня моя покровительница.

— Они остались недовольны тем, что придется идти к шаазе на поклон, но терпеть ежедневные отлучки своих подданных для них еще хуже. Яхто еще и возмущался, что моя жена своими сказками морочит голову его супруге и родственницам. Ему, бедному, оказывается, приходится терпеть их слезливые переживания, поэтому как шаэр требует ХЭ и побольше радостных сцен, а не то придумает, как заставить тебя рыдать вместе с ними!

— Гы-ы!.. — вырвался у меня истеричный смешок. — Очень убедительный довод. И что теперь делать?

— Как что делать, мой свет? — белоснежные брови шааза слегка выгнулись. — Через глыбу у тебя встреча с Иси, в Кристальном, сама понимаешь, шаэры на заключение договоров сами не летают. А Одэко и Ланей явятся лично ближе к полудню.

— Так что же ты молчал? — вскрикнула я, вскакивая с кровати. Дальше я металась по спальне, обернувшись простынкой, одновременно отправляя вестники секретарю и горничной: — У меня договор еще не готов типовой. И сама не готова, лохматая и страшная и...

— Можешь сослаться на меня, де задержал в постели, никак насытиться не мог.

— Угу, тогда они решат, что я ущербная: либо в постели бревно, либо магии совсем нет, — проворчала я из гардеробной.

— Теперь понятно, почему этот пресловутый хэ требуют, ты во всем видишь только мрачные тона, душа моя! — рассмеялся муж.

— С вами по-другому не выходит, только расслабишься, повернешься спиной — и ба-бац кинжал в... тыл.

— Кстати, мама просила тебе напомнить, что через неделю празднование Марва Лютого, тебе надо подготовиться!

Я остановилась, лихорадочно соображая, о чем опять забыла:

— Э-э-э... а что там за празднование?

Йелли снисходительно укоризненно покачал головой, вновь заложил руки за голову и выглядел, как олицетворение похоти. Меня точно проняло, глядя на его рельефную, поджарую фигуру, чувственную лукавую улыбку, искрящиеся насмешливые глаза.

— Эх ты, шааза называется. Пробелы по истории Леарата по самым обычным...

Мне стало неловко и стыдно и, срочно покопавшись в памяти, я триумфально объявила:

— А! Это самый холодный день в году! Вот!

— И-и-и? — ухмыльнулся Йелли.

— В этот день великие лары на горе Дамарис, колыбели леаров и месте исхода ларов на небеса, благословляют всех истинных новобрачных... — отчиталась я.

— И-и-и? — продолжал забавляться муж.

— Что «и-и-и»? — не поняла я, а потом вспомнила и процитировала свекровь вместе с ее интонацией: — Надо сшить шикарное платье, потому что это, по сути, второй шардис. Надо блистать, поражать и раздавить любые сомнения недоброжелателей, что Арэнки — самые крутые и сильные.

— Умница! — похвалил Йелли, улыбаясь.

Мне в голову пришла прекрасная идея:

— Хвала ларам, у меня есть Байли, вот она и займется самым крутым нарядом. А то служба горничных есть, Байли есть, а задач у нее пока мало, крылья опустила... скучает.

Йелли медленно сел, положил ладони на обнаженные колени. Голый, но не менее значительный и суровый.

— За Байли тебе отдельное спасибо. Мы с отцом уже думали, как вернуть отщепенцев в род, но повода не было, пока ты ее главой службы не назначила. Причем не унизила древний род, наняв девушку простой горничной, а принародно поставила ее над всеми. Выделила.

Я невольно выпустила крылья и победно крутанулась вокруг своей оси с воплями:

— Кто умница? Кайя — умница!

И под хохот Йелли рванула собираться на прием к шаэру продвигать свое кино. И трясти деньги, а то муж на мои кино и театральные хотелки сильно поиздержался.

Оглаживая наряд на бедрах и проверяя все ли идеально сидит, я подумала о том, что надо бы в благодарность местным духам и ларам что-нибудь преподнести. И еще поблагодарить Великую Язу. Подождать сто лет или она меня на расстоянии услышит? Даже если не услышит, сделаю на всякий случай. Лишней благодарность никогда не бывает — это я уже тоже поняла!

Глава 27

Благословение небес

Дамарис не просто вершина, а Мать всех гор Мира! Через некоторое время после того, как мы, облетев исполинов Лараны, «взяли курс» на север, на горизонте показалась всем горам гора. Она постепенно выростала из розовой кромки рассвета, возвышалась над миром, занимала весь небосвод, словно пристанище небесных спутников.

Место проведения обряда расположено не на вершине, как я думала, а ниже, чуть выше облаков. Там будто бы кто-то огромный откусил от горы большой кусок, а потом пожевал-пожевал несъедобную горную породу, да и выплюнул камни, часть которых упала с обрыва, а часть осталась лежать на образовавшейся площадке. Издали гора не выглядела чем-то особенной, если не считать ее невероятного размера. Но стоило нам приблизиться, меня заинтересовал белый искрящийся цвет породы на небольшой площадке.

Приземлившись, я поковыряла ногой белый песок с прозрачными кристалликами и включениями других минералов, желтых и фиолетовых, словно цитрины и аметисты. Красивый «самоцветный» песок хрустел под ногами, заставляя идти осторожнее, медленнее, крепче цепляться за сильную руку Йелли, проникаясь его уверенностью и спокойствием, энергетикой этого культового места. Следом за нами приземлялись другие пары, слетевшиеся из разных мест, которые сегодня, как и мы, будут проходить обряд. Влюбленные, нарядные и торжественные.

В этот раз я надела красивое белоснежное платье из шелковистой ткани. Руки, декольте и шею прикрывает тончайшее ажурное кружево, юбка с игривыми воланами из молочного газа. На спине вырез для крыльев в виде сердца — дань символам моей родины, здесь «сердечками» не увлекаются. Мои волосы Амила лично убрала в изящную высокую прическу, украсив ее, по моей просьбе, камешками наподобие жемчуга, такие же длинные «жемчужные» ниточки красовались в ушах. Разглядывая себя в зеркале перед вылетом, я искренне удивлялась: как можно выглядеть настолько невинной, юной и чистой!? Почти как ангел... если бы не характер, бесенком выглядывавший из фиалковых глаз.

К огромному разочарованию Амилы, которая наверняка приготовилась отстаивать соблюдение традиций, я сразу выбрала белый цвет наряда. С одной стороны, ее подразнила, с другой — не хотелось бы на церемонии благословения чем-нибудь, даже нарядом не того

цвета, настроить ларов против нас. Когда начинаешь общаться с домашними духами-призраками и даже время у них уточнять, волей-неволей начнешь верить в богов! А уж с моим-то запредельным способом попадания в иной мир запросто во многое уверуешь! Поэтому сейчас все одиннадцать истинных пар новобрачных из разных шаазатов и с различным общественным статусом в белых одеждах. В отличие от других, абсолютно белые крылья только у нас с Йелли, к тому же его голову украшает корона. У остальных десяти пар в той или иной степени превалировал серый цвет. Никого из посторонних и чужих здесь быть не должно. Это таинство только для истинных пар, обласканных богами. Исключение делается лишь для наблюдателя из шаазов, способных вести ледаю все время обряда.

Сегодня Йелли предстоит совместить роль участника и «вещателя». Поэтому сразу после приземления широкий, гораздо больше обычного экран ледаи рассек пространство у обрыва с хорошим ракурсом, чтобы запечатлеть максимум интересных моментов и каждого участника события. Более того, в этот раз мы использовали один из новых артефактов, который поможет «оператору» меньше напрягаться и отвлекаться на поддержку записи и трансляцию. Накануне любимый рассказал мне, как проходит обряд, и я приготовилась наблюдать каждый этап. Для истории.

Площадка упирается в гигантский грот, в котором поблескивает огромная кварцевая глыба высотой метров десять — главный алтарь Леарата. Может, белый цвет леары ценят и уважают именно из-за этого алтаря? Мысленно я поблагодарила ларов и порадовалась за себя, что не стала выпендриваться и в кои-то веки оделась «по протоколу». Край площадки зачем-то огорожен широкой белой лентой, закрепленной на камнях и выступах. Неужели, чтобы чересчур потрясенные благословением ларов пары случайно не свалились с обрыва? А может и по другой причине, для красоты, например, ведь здесь у всех есть крылья, а упасть в бездну грозит только бескрылым.

«Уже скоро!» — тихо предупредил меня Йелли, глядя в небо вместе с нашими спутниками. Я тоже задрала голову — и распахнула глаза от восторга. День Марвина Лютого — самый длинный и холодный в году — выбран не просто так, более того, у разных народов Мира он называется по-своему и выделяется еще одной особенностью. С рассветом начинается парад планет, точнее, местных спутников: Мока, Моики и Комка. Они обычно уступают друг другу место, бледнея на небосводе, а сегодня, в течение рассветного часа с семи до восьми занимают практически все небо, низко нависая над Миром. И вот именно в этот отрезок времени к мирянам спускаются боги, точнее снисходят до их просьб или ритуалов. По-детски открыв рот, я любовалась небесами, фиолетово-розовый свет заливал все вокруг, отчего белый кварц искрился самыми невероятными бликами и оттенками. А стоило начаться «параду», когда спутники выстроились в линию, я будто в новую сказку попала. Время пришло! В сиреневых небесах начали проступать полупрозрачные белесые фигуры, словно облака решили с нами поиграть и поднялись гораздо выше положенного. Белые фигуры обрели контуры человеческих тел, затем отрасли пушистые облачные крылья и начали походить на гигантских леаров. Рассвет разгорался, яркие лучи светила буквально пронизывали тех самых великих и вечных ларов — богов и покровителей Леарата. В горле пересохло; казалось, я просто забыла дышать, потрясенная происходящим на моих глазах таинством:

— Они настоящие? И существуют?

— Кайя, пойдем, мы первые, — также шепотом поторопил меня Йелли, увлекая за собой.

— Но как это возможно? — выдохнула я, пытаюсь осознать невозможное, что вот эти белые облачные фигуры — древние боги, высшие сущности Леарата. Лары!

— Это реальность! — в ласковом голосе мужа чувствовалась улыбка.

Фигуры в небе пошевелились, словно подтверждая его слова, — и буквально стекли молочной рекой от вершины горы к алтарю, впитались в него. Ой, а ведь артефакт, собственноручно установленный заранее в стороне, записывает, как муж меня едва не под мышкой тащит на церемонию. Пора начинать — времени мало, а пар одиннадцать.

Накануне я самонадеянно планировала запечатлеть, как вся такая нарядная, бесподобная чинно-благородно пойду к алтарю и хорошо поставленным голосом произнесу яркую и незабываемую речь. Столько вариантов сценария придумала — кошмар! А на самом деле? Я даже свое имя с трудом вспомнила.

Доставив меня к главному алтарю, Йелли начал пробуждать его. Другие пары встали полукругом возле нас и запели гимн ларам. Голубые магические символы быстро впитывались в белый монолит, словно голодный камень наконец-то получил пищу. Я замерла справа от мужа и не могла оторваться от облачных фигур — ларов, паривших над головами, круживших над алтарем. Наконец, камень вспыхнул, ослепив яркой белой вспышкой и заключил нас с Йелли в теплый уютный кокон. В абсолютно цельном монолите алтаря проявились две выемки в форме ладони, словно кто-то из богов поставил там свои отпечатки. Только одна «ладонь» большая, а вторая — маленькая, для мужской и женской руки.

— Кайя, приложи руку! — попросил Йелли и, обернувшись ко мне, первым положил в большую выемку-отпечаток левую ладонь.

Встав к нему лицом, я с трепетом положила в малую выемку правую ладонь. Свободные руки мы соединили, замкнув связь между нами и высшими.

Со всех сторон зашептали разные голоса:

— Говори, говори, говори самое сокровенное, самое важное, от души, от сердца, от плоти и крови...

— Слушай, слушай, слушай... внимай и принимай...

— Верь, верь, верь... не соврать, не изменить, не передумать...

В голове шумело, гулко колотилось сердце, душа рвалась наружу вместе со словами. Теми самыми, о которых просили боги и сердце. Первым принес брачную клятву Йелли, глядя мне в глаза, от всей души, от всего сердца:

— Кайя, в тебе есть все, что я искал и даже не мечтал найти. Ты заполнила пустоту у меня внутри. Вот моя рука, мои крылья и моя душа — они только твои! Я верю: если упаду, ты будешь рядом, чтобы поддержать!

По моим щекам невольно катились слезы: так мало сказано, но сколь много значит. Глядя в лицо любимому, я выдохнула:

— Твои глаза — мое небо, твои руки — мой дом. Ты — мой воздух, моя сила, моя жизнь! Я люблю тебя! — Потянулась к нему и, встав на цыпочки, шепнула: — Как никого и никогда! Я абсолютно уверена: если упаду, то только в твои объятия!

Его рука, сжимавшая мою ладонь, скользнула мне на затылок. Мы слились в поцелуй, самом нежном, благодарном и чувственном, какой только можно представить. Так скрепляют истинные узы, жизнь и души. Окружающий свет стал нестерпимо ослепительным, я зажмурилась, но прервать поцелуй была не в силах. Мне было мало, хотелось еще и еще Йелли. Всего и навечно!

— Твой! Твоя! — вновь зашептали голоса. — Настоящие... чистые... защитники...

Мы, наконец, оторвались друг от друга, краем глаза я заметила, что наши брачные браслеты, побелевшие вначале ритуала, вновь засияли «фирменным» голубым светом. Значит, мы прошли шардис? Нам удалось? Но кокон не исчезал, как должен был, а настойчивый шепот усиливался:

— Береги! Его... их... береги...

— Я за него жизнь отдам! — пообещала всему миру.

— Береги ИХ, — голоса выделили для меня нечто важное, но пока непонятное. — Береги ИХ всех.

— Постараюсь, — я даже кивнула для убедительности, все равно оставшись в неведении: кого именно «ИХ»?

— Мы знаем, знаем, знаем, — довольно зашелестели голоса.

И вдруг — тишина, в следующий миг магический купол лопнул, как пузырь. Я вздрогнула, и, приходя в себя, взволнованно схватила Йелли за руку:

— Ты слышал?!

— Конечно, наш брак освящен богами, — довольно заявил мой дважды муж, обнимая и отводя от алтаря, уступая место следующим счастливым парам.

Вдаваться в подробности божественного наказания именно здесь, принародно, я передумала, как бы меня не раздирало любопытство. Потом, дома обсудим, что хотели лары. Дальше мы наблюдали, как другие пары проходят «регистрацию» брака у высших. К моему удивлению, одна пара не сияла, как все остальные, их купол рассыпался с ледяным перезвоном. Йелли

тихо пояснил, что они, хоть и истинные, но не любят друг друга. Им дали шанс прийти снова... когда-нибудь, если полюбят по-настоящему.

Вскоре час парада планет прошел, белые облачные фигуры медленно истаяли в небе, алтарь погас. Волшебство закончилось. Собравшись в середине площадки, мы поздравили новобрачных, и, в свою очередь, приняли поздравления. Не обошлось и без приятного для моего эго момента, когда меня горячо поблагодарили две пары из пятого и седьмого шаазата, соседи по ларанскому VIP-кварталу, которые теперь на вполне законном, возмездном, основании смотрят кино. Столичные леары пытались выяснить сюжет очередного телесериала, а жители дальних шаазатов заинтересовались кино и я с удовольствием хотела рассказать для продвижения и рекламы, но не успела — рядом прогремел взрыв такой оглушающей силы и мощи, что нас разметало в стороны.

Я упала на камни в защитном коконе крыльев Йелли, успевшего защитить меня от удара. С места, где только что звучали поздравления и пожелания, где всех переполняло счастье и любовь, пытались убраться на крыльях или отползали раненные, но следом за первым прозвучал второй взрыв, который спровоцировал обвал. Сверху летели камни, сбивали леаров, словно шары кегли. Мужчины пытались закрыть собой женщин, но большинство новобрачных все равно настигала смерть. Место благословения богов превращалось в братскую могилу.

Леар из пары, которую боги отправили на «стажировку», оттолкнул свою истинную, спасая от острого сталагмита и подставился под него сам. Сомнительно, что после этого выживают, но его супруга «перед людьми», презрев опасность, упорно пыталась освободить нелюбимого и не любящего.

Нам не удалось взлететь — целая глыба ударила в защитный кокон, мы упали у самого края обрыва. Так близко от спасения, но так беспощадно далеко. В этот раз уберечь меня от ранений мужу не удалось, но жизнь спас. Ужасающей силы удар буквально в ключья разнес спасительный кокон; дезориентированный Йелли мотал головой от жесткого отката.

Подняв голову, я заметила незнакомца, внимательно наблюдающего за нами с безопасного расстояния. Откуда он здесь появился? Судя по внешности, не леар! Высокий, мощный, черные волосы до плеч, плотная темная одежда, под которой бугрятся мышцы. Словно ниндзя! Пришелец посмотрел прямо на меня — и я узнала это узкое лицо с хищными угловатыми чертами и небольшими звериными клыками. Тот самый рейт, которому я пыталась помочь на невольничьем рынке! Только сегодня на его скулах «красовались» черные веточки тату, тянувшиеся «фростками» к шее.

Рейт тоже узнал меня: его раскосые зеленые глаза сузились. Все подмечающим взглядом он прошелся по руке мужа, в защищающем жесте обнявшей меня за плечи. Мне показалось, в ярких глазах оборотня мелькнуло сожаление и вина... Невероятно резкий, сильный бросок — и такой же как в прошлый раз черный кинжал, пылающий фиолетовым огнем магии хаоши, вонзился в грудь Йелли, с трудом, но преодолев мое защитное магическое поле — защитную стену, которую я успела поставить, как меня учила Амила. Одновременно с моим изумлением: «Разве такое возможно?» мужа отбросило ближе к обрыву.

Дальше мы вязли в киселе кошмара. Все катастрофически сложилось один к одному: удар огромной каменной глыбы, откат целиком пришелся на отразившего его Йелли, как и предыдущие; магия хаоши не просто оплетала кинжал, как в прошлый раз, а буквально пылала, чтобы уж наверняка погубить жертву; моя защита, которая раньше отбросила осатаневшего Хтона, сегодня пропустила кинжал.

Йелли, с трудом удерживающий равновесие на краю обрыва, теряющий связь с реальностью и фактически переступивший черту между жизнью и смертью, ведь исцеляющая изморозь не появится, пока нож в его сердце, успел выдохнуть:

— Прости, любимая...

Голубые глаза закрылись, он спиной начал заваливаться в бездну.

Я с воплем кинулась к нему:

— Нет!

Ужасно длинное мгновение, во время которого я успела выхватить из его груди кинжал, обжигаясь пламенем хаоши, и схватить за руку. Я бы не удержала своего большого мужчину, если бы в последний момент не зацепилась рукой за белую ленту, оплетающую ближайшие глыбы.

Йелли полетел вниз, я за ним. Резкий рывок вырвал из сустава мою руку, следом сильный удар — мы рухнули на короткий ледяной выступ, пролетев всего метра три. Я захлебнулась криком боли. Кажется, еще чуть-чуть — и точно осталась бы без руки. Я выла от дикой боли в плече, но приказала себе не разжимать руки: одной держала мужа за брачный браслет, второй — сжимала накрученную на запястье ленту.

Изморозь, покрывшая грудь Йелли и собственная зверская боль помогали находиться в сознании и относительно ясно соображать, хоть подлая магия хаоши пробиралась в меня, опутывала проклятыми сетями. У меня не было времени защитить руки от кинжала, поэтому теперь мы с мужем оба на волосок от смерти. Если я разожму пальцы, мы не полетим на прекрасных белых крыльях, а упадем в клубящуюся облаками бездну и разобьемся о камни. И тогда никакая магия не спасет.

— Помогите-е! — закричала я в панике.

Держать Йелли становилось все труднее, он вот-вот соскользнет с ледяного выступа, браслет так натянул ему кожу на запястье, что из-под него начала сочиться кровь. Как же спастись, как продержаться!? Боги, вы же так близко! Даже соображать было все сложнее, вот-вот отключусь — и все... Для начала я нарастила побольше льда, удлинняя выступ. Махала крыльями, с трудом преодолевая невероятную вялость. Как жаль, что мои крылья еще слабые, удерживают только меня, не потянут взрослого крупного мужчину с огромными крыльями.

— Я люблю тебя, слышишь, родной! Мы справимся, только открой глаза, ну пожалуйста!

— умоляла я, а потом вновь срывалась на крик: — Помогите-е...

Я не отпущу мужа. Если не спасу, значит упаду вслед за ним, сложив крылья. Вместе даже в смерти и без сожалений! Но боги, как же хочется жить!

Распластавшись по ледяному выступу, я упиралась всеми конечностями и куда возможно, чтобы не сорваться. Одна рука начала отекать, другая — неметь, но я упорно сжимала ленту, удерживающую нас на краю смерти. В наступившей после взрывов и камнепада оглушающей тишине слышались редкие мучительные стоны. Кто-то остался жив, но, увы, не может помочь.

Тело Йелли скользило вниз — новая ледяная ступенька, намороженная под ним, не выдержала, ломалась, крошилась. Я заплакала:

— Помогите... хоть кто-нибудь... пожалуйста...

Упорно не хотела думать, что никто не придет и не прилетит в это святое место, куда допускаются лишь избранные, а остальные ждут дома, наблюдая за церемонией у экранов ледаи. Все тщетно!

— Почему ты не отпустишь его? — раздался сверху приглушенный, но сильный, грудной голос.

Нависая над обрывом, на меня смотрел тот самый бывший невольник рейт. Убийца! Я обреченно всхлипнула, слезы сильнее побежали по щекам. Пальцы клещами сжались на ленте и браслете, вопреки слабости, проклятой магии и боли, терзающей мое тело. В глазах мутилось, как и в голове. Я сквозь зубы ответила:

— Я люблю его, понял! Лучше умру вместе с ним, чем жить в мире, где все продается!

— Значит, судьба... — грустно произнес убийца и исчез из поля зрения.

Прощайся?.. Вдруг рядом со мной упала крепкая веревка, следом по-кошачьи плавно спрыгнул на уступ рейт. Я скрипнула зубами:

— Пришел добить?!

Но знакомый незнакомец поразил: молча, ловко и весьма осторожно, почти не коснувшись Йелли, завязал у него под мышками веревку, проверил на прочность узлы и вновь ловко взобрался наверх. На несколько мгновений рейт исчез из виду, затем сильный рывок — и он начал поднимать моего беспомощного мужа.

Я последовала за ним, с большим трудом махая крыльями, чтобы рейту и меня не пришлось вытаскивать. А вдруг обманет: разожму руки, а он скинет Йелли с обрыва? Уже через несколько мучительно длинных осколков я полусидела-полулежала, трясая головой, упрямо разгоняя муть перед глазами. Одна рука работала, вторая — подернутая изморозью, к счастью, восстанавливалась. Крыльями прикрыла ноги и торс Йелли, защищая. Меня отчаянно трясло, болело все тело, дыхание вырывалось со свистом, проклятая магия хаоши глушила сознание. Я верила и не верила в наше спасение:

— Почему?

Рейт сидел на корточках, сложив руки перед собой, и не сводил с нас глаз. Я отметила, как постепенно бледнеют странные черные тату на его лице. Тоже магия — не иначе. Он горько усмехнулся и мрачно выплюнул:

— Да, эти рисунки — печать хаоши! Меня купили, не важно — честно или нет. Договор был заключен. От хаоши так просто никто не уходит. Никогда! Печать на лице живая, нарушил какой-нибудь пункт контракта — ты труп. Задушит, не раздумывая, а с магией хаоши не всякий справится, ты уже на себе это проверила. Обучение ученика длится три месяца. Ты даже не представляешь, что при этом делают с нами. Но я сопротивлялся и это, как ни странно, помогло. Со мной заключили дополнительный договор: если выполню выпускное задание, сам выберу себе путь. В любом случае, клятва на крови не позволит кому-либо рассказать о тайнах ордена. Хаоши можно верить, для них слово чести — не пустой звук, а репутация, заработанная веками. Мне поклялись: убью эрата второго шаазата на вашем празднике — договор вступит в силу. Дальше самому решать: свобода или орден. — Но ты же спас? — прохрипела я, склоняясь над Йелли, — усталость давила бетонной плитой. — Или...

— Сначала я его убил, — сухо и мрачно «успокоил» рейт. — Отмирающая печать у меня на лице — подтверждение. Я выполнил задание. Вы оба влюбленные везунчики: твой эрат настолько силен, что его магия даже от смерти исцеляет, а ты успела вовремя вытащить кинжал, не раздумывая и не тратя драгоценные мгновения.

— Повезло, — шепнула я, положив голову на плечо спящему мужу.

— Прости, у меня есть долг перед тобой, но и самому умирать не хочется. У меня семья...

— Я понимаю, спасибо, что вытащил нас из бездны... — я закрыла глаза и горько добавила.

— Жаль только, безвинные леары погибли...

— Это не я взрывы устроил! — жестко опротестовал рейт. — Мое задание — эрат второго шаазата. Остальные несчастные — заслуга кого-то из ваших. Я видел крылатых на вершине горы, они ждали завершения ритуала, когда боги уйдут...

Глаза закрывались, сил бороться с чужеродной магией больше не было. И тут я заметила, как с ближайших каменных обломков к нам спикировали темно-серые тени. В темной одежде, не свои.

— Это мой долг тебе, леара! — спокойно произнес рейт, вставая между нами и врагами. Встретить огромного снежного барса живьем, можно сказать, лицом к... хвосту или заднице, мне еще не приходилось. Тем, против кого этот грозный зверь выступил, наверное, тоже не случилось, секундное замешательство — и одна голова полетела с плеч. Я зажмурилась, чтобы не видеть очередной кошмар. Вскоре звуки отдалились, смешались. Вдруг раздался рев Ниола и крики Амилы. Приоткрыв глаза, убедилась, что не в бреду: и в самом деле прибыли мои свекры вместе с отрядом охраны нашего рода, который — о, лары! — возглавила яростно оскалившаяся Делария. Но зачем они пытаются убить прекрасного зверя — снежного барса?

Страх за рейта заставил меня невероятным усилием воли прорваться сквозь липкую паутину хаоши, опутавшую сознание. Подняв руку, я прохрипела:

— Стойте, он свой! Рейт спас нас обоих! Не троньте его, он мой друг! — И снова как-то странно себя ощущая, пробормотала: — Только немножко убил вначале...

Рядом простонал Ниол:

— Опять! Бедная наша девочка! Делла, быстро сюда, тани из нее, сколько сможешь!

Амила, круг делайте. Быстро! У нее завершающий переход начинается.

Дальше я попала в огненный ад, где со всех сторон шептали Лары:

— Береги их, береги. Они просто глупые дети, береги их. Подари им Мир... подари...

Я закричала, отмахиваясь от них, сгорая в агонии. Многоголосая боль длилась недолго, на смену ей пришла спасительница тьма, охлаждая, забирая тревоги и усыпляя...

А кто у нас злодей?

Из тьмы забытья меня вытянула дикая жажда и боль — не острая, а глухая, сродни усталости, разлитая по всему телу, завладевшая каждой клеточкой. Словно я треснувший сосуд, из которого вытекла вся жизнь... Ну или почти вся, я же чувствую боль, значит жива... Дежавю! По-другому не назвать мои ощущения, когда я с трудом открыла глаза. Впечатление усилилось, когда в арочном проеме перед террасой моих покоев, в свете догорающего заката я увидела Ниола крепко и с величайшей нежностью обнимающего супругу. А вот моего мужа почему-то рядом нет...

Услышав мой горький всхлип, родители резко обернулись и поспешили ко мне. Ниол сел в кресло, Амила — прямо на краешек кровати и с невыразимой материнской лаской погладила меня по голове, убрала прядки со лба и тихонько спросила:

— Пить хочешь, родная?

— Да-а-а... — хлопнула я носом, ощущая себя квашня-квашней, — воды-ы-ы. Что с Йелли?

— С ним все хорошо, детка, не волнуйся. Он... разбирается с заговорщиками вместе с Иси и другими эратами, — мягко улыбнулся свекор. — Скоро придет.

— А рейт? — испугалась я.

— Его зовут Ррев, он из клана северных барсов, — пояснил Ниол. — И за него не волнуйся, вы увидите попозже, он пока с Йелли... помогает нам. Знаешь, его история, как и обстоятельства вашего знакомства весьма любопытные.

— Его магией принудили, он не виноват, в общем-то, — хрипло заступилась я.

Амила, ну прямо как настоящая сиделка, помогла мне приподняться, подперла плечом и дала напиток. Сразу стало лучше, словно я испила воды из живого источника, даже съязвить потянуло:

— Спасибо, Амила, ты сегодня такая добрая!

Вряд ли у меня получилось — слабый голос дрожал. Зато свекровь довольно рассмеялась:

— Хвала ларам, ты почти пришла в себя, Кайя, раз ехидничать начала!

— А что было потом? — нахмурилась я, пытаюсь сложить кусочки воспоминаний, но в голове свирепствовала мучительная боль.

Ниол тяжело вздохнул:

— Был твой последний переход. Ты полностью созрела. К сожалению, в тебе так много магии, что она твое тело словно жерновами перемолола. Поэтому сейчас ты себя ужасно ощущаешь. Не переживай, думаю, еще денек — и ты почувствуешь себя как новенькая...

— Придется теперь среди прислуги и духов порядок наводить, а то от тебя даже пустой фонит так, что меня все время тянет творить добро, — проворчала Амила.

Я хихикнула, радуясь, что с моей свекровью все нормально. Наверное, на меня страшная трагедия повлияла или взрослой стала после четвертого перехода, или непривычная Амилина ласка. Не выдержав накала эмоций, призналась:

— Ты не представляешь, как я счастлива, что у меня есть ты! — Перевела взгляд на улыбающегося, все понимающего Ниола и поправила: — Вы, вы оба! Я вас обожаю, дорогие мои!

Амила сидела истуканом, я уже было решила, что зря призналась, но в этот момент у нее словно лед на лице треснул — скривилась, а потом потянулась ко мне и заплакала, обнимая:

— Девочка моя, родная, как жаль, что наш мир тебя так неласково принял. Столько бед на ваши с Йелли головы свалилось. Ты не бойся, мы рядом, всегда поддержим...

— Мы тоже тебя полюбили, как родную, — тихо добавил Ниол, пожав мою руку.

Свекор впервые коснулся меня, ведь у леаров не принято касаться женщин, особенно чужих женщин, тем более шааз, — а значит действительно принял в круг родных и близких.

Полностью!

Мы немного поплакали, и я, полюбовавшись их сверкающими белоснежными волосами, представив, как будут слепить крылья, на которых не осталось ни малейшего пятнышка, ни тени еще в прошлый раз, похвалила:

— Вы белее самого чистого снега!

Ниол с Амилой таинственно переглянулись, он улыбнулся ей, как Йелли-хищник, пытавшийся меня соблазнить, и поведал:

— Твой переход был такой силы, что досталось всем, кто помогал нам держать купол, чтобы не выпустить магию созревшей шаазы. Сохранить тебе жизнь. Ллил даже заработал несколько белых перьев. Делла теперь и без связи с тобой светло-серая. Думаю, когда ты восстановишь связь, она запросто обретет парочку собственных белых крыльев. Остальные дружно посветлели. Мы прилично усилили шаазат, благодаря тебе, а то из-за нападения на наш дворец три месяца назад многих светлых потеряли, сейчас хоть немного баланс восстановили.

— Вот это новости! — обрадовалась я.

— И еще, Кайя, Йелли настаивает на повторном ритуале пока мы под завязку наполнены твоей магией. Ее можно отдать нашему второму ребенку, — тихо сказала Амила, глядя мне в лицо, ожидая реакции с моей стороны.

— Я с ним абсолютно согласна! — встрепелась я и даже привстала на локтях. —

Надеяться только на нас слишком рискованно, чем больше семья, тем лучше мы защищены! — Моя работа! — довольно ухмыльнулась Амила. — Первые мысли о благе шаазата, а не о себе!

Я чуть не хрюкнула от смеха после ее комплимента, потому что мой личный эгоизм никуда не делся. Просто почему бы не распределить риски «белокрылости» по максимуму, на всех родственников. И для этого их нужно откуда-то наскрести. Власть и положение первой леди меня волнуют во-вторую и даже третью очередь. Мертвым, как всем известно, уже ничего не нужно.

Ниол таинственно улыбался, глядя на меня. В отличие от жены, на мой счет иллюзий не строит и все равно принимает и любит. Я скорее для него проблеяла:

— Я смогу подкормить Амилу во время беременности, чтобы меньшие потери были. Да?

Ниол еще шире улыбнулся, оценив мой подхалимаж, и кивнул.

Уютную тишину покоев нарушил возмущенный вопль Деллы:

— Да как ты смеешь, ущербная? Я тень Арэнк и имею полное право находиться подле своей шаазы!

— А я отвечаю за порядок в личных покоях первой шаазы Арэнк! — с не меньшим апломбом ответила ей Байли, чем невыразимо меня удивила. Где та грустная, даже забитая серокрылая девушка? — Я запрещаю тебе сейчас беспокоить шаазу Кайю!

— Отщепенка!

— Хамка!

Обменявшись «комплиментами», «должностные лица» и в комнату ввалились вместе, стараясь не пропустить друг друга.

— Я смотрю, вы активно сотрудничаете, — сухо констатировала Амила, обведя мгновенно присмиривших девушек суровым взглядом.

— Да, шааза, — те живо изобразили смирение и вселенскую вину.

Делла, увидев, что я очнулась, тут же забыв о приличиях и этикете, кинулась ко мне:

— Кайя, ты не представляешь, о чем я тебе хочу рассказать!

У моей тени теперь светло-серые крылья и почти такие же как у меня платиновые волосы.

Байли, к слову, такой же «масти». Обе девушки теперь сравнялись в силе.

— Шааза Кайя, мы готовы приступить к твоему омовению и подготовке ко сну, — скромно улыбнулась Байли.

Если Делла больше мой партнер по авантюрам, то вот с этой серокрылой мы, наверное, сможем подружиться.

Моя личная стервозная тень возмущенно уставилась на главу порядка, посмевавшую ее прервать.

— Всего одно новое лицо во дворце, а столько изменений... развлечений... суеты и шума.

Иногда мне не хватает прежней скуки и тишины, — спокойно, негромко, но весомо произнес Ниол, взглянув на девушек.

Обе сдулись и присмирели. Я решила спасти нечаянных-отчаянных подруг от недовольства свекра:

— Мои дорогие, прошу вас, расскажите, что случилось потом? — Я умоляюще посмотрела на каждого из моих родных и близких. — А то магия хаоши мозги затуманила, ничего толком вспомнить не могу.

— Можно же просмотреть... — начала было Делла, но Ниол так на нее посмотрел, что с ее лица весь румянец сошел. — Простите, шааз.

— Где посмотреть? Как? — удивилась я. — Ведь там все разрушилось и Йелли не успел передать ледаю.

Амила кинула осторожный взгляд на мужа, тот, поморщившись, кивнул, с чем-то соглашаясь, и она пояснила:

— Новый артефакт, видимо, дал сбой, потому что не только записывал, но и вещал на весь Леарат происходившее на горе Дамарис. Мы все видели, только поэтому успели... — она тяжело вздохнула, — не опоздали окончательно и бесповоротно.

— Но как? Артефакторщики пока не знают, как решить эту задачу.

Мне тихо ответила Байли, невольно оглядев комнату:

— Духи шепчут по дворцу, что сами лары вам помогли. Дамарис — не место для вражды, интриг и убийств, тем более. И артефакт они изменили, чтобы всем показать, за что накажут виновных...

Я нахмурилась, вспоминая события:

— Да-а-а... в таком случае без чуда там не обошлось.

— Завтра казнь шааза, входившего в Совет Девяти — немыслимое событие. Шаэр приказал созвать эратов всей тысячи шаазатов. Чтобы каждый видел и знал: неприкасаемых не бывает! — быстро доложила Делла и с придыханием добавила: — Если нарушил волю ларов и устои леаров — ты лишь выщипанные перья на ветру!

Не смогла промолчать, вредина. Тем не менее, новость меня потрясла:

— Шааз из Совета? Кто?

Ниол взял меня за руку, Амила погладила по бедру, укрытому одеялом. Наконец, шааз ответил:

— Эрат Керук с эром Хинто стояли за всеми последними преступлениями, а мы с Йелли считаем, что и за предыдущими, совершенными против нас. Духи Иси неистовствуют, обозлились за то, что Керук с сыном чуть не уничтожили их дом — Кристальный дворец с семейным храмом, потомками и памятью о них. Алтарь рода Иси придется восстанавливать веками. Они обратились к ларам за возмездием, те услышали и согласились вмешаться.

Увы, лары не вездесущи и не могут прямо вмешиваться в жизнь мирян, но помочь восторжествовать справедливости и наказать истинно виновных способны.

— Но ведь прямых улик... доказательств вины Керука и Хинто нет? — удивилась я.

Ниол так жутко усмехнулся, что у меня даже мурашки по коже с испугу побежали и все волоски дыбом встали.

— Не было, ты права. Мы набрали лишь кучу всякой мелочевки, но Керук слишком крепко и высоко сидит, без прямых и очевидных доказательств было не сковырнуть этого паука.

Но лары воспользовались твоим артефактом — он записывал и показывал, никто не знает как, но все, что происходило в священном месте, и со всех сторон. И лицо Хинто запечатлел, когда этот больной выкидыш с дерева лапуг наблюдал за делом своих рук с более высокой точки Матери гор. И как рукой направил убийц добить тебя с Йелли, когда Ррев вытащил вас из пропасти. И как после отправил домой вестник об очередном провале. В общем, все сложилось, лары помогли. Тем более, теперь и свидетели появились: твой рейт оставил парочку убийц в живых. Они много чего рассказали, глядя ему в пасть!

— О наказании и вмешательстве ларов говорит уже то обстоятельство, что ледаю получили и видели все, кроме рода Керуков, — глухо, с ненавистью прошипела Амила. — Лары долго терпели, но, когда белокрылая гниль уничтожила храм Иси и алтарь Дамарис, терпение закончилось.

— Жаль, поздно, сколько леаров погибло и пострадало, — горько вставила я. А потом хрипло спросила. — Что теперь будет с третьим шаазатом?

Ниол пожал плечами равнодушно:

— Завтра казнят бывшего эрата, Хинто и их непосредственных приспешников, коих набралось немало. Столько мразей приютили у себя под крылом. Родно преступников, как обычно, низвергнут и осушат магически. Но Керуки — очень многочисленный род, с

разными ответвлениями, в которых имеются белокрылые, хоть и не столь сильные. Зато Тито и остальные эраты только радуются: их дворцы и шаазаты поднимутся в иерархии. — Э-э-э... а как дворец поднимется? — опешила я.

— Натурально, — усмехнулась Амила. — Шаэр проведет обряд, обратится к духам всех девяти верховных родов, и они изменят расположение дворцов.

— Ни фиги себе! — перешла я на русский от изумления. Поняла, что смысл фразы леары уловили и, наверное, взлетела бы с кровати, если бы могла: — Я хочу это видеть! О! И запечатлеть для новостей!

— Неугомонная, — ласково улыбнулась свекровь.

Я умоляюще посмотрела на нее:

— Амила, ну пожалуйста, я очень-очень хочу посмотреть запись, мне просто нужно, важно знать, что там происходило. И сколько выжило лю... леар.

— Не расстраивайтесь, шааза Кайя! Все выжили, лары защитили, сберегли. Только выздоравливать долго будут... — подала голос умница Байли.

Ниол кивнул Делле, и та быстренько слетала за артефактом в виде кубика. Дальше я, затаив дыхание, смотрела запись церемонии благословения. Полюбовалась первыми мгновениями, да-да, как меня, ошарашенную «достопримечательностями», муж тащил под мышкой. Выглядела я на редкость глупо, по-моему, даже красивое платье не спасало. Дальше было мило и душещипательно: окруженные сиянием пары смотрели друг на друга с такой нежностью, любовью, что на глаза навернулись слезы. Одна пара выделялась, оба чувствовали себя лишними на том празднике. Боги их «регистрацию» отложили.

Но вот потом... Когда мужчины самоотверженно защищали своих любимых, падали, заваленные камнями, или когда леара из отвергнутой пары, забыв о себе, освобождала своего избранника от сталагмита, а потом вливала в него магию, исцеляя и опустошая резерв, чернея на глазах, — это выбило дух...

Вот мы у края бездны, мое лицо крупным планом, ужас в глазах, взметнувшаяся защитная стена и летящий сквозь нее кинжал. Отчетливо видно, как он пылает. А может, лары постарались, чтобы каждый видел, почему второй эрат мог замертво упасть в бездну. Я в отчаянии кинулась к нему, вырвала отраву из сердца — и ухнула следом...

Амила всхлипнула, закрывая рот кулаком. Ее тут же обнял Ниол.

Кино от высших, в чем я уже не сомневалась, продолжалось. Мой артефакт с того места, где мы его установили, точно не снял бы происходившее за «бортом», а навороченный ларами — вполне. Хотя... не все, но, по крайней мере, верхнюю часть моего тела, судорожно дергающиеся крылья и руку, вцепившуюся в браслет Йелли. И каждую мою жалкую попытку нарастить льда... И лицо, искривленное от ужаса, боли и отчаянья... Все беспощадно показывал...

Рейт, выполнив условия сделки, тяжело вздохнул и отвернулся, собираясь покинуть объект так же незаметно, как и появился. Но у противоположного края площадки замер, прежде чем скрыться с места преступления. По-моему, он разрывался: уйти и помочь. Зачем-то сдвинул рукав плотной черной куртки, обнажив запястье с тонким плетеным браслетом с голубой бусинкой. Ррев снова тяжело вздохнул, посмотрел в небо, где зависла одинокая облачная фигура. Все-таки не все лары ушли! Оборотень тряхнул густой темной шевелюрой и по-звериному плавно, словно на мягких лапах направился к нам.

Монтажный переход: Ррев с трудом вытаскивает Йелли из пропасти, показывая всем, насколько крупного и тяжелого мужчину мне пришлось спасать, держать несколько минут. Потом из-за края показалась я... героиня, слов нет, — шуплая, грязная, в кровоподтеках и ссадинах, в заляпанном кровью драном платье, а руки... Меня опять на слезы прошибло, до чего себя стала жалко, — одно плечо неестественно вывернуто, рука плетью висит, пальцы мертвой хваткой сжимают спасительную белую ленту, намотанную на запястье. Дальше я вообще плохо помнила, даже момент, когда Ррев, увидев мое состояние, отвлекся от Йелли и резко дернул за ленту. Меня, оказывается, тогда аж выгнуло от боли, зато сустав встал на место, а изморозь набросилась на него, словно оголодавший пес на косточку.

Последовавшее дальше было уже вне моего сознания. Ррев в ипостаси снежного барса насмерть бьется с несколькими леарами — убийцами, несостоявшимися по воле богов.

Каждый из них, словно ему там медом намазали, пытался подобраться к нам, но рейт, как

говорят профи, держал оборону и методично истреблял противника. Но двоих, о которых упоминал свекор, на самом деле «помиловал» — в качестве будущих свидетелей оставил. Затем, без перехода, на него налетела толпа Арэнков. Делла походила на разъяренную кошку, у которой украли котенка. Амила и Ниол — на карающих ангелов, а Лйл... ух, красавчик, в ярости он потрясающе смотрится! Меня услышали, от красавца зверя отвалили. Ниол подлетел ко мне, со страданием и сочувствием на красивом лице коснулся лба — и началась суматоха. Про Ррева забыли, но он не удрал, ходил в сторонке, хлеща по бокам хвостом, и зорко следил за обстановкой.

Потом любой житель Леарата видел, как взрослеет шааза. Надо полагать, на моем примере лары хотели показать пустым ша и одаренным шаа, что за все надо платить. Во всей красе вопрос на засыпку от ларов: нужна ли вам, чернокрылые и серокрылые счастливчики, сила белых за такую цену? Вот хитрецы! Мое тело выгибалось под немыслимыми углами, кажется, кости трещали, вены так вздувались, что могли лопнуть в любой момент. Артефакт «слышал» мои, ох, звериные вопли боли. А какие муки испытывали те, кто сдерживал мою магию внутри!? Перекошенные лица, кровь, идущая носом, и растянутые в криках рты не оставляли зрителям сомнений. Плохо всем! Очень плохо! А уж как корежило пришедших в себя Йелли и Деларию — не передать словами, ведь они связаны со мной узами магии.

Даже странно, почему крылатые скромно называют этот суший кошмар переходом.

И вот, пережив такие мучения, любой белокрылый автоматически становится мишенью со стороны своих и любого другого леара. Кому такая сила нужна? В общем, мудрые лары постарались наглядно продемонстрировать все «за» и «против», и последних, на мой взгляд, гораздо больше. Может это не магия слабеет? А боги хотят мира и равноправия для всех своих детей, глядя, как те творят черту что.

Око ледаи, считай божественное, отвернулось от нашей компании — показывать, как мы дружно парим в эйфории, лары не захотели, чем только подтвердили мои подозрения: все не просто так! «Камера» переключилась на гору Дамарис, стремительно забралась повыше и показала перекошенное ненавистью лицо Хинто Керука, в окружении трех телохранителей в темной одежде, как и у тех, кто напал на нас. Уверена, параллели леары провели! Эра Хинто наговаривал сообщение, с ненавистью глядя на конкурентов, которые прямо на его глазах «отоварились» магией и усилили шаазат. Хинто в бешенстве отправил вестник, раскрыл красивые белоснежные крылья и улетел прочь. Козел ты...

К месту трагедии слетались новые и новые леары. Я всхлипывала от радости, наблюдая как достают из-под завалов живых. Мои родичи, напитанные магией, легко ею делились, исцеляя раненных. Почерневшую леару, отдавшую всю себя ради истинной пары, живой, но с трудом передвигавшийся супруг успел подтащить к нашему куполу, чтобы восстановить. К счастью, ее крыльям вернулся серый цвет! Потом они долго и страстно целовались, на фоне поисково-спасательных работ. Похоже, совместное преодоление трудностей и обоюдное самопожертвование их сблизило, помогло взглянуть друг на друга с иной стороны.

Глядя первый леарский репортаж из горячей точки, я постоянно держала в поле зрения Йелли. Любимого, после того он как очнулся, не интересовало ничего, кроме меня: держал на руках и тихонько укачивал. Правда, я ничего не помню. Но еще больше люблю...

Увидев, что я плачу от переизбытка эмоций, Байли непререкаемо распорядилась:

— Шаазы, помилосердствуйте, хватит, нашей Кайе надо привести себя в порядок. Ша Кимчи лично приготовила ей ужин, полезный и вкусный.

— Не зря я чернокрылую главной на кухне назначила, они больше ценят то, что имеют, — довольно заметила Амила.

Я вспомнила, что именно Кимчи защищала мое доброе имя перед «коллегами».

Делла почему-то не без ехидства подвела итог по окончании просмотра:

— Кайя второй день героиня! Еще бы: не побоялась магии хаоши, ценой жизни защищала эрата и, к тому же, та-да-дам, перевербовала рейта. Это где же видано, чтобы снежные кому-то служили или защищали? Да еще другом обозвала...

— А причем тут «друг» и «обозвала»? — насторожилась я.

Ниол явно хотел чем-нибудь стукнуть болтливую Деллу, но она моя тень. А я ее, наоборот, приблизила, чтобы она мне все-все рассказывала. Пришлось ему самому обстоятельно объяснять причем:

— Оборотней этого вида очень мало, они живут по соседству, но мы почти не контактируем. Снежные барсы легко взбираются по любым стенам, опасные бойцы и сильные воины. Поэтому мы не трогаем их, они нас. У снежных барсов есть одна особенность: они непозволительно свободолюбивы и горды. Практически отсутствует иерархия. Они до последнего вздоха защищают свою территорию и самок с детенышами. Единственные, кого они допускают на свою землю, — друзья, у каждого рейта свои. Из-за особенностей характера и проживания их не просто мало, а единицы. Не каждый мирянин решится назвать рейта другом, потому что не только получит поддержку оборотня, но и себя обяжет «дружить». Для нас это как клятва на крови в верности, у них все просто: назови рейта другом. Но, не дай лары, хоть раз обмануть снежного барса, предать его доверие. Ни один хаоши рядом не стоял, настолько опасны последствия.

Я нервно сглотнула:

— Ой, а чем я ему теперь обязана?

Родственники синхронно укоризненно улынулись, как неразумному, но обожаемому чаду, ну совсем как мой отец:

— Жизнью!

— Не волнуйся, они с Йелли нашли общий язык, приняли обязательства... В общем, у тебя новый главный охранник. Лыла Йелли забрал — новоявленного шааза назначат на другую, более высокую должность. Тем более, заслужил...

— Мы доверимся Рреву? — ошеломленно выдохнула я.

Улыбки свекров стали ироничными, а вот Делла, как ни странно, после новости о Лыле помрачнела и погрузнела:

— Если снежный обрел друга, более преданного и надежного существа ты нигде не найдешь!

— Мы с сыном теперь можем совершенно спокойно выдохнуть: первая шааза Арэнк вне опасности. Этот зверь тебя ни к одной маломальской аванюре не подпустит! — поддакнула свекровь.

— Да я-то причем? Я вообще ни при делах, это все ваши виноваты! — возмутилась я на русский лад и даже не заметила как села.

— О, смотри-ка, выступает уже, — оценила Амила и царственно махнула рукой остальным, направляясь к выходу: — Так, шаа, быстро помогайте шаазе привести себя в порядок. И покормите! И чтоб без Йелли от нее ни ногой! И не работайте языками попусту, знаю я вас, болтушек.

Родители ушли, и мои горничные начали «помогать»: отнесли в купальню, потом одели в новую пижаму — невидаль, которую назвали спальный костюм, а модель «Кайя придумала» — затем мы втроем плотно поели. Байли сильно смущалась в моей компании, но мы с Деллой, оставившей свою профессиональную ревность, отвлекали ее болтовней. Повезло мне с этими девушками! Очень!

Засидеться мы не успели. Собеседницы, посмотрев мне за спину, синхронно прикрыли лица ладонями, приветствуя шааза, и бесшумно исчезли. Меня окутало тепло Йелли, ласково шепнувшего на ухо:

— Ну здравствуй, любимая!

Я обернулась, всем телом потянулась к нему и расплакалась, крепко-крепко обнимая. Как вспомню его затухающий взгляд — душа от ужаса стынет.

— Ты чего слезы льешь, родная моя? — заворковал Йелли, поднимая меня из кресла и прижимая к себе, как ребенка, прямо как тогда, на Дамарисе.

И голос у него такой живой, нежный и мягкий я впервые слышала. Счастливо всхлипнув, шепнула, обнимая ладонями его лицо и вглядываясь в глаза:

— Я люблю тебя...

Он молчал несколько мгновений — горло перехватило перед признанием:

— Поверь, я тебя тоже... как никто другой!

Как я перед ларами сказал! Потом мы лежали в обнимку и купались в нежности и любви. Сегодня не время страсти. Хотелось уютной семейной тишины и простых, но таких желанных и родных обнимашек.

— Скажи, а боги говорят с нами? Хоть иногда и шепотом? — вспомнила я благословение.

— Некоторые говорят, да, — нисколько не обеспокоившись, отозвался Йелли, водивший носом по моему виску.

Я облизала пересохшие губы и уточнила:

— А если боги кого-то назвали чистыми и защитниками — это что означает?

Муж молчал несколько мгновений и ответил уже задумчиво:

— Так рождаются духи рода. При жизни эти леары отличались талантами и способностями, которые устремляли на благо рода, Леарата, защищали род и Леарат. Короче, отметились хорошими делами. Поэтому мудрые лары оставляют их души здесь служить в посмертии духами-защитниками, помогать. Ты и сама с ними прекрасно знакома и даже дружна.

— Ничего себе! — потрясенно выдохнула я. — Такая вечность мне точно ни к чему, надо срочно сообщить об этом ларам. Не готова я в посмертии работать вечным будильником или маляром-штукатуром, да еще дворцы двигать... Они же неподъемные!

— Ты? — удивленно спросил Йелли. — Кайя, свет мой, ты еще долго-долго будешь жить и радовать меня.

— Я понимаю, но лары во время благословения нас защитниками назвали. Представь, что нас обоих ожидает? Бродить по дому жутким, но симпатичным привидением... Тьфу, тьфу, тьфу, от таких обязанностей. Теперь понятно кого — «ИХ» и что беречь!

Йелли хохотал от души и, вытерев слезы, зацеловал:

— Как же я тебя люблю, ворчунья моя!

Глава 29

Подарки и долги

Обледеневший свод, стены и пол домашнего храма Арэнк переливались и искрились. Стоило мне перейти незримую грань между мирским и потусторонним, в храме-пещере началась метель — это уже моя магия чудит, прорываясь наружу. Я аккуратно ступаю по льду, следом стелется поземка. Но никто не злится, не упрекает за «непогоду» в сердце рода, ведь сила леара — это еще и поддержка, подпитка бестелесных защитников дома. Наоборот, в толще льда все ярче разгораются голубые огоньки: духи просыпаются, «оживают» и меня это радует. Всего каких-то четыре месяца назад это место пугало до дрожи, я считала его жутким, а сейчас ощущаю себя здесь как дома.

Вопреки всем «нельзя», я присела на скамеечку у огромного кристалла- алтаря. Последнее время почему-то быстро устаю и вообще по всяким пустякам расстраиваюсь. Вот и сегодня проснулась с утра разбитая, в голове одни грустные мысли.

Резать ладонь, как Йелли, чтобы пробудить алтарь для обращения к ларам, я не стала. С трудом преодолев жалость к себе, которую предпочла назвать инстинктом самосохранения, поранила палец. Затем быстренько размазала кровь по алтарю, благодаря духов и ларов... уж как получилось. Ждала-ждала отклика, тоже хоть какого-нибудь, но тщетно. Тихо-мирно, уютно и я, привалившись к светящемуся ровным голубым светом алтарю, вновь погрузилась в свои грустные мысли. Так хотелось повидать родных, хоть одним глазком. Почему-то вспомнилось благословение у горы Дамарис. Интересно, что бы я сказала Игорю, если бы подобная ситуация сложилась в нашем мире, и он выбрал меня, а не Машку? И поняла: ничего бы «такого» не сказала. Наверное, какую-нибудь банальщину несла, которую придумывала перед ритуалом здесь — высокопарную чушь, лишь бы выпендриться «на камеру». Скорее всего, нас бы земные боги так же «завернули», как ту пару не влюбленных. Ведь Игоря, я теперь знаю совершенно точно, не любила. И все же, как он там, на Земле? Что с ними стало?

Да фиг с ними! Конкретно на Игоря с Машей мне плевать, если уж совсем честно. Я переболела, пережила их предательство и забыла. Только сейчас зачем-то вспомнила, не иначе время пришло. Пусть живет, как хочет; в конечном счете я выиграла от их предательства. Если вернуть время вспять, я бы ничего не изменила, потому что теперь у меня есть Йелли. Ради него и для него что угодно сделаю...

Как там бабушка, папа и мама? Незнание терзало и мучило. Положив руки и голову на алтарь, я выдохнула в космос:

— Помогите мне, духи! Родненькие, ну хоть маленькую весточку получить, чтобы душу успокоить.

Закрела глаза, посылая тоску и жажду алтарю, от всего сердца взмолилась — и лары, похоже, услышали. По сомкнутым векам полосула вспышка света, я даже зажмурилась. Затем цветные пятна истаяли, и я одновременно увидела и услышала...

В нашей гостиной, большой, отчасти помпезной, но красивой стоит у окна отец. Бабуля сидит за столом, живая, какое счастье! Сердце пойманной птицей забило от радости. Только бабушка еще больше ссутулилась и поседела. Но Елена Петровна Шмырь по-прежнему остается образцом настоящей женщины. Женщины с большим сердцем. Вот бы подбежать, обнять обоих, погладить папку по широкому, слишком напряженным плечам, чтобы успокоился и расслабился. И окунуться в родное бабулино тепло.

— Что там? — ледяным голосом спросил отец, оказывается державший новый смартфон у уха.

Так-так, на Земле вышла новая модель айфона. Я тоже хочу... Стоп! Папа плотно прижимает его к уху, но мне прекрасно слышен глухой, недовольный голос его собеседника:

— ...европейские партнеры беспокоятся, господин Хелле, что излишне активные поиски бывшего жениха вашей дочери, господина Лесина, и его подруги Марии, которые сбежали... которых видели в Колумбии, могут негативно сказаться на общем климате инвестиций в ваш новый проект. Особенно, учитывая нестабильную обстановку в той стране и крайний негатив местных... известных на весь мир предпринимателей, числящихся в международных базах. Насколько нам стало известно, некоторые из них посчитали, что вы залезли на их территорию. Может возникнуть конфликт интересов, а наши европейские партнеры не хотят, чтобы их имена и репутация хоть как-то ассоциировались с... колумбийскими наркобаронами.

— Успокойте наших европейских инвесторов! Свои проблемы с колумбийскими, известными на весь мир предпринимателями, я уладил к обоюдному удовольствию. Как раз сегодня получил от них, за весьма солидное вознаграждение, прекрасную открытку, где запечатлены бывшие друзья моей исчезнувшей дочери. Они решили остаться в Колумбии. Навечно! И сердечно со мной попрощались, принеся глубочайшие извинения и пожелав удачи.

Несколько секунд тишины — а потом ехидное уточнение:

— Это не та ли «открытка», которую пару дней назад по всем каналам показывали колумбийские и соседние СМИ, сожалея о гибели двух русских туристов? Помнится, всех возмутил жестокий способ их... кончины.

Папа хмыкнул, затем флегматично ответил:

— Не знаю, о чем вы, господин Фурш. У меня даже на местные новости времени не хватает, что уж говорить про колумбийские. Может быть, позже посмотрю... отмечу их профессионализм.

— Хорошо, я рад, что вы все решили, господин Хелле и вновь в деле. Я передам инвесторам, что проект будет успешно развиваться дальше.

Папа отключил телефон и медленно, устало обернулся к бабушке.

— Миш, зря ты их так жестоко... Я думаю, Игорь не врал, когда сказал, что не виноват, — задумчиво сказала бабуля, а потом добавила почти шепотом: — Я уверена: она жива. Не знаю, почему Кайя не вернулась, но однозначно — жива. Я чувствую.

Отец раздраженно швырнул айфон на стол, с болью и яростью в голосе ответил:

— Мы нашли ее парашют. Точнее, рыбаки выловили километрах в ста от места высадки. Он был весь изъеден кислотой. Вовка рассказал, как дело было в клубе. Либо эта тварь

Машка, либо сам Игорь, а мне плевать — кто! Они убили мою девочку. Оба! Значит, и ответили оба!

— Она жива! — упрямо заявила бабушка. И глухо добавила: — Кайя мне недавно снилась, такая красивая, счастливая, с белыми крыльями. Над облаками, а сверху — невиданный дворец. И мужчина рядом с ней тоже с белыми крыльями, красивый... Ты бы видел, как он смотрел на нашу девочку. Словно она для него — весь мир. Самая прекрасная и единственная...

Папа прямо на глазах осунулся, широкие плечи опустились после бабушкиного рассказа о видении, затем он сипло произнес:

— Ангелы, значит... Ну да, Кайя — добрая и светлая девочка, куда ей еще... Ну пусть так, может Бог за ней присмотрит лучше, не то что я... не уберег. И так виноват... — последнее он сказал с сильным душевным надрывом.

— Кайя точно простила, да и Боженька тоже, иначе зачем второй шанс тебе подарил? — сурово осадил его мать. — Так что учти прежние ошибки!

— Мать, ты знаешь, как я тебя люблю? — Папа впервые на моей памяти опустился перед ней на колени, обнял, положил, голову ей на колени. — Ты у меня самая родная и любимая. Прости дурака, если сможешь, и помоги, а?

— Да куда я от вас теперь денусь? — мягко улыбнулась бабушка, потрепав своего Мишеньку по волосам.

Душа плакала от боли и грусти. Мои родные, такие любимые и одинокие. До дрожи хотелось перенестись к ним, обнять, пожалеть и сказать, что все у меня отлично. Эх, если бы все желания исполнялись...

— Мы дома! — из прихожей донесся женский голос, родной, звонкий, счастливый.

Совсем скоро, не веря своим глазам, или чем это «кино» смотрю, я увидела маму. Солвейг Хелле в сопровождении пожилой норвежки, своей мамы, вплыла в гостиную. В свободном шерстяном голубом платье мамочка даже в свои сорок шесть с хвостиком выглядит максимум на тридцать пять. Идеально красивая! Она уже несколько лет не модель, но активно подвигается на ниве модной индустрии. Папа встрепенулся и словно большой верный пес кинулся ей навстречу, обнял и заботливо усадил в удобное глубокое кресло:

— Солли, родная, ну как?

Бабушка тем временем приветливо и старомодно раскланялась с фру Солвейг, своей сватьей номер один, на английском и сразу переключила внимание на экс-невестку. Да что же там у них происходит? Мама с папой друг друга только ради меня терпели, встречались на нейтральной территории. И что я слышу? Не ироничное «Соль», а «Солли» — с нежностью и любовью. Эти тональности в голосе папы я слышала редко, и то в отношении нас с бабушкой.

Мама погладила папу по щеке, ее фиолетовые глаза сияли ответными чувствами, я никогда не видела столько света и эмоций на ее лице.

— Все анализы и скрининги в порядке. Врач сказала, несмотря на ранний срок в три месяца, что у нас — сын! По всем полученным данным, ребенок совершенно здоров. Беременность развивается, как положено, отклонений нет.

— Спасибо, Господи! — выдохнул счастливый папа.

— Пока ходила с Каечкой, все время хотела мяса, а сейчас меня тянет на сладкое. Странно, Миша, ведь, вроде бы, должно быть наоборот? — рассеянно улыбнулась мама, поглаживая пока еще незаметный животик.

Я плакала от счастья. Моя потеря сблизил родителей, вернула им утраченную так быстро и рано любовь. Да еще и в приличном возрасте подарила второй шанс — сына.

Бабушка присела на широкий мягкий подлокотник кресла, взяла моих родителей за руки и — шмыгнула носом! Сколько раз она меня за эту «выходку» журила, мол, неприлично, девице из хорошей семьи, а сейчас сама не сдержалась. Зато я поняла, что помогло ей пережить мою пропажу...

Вдруг звуки начали отдаляться, а потом и вовсе исчезли, картинка растаяла, как снежинка.

Я запротестовала в панике:

— Нет-нет!

— Подарок... подарок... но далеко, сложно... тяжело... — знакомо зашептали голоса.

— Благодарю вас, — всхлипнула я, вытирая слезы. — Для меня эта встреча значит очень много.

— Подарок... подарок... — снова настойчиво шептали боги этого мира.

— Спасибо, спасибо, мои дорогие, — повторила я и с содроганием подняла узкий маленький ритуальный стилет, намереваясь снова окропить алтарь кровью.

— Береги их... береги их... развлеки их... развлеки... покажи им весь Мир... нет белого... нет серого... нет черного... все любимы и едины, — яростно, наперебой шелестели лары, словно торопясь взыскать с меня плату другим средством. — Береги их... покажи весь Мир...

— Да кого, их-то?

— Всех... их... — весьма расплывчато вторили лары, но очень настойчиво и как-то зловеще.

У меня в голове рефреном божественному наказу перед глазами возникла сценка из старого фильма-сказки «Варвара-краса, длинная коса», где из воды высовывается жуткая когтистая зеленая рука и грозит корявым пальцем с угрозой, а следом старушечий мерзкий голос Милляра напоминает: «Долж-жо-ок за тобой!»

Фух-х-х... я невольно передернулась: долг высшим — это серьезно. Но именно ассоциация со старой кинолентой помогла понять: лары поддерживают мое стремление развить телевидение, новости и показать леарам, как огромен мир. И вместо вражды и прочего негатива, можно обратить их внимание на более интересные предметы: кино, театр, музыку, науку...

— Вот так и вырастает сомнение за рамки приличий, — остановила я поток своих мечтаний со смешком. — Ладно, потом разберемся, кого «их» и что показать.

— Пока у тебя лишь сыночек растет, а сомнение — не очень. Слишком трусливая, — проворчал рядом дух.

— Вы меня до икоты доведете, без предупреждения являясь, — буркнула я, а когда смысл его «комплимента» дошел, осторожно переспросила: — Сыночек? Ты хочешь сказать, я беременна?

— Вы с эратом так усердно для этого трудились, что сложно было бы не получить чего-то дельного... и полезного для рода.

— Сыночек? — повторила я сухо, при этом задышавшись от переизбытка эмоций и недоверчивого восторга. — У нас с Йелли будет ребенок? Уже?

— Может Амилу позвать? — обеспокоился призрак. — А то ты не слишком радостно приняла прекрасную новость. У тебя с головой все в порядке?

— Нет! Ой, все в порядке, но позвать лучше Йелли! — на ходу сориентировалась я. Подумала и пока призрак никуда не смылся, набравшись сил, спросила: — Какой у меня срок?

— За беременность в тюрьму не сажают. Ты головой точно не повредила? — опасно отодвинулся от меня дух. — Все только обрадуются, поверь.

Я фыркнула, как Амила, когда все ее представления о суперзащитниках развеялись после общения духов со мной:

— Молодняк!

И с досадой отмахнулась от привидения.

Пока летела к своей террасе радовать мужа новостями, заметила поднимающегося к дворцу в образе снежного барса Ррева. Прекрасный зверь легко и, казалось, играючи, преодолевал любые препятствия, перескакивая с одного уступа на другой. Явно торопился. Еще бы, теперь его нежно обожаемая жена Ррана здесь ждет. Оборотни поселились в нашем дворце, неподалеку покои занимают. К тому же, ждут своего первого ребенка-котенка.

Это Йелли предложил Рреву переселиться к нам всей семьей. Так барсу будет проще караулить меня и весь наш выводок, как он выразился про моих будущих детей. Но какие претензии к оборотню? Зверь — он и есть зверь.

Ррев проводил меня взглядом, а я, помахав, мол, привет, отметила его довольную морду. Ага, значит миссия удалась. Ниол с Йелли не захотели посвящать меня в «незначительные детали». А Делла добросовестно подслушала: оказалось, что Ррев отправился мстить подлому аяшу Тейшу за мое пребывание на невольничьем рынке, заодно и за себя «поблагодарить» вашана. Потому что рейты никому не прощают обид, даже

незначительных, а уж отраву, подсыпанную в вино в таверне, с последующей продажей хаоши — тем более. Что моя семья и друзья решили по поводу квошиков, даже спрашивать не стала — нервы целее будут.

Зато эпопея с наказанием ордена убийц хаоши меня, можно сказать, кровно заинтересовала. Более того, мы, наконец, запустили блок новостей. Сначала их, правда, приносил сам Кренд. Уже первые выпуски привлекли к нам все больше и больше внимания и, как следствие, журналистов. Благодаря им, весь Леарат следил за государственным ответом ордену.

Шаэр развернул хорошо спланированные и продуманные действия против хаоши за двукратное покушение на эрата второго шаазата, за пособничество предателю и проклятому ларам Керуку и прочее. Им припомнили все до мелочей. Йелли вчера обмолвился, что к уничтожению пустившего корни по всему миру ордена присоединяются главы других стран. Видимо, достали!

Работа в этом направлении дала неплохой результат. Раз, впервые глава ордена вышел из тени и связался с шаэром. Два, нам готовы выдать тех, кто сотрудничал с Керуком. Три, навсегда вычеркнуть Леарат из зоны любых противоправных действий ордена; заодно забыть о существовании рейта Ррева в рядах хаоши — это отдельное условие эрата Арэнк. Насколько я поняла, шаэр и Совет Девяти готовы подписать договор на этих условиях. Все-таки, лучше худой мир, чем постоянно оглядываться и ожидать удар кинжалом.

Прилетев в покои, послала весточку мужу, а сама тщательно подготовилась к встрече.

Надела черный шелковистый комплект: неглиже и халатик, откинулась на подушках для лучшего контраста и томно уставилась на дверь. Как я и предполагала, Йелли вскоре пришел. Его снежные брови в удивленном восхищении взметнулись на лоб.

Но эрат Арэнк не был бы таковым, если бы спокойно не прошел дальше, остановился у кровати и, внимательно разглядывая меня, с улыбкой спросил:

— Как там твой шоубизнес поживает?

Я чуть поморщилась, вспомнив массу проблем, связанных с моим делом. Даже забыла про соблазнение мужа:

— Шоу есть, бизнеса нет. Но это пока! Сейчас только придумаю, как вашу заунывную ледяную музыку переложить на наш современный бодрый лад — и соберу бойзбэнд из чернокрылых парней. Они у меня взбодрят вашу закостенелую публику...

— Кого соберешь? — нахмурился разом потерявший насмешливо невозмутимый вид Йелли. — Чтоб я возле тебя никаких парней не видел!

— Ой, да кому я нужна буду с пузом... — махнула я рукой, а потом, уловив, что же сказала, машинально прикрыла рот ладонью.

— С пузом? — вкрадчиво переспросил Йелли, хищно подбираясь к краю кровати. — Ты хочешь сказать...

— Угу, — хихикнула я нервно. — Сейчас духи сказали, что я беременна. Сыном...

Йелли замер рядом, нависая надо мной. Сначала рваный вдох-выдох, словно ему воздуха не хватает. Затем у него глаза потемнели от взбунтовавшихся эмоций, магия начала шалить, закрутив в спальне метель сродни моей в храме. Он медленно склонился надо мной, коснулся лица с невыразимой нежностью и любовью, погладил по щеке, потом, наслаждаясь каждым миллиметром моей кожи, добрался до живота, прикрытого черным шелком. Крупная мужская ладонь на моем животике смотрелась так основательно, так утверждающе и собственнически, в хорошем смысле этого слова, что глаза защищало от подступивших слез.

Йелли медленно присел, затем и вовсе опустился на колени, уткнулся лицом мне в живот и жадно, глубоко вдохнул. Это восторг и счастье. Все, что он делал, как выглядел и дышал за то, что мой мужчина, прожив сто восемьдесят лет, наконец-то дождался! Вот теперь его список достижений и мечтаний абсолютно полон. Дерево посадил, ну ладно, скажем, статуи ледяные поставил, врагам крылья поотрывал, удачно женился и, как завершающий этап, сына родил. Почти!

— Ай, — пискнула я, когда Йелли, неожиданно подхватив меня на руки, стремительно сорвался с колен.

Крепко прижав меня к груди и выпустив крылья, ракетой земля-воздух вылетел на террасу и там закружился. Вдобавок еще и кричал, выплескивая восторг. Эх, недолго моя тайна

хранилась. Уже через пару осколков как ненормальные рядом орала Амила с Ниолом. Свекровь сначала пыталась сдерживаться, но вскоре счастливо вопила мне на ухо. Ведьма! Правда тискала тепло, заботливо и по-матерински. Любимая моя ведьма! Апофеозом картины «Мы ждем ребенка» было явление Ррева в звериной ипостаси. Поводил усами и испарился.

Я люблю этот мир и надеюсь, что он тоже хоть чуть-чуть полюбил меня, люблю своего мужа и новых родных. У старых все налаживается, добавляя мне пузырьков счастья. Своих подруг люблю, Деллу, за которой, к ее тайной радости, начал ухаживать Льил; скромницу Байли, оборотней Ррану и Ррева. И дворец Арэнков с защитниками. Ларану и даже ларов. Прекрасный Мир, спасибо, что принял меня и подарил счастье и любовь!

Эпилог

Огромная семейная терраса, где мы теперь принимаем гостей, редко пустует. Белокаменные полы, подернутые сверкающей снежной изморозью, традиционно звериная балюстрада по моей просьбе разбавлена цветочными мотивами, изумительный вид на Кристальный дворец и большой круглый стол, щедро накрытый для чаепития. Чаепитие — это традиция и напиток апиков, но стоило мне всего один раз попробовать предложенный Женем напиток, я его чуть не задушила от счастья.

Ррана присматривает за своим котенком. Рреку всего полтора года и пока он гоняется за своим хвостом в манеже, который я попросила сделать, когда родила своего Мишку. Мы с оборотнями не разлей вода, Ррев стал самым верным и преданным другом Йелли. Через какие только испытания они вместе не прошли за прошедшие одиннадцать лет. Сколько ячеек заговорщиков раскрыли, уничтожили убийц, поймали воров...

Порой кажется, что эта «охота», как оба мягко называют охрану наших жизней и благополучия, им самим нравится и вызывает живейший азарт. Ррев так уж точно в восторге. Про его кривой зловеющий оскал теперь страшилки в народе рассказывают, де задумаешь плохое против рода Арэнк — по твою душу и печень придет главный палач эрата второго шаазата, а он настоящий Зверь, как в прямом, так и переносном смысле. Последние год-два, стало модно «дружить» с оборотнями из снежного клана, правда мало кому удастся, но контакты и сотрудничество всячески налаживаются и развиваются.

У Амилы с Ниолом недавно, наконец-то, родился второй сынок. Они решились на повторный ритуал, правда не потеряли ни грамма силы — я страховала. Ха-ха, теперь у Йелли есть маленький брат, а у Амилы — Головная Боль. Йорик тот еще сорванец, глаз да глаз нужен. Но больше всех пополнению в семье радуется наш Мишка — внимание и нравоучения Амилы распределяются еще на одного ребенка, очень активного. Хоть он и без ума от своей бабули, но свободы тоже хочется.

Я потерялась щекой о руку Йелли, ласково поглаживающего мое плечо, стараясь незаметно притянуть меня ближе к себе. Интриган мой любимый. С каждым днем, годом наша любовь становится крепче, превращаясь в настоящую зависимость в друг друга. Мы почти не расстаемся надолго, практически не ссоримся. Некогда тратить время на ссоры. Мудрый, многое подмечающий и понимающий, Йелли прощает мне любые ошибки и поддерживает любые авантюры, частенько превращая все недоразумения в легкую ехидную пикировку. А заканчиваются «выяснения отношений» смехом и страстной любовью.

— Ну и? — поджав губы, я обвела друзей хмурым взглядом. — Неужели ни у кого больше нет новых идей?

— Я вообще не понимаю, зачем вам эти дурацкие сказки? Пусть просто смотрят на заброшенные шахты, чем они без вранья хуже? — недоуменно промурчал Ррев.

Я раздраженно закатила глаза:

— Ничего ты не понимаешь! Если мы хотим развивать туризм в своих городах, то придется потрудиться! Просто шахты, хоть они трижды изумрудные, смотреть никто не захочет! Поверь мне, опытному туристу! А вот если там видели призрак проклятого эрата, который заблудившихся зевак жрет с башмаками, или низвергнутый лар цепями гремит по ночам и

забирает души девственников — другое дело! Народ валом повалит! Чтобы нервы пощекотать!

— У нас и так много работы, зачем нам туризм развивать, — мягко пожаловался Йелли, тем не менее поцеловав меня в шейку.

— А должок перед ларами у кого! — напомнила я, помахав указательным пальцем. — Как в храм прихожу, так они мне напоминают. Говорила же, к хорошему быстро привыкают и потом замучаешься благодарности раздавать. Так что теперь будем дружно пахать на благо леаров. Туризм — это много работы для всех: серых, черных, белых, не важно. Ты посмотри, как чернокрылые отличились в Йерике? Да они там теперь самые крутые туроператоры, целые предприятия образовали и активно продвигают новые маршруты.

— Да, — весело кивнула Ррана, — они там святыню «нашли», волшебное место, которое, если посетить и испить воды в святом источнике, добавляет удачи и счастья в личной жизни. Там давка в очереди, незамужние и холостые прут к воде и набирают ведрами... удачи и счастья. И не только леары, а еще множество других путешественников, заворачивающих с Великого пути...

Я хихикнула, но озабочилась:

— Надо это под контроль взять. Мало ли...

— Мама! Мама! — услышали мы детские вопли. — Желтую прессу принесли!

На террасу прибежал наш первенец Мишка-Миша-Михаил вместе с другом Рриваном, первенцем рейтов. Они родились с разницей в пару месяцев, поэтому росли и играли вместе. Лучших и неразлучных друзей даже представить сложно.

Мальчишки, подбежав к столу, протянули нам несколько листочков со свежими, можно сказать, горячими новостями. Ррев и Йелли тут же потянулись знакомиться, уж они-то точно знают, что слухов и сплетен в нашей желтой прессе не бывает. Достоверность «контора» гарантирует! Потому народ доверяет и расхватывает свежие издания на лету. А желтой прессой называли с моей легкой руки — бумага, на которой печатают новости, с желтоватым оттенком, вот я и посмеялась пару раз. Кто знал, что мои слова про желтую прессу сразу войдут в обиход?

Я быстро просмотрела первые две странички и жадно уставилась в большую статью на третьем развороте. Там кинокритик Альтон Честный в пух и прах раскритиковал мой последний блокбастер, назвав его шаблонным и малоэпичным.

— Вот гад! — выдохнула я с обидой. — Смотри, как быстро привык к спецэффектам, эпичности ему мало. А шаблон? Только десять лет кино смотрит, а уже ему шаблоны везде мерещатся...

Мишка, невольно копируя отца, обнял меня за плечи, чмокнул в висок и попытался успокоить:

— Да ладно, мама, сегодня полоска белая, завтра — черная. Что ты так переживаешь? Я смотрел Аватара, мне очень понравилось. Только не понял, почему персонаж зеленого цвета и с четырьмя ногами?

Я взялась адаптировать нашумевшую историю:

— Это шершуки. Мне однажды повстречался их представитель недалеко от Квоша. Образ реальный, а история повествует, как компания злых и жадных аяшей решила разграбить красивую страну шершуков. Заслали к ним своего шпиона под иллюзией, а он влюбился в богомолку, ой, девушку, и прошел обряд по смене вида. И...

— Ну почему он так долго...

— Все! — я вскинула руку. — Поняла, фильм не сильный получился.

— Ну не все же тебе почивать на подушке успеха, — с нежностью заметил Йелли. —

Видимо, расслабилась, решила, что и так сойдет, и вот — получи...

— Угу, я поняла уже, но не ожидала, что собственный телохранитель, друг, можно сказать, накает разгромную статью. Ведь мог бы Алел немного приукрасить, подсластить горькую пищу...

О том, что наш Алел тайком подвизается кинокритиком, причем стал весьма известным и активно печатается, я узнала не сразу. А когда узнала, моему изумлению не было предела. Сначала пыталась задобрить его заранее, перед выходом очередного фильма или сериала, потом угрожала, потом подлизывалась — все зря.

— Он честный, за это его и ценят! — усмехнулся Йелли с пониманием.

А вот Делла превратилась в самую настоящую звезду мирового масштаба. Моей тени даже на посиделки со мной теперь не хватает времени: то съемки, то показы, то интервью. Свободное время она тратит на мужа — Лыла собственной персоной. Уже который год они настоящая медийная звездная семья, ведь Лыла мы с Йелли поставили управлять огромным кинохозяйством. Еще лет восемь назад пришлось в Ларане строить огромную киностудию, переносить в долину все съемки, кастинги и работу. Мы так разрослись, что скоро туда, как в Диснейленд, водить экскурсии будем.

— Поглядите-ка, — прошипела я, — Тито тоже свое кино снимать начал.

Прочла статью Алела про блокбастер рода Тито и расплылась в широкой ухмылке:

— Ха, Алел их в пух и прах разбил. Пишет, что слабый сюжет, нет смысла и...

— Быстро ты свои печали забыла, — подначил Ррев.

Бросив на него косой взгляд, дальше решила радоваться чужому «успеху» молча, а ему улынулась:

— Надеюсь, ты простишь мне мелкие грешки и тщеславие?

— Что-то захотелось к Мозимото, — Амила уныло подперла кулаком щеку. — У него такие роллы из водорослей...

— Может, заказать доставку? — предложил Ниол.

Обожаемая свекровь без лишних слов несколько лет назад поддержала мое стремление стереть сословные предрассудки. И первой начала заглаживать в «общепит» сначала в Ларане, а потом и в других городах. Начитавшись Алела, Амила записала себя в кулинарные критики. Более того, теперь она продюсер кулинарных шоу. Сейчас вот готовит к выходу кулинарную битву «Горячая кухня», где шеф-повары разных городов и шаазатов побьются за первое место.

Мир с моим приходом неуловимо менялся. Все-таки правы старожилы: Великая Яза никогда не «дарит» миру что-то просто так. А вечно с последствиями. Хорошими или плохими — зависит не только от подкидышей, но и самих жителей. Сейчас Леарат активно развивается. Кино, телевидение и музыка призвали на помощь науку. Пришлось мастерам ускориться, а изобретения, что, казалось бы, были вначале нужны для моего шоубизнеса, оказалось остро востребованным во многих областях. И в разных странах.

Всего за одиннадцать лет положение черных ша немного изменилось к лучшему.

Музыкальные группы, актеры, журналисты, рестораторы, туроператоры — все новые и новые звезды зажигались в новых областях деятельности. Леары, вне зависимости от цвета крыльев и волос, становились значимыми и известными. Устои менялись. Надеюсь, в правильную сторону. Лары подгоняли меня, не давали расслабиться, поэтому я верила, что иду в нужном направлении.

Больше всего меня заботит благополучие моего шаазата, моих леаров — тех, за кого мы несем ответственность. В новостях часто мелькают сообщения о нас, где в самом хорошем свете выставляется семья эрата, его забота о простых работагах ша. О земле и политике тоже говорим. Совсем скоро шаэр из друга превратился в жесткого конкурента, ибо выглядеть Пятачком при Винни Пухе не комифо. В результате, первый шаазат Иси последовал за нами и открыл Правительственную новостную компанию. Потом и многое другое скопировал и в некоторых вещах даже превзошел пионеров. И все равно, нашей дружбе с Окэ Иси ничего не мешает.

— Кайя, привет! — услышали мы уже почти мужской, ломающийся голос эра Шиая Иси.

Парню восемнадцать лет, три перехода за плечами и идеально белоснежные искрящиеся крылья за спиной. Весь в отца — шикарный до рези в глазах, плюс умный и на редкость предприимчивый. Яхто им гордится сверх меры, но Шиая это не портит, наоборот, обязывает к еще большим успехам. Жаль, но пока лары не наградили род Иси вторым наследником.

Обернувшись, я с улыбкой встретила подлетающих с охраной Окэ с сыном. Йелли встал и, не обращая внимания на прислугу, лично отодвинул стул для супруги шаэра и моей подруги.

— Как ты? — тихонько спросила она.

— Уже с трудом, — улынулась я. — Крутится, сил нет. А духи словно нарочно молчат и не говорят, кто у нас в этот раз. Я замучилась подбирать одежду, для мальчика или для девочки...

Юный эр подошел со спины, поцеловал меня в щечку по-родственному, невзирая, а может специально, как и его отец, задирая Йелли. Ох уж эти мужские игры! Вдруг Шиай, будто машинально, положил ладони на мой огромный живот, где начал пинаться ребенок.

— Даже не думал, что это так жутковато выглядит, — совершенно по-детски поделился он. Мы дружно замерли, наблюдая, как мой живот и руки Шиая на нем, начали золотиться, испуская характерное для истинной пары сияние. Мы с парнем еще оторопело взирали на дар богов, а Йелли, Ниол и Ррев уже действовали, не сговариваясь. Окружили нас со всех сторон, чтобы скрыть эту потрясающую новость. Окэ, восторженно всхлипнув, быстро отправила вестник супругу.

— Это то, о чем я думаю? — прохрипела я.

Шиай отдернул руки, спрятал за спину и вытаращился на «свидетелей».

— У нас будет дочь, — хохотнул Йелли. И строго, без дураков предупредил Шиая: — А у тебя — истинная пара... если будешь хорошо себя вести!

Через полглыбы к нам прибыл запыхавшийся Яхто Иси. Впервые шаэр Леарата прилетел лично и к тому же в гости! Если совсем недавно при взгляде на нас с мужем — главных конкурентов — у него лицо леденело или глаз дергался, то сейчас, стоило ему отметить счастливые глаза супруги и сына, и ее едва заметный знак рукой, Яхто словно подменили. — Родные наши! — запел он. — Столько надо обсудить, просто нереальное усиление наших шаазатов, всеобщего влияния и власти... слияние новостных контор, да и покои будущей второй шаазы Иси и...

— Заметьте, я молчу и хорошо себя веду, — неожиданно оборвал отца Шиай, увидев как мрачнеет Йелли.

Молодец эр Иси, сбросил напряжение, все уважительно улыбнулись недоумевающему шаэру. Дальше мы отмечали это радостное событие. Шиай — красавчик и отличный парень, ему удастся покорить мою малышку и сделать ее счастливой. И защитить от любых опасностей, ведь его этому учат с детства.

Дети играли с младшим Рреком, тиская бедного котенка. Мы с подругами обсуждали новые модные тенденции, мужчины — дела шаазатов и свои планы. Амила вместо Йелли тепло обнимала меня за плечи, с удовольствием участвуя сразу во всех разговорах, вставляя ремарки.

Я в который раз мысленно благодарила всех богов, принявших участие в моей судьбе.

Осталось только к столетию возвращения Язы подготовить какой-нибудь знак признания или торжество, а лучше и то и другое. Заодно попытаться запечатлеть очередного подкидыша, хорошо бы не болото и не пауки, а что-нибудь... чудесное и полезное... почти как я.

Эх, мое самомнение растет вместе с очередным ребенком. Хе-хе.

Конец

01.08.2019

Примечания

Прим. Мария фон Эбнер-Эшенбах

/9j/4AAQSkZJRgABAQAAQABAAAD//gA7Q1JFQVRPUjogZ2QtanBlZyB2MS4wICh1c2luZyBJ
SkcgSIBFRyB2OTApLCBxdWFsaXR5ID0gODAK/9sAQwAGBAUGBQQGBgUGBwcGCAoQCgoJCQoU
Dg8MEBcUGBgXFBYWGH0lHxob1xwWFiAsICMmJykqKRkfLTAtKDAIKCko/9sAQwEHBwcKCAoT
CgoTKBoWGigoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgo
KCgo/8AAEQgCHwFeAwEiAAIRAQMRAf/EAB8AAAEFAQEBAQEBAQAAAAAAAAAABAgMEBQYHC
AkK
C//EALUQAAlBAwMCMBAwMFBQQAABfQECAwAEQUSITFBbHNRyQcicRQyGZGhCCNCscEVUtH
wJDNicoIJChYXGBkaJSYnKCKqNDU2Nzg5OkNERUZHSElKU1RVVldYWVpjZGVmZ2hpanN0dXZ3
eHl6g4SFhoeIiYqSk5SVlpeYmZqio6Slpoeoqaqys7S1tre4ubrCw8TFxsflycrS09TV1tfY
2drh4uPk5ebn6Onq8fLz9PX29/j5+v/EAB8BAAMBAQEBAQEBAQAAAAAAAAABAgMEBQYHCAkK
C//EALURAAIBAgQEAWQHBQQAEECdwABAgMRBAUhMQYSQVEHYXETIjKBCBRCKaGxwQkjM1
LwFWJy0QoWJDThfEXGBkaJicoKSo1Njc4OTpDREVGR0hJSINUVVZXXWFlaY2RlZmdoaWpzdHV2
d3h5eokDhIWGh4iJipKTlJWWl5iZmqKjpKWmp6ipqrKztLW2t7i5usLDxMXGx8jJytLT1NXW
19jZ2uLj5OXm5+jp6vLz9PX29/j5+v/aAAwDAQACEQMRAD8A8dtZnt/km/grWtbfeiPC6OlZ
jo80Oz5K0LJNjoiO6f7lbU5TUuaOh5FSJZ1f5LeGL59m/wDjrPg3vcIlXdu3vsR/9uoYNiTi
7/369uPvE0/4Y97fe/3Pn3/7IXdPuE+5NEn/AHxQnyO/9z/Yo2b/AOP+OiXuy5jOXvFxNoth
uH+T5P8AYq0ljF5v+xUOnu7703/7D1p7PJSt404S6GcnKPUmg2W6JE6fJ/HTJtOt3m3p/H/H
/cqZIUuE/wBaiO/9+tbT7Sy/tC2W8vYbeF/vy8AcStquseaWpkYc+kxQo+zY/8Asb6HtIpr
eFJok+SvRtf+H9pp8EN5rHiGxtreVtkTPbtZ/zrK8UeFF0XTLG6TVIr2G6OIXi5K8iVeLO
p7p0yozhHmkji7WG0hf5Eq/9nR4d/IJ/wOn/ACb9/wAj76N7zfljp/33UyUZdDOXvEL26PMj
w74XrQR0d/33z7KhhR/K+f5KemxNiff3/wBytKdP2fwhKlGR0GnzRP8AwO7/APj9dFZPuh3o
mys7w/okF34Y1K9thNc6laMu23hNdbRnPBpi2KK0zXMsW+VH++tdVPGQqS5JbmcsLKMee2g2
H/W1oecnybKz7X55U2fx/wB+rqI6fwVVQKaj2H+a1YWtaR/aF29xv/fbK1p5v79ZmqXzw2M2
x0T+DfRHUKij2OQvYXfYj/8ALv8A36fe6Xp93pn2u2TY6f65KJkeaFNm93Sn3sL2iJ9z978j
1vy3+LURkvp1v5O/Y7p/HWhpFpaPnsffs2be+eobr50hdE2PXRaNZSyalCtvEjR3X3VT+Csp
RhEuEYen0+LULHYj79j/AMf361n3+bvfZv8Aub66L+z7SG7TT5tShS9f7kOyszULdrS4eKZd
r1hTxMKkuWJUsLKEeaSKHmvUOz995v8AHs2VZ2UOmz79dJhyRKX2ZPtaXCliTf36kd3SpqY+
x6COUz71PO2eds2VkukVuj7ET5H+RKm1qF/ORO/jv8A8FZk9vcfc/jrppmJmXsSec+/+P59
9VofKt5Ue23o6P8Afq48Mqb3+f5/kqtdIjvv+5XVcs00vkuE/fbE/wBv+Cmau8Vw/wC+Te6f
fdE/8crCd/ndE+5U1rdvD9+jlH7KJoJpct2j7P3KfWIn8dVrqFJrhLdH3zb/AJ3q7NqjzQvE
m/8A2NIPRLdLdJf9c/7fz1nzyJ5TCn2Qwvb3KbHT/U1StXTZ+++dE/v1Pqc2/e8yfPv2PWY
jvs2b/krSUEaPKHKWdQuHmdNj7/9z7n+5U8GnSX9ukrfM3+y9Z/2eX76f6n++9Vr+SSNUVZ0
Vf7u/pXnyhSo/CV7M5/5N/8Ac+SrKliPC6On9+s90ffsd6uom/ZLs2On8CV83t8Oh63KTagj
u6PCnyUafDE7oj/fo85Pn370/voltw+U/wDB/wADrvp17/E7k/Z5Sz9nREfZ89PtdEdP/QK
ESJ0+RNiVO/9/f8A7ddEq0ZHOTQp9nf7R5SbP46Hm3u/9ymJ877HSrMFu6RfInyf3KqNTm/h
gT2WxERP9v79XJ5ke3f96m/Z/HVZLR/vw73T+49H2eWZPKSJ/O/uVvze7yh7PzPYfjAq/wDC
vtARxv8A30P/AKJeue+HX9m+JoYfDGupcb7J3uLF0l270/iSus+J1vI/gTR1EDP5Txb02/c/
dGvK7C6l0HWRdVFT/j3lR3/20/jryKVB1KHPHc9OpLkqHa/2J4dXxJrdhqFjfrW2m2wm877R
/An/AMXSaZ4X0ay0FNf1a3lljvZUS1tDLs2I7/IHetr4vXNrb6KGswPtOsbI3f8AvxJ8/wD7
PVzX7ZvE3wtsP7LXziqwsFXvs+V/61leXLGd3ZhyR7IpS/D+0/4SkWtvNKmmmHmUH5l+bbs
FVG8MaNq3hy/1LRrW4tZrKWZNksm7zdlbfw1tLnTJ5bfVrgm/u4lmWGV281ERtnNYt6fHL32
pW82oNbWUSTO000KeTs/39lMnzcvmHJD15uX8BLrStAsfCMHiawh1KKaaNFRYbj5/nq/rmk
aZoPho6oLfUnuZ9n7ma43urv/frR0t4NP+Fmm3F/btMLaJlJh2/eff8AJTvFL3Vz8PrCW6Rn
um8l5fl/iqac5e03ZUqcY09kRXsWi2nhWDXfKu/LmRNieb/fq/qdnYxaVaXfPcHcPnebEi+f+
/VbUb270z4bafCW9ujzIkO5JYd//AI5VjxHfPb6T4bvrlNiLdQvcfL9z5Kr20+7D2UOyFvbX
TbK/sNNukmmnu/8Alqr/AHayZ9Hsl8U22kXyzSpKjvE6vt/z9ytHxLHcP420QxIGhfaN4/2H
3t+IM1J1uvijo5iw/wBjhdZcfwM6PTjXqLqzP2UOyIrXw1osmq6lpdls1FNbxJ+9d96/PWPp
mk2Uvhy/1LVf9L/s/enkpNsR9n+3XbRSTXHixVbGWFUsxbxETL8ru/8AvVj6TotrY6Nqdzp1
uL25iaVLZHO9fk+4Kf1iqo8rkzT2MObmsjmvFfhmwLLTb/Tlliiutn7pm37Pk3ls/C23dbu
/Sb5/s5+R/8AfrT8ZW91c+HdN80styro8uF/j2VmeC500/WnimYr9sXb839+teeVTDe8c8IG
OJ2KOrPv1i8u/wCNlj5P+AV1njddtvZz/wAe/ZWLqemStr8lqqt+9l3r/uVt+I4v7X1GHS7a
VFe3Tzpd38P9yIvNFsPyTKpwly1lKxttKupbNUiu0e7gaVN7/c20lnaab+ILzTfluP3Kff

83/P9+pdLXyvFVtaodwtLHynP+3TNGRI8d6m+1sbH/8AZKYdSf8AMzT2cP5UYOtC3t9Rmitk
dEhfZ87/AH3rUa20dPC7azNfc7VX50WX5/v7K2bUnUxrUWqwp9mt7hkiZl2/JsrDSFn+Fzrt
Zy8bt4/WjrucYx7GP1aMJSIpr5D7LRN1C4EsUj/YzbpcbGb5m3lmatYWU3hWLW9Oie33ct
E7b/APYpVw90Gzuzd3txD9omgOyKJ3+QVsa0+oXnw5D3lS0N4wVnhRNhRd/9ym6tSnW5eZh7
KFSjzWRwWn/Z4fnd97pWHqkMSSu/3/46szXKfcT7myq293+/sevfjLIPFMy6dE+4mz+5RCnn
J8kVPmmRHRNiO6JUL3zp/B8lacxqMfen3H+Spnu9/wAkyf8AA0o85Hi2bETfRsTZ8iOI7S3
xaGQQf6Rb3SP9xE+Tf8A/F1S0+xiuNOd/K3vvrQ2IkLojv8AJ9xKZpjvbaZsf5NjvW3PEXmZ
jo770m3/ACJsrmtUidrpn/75rrtUuEfe+9E/g+T7IYcEK7d0vzFq46kec0pyOSffDNvm+5W
hAkT/cfZRBC77Hf5ET56tJYxb97v8j/wf3K8A9aTUupVmhTyt+yi1Tff871rv9nhd7d3+/8A
JSWWnJ5r/P8Af/jS054mftCt99Nnz/7daCJ+53p8n+3T3064hf503p/foht3SZ9n3P7j1vTq
xM7x7hB8j79iVdtXdP8AUv8AJTHdIU/gd3qPfvf5Pko9rL/12Tym1ZXDuz/APfdXLaWWC6h
urG6eKVX+Vl++lZNq6J99N6f7Fa0DxO/7n7lehRbnHlkzOUeT4TWTxB4if5bnXbh4XTY6Psr
W8J+G9K8Qvf2+o3jrNFEnlfp/wCP1yE/yPs+/wD7dXbKG3u/vxfOn9+qlH/13T930No1LS5p
a+pc8W3yXGo21vZt5un6ZbpZxTP/AB7PvvVXRtV1fR9/9kX7W8LfeT5HStf7RHt9mysl0RE2
J8/8FT9WhTjy7+pUa8pS5h1zLey6hHqQv5mv9+/zd/zpWtNqWv6xapFfalLcQl+VRNIztrCk
38eytS7hLZHR9776n2cP5UEpyj1Zcnu/ET2syvrVw67PmWp7TVdaurZ0uNUuGjZPn31Wut7
wo6flj/f30/T4XTRfsdHRKR2MP5UT7WfdkD67r/nOr61cOrf98UybWNavYprS8v7mWGVHR031
tPpyXHk3H/LF0/74p82koiebDv8AkT56nkpdkHtZ92UdJvdct7JLOz1KVik+TP39IT6fDe6Z
dv8AZL2aKab783399SaWkTzb7a7huU/2H31rbEdKPZw/IRPt/zMqPdazLH5c2qXG31xsqG2
kv7C3aLTrxdG5ZPSrX8afI9Vobu0uJZora4hmeL/XlkyPs/36r2MOyDnq92OgudUS2+zPfy
vb4xtcc02eFJotj0/wC5T99VGEYfCEpyn8QJqeuxReUmpPs/vuib6p2r3djK9xZ3bpcv99/v
76u0mvp9jDsifbT7sqwy6lb+c9tezRPK++V/79TJe66RuXUpS396p0i+SpPkSj2MOyK9pP8A
mZnX8+qXsLw3d/LLB/Eg/jqH+09diX/kKzIlfJsQ9Tf8+9/9xKxbp9n399aexh/KjH2s+7H
W95eaXK8un37QPL9/I+/VM+I9ct1IWLv7tJ87H0qF5pUTfs2f7b/wAdQ/65N/3EqpUqU/ii
gjVnHqzPd/8Avuq00zpV2Z33oifPUyWm9IU+T5/463j7xPKYSJ5z/cf/AIBV37Cmzfv2fJ9x
Pv1rfZEt33o/3E/jqneoJy/Oj1lcwcxkTi6fwf8AfFXUtNil/mo7/fdKZdQ70hTfVVLt4n+5
86JRyhyhmdQokL7HRHRPv/36z7Lemno/+3TPolfe71a0V9ibH/jf7ITePcz5SrNabHR3qO3g
YSyExtlp6MtaMyfO+9/kRM1HUfsmxNzr/sr2rjxFa8eWLuRH3jloXR03zbP9itCB0uErLSZE
RP3SPv8Av7/v1P8AbvnT/Y/v183zHsypSkaf2FLh/NeVIZoqspshld/kdH+//sVn2t9vR0ff
877/AJP4Kn+f77/P/wCz1nymPJlufa9j70f+OpLp3mh3won/ALPWf53nf6mLZQk0tpNvd6r2
UivY+QyF5fn+SribPufx/wBynwzJfc3o/8A10QI+999bRlzfcpPannJ877P9irlrD5O/wDe
7HqG1hr3+SL/AIHV1N/3H+4laRnKRJp2to92j/vd71c0iFE98VLZIm9PkdK3LKGL7if98V6
tOcTnGeTVW607zk+T5K1/J+enpDWspcwGF/Zjww796fJVrT7S3dP30v/AACtO6sUuU+/UCAw
6fOjpWAFqGFPJ2VB9hlhm3w/Oj/frQhT5KYvFnizSvCemfbdXn2p/wAsYU+/M/8AsVUpcpUY
SkaqXEJvafa7+4htoUT53mfYiV86fGn4tvrBtAJ4ZnZnJ+5PcL8jXP8A9hXG/Ev4i6l44v8A
98Ps2mxf6m1Vv/Hn/vvXCIRPjtUfNXk18TzStA9OhhuT4i7pmqX2mXP2jTbqa1nX+OJ9lex/
DX44ahp94LbxjcTX1hs+WZV3So//ALNV34d/Ad9Q0+S78Yyz2LzR4t7eIjen+2//AMTWN44+
Bmv6Zqv/ABS9vNq2mv8Acfcip/v1EY1oR5om0p0py5ZHC6v401WbW9VutK1C/s7a9ld/JS4
f7tY2h65qWh6gl7pV3NbXKdHRq9s+EnweMpm1DxtprpCfkgTjW8tv99vatL4mfBe0u4rjUvC
i/Zrv7504D90/wDuf3aPYVOXmJ9rT5uUPBXxt0++iW38UL9ivP8An4iTdE/4fwV7Hpl7a6hZ
Q3VjLDcW0v3JoX3o9fBzxskjK/ysvau4+HHxC1HwVfp5LPcaa7ZntHf5G/2k/uv71tRxs0y5
ahz18DGuEamfY2zfT0h2P9+snwx4h03xJpKalotwLxbP9/8Avwv/AHHrZgSu/nT+E4OSS0lo
w+T7IM8nf/HT9IPT5E+5VFGfPD5NUHhT+5WzNsmR6z3StKZjUiY17b+cmxE+SsW9tH3pEldU
6Vmah/sVtzGfKc/Baf7fz/7dPTzYZt6J9yn/ADo6fxv/AHKheb+++ypGXN/2h0f+5/BVO62T
TfO7/wCxVJ3/AOePyUzzn+ffS55D9lle6I/8GzfWTqEPkv8A7iVppM7o+yqV0kqJsm/8froJ
LmK5StA+/wC+m/5KYk3+3870Ij79ifO/8FTafaP87unz/wBx6yqTiFSER907w2++Z/8AcRK5
m+muW13Spvnb76r/AA102rw+dLs3/In30rn9RgW5nJgR/MH368mrW97luTTM2yR3T/c+5UF0
ju+//wAcq7v3vvT7IPeFHR3SuDIPYIbWH5N9dNpD73eJ9jo6Olc5BC/++lbOn7E/2331tTM6
hde38n/U/J8/z0x7felWUffcfP8A+OVO/wAn8HyVfKLmM9Le0hmRHd3f/Y/gq/siR9j/AD1T
SH53RKswo7psmesfZhKPMWvtH3NlPhm+eqq17vWglvsStox5Q5Eadq7101qiOiP8m+uWtYdn
/LWtaF5UT5PkraM+U5qkToNtTbKxoLu42ffSrsGo/wDPZP8AviuiNWMifZSNDZT4/uVB9uid
N+//AIBXkXxm+JDaYv8AYWhSul5Kn+lzJ96JP7if7dVGakEKUpHTfEX4j6V4Lie3f/S9V271
tF/9n/uV8seKvEepeKdVfUNYneWduFGflRf7qirDafLqsjzPK/nP/G77/wDvusS8tJrK4eG4
XbIvauHGqqviXunQKcl69Sp3rrvhfqWm6T470e91tN+nwzhn/2f9quQqSNGb7lcEZWOG/Q9
HSZEIR0mR/nR0f5HpjzJ/fSviHQ9a8Y6JaL/AGTdaxbWufupv8qvT/hf8Y7p9bttN8XujwSv
tS+27HRv9v8A2K9KOIT+JNHnSw0l8LufRk3zvVDXNQstB0qbUtUIS3trdd+5v46+e/ip8ZtQ

vtRm0rwcjvawMT7GuLjiW4b/AGf7ie1ebHwz411+L7U2ma1fR/33R3qZYu3w6jjheb+Ic3ql
0b3ULm6ZNhnleXb/ALxzVKtXU9B1XSDjVNMu7T/rvCyV1V5p6B0ng/xTqnhLVVvtHuGifo6Z
+WVf7rV9V+Cfir4b8TWkKvepp9+/yvaXB2/P/sP/AB18l+H9DuNYuNsXywp/rX/uV0Wp6PFb
weVbvt2f+P17GAwtaUeb7Jx4nk36n2miUOnybHr5/wDgd8SL2LU4fDfiC6861l+S0mm+/C/9
zfX0PvT+OtJKUehwzjyme6bPuVVdK0JKh2VfMZcpnulZl1C8z7E+RErdmSqTpXRGXMZ8pzN1
C6JsRKz7q02bHrrJti1++uZvXd3fZSCMeYyZk2P8lQum+tBld6fP8lPhhihd32b9lBsZKJ5L
7Hqy8MUyb9/3KfOm+XzXpnyb97vsqJS5TOXvGfMjp9zen+5TLWZ3ieJPv1dd0irMf9y/yUSl
zATTb9jvv3/J8/8AsVmtci33rav5Y3ff/v1Ze4R9iP8AcSoHfd/qP9Z/H8lefUHEI+6YHYl6
Jvd02VNBcbHT5KPs7un7lHf/AG6YkLo/zp8+yuaMeU9QubPO/wD26u6XCkyPvf50+5VaFNkS
b/4607KFNj70+StxcpZ8lN++p3Tfs8750T79CQuib/Np6l6f677if3KrlM+Uj8nZ9xKtQlk3
3/uVNOiPF+5eiYtzt6P9+jlKHomx/kq7BC7v8/3KfDaIn8daHyQxJv8An2fcqieYrIm+rMEP
3H+dKn09ER9jpsq4/lbE2VPKQMSFHqb7PL/c+Sodmz/Yrjfin8Rf+EQsUsrDbNrFwm9d/wA6
Qp/fojOMh2k/hVxnxH8e2XhC2e3h/fay6fJb/wDPH/bevn22iuNUu3u7yXfNcPvd3/v0yS5u
NWuTcXL+bczPvmlf53f+/Wla2/kv5ttL5399P79ehQo8sua5pL3l8sTTsrR4fuP9+u30T4b
r4pWGbV/Ohtkf78X33/2Kj+HGjPr+oo+zZbRf653/gr6Cgt7RloYrZNI8iJU4urGUeUzvLu
efaZ8EfBaskr2V3cf7Etw4Su303wno+mRGDTtNtLe/d2wp8tXftH2d//Z6n1bXtK0GwF1rV
/b2kR/ilauKKUeg5SIP4mxPs7pLvheua8ZfID3QPGMHl6vp6Q3X8F3b/I9ch4i/aA8L2RZNLj
u9Tm9VTyU/8AH64yb9pO927YvDtt/wADuHqZVlS6lwpVYnr3w/8AhZ4d8Gpvtfr/dqD/APL3
dojun+5/crvP+BvXzRzfJ3azILv7A8P8ey5ffXrnw9+Kvh3xni3tHltNQ/59Lg5d/9z+/R
zp/CVUjN/Fqd3dWUN9bvb38SXMD/AH4Zk3pXnWs/A7wLqd08/wDZs1o7/wAFpcbe/wC+K9IS
be9Tp9+iUEZOM3D4TxbxD8LLTwzon/Ek3/Y1+d9/zv8A8Dry3U7H53319gyIk0LpMm9H+R0r
53+KnhT/D2oPLD/yD5fnR/8A2SvVy3F2/dyMq8JRlZHietWP2R0lhf5/4Nle1fCv4t/2gYNF
8WHyrz7kV8/3Jf8Af/268lureW7fzX+SsO9d7SVeeJNldmJoRqFR9+PLI+3qjkryr4G+Nf7Z
0x9Fv5d97aJvt3d/nlh+/wr095kh+/Xky92XKYyjlV5n/uUzejp/c/36mmmTZ8IU7p9n3/v
1MZyiZ8pn6u+/KSSxLeL8AO9aE3zp8ifPVWa0d0/2/9itlzlI05Sk8L7/keoUt32f3/wDc
rQR/JTylM8759+yjmM+SRnzw/30d6pPb73d/wCctfe71BdImz+/RzEmNPafPv8AvpVKaGJP
vu+ytCeZ33p/HWNPUy94rlKs7p9yGmhPl+9tpzw7H3v8lNEasu55HXP8PpWmpxibFHZKkSfw
f8Do+f5/O+d6P9je/wA/399CQujvXKdhag+eGF62bJH2VmWqf6In3/v10GmJ8j1oOXuk0H3/
ALiVO+zejomz/cp6W+90l/jqyn9+gzK3k/Ij7P8AYqykP8aVOiU+BN/3Pv0ACJ8IXERH2P8A
8AqeCFH+/wDfo8l0fYlBkPtYd9aaaY+x3+5VW1T99s+49XdQ1a30m0muNSdlba3TfK+/+CtI
+8BgeN9b0/wnon23UWTe/wAkVt/HM9fL2ozP4k1i51K/uvNupm3/AOwv+xV3xx4nuvHXiibU
Jkf7GnyW8P8AcSotPt037Nib/wDvui7DYeL+JXNf4ZdtbGL7P++sofk/uVueH9DTU9ThtbC0
d5n+5sqnawv5qRQu+/8AuP8AwV9A/CHQHtNG/tC5tNl1cP8AJv8A7ld2JqQp0zmi5Sly3JPB
fhv/AIRvTnR3R5pX3vs+5XR7Nlad7b/vd+z5K4/x9rieGPD17e/feJPkr5+TIKXNc7DhPjH8
U38Mp/Y+j7H1Z13O7/Olun/xdmMur6rfardtdajdT XU7fxyvuNjQ19cajqE13eSvLPK293fv
VPbXNUcu50QhGI1afspYU3PVMbn/y0U6ci5S5SDZU2n3lpx97Dd2crwzxNvR0/hqfyvlqm6b
JXWtJUnD4SY+8fanwV8ep438P4udiatb/JcJ/f8A9uvT0Svq/wCffia48J+K7O+Rv3G/ZcJ/
fh/jr7vtJUlhSVH+R/nSuip8PMcrj73KTx9K5b4l6G+v+FprWGJJpkdJkT/crqXqF3rOK5Zc
yCUeaPKfH2p2Nxp13Nb3KOk0X30esW6hTyd77Nn+3X0F8ZPCX263TWrNP30SbLj/AG0/v14J
dQuj75vn/uIn8FfS0MTGvHmkcUY8suU5yyu7vQdZh1LSt8NzbvvR0r6o+H/iay8aaII/DsS8
T5Lu3/55PXy7qaecISeAfFV14K8UQ6gm97Zvkulf76Vw4uEYnTy+0Prq6h/ufcrJdHrTg1G3
lGxhu7CXzra4Tejp/cqF4X2fIn368/mMox5TMfYn33oeZ9m/ZU09v8+ymeT871QcpSnd3/gq
Ga3T/crQeHZ/t/7dMdET7IVzEmX/AB7P7lQzv87pU86b0qDZ/A7u9HMTymZdJ8+++smdK6OdN
/wAm/YIVXt7TzvKfe9YyqxiHMczOju//ALJUlaXDO++KZq37ryrb/j2RKouly7lGufLb723
fXnVMRIOYwUR0f7ITQQ/JvdKrQPs+fe+/VyF9nyb6004uwRb4nTf/t7E/grd0tNifIn/fdZ
llcec/3/APfq/BvRP9uq5gNeH5/uVN5Ox9lQwPv/AIKs7Nla8wuUY8LunyVMifPT0TY/yVok
L/O71RIfwJ/fq5C7/wAf3KZBC6Va2J8n8FBXKR7Nj/PXgXx08a/2te/2BpUu+1hf/SHT/lq/
9z/gFd/8Z/GH/CMAf9ktJf8Aia329F/6ZJ/fr5z0W086Xc//AKHW1GPMEI8seY1tCt9uxU37
/wC5XTPafutk0W96rWVu8Kb9nnJ/cf7/APwCul0LTn1G7treHfMksyIn9/fXuxnGEeWRzVJH
WfB7wb/a2s/2heJ51nbp99/43/gr6GSFik2JWR4O0CLw3okNIC+/+N3/AL71u7K8HE4j2tTR
nTTiVnTfXz9+0tqmzRYLJP8Al4m/8cSvoR/uV8g/H7Uft3ip4kf5LRET/gdVR94mp8XKeNOn
z0+ZPKqbZ86UTJ8v/AKy5InVzEfr/rkq9s2P/wADqtbfNMn/AACtJ4f3z/79aUI8pNQfNCn2
d3rMvU2XD/7ddG6b7f8A30rGvU821hl/2NldFSESachlkm9Nv8a/+gV9p/BHX21zwLpjzPvu
oovJf/gFfFlq/lXH/Aa+kf2d7t4rS9t0l+Rjfo/77rKMeamZ1ZH0RTJ0ohm85N9Tb0f+CuEZ
n3tol3YzW833JU2PXzV8UfBr+HtQRIfntZk+R6+pq5L4j6BFrnhm5T/ltF++R66sNiPZVNSK
lPzPju6TZ8n33/uJWtQf7L8/wAldlqlv9kmdIU2f33/AL9Y11bp/Gn/AH29e9KEZGFKR3Xw

B8X+Uz+GL+Xh332m/wD8fSva3d0/jr41uzLZ3y3Vo2x4n3o6V9VfDvxDF4s8Mw6gn/H0n7m4
T+49eNXjynTOPMbLv8A4KYn+5vqy8NLs2Vz8wcpV+/9/e9VZn/gq6kLu9Dwon9ymMDJeF5
k+RKh+zulazolUnhld9IT7WQFLyfk/ui9U5kiR0+f+Orux0f/brMuk2flj1Mo8xPKZcyI7zP
v2J/G9U7q1UIkiy+Urdmqa9++iI9Nt7lo2ZUdP8AgR3VxVISDIOe+d3/ANirsL708r+Cq2z7
/wAmz/crS0+FHm/v/wC/Wx3l2yhdPvvW7p8PnJ/uVmafDW/p8Oz+D/7Cq5TInRPubEq5Cn9+
q17dpaJv2VNZataTTIjy7N/3K15JAaaW6Jsen7H/ALIHnRQp87olFrq+nvaeb9rhSH+/vqbP
sO8e5aSH5N9P2In332bPnd6swfvvnT7j1Dqlv9o069t0+/LC6f8AjlBofHnxA13/AISbxpe3
zO/2bd5cP+4n3Kl0n7E6opitk/4HXJTB7e6dJV+dG2lK2tP1bYvzpsRP+eKJXoYStChxMmrG
R22npaQv/c3/ANx6+gvhD4ViitLbWLn53/5d/wD4uvlq11O3d9jxTOn+3X1j8CtZt9T8Ew2k
Lv51j8jo/wD45XRjv4fuHPyI9J2U3ZT6K8c6ipdvshdn/gSvzh4j3Hnateyu+/zbt3r7U8SS
/Z9HvHT+5Xw38QUeG72P/wA9nrroe7TMeX94c+ifPTbz5S9TWqb5YU/v/PUOrfLcOP8AZp1f
4Zt9rII9P/1v/AK3LqHY7/8AAKxNJ+aP+7XS6nFsf8A74/9DrTDfwzOr8XKTQJ/oj1gQ/Pp
My/xxPXRIn7p657TH2X9zE/3HrarL3ox7hSIAv71GT/Yr3T9n2bfqb2//Pa0f/vtK8XtYfnd
P40r1L4NXD2nibTHT+/seiMeWkZ1T6l0yb5E/wBv79adZlr8jumz+OtNPnSvMqGIMk31G/zo
6P8Ax0UzZUFcp4N8ZfB66W6Xtgmy2f5P9yvHb39yn+q+f+/NX0l8ddfstO8LfYnulF7QuHTZ
D/Hsr5tT7Rcy7/NTE/8AfevewM5VafvHFKPKYF1D5337iH/viut+CmuS+HvGcNlM/wDoGp/u
X/3/AOB6wtQsbje+x03/AOxNvrM0ixu7jVrZ4Ufzopkffv8A9us8TCJ00pH2b5Pz/PRND/BT
7LUBK7h82G4R9n3/AJ/uVmz+IrSa7mtLN/Ode3/7G+vH5JC54lILf5Pk/gqtOmx5K4nSPiNb
vdzWmsOlpepNseH+5/wOuiuvEmmQ7He7T53+T/bo5JBGcZE8yPUH33/fPsRP7n8daGzfVadN
j1I+UhdHeL5lvJ/23rC1N0/1UKf79bt0nyb3esibzfnHdE/2KyM+U5y63v9zZ9zZWeflb+O
t26RER9n36yZE+b561KMnZ8+/Wzp6J9z/OCs+CHE9XZR60sUdJpU85/uQ1IH3jol7prWtxa
WKf6TKkL/fTe9aGn+ItK37Eu0TfXk2u3FklvdbL2/m1DZ8m9PkrA0j99993/AO+6740IyMeY
9v8AE7xTWOz7bCn9z568sutW/evsuPnT+NH+/WNdJcJcfvpXf/feqr7Hlf8Av1tGnyknQJ4n
1i4hmT7RM8L/ACPT9Lh2W6fad+XPub/uVjaf5u/9ym+rjzfufKm+R3/74rbkiB7H4b8cafpO
nompahvdP/H66x/GulfaIYnlRHmRH/3N9fNT6X9rf5Pv1aht7tPkffv+4lZywcZdCOeRi/GL
RDpPjzUxZa3EvnRMn3MPzXHWVwtu+7ykf8A3q9Y1D/id6O9rfRb/JT5H/jryq90+4s3dZUX
XFUw88PLmijrpVY1I8sjVTXLh/kTYif7CV1/gLxlqXh7Vobq2unT++n8Dp/tl5pC6lfnG6tO
21BO1ui/8Drro4nm/iBUpI/Qzw9qlvrmiW2oW33LhN9aD/cr53/Zt8ZbJX8O3+9El+e0d/ub
/wCNK+iM1xVabpy5SYy5jn/Fyb9EvP8AYid6+HPiI+/U/wDgb191eJ/+QNe/7lfBnjx+/J9d
eiyvtrall9zyk/8ALwq6Qm+4Rv8AY2VW1n/j5f6vWtpEXzp/sJWXqCb3/wCBvXTVj+7KjLmq
EOip/pqV1Oqf65P+uyJXO6emyZP9yuiuv313D/12d6rCe7TJq/FzF1Erjrlvs+uF/R67fZsf
Z/sVxeuRYuN1Vjo+7ze0pGrs/wBL3/8AAHr0L4fl6a5ayp/frz2FvNiSX++lehfD5999a1tH
3o8xhVPrHyd8O9P46nst7p89VdPl+0aZD/tpV2H7iV40tDppk2yuJ+Knj608C6J5r7Jr+X/j
3t//AGd/9iug8Y+JLLw14eudV1JvkiT5Id/zyv8A3K+G/H3ifUvFuvXOq37o7yv8il+/pT+5
RQp8+stjQq+JvEkviDVbm/1dppbmV9zNurEd4v8Al3ndP9h6z3atDSdLlvpeuxP771p9YdSX
LEqUFD4ifS9t1dJBcS3C7vkXZXflj6Tb+VbRb3f+Pf8APVbSTa6T/wAe0SPc/wDPZ6f9r3zb
5n37Pv13xU18Tucc5cw+DUdQt5nuN72yP99N9UrrUdVfznhu5kR/v7H+/U29LiZ/Ji+f7nzv
R9nlt5dk37nf/G9HJEgxoIT5/K2Tf36H1G4uNTtri8eabynR9m+rOqf65E/j/vw1Ttd7v8A
c3p/fqTU9ff4r2j26eTFcwv/AB766PS/E/8AakKPDE6I/wDG9fO+oQy/x/JVzRb6XS0R0lfy
f49j1j9Xh2A+m7V4pot8zvUN7sdPkTYlee+G/GT/ACRXL08P+/Xf2Vxb6pb+bbS06JXBUpSg
EfeMa9h+f56oSW+4DYldFe/P9/e9YVzs31PMWYfnfZvneuY1pLS31Ca7e9mmmlf7iP8AcrQ8
Xeb5qIj+TDCju715692iXf8Ao3/fdb4an7vMOXvE099+9d/n/wCBvvogmeH+PY9Un2O+96uw
bN/3/v12E8oya4d/nfe+++mQv5Sb3R66bT7S3uLT50+dKhureLfMjp/Aj10kmKl3Lsd4fkq1p
73dw6JvT+5871c8mLyd6J9z5Hqg/+j3bp/t1kBs2U0UP30fen9ytOG7Tejun+589ZNINvdH+
+n8dWXfyYt6f98VtzGRpoiWMv2uH50/jR6h1dLTUyt7xI9Vft3yflmzfRosyQ3f3P9vZ/sVQ
HmWv2S2moOkKv5bfc3UwS/2eoSLb9p/ib+7XceMtKM88V5Cnrx/M/wDt15uzMZNzferxMTB0
qnunoUZcyOv0PXL3TLiC7F7N9pR98SJ99a+lvh98e9KvoUtPGTJp2ob9n2hE/cv/AL/9yvka
wRpbj71dRNYr9kT5URF+5XdTo/WaexnOXKfPiTWYrjSXu9NlhuYZU2QzI/yO718S+PvK/4S
i5ih+5E+ytceJNf0zSra00vU7lLZJfOREf5E/wByuMvZnub95Zn3vK/z1Mo+xjyyJh70uY6W
y+SZKzPK+OXyRf7b1rlmy7T/AH0/9DqtbL5T6hcH/llv2f7711y94jmM/wCREeVPuedsSujR
Pntv9zfWG1vs0q2X+/KldK6f6Xap/wAAopBVkWPk2TJ/wCuP1rZ503+XxyXv3P8AgaVx+rps
1CZP4HeqxMv3ZFIBo7btNP8AfR67X4d332fWbXe+z59m+uK8ODzYrpP9yn/a7i0Sb7Ps+es6
Uv3ZdWPvcp9mv4z8OaBpKJqWsW0M0UW97bf8/wD3xXk/iH9oPULuG5t9B0hLT/nlcXM29/8A
vivn21d7i+82Z3ff/H/HW5ND9nTzfo/yP8A/FnQw8J/EVL3Sj4s8T614ivvtGt6hNdzJ9z
e/3P9yuZd9zVb1D/AFz1S7152JlaXLHQ6KZq6Zp9xrF3DHCp3OdrNXpV14de30IESX54v4P7
9UPBNk+n6b51ypid331v6vqKeSku9E/269HDUI048/U469VlylnM3VuiSv8Awbp79M3+S6l/

3KelvLcXb+Sju71cTTkSHf8AfdPuf79dHMZEN1dypD5qRf7CbKzLq21ObZvietaZ9mzZ/wA9
kSrTzfJv/j2Ui+YzE0uVifNf5Hql52xPk/getae7luLdEf8AgT5K5Z5XS7mREdPnrKXulR94
tTPE+95vkrP+1xJcfwPT533wuky7j1kwonmujp/9hXPKrKJtGPMadrPbS7Pn2fxp/cr0Lw
J4ne31a2TY9ykv7nYn368zR3h2P/AHK0PDesvpGrWtwN3Ef50qeYOU+op0+SsyWz847vu/71
b9rNZXFjDe20vnJKm9H/AL9UbuGWRg2yvIU5Q5jwnxv4klu0hieJE/uJv8A/Q64mC42O7ul
dH4qm0+71H7PYRbIYvvv/G71hLiQ7/3Xz/wV6sfdJCGGWVERE2PWnotpvld5n+4m+iy3pF5r
/f8AuJ/uVZ09P9Im2ff2V0R90R0EGxEm/g2VDqDok1tcJ/H8j09PuJKnz7/v0Om9Pn+dK25j
nKuzfs/26zdXt3+1u6P99P8Ax+rKTbPnf5P4H/36J9I3C/8AA6VMveNSHSJv9HRH++layQyz
XcMSJv8AO37Kz9M0I5t779if+z11NrpaW9xDcJK7+SnyJ/v1VOJMpcpjPafZLjZM77/40qz5
Lv+v+zI6f/EV1s2I2I9pz3H/L1srnLKHyzKi+4m/5K2IINPS4muNjo+z+CvLNatZYdQud6bf3
r17beo8Lv5KI7p/AlY3iPTIt0x3SLZPsrPE4b2keWRrSgezPLNG2Lc/PXWT77jYm/en/slY
ltpn2KV5bxv3KV0WkI8yTS7NkKW+9P8AfsqJCUI8ktyqsve5jp1f5EhT/pjvesB4v9LTf/Bs
rpdQ2TPdOn3E/cp/3xWNep5T/P8A36mvT5gjLIOjdNl2j/7af+gVDdW+yG2i/wCeru7/APfF
aX2d5ruH/b2f+gUyZN+yX+B3+T/crblm+YyZofnsov77o9bU+z+07ZP+m2ys+9TZqukp/v1c
uk/4nll/12f/ANASpKJNX+SJP+uyVi67Y/6Rcy/7b1u6v/x6Wv8AtzU+eFJpbmJ/uO9XKPMR
GXKct4fielzf7lPe3RHd/wDbrZgsUt9+z7lF1b/6RCn99Kj2UeXlHzGG+mKjo8PyfxpWvrlx
b/2PB5MSJC3nlm/fFV7p9ibP40rH1y7V7Szt0/5Y7/8Ax+ix7mn7pUPeMO5/fXHyL96uy8Je
GbW+sne8U73+T/cqPqLt3i3vsd3rs7L/Qbf9yif7Fc9PC3/AHktSquilt8OgzTLT+zktZn+
0Qp9zfVXWrtfCn/PH+5Vq6e4md3qzoVolw/m3O/9187p/frol7piUtLeKG0dHuE8502VWe72
Wn399Tav9ne4/cpsRKOQ/wCkSu+z5ETfUCLP2F5tMf59jp8//A6zHu0mT5P40rTd5Ut0t9/+
/srMnSL7Rv2f79AE3yPD8j/cSsO93pcP/fqz9o2TJ/cdPkqtqjo7u9YVJGpNp9jFfb3muNiJ
9/5KhSxt4X8qbe6fwPU2kbHdE/gdKNQ2JMj+bs2f36krnkUNQ0tod/2eXf8A7D1VhtH2ea+z
5P4K1p332+9HfelUp/8AVb0rHkiHPI9s+C+s2k2nvpUz+TOj77dH+46fx7K76+mG4eU/FfMv
hi48n7VZPvR3+eF0++jpXs3grW59UetrqEmZolDJJ/eSvKxNCXNzFR92XKeDfc++/wC+d/nq
7a/Imx/vvVlyfTf/BRZbNnyff8AuV68fdEXUd/s/wDv1ctU8nUNj1QhtJbhNkP3Eq47/wDE
w3p8+z5/9+tBcptWr7POT/bp/kv/AAJvT7n+5UMO+G42P8jv9+tZLdE0z5PnmmTfWhJG9olx
oflQp87/AH/99KybXRrt775HRP7+9/4607X50mf+4++p3fZcJcJ9x6rlANLsZU86K5dPO877
n+xWza75oUT+P7n/AAOsy6mfzYbhp7jo9acEyJM97s2I/wAlwn9x/wC/VmRd0vzYfOR/n3pW
fZTJcXdPelifPWhPdpC+9Pkuk++lZOqaij3DyoiJvrSmTyl/yUSV5Xf/AMfqHT3+R0qla3f+
kff3pV26RInf+4/z1oScZ4605HRHs/4P4EpkEr2mgujo6bPk+dPv/JXZwad9oR3TY6VNrSyf
2JcvZolxMmx03/cSj7XmVze7ynnVqj/ZHd0+f7+x6glE03p/uV03kvd6dDdv9+b7/wDv1k6v
D/o71XKa8xd37LdJf+ndP/QKJkf+zrX/AH6uIn/Estn2fftZ/wCOVauodlja/wDXZKkg5nxB
sS9spf7iP/6HWhqCbLuyf/bf/wBASqvipP8ATbJP+mL1oXqb7HT7j+5/8RUcpcfMGqRfurJP9
t6Jk2anc/wC3V3V9n2e1f+4j1HqEOyZ5f76JWvKQVnR/snm/35kSrN1bJ/An3HpmofuXtbdP
4E+f/froJoUh2I/8c2yqA4C6t993vrltQ2tcbHX/AFT/AD1311fWljf7pv/AHz/ACVxttC+
saj93Ym93euTFx5917m9KR0Xhm2W7uAaK4/c/wAH+xXfz2kV2kMT/wACffrh9A0ybR9RSCT5
0m+5/wDF132oO9vDs/uJ8n+3WlKVvi0MKpzuoQ+T9zf5Kffp+kfPaTSpE6O/yJ8lMuonmiRH
uH37/nSumukTSfDyRj/rilUA4a1fzvn/v1cSH7On9x6fa2MtjvlR4XSL7m+iZHmt5n3/wAH
z1mBmzfIjvWZPv8Av1s6g6Q26J/H9+s9Ee4t3eb/AJavUcxfMMfTnuPDn2jf++i+dP8Ab/2K
xrWxu7jUHiSJ/wDbrpX2PaTJ/cfZVrSNm93/AI0f79ZyJzFRqcpjQ2728Txfx27/APjlvdTR
Nm90370+erupzf6TM9t9/wDg/wBv/YrPupkuLSbY6f36mXugVfOd9MdE/g+R6rWv+pdHj+S
ruxJnfYibJUogREt03/xpWZZVtZnhuYbhP8AXJ/6HXufhWfSUi86KJkmmXfmJ/IK14zAiPbu
/wDHvroPB13KkU0X3tlcFaPMBYSPvf7/APv1DbPtfb/vvUFs/wC6/wCB1d/jhf8Agf5Errj7
xfKbukTO9u8Sfff+OrNkn34t/wDqUrP0y3ff8j/Onz7P79ae/ZcQ3H8EvyV0GJavfKe4e7RP
k/jrTd3mS1ff/wB8VnwQ74Zot/8At7P76VNZTfcT+OtAHO6fvv7j1Jaok0LpVXfv87/xytDS
IXS0un/uOmyq5ieUrI+z5H+f+/W5ZJsR3R96bPnrGukeF/tCP/HWhpE2+XyoXTfs/wDHKsgm
dPJR3hdJvk+RPv1S0/Tn1HUbmK5l8l3T5ERPvVrQu+l6glwnz2r1oXSJDfWt3bJ/tv8A7dVG
XKBkppKWKbHu0+5/HRdW93LMjoiOn3PkeujvbS0eXzfkfem9N9Y1qlxDDv8Ak2Jt/t1tH3ieY
q6RNdW3F1bwp9ynz2N9oeX5/wB7D5LpWtAiO6XEP/A6k1dHe0d7b76fcoJOZ0u3ebw3Cj/6
5Jnrm/En7I9n+xXc2X/Hvc+T8nz/AGnZ/wCh1w3juHyriG4T/Uv8j/7FVzGIM0ET/inrV/8A
b2f+P1Zv9Uib/8AlslVrV9+gzJ/zxuHqbUP9ba/9dkqQMLXU36nbJ/n7laFkn2jw3/uPspm
tQ79Zh/vo6f+gVd0WWhyZtQsn+4770/4HQBBE/Pplr/uJU+oOn9oon8CJvqHZv06yT/YRP/H6
gvXd9RT/AG971pH3gGXu/wCzzXDv8++up1T/AFWmP/02R/8AxyuW1d0/s5/9yujd0m0nTH/2
N/8A45WlQDznWrfZqzyv8nlJ5lSeCGilmeWRvn3/AD1a8Qxk6TcBhmR1dmb/AHKyfaCTPcu3
8FcEpctblNf+XR6PdatbDCiljvVO6lGWbf5PyliVvDLdJpn2UWSblk3ps2ffrcyNrw3aRPc
I7pv2f0++rOtXH2nUH+f9zb0+1T7JolzK/yO/wAiVhzP5yfZ4f8Agb1kTykH2v8A0R3f+CpP

+PfTPn+/Kzn1B9kTen9xPnejVJvOSHZ993rOXvFGY8Mt3sdE/c7Ef5607K3Sa4SL+BKntZkS
J5Zv4/kSquu/wBkmd/v/PsqeUDMfZcTTeT8iJ/BWnorokTps+SsZE8m4TZ/y2h/8fSprWZ0
uNm+pL5Q1eGLE/2Z/wDbrJ1CFJv7iP8A30q7qE339n+xUG9Hd0+Ssy0+6Vkr0t0/geH79VZp
v+WX/A6071E3p/7JWS+x5UdErOoWPd3hSFE/jq5pU4gMgkba1YHnb/k/uPWmrbZ5K4qhQY33
bXYv9+tb33w70/grPh+f5K2dPRHt9j/f+dErppgaei3GzUIX/geugvbFHt5kT5E370rkNIR/
nt/40fZW+l8/lfP/ALj1tGXY1lIq6uEhsYZUT98n+XSoJ5k82GVH+R0rQuvKmRHH+46J/33
WZZWL3HnIn34vn2VRJaR/k81/uJ9961vDdL/ZiO6O7uj/J/frJ0xIrh4UuYnfZvd0f7m+tO
1vtlxvf+B9laAP8AO2fJsdNn30eoUuPs00P9zfvqzq8P7pLhP4/46zJofOt32ff2b0quYnLO
pSZ5rd4nSnpdp9hRP7lZOHXaXFon8EyPser/wAieaife370/vpVxFxLvfaeU/zonyUxJt+/
5N+xKzIJKd/3L74XT5HrW0j99YU6RbHT503/AMaVcfDJ5ieDUfJtP49kP8eyrP2t0iTf86PV
O6dNm9H2I/36pfa/JRIt/wB//brUOUtWtwlvfTO/3K5z4iQ7LR3T+Co/El3sRH83ZUXia5+3
eF5v76JSI7pVITRZUuNEm/25k/8AQK1tQRN8Lv8AwP8A+yVfygi436ZdRO275EdP+AV1juk0
MP8AHSjLmjzBL3ZcpT11NmtP/wBsXq5ZfJrl/01t/8A2es/xP8AJqdk/wBzfD/6BU6PsvtP
d/780P8A7PVAPh+TT4X/AOeVw6f98O9ZM/8AZDJf43Staf5LHXU/jhuPO/77Suf1SbydO0z/
AHKqnICtqE3+kTRfWJXTafN9o8MaY+/7m+GuWvYU2J/tpWtotxs8J/J/BcPVVAKXirY+nukP
39il/wD33W14YsYrfT08mJP+m1Z+l2nnWP7753d/nrpr2x+zWiJbSo6bPnSs/tcwfZ5TMutl
vcO6J8jv/HVmyt3u33v86J877KrljvNsmTen+3XTWTyv5KOMz++iUS90DPvbJ/RPn3/x7ErM
g+TTt6fx/feup1e7SZEt0+5D/sfx1xk0z2J9i+/8/yP/sVhyk8ox7tEfZ9+/THfn3vVKy
Tfd/vt/yUy9v3rpDSNeUtTzPcP5SVHPMiP5SP8AIlMgdLa3eX+PZWTvle0+0bHTE+yo5ijQ
mTzU8r7j7Pkf+49UvOIRER4nR/4KN+yHe9Wvn+zoLSBV3pcP/sff/wDsKrT/ACTfJVM63w3b
7PnSX76VJ5OybfM6fc31mBmPdpL/AN8fx1ku7pcPElbn0iJvf76PWS6b3Rk++lZ1DSmRwJ/p
DpWixwI3/vLVJ3+5L/t1oRxebb5R/wCKuWpE0MW2rT0t/JuN+/5/n+SsyFPuNv2JU+95UeVP
kRH31UfdAv3X7m781H2PW1p6fbrhJUfY/wDGIYVrdo032h03+V/B/frQ0+b7Jd/O6b3f76Vt
zGZs6f5sMLp87om9Nla2kTeTqO/Y+zZs3un36zPO2Xb7P4031p/fTf8AxolbGYy6tHsdWSVP
9RNRepsleV/uP9+jznuLRH++iJsoT99b7JvvpVcwFq1uH8n7Jc/OiVA9u9ts/wDHHqgiukKf
3E+RP9itO1m86F4v40T5K05gI9Lt5Ybt5Uf9y77HSupsK+5vrmk3uj/7GyultU1mt0dJfuJ/
33VmRBPBARJfQ/wCjwp9oT+5/HU2nzJaXGyBY8P3HSrWoJ9rt96ff2b6xUdPs7v8APv8A46fM
Brz2MXnPBzf8tvuPXMTaSiam/wBpR0eH+Pf8la8OqIm+3uXf7m+F6swOl9FdXab/APC/9DrT
mJ5TmfEGgl2lXjpK7/uvk31Se336dC+zek0Kb/8Aviuj1p4rSxdHREd0fZVDTES40G2/uOmy
jmlLOJ00JdJ1nyj8kL10yJ5OyJ/8AbrnJ5ftD3NvN8l7bvs/3600uPOsbW4f76PsmqaZUo8xo
eYfCWUu/7m+o32fZ/9uF/OrN1qbfo2/wC5sen6RL9ot02fO/ku6VqQac/76x1C4T/ItaJ/
45XP6unnRW2xHf5/4K0NPuNmnaHf/chR0/77rGvZpdieTK6bHegDcfTrj7PC/IlkKP8APvql
piOmmXsW/fseia7le0h/ev8Ac+f56Z4emTfNvf5Hf56qUuYDW09Eh09HmT9y/wDcran2PKkS
XGx6z9P2PCnnfOifl3Kf8A6Il35qb3d/k+esuYDW32lj+983ztifJVs7vybd7uZPndPkr
ITyv7RtkmR3SFHfZ/fqhrurO7/Z/7nyfJUgWbq+86V0T7lGn2/2u4TenyVS0u33p8/yfx10d
lN6bcnz/AH3+f/cqeYDlvEmnSw3D3tm8KW3/AC231gWUKeS9277/AO5XUvYy6950Xm+Sku90
/wCBvUEmgW+n2kNvNdPM+ys+UvmMyytHvvp379iQvvRKkS32aZa2j/f/AI3rpobSLsfD17s/
10qffesjSLR7i4/fJICib3qQ5jAn2TPM7psqOB9/yJ99KL2ZLi4mlT5Ed/kqGyR0vk/20qeY
omdN938n39lRay/7pJYfneJPn/20q5PsS4mdP7lc5e3G9HT+/UIWD7R/o/ITff8A4H/vpVaf
en3E/cv9x6fI+xiUT+CnyOn2K2i/4G9c5pzEMzo8KI/+uqa0u/sxdKqzfJcJ/uUyRnVqzqFE
Pm73RP4Eqzav8+z++lZuxlVXqzv2TJL/AMDqly5TQm3vDserU7/cdH/26qv86P8A79SW0u+3
2f3fkrXmMzrPtaXFpZXH9x6v2szvKif99/7lctoVwmXlnT7k29K6C1+S+un2Psm/g/uVtH3j
GUeUY929vpIlyfWJ89aCXfz70qN7d7i3mt0RE837m/8AjrNhhuIv9Cml8l9mzfsrQk6nwqj3
D2Vw8X+i7337/wDvitDU9D+yXaXfL+5/uP/AAVSTfY6fa/Y02Qp8n+/Wta3dxqNi8T7N6Vp
H3QLtlpEVxp6P/G/33qPT3/s55re5+/C9M8Mapv32j/Jv+5/sPR4gTYiXH3/AOB6DI0Evkhd
H/5Yv/45We8yJdun8D1jfa3hd0f7j1ae7iliSXfsTZ9+tQHpd500yeb/AMe+z/vh6uaLdy2l
xsSLej/f31Q0KFLjUXuH3ojvsT/crpZofslwksPybPkp8wFDXfkt33pvTZ/HXOeDrj7Romz+
NJt+yuyl3/SEf777/krifDc39nanexfch+4lUBm+NIW07xclwn3LhN9WIZvneL/nqlSfEr99
aWF0n8DbKz7qbyZk/wBxJkrOPuy5TYNQffo1zF/Gj0/wlcbre2/3HT/xyoNXf5Jk/v1F4Pf5
If8AYm2VPN+8F/y6NW1f/SHT/nrC6Vh3ux4bZ33/ADvNWNZPsuLX+/501ZmoQ7N0sv8AfetZ
S5gLMD/unf8A2Kn8Kp5003+3Udqipb7P460PDaJb3H3/AOOmBa0JLi3t/wDSX3p9ytmy0m4m
tEpT34v79WtFh+3W6In8D/9911N0n2e08q2/wBxP9/+Op5ji88sodTtria4mR5nuPkR6tah
octjaJd3Ozyfvvs+/XU3Tok32dPuW6bP+B1k6hd+dMiff/go5gGWrommJcPsTeib6zEufO3u
6fJ/6HqJljpC9ujp9id96l/8H9+h0+yXDxTOM/yUmhRKQGnp7vbvwcb/ALiVwXH27U/N/5Y
pT9TuESxS0hf59m96ZpaRW9o9xc/cT59n9+o5gLur3f2j91/B9+mTTF2dpL7PvzVBsi+/N8j
v87/AOWlQu/267Tf9xPuVIHOJY3cNwkU0Tuj/Oj/AMFVtQeW31NN/wAibNldHe3HyJ/sVmQJ

b3Fpc/bER/7n+xU1Im/MUP7j5HrCn+e7RP7ldAmnRJFDE8rzO/z1gWzr5r/J871jUKj7pM+x
7e5Z/vp9yJz+9T/YRKhmfeiIn3N9XIZkTzvkt7+9KyApXXz31V7wbZKsv++uN1UdRb5lrnqG
kfeJP+XR0/jR6Z9+3/3Ken9//Yplr9/Z/BTLHw/cff8A36ksn2Sun8D1Gn33/uUQv86bW+St
CDTstiPNv2VoWt86Inz/APfdYySu8vyJ9+r++3uHSHWH5H/jStoy5jM1rLUXh1HzXF7j762vF
SJd+TcW33/49lczdQ77d9laehaok1ukVz8//AMXWxPKbmhXzvDDbzfP8n3Kkn32N3sR/k3/+
OVn70t32b0R0+eGj+0UubhHdN/399VzEmzO/k3CXEL7N/wB/ZW5a3cV3Y3VvM6ecj7HT+/XJ
+T9nS2if7jw/x1uoiajaI8L+TexTb0dPv0cwGfdW8qPvhffbbPuP/Bsq7ZeHUu7Gb/SP3Lvs
+Si12PcXKTO7o/z/APAK1tCufslw9jM/yXH3P9//APYrTmJ5TM0u38m02I7/ALINn/fFdHHz
faNPSV3+f7j/AOW9ZDv9n8Qp/wA8b75H/wB/+UL3D2928Sfcm/9Do5iDWeH7RC8Wz50+euG
123+z3by7Nmx/n/3K6yGZ4bhJZk+58jpWZ4kh87e/wAjwvDVgcvs32vwtMn/PJ0es69/fW1
k/8A0xeHfVrU4vJe9t/4JYd6Vk2beboULP8AwPUcxqP1138r5P7m+ofCU2y7RP8Ap4p96++K
F/8ApjsrP0J3S93p/fSs5S5ahp/y7OjR9k1s/wDceb/0Oma1CiQwxb/49ITOn71/9h5v/Q6Z
4gRHtEf+Pzv/AGStzMzS0iRN/8AsVZ0J9n2Z/78zvVaGx/4lnnfxp/HVnT3T7RZJ/v0Aeje
EYUhtN/9xN9WYL9k12/+phrP0ybfPnRzWfz7/8AXTVpQ92jzfZE/wBTD87/AO29BkZN1dul
psfh/SZn/wDH3qDYjy8AI/3NiJVNH+z77ib+BPK/9nqPT3fyk3v87/O/+xQBrz7El+f7iVi7
EvruF5vn8n+On3tw7ulun/A6Y8z2lo8SJvml0AhurTfqd0lmkKWx8f8Av1SS7+0X0yb0f7O+
xNIWqr7itP8Ar/vv/wChvVbwrpizahc3vz+Q3ybKyl7pqXJrhJn8p3/fOm/Z/sUx3S3t3ff8
/wByqooSxJ4nmSfNIBnif8Aqtq98kWXp49//AI/U8wB88zun8bvVV/+Un3N9a2mIkN2m9N+
ysNP9Ivtif36OYCz9+V7j++/yJ/sVmz/AL67eKFNmz56vvMib/8AYSsz50R3f77pWNQszH/4
+Eep3fZE77P4/wDxyqu/zpXfZ996nml3y7P7nyVzmoj/ACbKz5/mep7p/neJH+SqqybePvV1
L3iox5Qhdkiemfw/71PtL3M6f3lphXa7rWZY+ft3yVftdj/76fPVBPK+dKso+yZLiGtKy1e
7N++H5PnoSb/AEjen8afPWm9st9abof99KyEh/fbE++/3K35jM6DT7hPn3/PVZIfJu/3P3H+
5VKF5bS+8p0+dHrWeZLi+2J/yxra8e5mXbLZc3Hzv9Zvrcsof317ZTfcdN8LolY02xNRuZY
fubER61km86xSVH+dHrQzJkuPOfZMm94n2PU+n3Dw33+/WQ8yQ33m/chu/8AxyapJrh3d0f5
JkquYDfvXRHhu/4N+yb/AIHU91v+zo6f663ff/3xWRDfI8T70+R0+erWnzPD89zv/uPVATa1
fRajsezfZMmyaHf/AH6keaK7t4bHe+R/vp/c/wBioHtLf/j4REdN/wA+yn6fDvR3hR9j/ft7
+z/boA0PtLzXd1ZPbu+xE2TJWZ9n1O01PypkSaydNjwu/wA+/T7Lemo3MsybN83yf8AfFae
oOjvDL/c+/VcxPKeb6pb3Fpq03nN8jvvRP7lZmm/8eU0X+09dl4qt3SaF9nyPvSuNh/cyzJv
qZe6VF8xM/zxTf76OlZ+mJsvnSrql+ybKg07/kIv/wBcXrM0Ojff55Zv9uq2r7JrF/wDrtT0f
e6P/ALIGn/vnmifZ99K25jMhut7/AGW3+fZs+dN/36s2qJ5yf7CUy9Tf8iJs2PVyyh864mT/
AG9lSbu6QktP4YtfOlF532fJ8nyUz7ciJc7Pv/8AoFaD7HmRPvpEn3K4x7jZDshT5E/g/wBu
q5Jlsvd/albaL+N32Vr7/Ji+f7/8dZj6MkMttvd3uUd3fZ9ynw6de27vbpFvd3+/vqS+U0IY
XRHuH/1z/cT+5VVETe8r/wAH3P8Abf8Av1NqkMto9lFNL990d9n8fz1mXt2+/wDc/wAb7KA5
TD+e7u9iffleuwfZpenQxQp/B/4/XOAr5UNx8/36uQ30uqXEP9xe31mUaGrw29paJ9piSbZ8
if79YFID9rd5ZkRPN+RP9irOu3EtxfeUn39iJTEmerPk/ghSgB17cPsdN/wDpL/I6VVsrntOt
3d/vvUKTPfXbvvfZ9xKNU2XCOibESFPkqeUriKsE32iZ3qHU7j5dif3NIQ2zy+VsRNj0x7f/
AEjY7/crGXvGnKM09Pn81/ullRw/fd/7lWvn8p0+5/AiVVd9kTon8dZlFb7/AM9QsNtWUT/x
yqznc1YVImiHwvsdHp7lZbrd7bq2ltLh7e5jaKZG2uj/AMNRP9+s+YY9P46tWtoiPv8AuVWf
+Bl/iof+PZ9xq0jLIEbOmXL6dK6P/qXSnzfwSpWUbrdb7HX51q5NK/3k2fc3/wC/W0anMTyk
2p/8ff2j+B0+eobV/s9xv31NsT7Pu83ekqf98VVRH3pF/wADSr5iTsLJ7e7sf9G+R0T50p+k
TfZ7h7d/9TN9yuf0+4e3l3p/B99P9iumRL7t4dj/P8AwPWxjy3h3o9vN9x/wC0meTL9yb/
AFyfcf8AvpWnaolxDsm++1Vpod/7p3+dH/joJGWsOyVH/wC+0q/Bcb7dHhfe6Ps/8fqHQrGW
4t9Qf7XveKbZs2Va8PQxacc/lffe4ffvf+/VcxXKXHRHl2fcd0ffs/vpVrSH+z3aRb96S/JVW
6f7O/m/8Do87Y+/f9yqJJ9QheHf/ALD76en760mTfvrNdvcJ/fhf+OoYH8IH/8AH/8AcquY
CIP9ouL5LK8fejvs/wBx64rV7R7S+ukf78T769SeGK4mmRH/AOPuH5HSuA8RzPKblLyJ/tSJ
s3p/HRKXMEfdMWGb50/36ktf3N7v/wCnd6gSHZcJ5NG/97/45WfMaHR2rolvv/uVnwP5N3c7
P+B0Tf8AHps/vvRp9o76tc7P4/uVpzE8pux7HdE3/JM/yVf0i3R7j+4jvvrGsk33CW8z7K6D
eiW91Kj/ACbPJh/26okfrWo26W8yWafO/wAiPXOaQnnaij/8sbT53/25qtO6TeckL7Hh+Tf/
AHP9yo7JEhsX2P8AJv2In+3WYGnCr++V3f+/WhpD/AGi+3/wJ8iVz/wBo2J9nT53rUSb7Dabl
fnm/g/36rmJ5RNQhl1aK9lh+/wDwVQ8QW/2FLK7dE86X5Nn+/WzC/wBhi3/wInz765bVNUlv
pv8AYT7iVJRv0yxluHm++ifcd63bKGKFHf7kOzZvqrM7w6SkSP8A6Tv3/PTJvNexR5vul/3E
/v0FcXWR/Ovrq4f+P7lUtQmfynRPvv8Afpk1xsT79Q73e32J88z/AH3qeYYQv9nhd0/3EqrO
+yLZU3kp/f8AkRKrJD5z76z5gBP3SPTPvu8s38dXH8p03o/3KzN+997/AHKzqSHH3iR3l+z/
ADp89Vf+Xff/AH6f5zu++oXZdu3+7Umg+H5/+B1WCfvGp7/IiJ/wOmSs6nc/8VYSlymh0fxA
SWXxDdXrxeT9omeuWr1j4r6XD9iguLf7/wA7vXk9c/MNDk/u0I9N/wBqn1RYn8VXU+e32/xp
/wCgVQarML7HSX/vutl+6Z2Lts/yPbv/AB/OlIn76L7/AM6VC/yS/J/wCpoHeH97/t1vzGZa

guH3+a/3PuP/ALIXNPuPslx5W/5H+5UOxZVm8n50dKz/AJ0+Tf8AJ/6BWnMB3iXfz+an/A6W
21aK7Te6OiO+9HdK5mGa6iXykuE3/wC5WzpL/Z9PRU/g+R99acxmbnhi7lt3vXuU2Q3E3yP/
AH6n1dHt3fZ/12hdP79YsF2n+quX/wBF/gq79r863+zzPv2fcejIEWrW4+3ffdH85Pkeo7J/
vxO/76H/AMfSsxH8m4+R9nz70qS9uPO/e2zp9qh/gqgNK1u0S3vbLZ/tpQ9x51p9/ZsrDe+l
ubh/sOWy5Rpk3/cep9Pmu7j5Ht0t7l/v/PVcwuU3NFuLeZ0lh5Ep726f2n5syb0+/WfpGnf
2c+xH373rTvd/wAnz7Hf5KOYOU4m6tP9ImdE+/WZDaedcfOldhrqJDdpEn9zZWL5yJd7Nn+p
qhk726JEmyptMeK3Te6Vn3tz8/yfwVPauk3/AAOq5hcpW3y32rQxQu6O773f+4iVq6vC/wDb
P2R7ib7Knz7Ef7IM09ETUbq7T+BKm0+ZLia6vXf77/J/t1iHMZrzI6OiOkNqj1ZmR4dnybER
N6JT7VEuNZ3oiIkP8FU72aW41mZ4Ud4X+Sq5g5SzBvR/N+4833K1tP8A9Lu96b9kX9+uZnme
bUIXf7j/ACJsf7ldHpkYWljNcO+z5PkSpDlIf19sf7In9z56ydPTYnmv/wCqXnfa5vNm/j+
erLzedDsT7iUDJEfzpqNQf7Qn2dH8IE/jqrPcJbxIifO7/8Aj9MR3+4//A6rmAE05H2Szo7o
nzv/ALdMmm3vM/8At0Tv9ouNif8AA6gutm/+P/vupAZv3vs/gom+TfsT5KfCkSb0T/fpl1Mn
z7KzApzP+68pP4/v1Vd9nyVP/feqU/36zqGtMek2xX/3NiVNZJ8j1WT++9Tb9kX+29ZmhDN8
7u9RyDLbP7tL/wCyU63i3g1kB7n4wdW0GZZYklkb5Nn/AACvB5E2Sste93qRX1j5X3P9uvF/
E6RJrt19mTZDv+SuemCMIRlcUIFP/wButTQVB+92vT4W8qXa9Ru+999K7bzup3Asp+6l/wBi
rPyOiJv++9U/vxIJ/BT4fn3pWnMY2LMEv1TO/wDB/HVq6REl+T50dKz0+dH3/fqdH3xbf+eX
3P8AcrXmDILlq7zRff8A30VbOn3Cb9j/AHJkrnYH8mXzf4PuPWtB5XnbH3+S9acxJff53+ep
J7d7ffKxM/Zs37KY+x3RHf5/79I9270ju/wAifl9HMTykiXC0mx3+f+CqV0jvryPC+x9ib0og
hRLh0eLeiP8AJU10iW+ppLCmxHqijQ0i0imuHld385Hq7ep5N3C/9+sxJvJvv9+tbUHR7RH3
/PvquYnlNB3RNOR0+/8Afqldap9oR0T76PWZe3eyJNkv302J/sVn+b/o9yly+x/K875Kkgu6
vc+ddw3D7NiJ86VjXsymb3lR/nf8AgrJv9Td7hPJ+4n/j9P8AO2J5tHtYl8pp3twiPCiff79
QJNLdSRkKw3uH+0ea6f8AAKuvfb4U+R/9t6n28SvZnRQ32y0vf77vsSrqlvp6JD/AAJXP2su
+ZNib0376n/tFLiL+4n9z+/WnMZE0N39k07yKf8AfTffq7ZO6Q/7b1hQJvl3v9z771oec7zb
E+T/ANko5i+UfZW6XDzb/uO/ybKh1P5Lh4kd/wC59+tCymt7S3fe/wA/8FZmx3d7ib/gFZ8x
A+9t4YdJhe2877T/ALdVpprj7PC6RbN/yfPSTu/nbP46tTunkP/AlUXykMEPzu7vvepkrP+
BvTHulkT7P8Acd331G19+9REquYOUnmRLdNifPVV0dHd3rTtU375Zk+RKz9U/wCPjyv4Kz5i
Cndb/wBzs+/s++ID28r/AD70/wBtKINKb/4/wCCmXVxv3on/A6OY1KTo/8Af37P7lMvdj3G
9PuVZeXyU+T+OqyIn8dYS94rmCOib79P2J5r/PUM/wB/5KnmKI/v1NC7KP3XSofuVJGzxLip
A9ytX85HR0R/k2OlcZ8QdJiT7Fb2cSJ5MLv8n9yt21m2bNm//vutbyYrlJn2fvnheHfXHH3R
Hgyff+eh/ketjxLpf9mXEQDfOw+dP7j1kP8AMtdBfMR09KZQtMotQvsl/wBh6ZOnlXFH+xT3
XzYd38a1ZmP37ER0qZ/v+alU4W316VNDL/o+x/4HquYDQg2PvierKOkVpvd96fcrPnR7d0lR
6k837Rb7ET/beteYnlN13860eVP9dF/4+IfLCRTQ+U//AC1eszT5U2fO77KszwpC7oj/ACP8
6PRzEl13e0uIXd96JT5tk2/ZVaGb7Xbo7/ff7/8Av1BveH91/c+5VAWnmf7Ij/xp9ytDztmn
O838Hz1npsfTp8AbrGudWuJvtKfWsv/AN81MpcOE66qrXJldNu5fu1AiXfxK8qb/n+Sqtnb
vcPsSu20iFLe32bPnojLmAybXw38iSvVIND3u/nPsTZW19o/gqN7hN/z1QHKf8l9Mgdnqrev
FCnllm+um1C7R/kf+Ouf1PZ/BQBmQ3DwvvSprJ96PWe/36VH2t95qw5jSx0sKbE31O7pClZl
nKsvnlbv5O37iPVm6RPN2J/sVrzGZag33b73+5T3m+ff/An3Kg+5D/cT7lM3pNcfx+SIHMAI
+x3lf771PDDvid3qB5vOm+4iJRNdu/3PufwVQD/JS4uET5H/AL7vTLrYmyWHZ+6ffspnneTC
6f3/AOomb0RKAJNQ1BVh2I33nqq82zfK7/O9MaKJrJy3ySNVaVD9kSVm+69ZFconmu7/AO5T
5v3SufInz1Wd9/8AuJTDIB33vv8A7lG+gbfn3fcWiBE373f5Erlofs/2/v8AyUPCiJR9x970
y6f7lADET+OnD5iab/BsrW0izaRXZF3UAd/DsT/U/J/6BWzZTfp/APEVzNrdp/y2d96fx/wV
u6ZNE7/P/v155ocz8SrR5b7ztmxPK+T/AG686r2vxJDFd6Y8Xlfl/wCgV43KqpM6j7oLYrq
y93mM0V6KKP4Ks0HpU/3Pn/geqtSTf7H3KfMTygnypSSffpd25f9uk+/VFE8Dp/HT0d4dj1T
WrLvviT/AL4oM2if7jbd3yN86VsWrcpW/IP99Kxof31vs/jT7lPhm8l99BNi7DN5Nw6fwS/+
h1NP++Tej/OIqzp5yb/4/wC/RA71qHKaE8MqaZMn+XLV0018lur+d9z+CuZ+Vnf+5WUveKN
PQ32SV1KTVx9lNset1JvketSbF/7TVB77e6f3KZv2JVX5POSq5iRjzPNcUzUKs2qJsd6rahL
/BRzAYsn36ZT3plcp0EkO7zU2ffrqPn2fPXLwt5cqOv8LV1m/wAmLzdn+4lXSM6hBqm9HSL7
+xPnqt53yf8AslG/e7v/ALe+n2sP2ibY77E/jrUzGeS7p8/yJT7XY7vfv7lP1CaJfKT+BKz
0f50/wBuq5iuU0P9dcP/AHEqtM/nTf7FTQuiWP3/AJ3+es95v3WxP+B0cxIO/nP/ALCUXOxr
dlv46E+ShE/jepLIZkRIkbfUlo22pn/fPv8A4KZM+99tZDGI/t0iUrv8m2noju/8CUADvvem
Im9t1G5dj0m+p5gJETe+yuy0+BdPtEC72kb71czosKPC/vvuJ9+vSxotjISy3e78d1ZylygY
mx32PD8nz/wVs6XDv/2/79YaPv2fJ99KspM6fcd0/wBiuWXvGhs6gnnWM1ulxs87+NK808Qa
d9hm+R96V38F3v8Av/7lc/4qt0/cyo/yfcrSh7pmeNS7qmuYvJf2/hqCug0Clz8u2o6fU8wB
T/uPuDL/AAVQA1PT+7TKFoAtQPsmqa6R3+dP7nz1W83dNvqaGX55v7j/ACVoZk0Fw6bNITed
vf7j1mo+x0q/A+/5KAJ9TffZVjVp38yJA8X8bVklPMNFyYrZh5Kw7X76Vpo/wAlUIm3/JTN
+x6Zv/c1G7lqTyk+/wCSs+Z6md/v1Tneo5hlVqKKSsTUev3lrbffv+d/vliGtRJn2l7/AH6K

Rmy1vTZsqzC/2e337Pnes+D55f8Acoun3vs/uVoIY6b33/x0Psh2JTHfyf8AfqGZ9/3/AJ6r
mAmurhNiJWVITYnz0x97/PUJLKfO/wDsUx33vspnm/wUygB7v/HQifJvo/god/k+T+CgBk3y
fL/HRD92o/4qkf7mypuVykf9+IT+89R0+BN70ijp9J055rJHTZ/frqdEF4bXZcQYK/xb+tYv
hub/AEHYv7j10VnbyXKb1+VaipImnEwEm+z/AH96P/HUiXHyIj/wVZ1CG3u0+RPnrJ37H2O/
z7K44y5jTINaF0f56tO6XEPITJvR6y7VN/yI9To7om+qJOZ1202TTJ/zx+5/tpWay12Wup9o
T5E37K5O5TY9dkfeM0yrT6KSp5TQWU1U7XpKKOYBzLhFb1ptOyc4rW8P6LcazeeRb7UCrvllb
7kSf3mqiZSUI80tjK/ipa9Cm+HY2hLbUB5pbYftEfKqPr83y/wDA8VWfwC8K3D3GqQJHDeNb
FvLd+a09IPsc/wBco/zHB/xVcR/n3113/CBXJ1O0tUv4HW4ga5V9jbtq/wCx97tUd34P8rSr
u+ttUt7hbVdzJ5Tr/Hj+Oj2U+zH9Zov7RzN4fNt0f+61Z38FX7OGW+nito/vyMkQq94q0VtC
1RrQ3C3KbFdJUXaHu1mb8y5uXqZNt99K1tnyVR0axuNS1CG1s03zSthFr0IeBmWz3f2gXl27
8+T+6/77+/s/29mytowc/hMKtenS+N2OHemO/wAldIN4GliKW41K0XZ5X3Ed97vv+T5P9yn
P8PJ/NSL7eu9037Pss33Kr2U+x19dofzo4V6pPXoq/Dy4lleJNUt90T7HR7d0df+Af8AAKzZ
/BwBg8uYNUt5ktYmlceU6USpTj0ZUMVR18MkcTTks28JmmWPcq7m2/N2rvX+HcgvXtBqkTzJ
8+xbE/UJ/f6Vzxpyn8JvUrwpg7HnlaG/YldhN8PJlCK2oxI7o7oklvKu/Z+FcZl2I0FVYsp
/EKnXhV/hu5ZSbyYfk+/VZ3rsv8AhBVzbi+rxCa4iR0RIJX37/wqvaeDGk1PVLy39ug07bul
2u4b6bK29IPsZfWap8xyTvsT5/v0xPv11GveFTp2kf2nFfRXELS+T8sTr/6HWb4Y0U63qy2Z
uVt49rO8rru2KorOScZcltTSNWEo899DJ++/+xQ71Pqdq9jd3No/34pXhb/gFUqnmNLDcu5/m+
7XaeDP3Jk+4m9P40+epILlM2dBpGkxaZD++2TPv31tW4MhDKNq7fu+IYs7u7/O/3P++6QrdM
37pOK46ylP4maGGj79mx/n/2Ke/zom+L5KxoHeFN+/f/AH0qaeb5N/3P+B0cpqaELxJ9x3Sn
zP8AJ9+sy1m3/f31deaXZsdN6VRHMQ+d89YwTrfvt/8AfrWn+/THhS4TY9dUZcpJy1JWleW/
MzlNgT7tZtUxMbT3plFzJjckt716d4XH9ieDwv0I850a8OP9l/Ji/wDH9715kv8ArPxr1LxI
fK+H7KveysU/9nrpw6tzeRyYr3uWm9mcr4GvGPiEwXDb01BXt5d3O53+43/feyuu+b/hLvFE
Tj5WtPnX8Yq8vsrma0uoriBts0Tb1ruPCOqT6z4i1i5vGVrq9tZmOxdvz/K//slVh6i5uUzx
dJ2dTpYyPFkjL4/v3R23rena3/A66P4ofJaQr/A+o3L/APoFU/E/hzVb7xhc3FjZs211L9o
SVF+Ta5/vVc+Ke1rOzeN96PfXP8A7JV8klGpKWhkpRnUperMT4d2JvvGumOoOxG+0/8AfH/2
VXviZYvbQaaZG3vE81oz/wB7Y+//ANnp3wwza2PiLVD/AMu1kyJ/vv8A/sVo+MQdS8FLdr/d
t7v/AMc8l/8Ax+1GPNR5QqSl9ci/sorfDaxiSyub+5PyTP5Rf+7Cib5f/ZF/GsDT9fuP+EnT
Vpn3zPNv190/jT/c2V1fhweX4CVv+nS+f/2SvNlfk0paRpxNqP72pU5j2vW5I9E0rUnSRVlt
Iokt8P8APvbzlV6wNMfd4DZt3Wyu/wD0clcRres3WuXKXGoMryxRJCjKu35ErtNN4+HDF9el
3/6OSrjU5pcxyrCvD0483xMpNqgufhxHcGf/AE6K5itiN/z4Te6N/wCP/wDjlsfPcliqL9x
9Qmdv++ErzkZVxnmva/E+jWesZgvpn7KUvZvKO+L94+xPl+d6dP95Tly9DSqoYarGXRnh/Z
q9Ss2Zvh0GZnZv7OuE/8mK5TxX4Y10HbLHKLl0dtm7ZtdH/usvY123hayOo+B7SzVtn2lwu
7Zu2/vqwowlGfL1NcVWhKnTqxelzF8A37afYXLas00OmyI7W9xIjlpTcJ91f+AvXC53Mh/2a
9G8dW403wXp+np5zfZbrYzuu3czIzt8v/AxXmu/ZSqufu/wB3l1oKM+aoluen+DHf/hE0ff8A
PE99s/2P3KVx3gJtnjHStrffm2tXZ/D+I3XhVITvzJcXcfyJv+9ClSeHfAh0zW7S9F5JL9nl
37FtGO7/AMerolSIONOUTj+sU6UqsJuzOY+IfyS6Sn8P2L7v/A3rR+FGktfQ69Ij7HW12K3/
AI//AOyVm/Ekh7bpOP8AnxT/ANDeuh8L3X/CPeAba8b5WutUh/4EiNn+aVLI++ILsE+b6lGE
PiZyvxDj/wCKmmn/AlbqOK4/77TNc03Cqtd78UrLyo9OkGf3Pm2n4I+9f/HXFefDrWFF3ah2
4WXRnjLsNoopfu1J0iUfwUILSAKkelJGrSyBR1agCzZ/xu/3FruNft5fsiOibPN+d3esnwxb
xK8yP/Gn3K6L7X5PyJ89Y1JGZof6OiffT5Ki+1JdOwilmUL/AHqyLq4+d/n+Skt/LYHd96ue
UeU0MDzfj+5T0ff8/wB+q11DKICJL/BWpXMTI+x96bNn9yru99mze+ys9/k/ubKmtZk+/wDx
0Elr/Yd6HT5N6JUfz7/nq0nz/wAdLmAz9UT/AEd6wLqLY9df5O+szV7F3h81E+5/BW0asZAc
zRU06bHqGgCYjIJNeraqPt3w63RfNnT7Zv8Avy+x68nNerfDW+hv9Gl0q4y7xb8xf89bd/v7
f9z79dmF96Uo9zkk3uxjNfZPLAu59vJNarJqfhXXF8yN7S/tX3bX7Gu40LwKYnfW4vby0fS7
ZvOLK3zMif306r23Z6VxvjHVTrXiO+vhkRyyHaPRf4aylSICPNiNaNefJDWJv8A/CezOQtn
p1pbzM/EyMz7f91WPFafxf8A9RZHsLu5z/45XD+HNJuta1aK1skVn/1jFm27EX7zGvT/AB7o
N54jghXSVVWVorz2Rm2/K+z566abq1adTW5w1I0MniKdrIz/AApeWmjfD1rnU4jNb6hdtGYT
Fu3Dt/6A9akUthr/AlbuYtNgeO28qa0WHykTa+zzk/8AH6zfGui3M3g/T7bT3SRNLWSS4w23
d8ifOn97+Ol+GntdWejTXtxF/o080UsWH+Z9m9H+WtKSkpewkkkYThB03ik3zc3N5elhPCC/
bPAYwRDezRX1uR/t7N6V5gy3j9a9W8N28vh7xBc6PK6lbl/tmmuX+V9v8P8AwNfk/wCA1nTe
AWuNf/004iTTpZdwRn/exf7Gz+/WcqM504qK1R00cRCjUlzPSW3mcRqWm3Wmi3a7geJLuLzY
f9tK7/TBj4YM3/Tpcf8Ao5KwviFfJrXiaG105d9vaqlpbqldnZaLPa+FBo07wpeNbyo2W+RX
d96Jv/4BRQpSUpRjrYK9dyo03U0fY8Vh+/Xp3xe/487X/r9m/wDQY65C18NanP4gk0gRI9E
W3q7DauP9qR/HmiXHiO3hTTni3xXbv+9fZ8jonz/wDjITQhKdOpyovE1IKvSfNoUNYJvf6
0s4LyPp9tMzf7aTbN/8A3xUGmf8AJK5P+vS5/wDRyVZ8dTRaZ4cg0eFglzcrFbogHzeSn8f/

AAN60LbRp7fwj/Yk+yK8a3lRst8iuz70Td/wCum0nUtFX93l/wCCcvPH2cXfeXNqcJJeJ4k8
KaFoVnJ5us/a3TY4/gP3PmrjdRtJrC8mtJv9bA7RNtr07wN4VvdF1k3uo/Z/NC+VAkU29t7/
ACBhsrzvxU2/xHqr/wDT3L/6Ga4akJKPNLQ76FSMqkqDLWKO98Cf8iJc/wC/ef8AolK43wGz
N4y0f5m/4+U/nXpPhLSZ9P8ACy2V8Uimu/OfO7dtSaFNm+uP8F+HtQtvGqrcxrF/ZcyPdZyF
IM/+PVrUg/3ehhTqw/e6oZ8TxnU9Jz0+wp/6G9dXqd/o/h/Qtb0zWLY3Un2VZ/K8pG2b+ab4
i8J3niHU9Ou4iqWNvCkN07N80Xzv/BWV8WrO5ubqDWEVRymNLf7w3l/zfJtrSpCdOVScY6ea
MIOIXVOjzfczR8dCPU/Cct/b/wCqDRXiYTbsVv3Lp+iV5F/y0r2vRdJuY/BsOlaiUhnlgmUE
fNsR9jpv/wCB15Fqdhc6dqM9ndxmK5ifY6+IZ4uEny1O504CUVzU0/hKNMp9MrhPRCn0UUAL
/s1csF2zJ/v0umWRud7f3KsJbSpcliJ9x99aAbsKJDcO6J87/fp/nbE+SoX+/UdZgDzPs2fw
VMl6kHPz/N/dqttlR/LSs5e8BPPD99Nn3/vpVXydlbqbLdH2IjvUbwxP87p8/8AHXP7QnmM
Nlfn+d6mhREf+5VqZN7uj/JUD2z7N77/APgFVzFE/wDH/Hs/v09E/j31Dp8z7/nT5P8Abq5v
R0rKUuUyHom/+Unko6bHf5H/wBihHSPvN/36fMaxUpdDnNatN82xE/grmmXFeivsdPnTfXJ
6zY7Jn2V1U6hpKk4mLU1rcTWs6TW8rxTIfkdH2MtQuuKK0MzoNU8Va1qVt9nvdRnlhb76527
/wDe9awM81HT0qpTIL4iYxjH4VYtWN7dWfx51lcTW8o/jico36VojxTrf/QY1L/wJesSmUcz
G4Rlurm7N4g1ieBoptUvpYW+VledylMtte1WzgWG11O+ihU/KsM7oq1ko3zU53o5n3J9nHsX
LvUr68lWW7u7i4mX7rTSs7L+JraHi7Xprb7NNqlxJEy7Gy3zMn+996uWq7bUcz7hKNCxXlm+
5Mjo7ps/jq514n13d/yF9S/8CHqg/wDraqzffo55DIFS+JXL0GrX0V81419cLdN96ZJWD/8A
fVWG8U67/wBBnUf/AalesaD79MejmfCxs49zPc3ElwZ5ZZWmLbt7Nlq0R4n1z/oMaj/AOBD
/wCNYVVFHNLrIT3R0B8Ua7t/5DOpf+BL1jvlzuzu252qJKKOZgoqPwqxuJ4m1pIkVNXvIRF2o
i3D/AC1Xgl1zUoLiWe3v7qKaT/WspKwZ/qayKKOZ9yfZw7G7/AMJRrn/QZ1L/AMCn/wAagvNZ
1LUI/LvdQu7iLdu2TTM4z+NZNfHM+5UYxXQ3x4m1tUVE1bUURF2qouH4rKuZprMZ5riR5JnO
5nd9zNVWijmYoxjH4VYKKKKKkodTlXPX7tCLurZsoURN/9+AH6Q6bHT+D+/V+mQwoifwJU7/
AHPkeswD+Pe71H50X+3S797pF/cqOeFE++7/AD/7FZAMd6Uu2Bteo3hd/nT599MC+Wu199AH
RomyH5/kp/ku6OibN7/3KhnuNjo/30/v0ibHTekv/A0rz5e8ZCpC6Psd0dHonRN//LHZ/v0+
C3mu7hLeF3mmmfYif7deh6ldaf4IsrW3trSG8vZfnd2+Tf8A7e//ANASumhh/axlNu0V1Oev
X9nKNOKvJ9EeXvs/gl+//cpn8H+xXqPiZdKl8Kf2vaabZ4lliuN+3Y7fP86f+yVfe70c+H/7
dTsrP7Ls3/Z/s6b/AL+zZv8A9+uz6h73Lzo5vr8uXm5GeSo6Qv8Af2JU3nb67DwFd6fd3F1Z
TaZbfaZXe5id0R9if3Pnq7rup6Vp3iaG0fRLZ0tPkmdERN+9E/g/2KmOGUqfteZWoynj5wqe
yjTbfqjiU+5UE9vFNs3p9yvVvElzphn2GF7nR7a486Z0+SFE+5/wCqerrpWo6Dpl8lvDFZXF
9CjukSI6J8+9PkraWA5eZc6ugjmjlly9m+V9TxPxDP/ky/alfuPWGtfSPjTRtPu9EutkVn9q
sdjvDCiJsT+58lRY0AaDLrP9h2Qto4nZ7dbdNw2fwb62jhuWp7PmRzrMo1Y80Ys+cqK9w+HG
maXcQX/iC6tLS3a9vWt7K2bYyRd9q7/riptETw+vjdXdeG0uzlIf7RFLtV1XYi74v++9EcN
zcvvL3i5Y9KUoxi3ynhP8FFeo/EPutK0/wAWWNpbaLbBNNmDXBVFQXX3H28fl+NdpRb6DYeF
DrX9hWetvLDE8UP2dEcehRHDc3N7y0HLGSjGMuR+95o+eqfH9+vdfhvJo+veHYV/smxSey2W
9y726Pv+T7//AI5Xk3i7VLLVtbe607T49PttqosSe38VZ1KPJGMr7mtPEOpUIT5XoYFXbX71
e3fDttF13w7C/wDY9hHNZbLe4326Pv8Ak+//AMD+esTwh4i0HU/E9xbPoVpbx38yC2d0V/K+
TZsb/frT6vH3feWpn9bl73uP3fNHIL/66oJ/v17Z8R7vStEOIRf2BaSu8q3LuIURdiN88NT+
OrvQ9G8Pw9Ds/tepW37mLyVR4d6fed/Vd9EsLySIGUlp5P/ACIjjZS5fcfveaPCofv0j1PH
xMrAblzXv8F1oM/hP+3zoNmlqkTu1v8AZ13blfZt31nRo+16pepvicQ6HL7rdz55ple2/DTR
9LuftQ8QXttBb/bbp7ewgmTfCm/+H/2Suk0uPw9f67qukWuj2KyafKgdjEro2/7/AP3w9bRw
cpcuq1OarmMYSIGMG+XfyPnFKK99sIfC/iv+1LBNHhtJbVxGzKiIypv2b0Zf/QKxvhza2Vvq
Gr+HNS0m0k1K0leYXE0SvuRNibP/AGep+re9Fcys+pf173ZPKd49Lo8bor0P4t3WnnW/7KsN
NtrWSxd0mlhRU81vWtT4QzaXe293pV3pltLex77tZ5YlfcnyfJWcaPNU9nc2liHGj7blfoeS
0+u+/K1xp58RNp1jYwWZ0/dDM8SKnmt68V2PgK70PUPCc00uh2bS6TB+/Dwo7zfl/wA+/Z/s
VUaHNU9nzImpipU6Mazg9el0eGU+voTQrjQNV8MT63HoFnbwwmYPC1vC7HYm/wDuVzfw/wBU
0XWNW1KzfQLOKeeW7t/3SuqJj/U1X1X3ox5lr5P/Iz+uy973H7vmjx+lhieV9sa7jXofxYu
9NbVDpNhpttaXF7pLcQqU83/Z21zOh2Usl0ERN7y7ESSalPklynTTq81P2klb1K9rYum/f9
yrSfJXsOo2+geCtKhjuLFL25d9m90R3mf+N/n+4IS+NptK0LSsjRbOWS63ww4iRNnyJ87/8A
fddX1a0eaUkjj/tC8uWMG77eZ459ofZTPtHyfPXufh86Rr2npe2ukWEMe90e2+zpvV/7IZPg
mbT9Z1PVoodDs7dJf9JTeiOiJ8ibKzlh4x5feWpP9pW5uaDXKeVvM+xH2I//AAOhLl3T9zF/
3xXpGnXOi6z49sGsLKG3htYptmxE2XDpv2PsrnviXYoniyZ4fkR4oZn2f39lcssMo0/a3Vja
nieap7KUWmcxO7o/yP8AJ9zZspoaIruYluffdTk+d/kp9orRwFWf5t39yueXunSXfO09/vu/
+4j0eTbvp8nf9+poYYt+zyvnf+OpJrTej/3/ALj1y88QOg+HfT53ilHd9/2eF7nY/wDB/An/
AI+9UviPL53i+/R+/XdEhT/gCVv/AAuhRNZuv7/2R/8AONK57x/8njbWP7/m/wDsiV3f8wZx
RlzYwv2Wp2r/AA1vdMmuk+2Jdp5UT/3Pv/8AXda3/NH9/wDn/j5rznZsf569c8N6jFpPwwg1
Ca3+1wxw/wBz8nz/AOk114Sp7aUoye0eX/gmWLw/soxITV7y5v8AgHH/AAxT/irE+f8A5d5v

4/8AYo8dp/xWWof76f8AoCV2fhXxlZa5rCWUOifZJpYXfzvkgT/AHK4z4gu/wDwmmpsf76
f+gJSqUowwnLGSZthpTli7112fLy2/U6n4sJvt9MT+N7iZE/74Suc8WpLoe/w1DL52no6XO9
0+ffsr0rxVrNpob6e95a+d5txsR/k/c/c+evOfid+58XzJ/GkMP/AKBwM YKMeapf3mZ5TOU5
U6FRaFn4YulxcatpnyI93afJ/n/gdaFIF9o+GGpxP8m9Jkf/AL7Ss/4VaTLcay+q79kNp8n+
+7/+ybK7qG70e40G9vYYt+mb5vO/df67503vsqsJTvT95pepz4+pbEe6m/h2/u/5nmXxDtZN
K+GnhvTWVOWNzL/fT/O+sL4LLnxm/wD14zf+gV6V8TtLXU9Ph1JJfNtmRIX/ALmx/uOlcb8I
dHuLTxm7Ov7v7JMu7+/8lQny4mMJdDppu+Dlfqct8V/+Sg6x/wBdE/8AQFrV/Gf/ACRSw/65
Wn/s9XfGHxB0rR/Ed5p9z4dS7mt32PM7RfP8n+5UnxMu4tQ+FUN7BD9nhuPs7pCP4P8AYreM
Ir2nK7mXtKk5UVKDSXW6MX4CrnTnc/30/wDQHrx6ZGWQq6svP8Vez/s/nbp2tuv8EsL/APjj
1teEPE118Q4L7Tdb0+L7RFHvPl/NuT+++m/7jJS9nGdOmr6m3tpUK1SfLdGH8ClzoGtf9dU/9
FSV4/aM8M6yo2x0O9Gr3T4U6W2jR+LNNIYO9rc+Tu/vfLIP6V4MjLSR71jW0p0zbCy5qlTIP
oq80mLx/omgXZCf61LmX/c+5Mn/faV5D8TtdOueMLuaBi9tAfs8H+4nSvV/graXcCeD12+yG
W4m8r+/s2bHrwnXtpm0nWbywuOJreZonrXFvmjGfVnLgIqOInG+kdl2KMX3j9a9q07/khVz/
ANcpf/RyV4nDX0D4Hewt/hLFLq0RmsU83zUC/fXzqzwkeaXKdWOlyxjLscb46VdJ+GXhbTBv
WW433br/AC/9Dq58ABjUNZ/64w+/jRV340aQNRsLHxNYTvPbeUkJT+FE/gZKq/s9/wDIQ1r/
AK5Rf+h1tD3cSczd8FJ9WRfC2Jm+IHIFtr+WkMys3/bZNv8AKtDQJvN+NfiJom3IYplB/wC+
KuXvjLwz4UtrRj8PRYT6pN17NvRh+9/22b+BP7lch8FGefxzNLMzM7WkzuzfxVUZKPs6d7vy
M3BzjUryTS5eXX8zl+KqMvj7WztYL9o7/wC7Wp8D/wDkarr/AK8pv/Za9Lfxmzl4+ufCeo2U
UlsJvJjZxv3Ps/jR6zNA8PW/h/4p3MVou20uNOe5iT+7833P/HKzjStU9pF3RtKvJ0XRqRs7
HlnxS/5H/W/+vk10Hwu3J4P8byfw/Y0X/wBDrE+KP/I/a7/19PW/4QY2Xwe8X3Wz/j4mhmtt3
+f8AfrCOIQ2ry/2eL78v4m98P1/4s9qv/b3/AOgJXJ/BqL/isl/69Lj/ANArsvhwu/4O6sv/
AF9/+gJWF8IbTb4nR5vv/Z5kT/c2VvzfvKZy/ZxMTD+Jenyr4z1i6RH4uaueFHiTWdJuLn5N
lxC7u/8Av16z/wAJV53iu50K/t4fJ87yYndt/wA/+2j15/4+0OLSdc2Wf7m2uE86FP7n99K5
a8Ir97F3QUcROrH2NRWZr/F60drjTHdPkRjk/wCB76ufFGHfY6T/AL7/APoCVtxeQ/gqyl8Z
rEylf6fK+/8A2P8Ageysr4tpF9h0n+47vs/74SuzE/w5VO5x4af7yNPsZPwxu3t9Wmsn+T7Q
m+H/AK7J/l63dWsk8MaJrk1s37/WLjZb/wCxD/nfXE+GEu7jXtPSz2JdfaE2V3nxR0t3sbW7
hfZ9km2f8AeuOhUnLCyn1jt5GuJS+txhdWlv5nGeAbf/AIq/T96fxv8AP/wB6k8fW6P4p1Dz
nf7kKbPufwJVnwjNKniTT3d9++bZT/GiJN4k1B9/8ez7lcP1j/ZeW51f8xpyCackzp5KP8/8
aVNJYvE295Yf7taDps+ffSxIWjHm9f8Afrzvbs6+Yy4USH+4/wDv/wAdP3/fSZPk2fJseh9/
9zf/AOz0x0+T5P4/76VRUfeOm+H18kPiyy/ghuN9s/8AwOj4q6Z9k8U/a9nyXcKP/wADT5Hr
mZ/NSbenybPnTY/8demQeMPDWvaOl4tTZPD8770fY7/AN9HT7lenhJwq0fYylyvzMa1OdKt
7enFteRwdlo0L+AtW1i885HS4SG0+f77/wAddMif8WM+5/H/AO3Nc/448VWWrzafpWIW72+g
WL/cT5Hm/wBuuzh8Z+Cv7E/sdbW8/szZs8nyv/s67KCpQlyxaMKqrOMZSi3eXNovwOS+E8P/
ABWtt8//AC7zf+gUz4gp/wAVvqf/AF2T/wBAStDwLrPhzQ7u6u7+K8+2b3S3f7+yF/8A2etD
XdZ8H6p4httQmt790+f7R8mzf8nyVMXGVHkurnTKc44j2vs5NcvLovxND4y7EsdJf/ptN/6A
lc/ZWz6/4f8AEue6x/pN1bxIlvN9zY6V02teMPB+sokWq2lzcj703wumz/x+mR+LfBsGjza
VHa3iWeu/fCkP/2ddEownW5pTXKckFWo4eNONKXMvINMT+xvhO8v3HuIXdP+2z7E/wDHKZoS
f8Wt1P8A7bf+hpWf4x8W6Vq2jWWn6OkYlkyb0dNnyIn3K37LxP4Ut9J/s9Irn7E6bHR4d+/f
U+0pc1uZW5eW/wCoSpVoxjPkd3Lm/wCAL4YT+1vAVzZffeFJoU/9DSuf+H3/ACM6f7dvN/6B
Vzwl4i0zRr7U0f7SllK++3+Tfspf+Ep8G+HtTe9+z3iPL8kWXN+z+/8Ax1jTcKkqMuZcyKqR
q0/aUUrT7dDyf4uf81A1v8A66/+yLXonjT/AJIVpf8A1xtK5Xx/rnhLXvEmm6jZ2955by/8
TPC7d6ZT7n+1t311up/EDwPqHhz+xpoNQ+wLEiQxeV9zZ9z+OujT95qqgc/s6PuPQpfs+rnS
vEf/AAD/ANAesP4BwO/ivUJf4IrFt/8AwJ0Fb3gXx54N8M+HorWO3vku5UV7p/K3b5dv+/8A
cpP+Fi+GPDun3a+DtJnivLj598y/Krf99/w/3a0i4RjGXMTBTVSUqkYwfv8A4HX+F5Vu/EXj
x4fuJdbP++IpEr5v0yzl1DUra0tl3zTuqIvrXsvgnx74S0LQkheK+N5P+9vXePeJZdvz1meF
vEfGPRfEd/qMVLqCfODYgru8pNnzf+PbqmolP2eqHRC6Tqe42bXiDxBd4c8eeGNEtW/0DTYk
trj/AGvO++f/AEF6wPj7or2eu2uqxp8tyvlSn/pqn/2Gyq3ibW/Ber+N7PUpbXUHsJVd74fc
d2/h2V1vif4h+CvEGjTWGpQ38ycvDiLZsfZ8v8dV7s41I3RFOM6Eqc4xd/Q8DXqfrXuWnf8A
Jv8Act/sS/8Ao5K8Pi2iVd/3K94sfH3gO10AaNFa6gNOK7WiaL72/wC//HXPhrX1aR141v3e
WLduwvgBP+Ej+EmpaW7bpokliTf/AA/8tkrH/Z3G7Vtb/wCuUX/o0VT+G3jXR/C2p64ki3a6
ZdSCS12LudNjts/APATXSaL49+H+hT3c+k2eoQTXIXJtizgf9910UnDmjLmWhxV1NKdOMG+
bsjxTxH/AMh7Uv8Ar6l/9DrtvgSufGbf9ek38qyPiFe+H9S1z7V4biuYYpU3zpN8uJSxzXQ/
CrxL4Y8M21zc6pFdnVXdkWVF3IIVk/8Ar1z0+X2176HdXIKWHtyu/YlvImn/AGgNqbudURv5
V6PdSo/xVsrdPvp0Ozv/AMDeuYf4j+B7XV7nWrTS72bV5F2+bt2Bvf79Z/hL4h6DDqepa14i
juv7aunZN0a7kSD5NqL+R/KuqNSEftI4alKpUjzcj+Hl/wCCc74t8PX/Ali+KuuWGmRGWU3D
t/upXS61o02kfCLT9LhRxdXd29zMjf7H+Uq5YePfCi+Pf7SsobmKO+t2hupHjywlLrtctfTf

GmvprrmrebDv+zRJsh3/+h1x16kKMZSUrYz004Vq8oxcWorubXw+sfs/wqvbd/v8A+k7/APvh
KxfhvaJD4pR0/wCfeb/0Cup0zxP4asdJSyhiuUhdP3yeTv370+eqHhvWfDWk3d7ceVel7zOl
u+zfsHQedc1GXOtDH97y1I+z17/lSzl1YyzfFD9z/wBBFH/74etP4iWn9o+JNDsofvzJsf8A
4G9X38W+Gob59ThTLmbUHTZv2bKzNF8T6Z/a1zqutpN9t3/6PsTekKbKJSpR5qfOtSYwrS5a
ns3pHl/4Iz4vTPv0yyhT5E3zP8//AABKf8WLffp2h/J/f/8AQEqnqGs6Vqni/wC136TTaYib
ETZ8/wAif/F1s+JPEvhrWdOeKaK8eZP9T8mzY9FStGp7T3kvUqOGnSIR17OTt2RjfD6JLS01
PxBMmz7DE6RfwB3/AM7P++63PB0yeJPCN7ps0u+ZN8Lv/v8Azo//AH3RPr/hKXRn0pLe8Sz+
+iIn8f8Av1W8F6zoWjaZsdLlL2b/AI+HRN+/+5U0alKlKnHnTiEsNVq+0qezkpehx+kQ3sOs
2SWcXnahFN8kP+2lWtXS4TWb2XVYkS6eZ3f/AH66abWdETxZZarYW9z8+/7W+z++n39lct40
votW8QzXtt50KbESF/ufc/jrza1GCp2jO78j06GHq1Kl5U+VeZSd4n+dIk3unz0RjzF3JE7f
htrPd5dmxETZ/t1BHcyQkqyN/v1xezOiWBlEal3LC/z/wDjj0x3R3R0f/gFZ6TPv/uf79P8
7Y/3N/8AuV0+yiZxp8poJN8iJv8AnrMvUdPn2f79Qec6O/8AB/cpiTO+/wCd/wDc31caUonR
H3Q2fPs2fwff309PnT/cqHzk/uJUzv8A7ldJXKTo/wDc+5T9/wDnfVLfvoebZ/BQWXXmT/gF
Qedv/jqFH31oWsKP9+tJe6RzE2no+/f89a6fJVVE2fwVNvrj17xrzD99cv4zkzLZr/su9dNX
IeLW36lCv9yKqoRtLmMKpz1FFFdxzg9MqZ6hoAfRRUIAEb0UPTKAHp9+n76ZQ9AD9+96Zvpl
P3tQAb6VmU9BUdFAD6ZT0ooAns223kLejrXoW+vN0O1t1ehI+9N9Y148xtSkWd9P31W30lcp
uWt9G+q2+jfQBZ30b6q1JU8oFrelTI/+3WfQjvXNynVGXKayOn8dDv8A3PkrPSapEes+U29r
Ie8KOnz0j1FGqRkqu5f92pUekqTSNTlOK+0In8Hyf7dDzb/n+49MIUDeWLPvp20btm0V7fKe
GLvl2P8A3P8Abp+z5PuU8byuwNtSgphP3VZ8x1coz+D56PJomR9/3qZv/hqiQfZv+ejYm+mJ
Fv8Av1ctYqAJLKfH+TZvrWghT+5sqO1i2JV1E2VjKXMAUVJT0epAg2Vxfif5tWIP91VruK4L
xB82s3v+/W2GiYVJGY9FD0JXUYklR096hoAnqOiiGApIFPoAKkqNKkoAjo000AZRRRQBARKg
epkqJ/vvQAzvXfaf89lBP/0xSuB713mjo39kWmP4lrOqaUyzTKm2VHtZvu1zGgu6ijbRtoAE
en76Zs+en7KgA30zdT9lGz56nlN+YEd0p/nUbNiUzZWBSp8AtFTJNu/i21Tej7tTyRK5j//Z